

История франков

Святой епископ Турский Григорий

Records of Civilization: Sources and Studies

HISTORY OF THE FRANKS

BY

GREGORY BISHOP OF TOURS

SELECTIONS, TRANSLATED WITH NOTES

BY

ERNEST BREHAUT, PH.D.

New York

COLUMBIA UNIVERSITY PRESS

1916

All rights reserved

The Project Gutenberg eBook of History of the Franks

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История франков

Автор: Святой епископ Турский Григорий

Переводчик: Эрнест Брехо

Дата выхода: 20 декабря 2024 года [eBook #74955]

Язык: Английский

Оригинальное издание: New York: Columbia University Press, 1916

Кредиты: Кэрол Браун, Брайан Уилсон, Тургут Динсер и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK HISTORY OF THE FRANKS ***

Записи о цивилизации

ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

EDITED BY JAMES T. SHOTWELL, Ph.D.
ПРОФЕССОРОМ ИСТОРИИ В КОЛУМБИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С

FRANKLIN H. GIDDINGS, Ph.D., LL.D.

ПРОФЕССОР СОЦИОЛОГИИ И ИСТОРИИ
ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОЛУМБИЙСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

МАНРО СМИТ, Д.Ю.Н., Л.Д.

ПРОФЕССОР РИМСКОГО ПРАВА И
СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ В
КОЛУМБИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

УИЛЬЯМ Р. ШЕФЕРД, доктор философии.

Джулиусом А. Бьювером, доктором
философии.

ПРОФЕССОР ЭКЗЕГЕЗЫ ВЕТХОГО ЗАВЕТА В
ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМИНАРИИ СОЮЗА

КАРЛТОН Х. HAYES, Ph.D.

ДОЦЕНТ ИСТОРИИ В КОЛУМБИЙСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

ЭЛЛЕРИ К. STOWELL, Ph.D.

ПРОФЕССОР ИСТОРИИ В КОЛУМБИЙСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

ГЕОРГИЙ В. БОТСФОРД, доктор философии.
ПРОФЕССОР ИСТОРИИ В КОЛУМБИЙСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

АССИСТЕНТ ПРОФЕССОРА
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В
КОЛУМБИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

ГАРОЛЬД Х. ТРИОН, М.А., Д.Б.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ НОВОГО ЗАВЕТА И
ИСТОРИИ ЦЕРКВИ В ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ
СЕМИНАРИИ СОЮЗА

Нью-Йорк
ПРЕССА КОЛУМБИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1916

Все права защищены

ЗАПИСИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ДЖЕЙМСА Т. ШОТУЭЛЛА

ВСЕОБЪЕМЛЮЩАЯ СЕРИЯ, СОСТОЯЩАЯ ИЗ

- ДОКУМЕНТЫ В ПЕРЕВОДЕ
 - КОММЕНТАРИИ И ТОЛКОВАНИЯ
 - БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СПРАВОЧНИКОВ
-

Названия томов см. в списке в конце данного тома.

ПРЕССА КОЛУМБИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ТОРГОВЫЕ АГЕНТЫ

ЛЕМКЕ И БЮХНЕР ХАМФРИ МИЛФОРД
30-32 West 27th St., New York Амен Корнер, Лондон, Э.К.

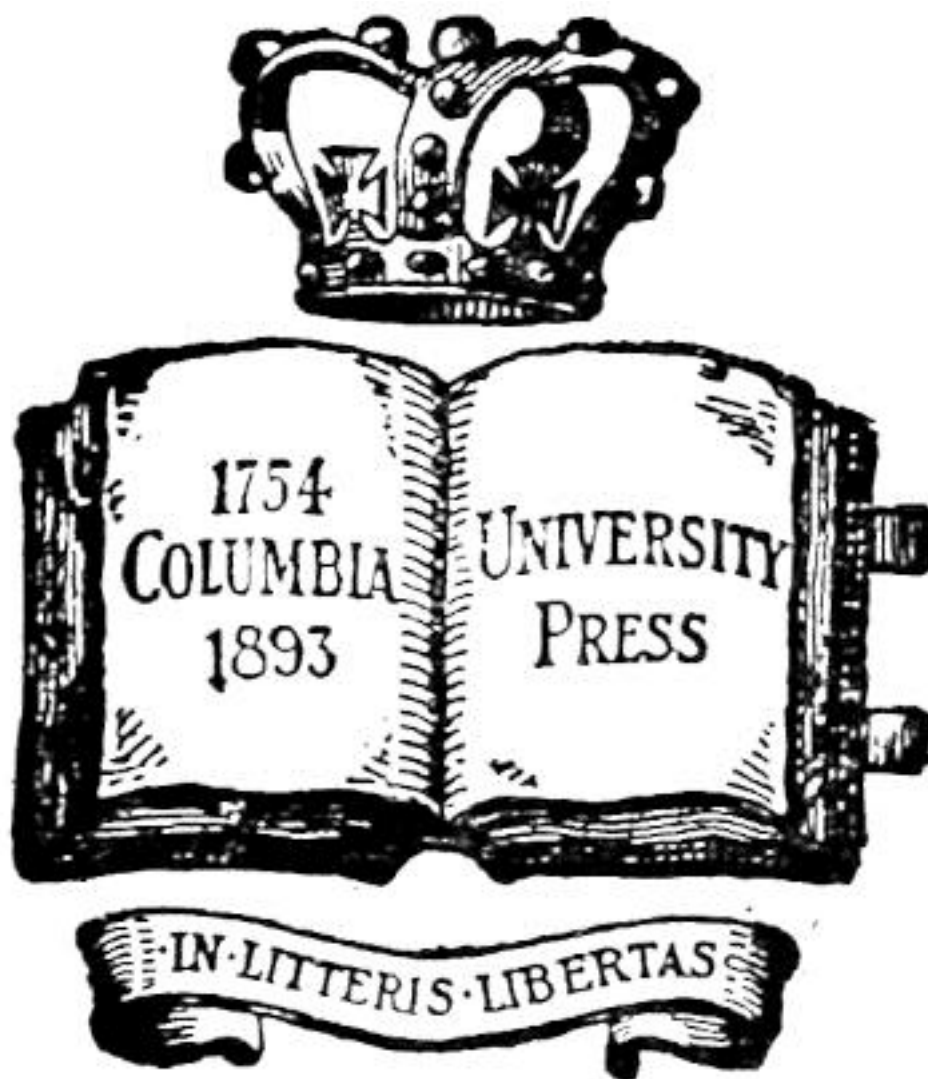
Записи цивилизации: Источники и исследования

ИСТОРИЯ ФРАНКОВ

ГРИГОРИЙ ЕПИСКОП ТУРСКИЙ

ИЗБРАННОЕ, ПЕРЕВОД С ПРИМЕЧАНИЯМИ

ЭРНЕСТ БРЕХАУТ, доктор философии.

Нью-Йорк
ПРЕССА КОЛУМБИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1916
Все права защищены

Авторское право, 1916 год,
COLUMBIA UNIVERSITY PRESS.

Набрано и напечатано электротипическим способом. Опубликовано в сентябре 1916 года.

Издательство Норвуда
J. S. Cushing Co.-Berwick & Smith Co.
Норвуд, штат Массачусетс, США.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди повествований о цивилизации, недоступных тем, чье чтение ограничивается английскими текстами, лишь немногие представляют больший исторический интерес, чем "История франков" Григория Турского. Причина того, что она так долго оставалась непереведенной на английский язык, ясна, однако, любому, кто когда-либо серьезно задумывался над проблемой, хотя бы частичное решение которой предлагается здесь. Во-первых, хотя часть повествования Григория посвящена событиям и людям большой важности, есть длинные разделы, посвященные событиям, которые сами по себе не стоят того, чтобы о них вспоминать. Однако если рассматривать этот труд как источник по истории общества, а не просто как повествование о деяниях королей, королев или святых, то зачастую именно эти относительно неважные события оказываются наиболее поучительными и интересными; ведь картина нравов и обычаев дается Григорием через рассказ о том, что на самом деле делали и говорили реальные люди. Отсюда следует, что если наш главный интерес к "Истории франков" заключается в ее картине жизни и обычаев того времени, то мы должны найти эту картину в том, что часто является лишь повторением королевских убийств, социальных беспорядков и потрясений, скрашиваемых лишь столь же постоянным повторением святых добродетелей. Редакторская проблема, как много или мало включить таких данных, естественно, представляет собой значительную трудность. Далее, историческая ценность текста варьируется в зависимости от того, с каким прошлым или настоящим имел дело Григорий; так что, если рассматривать текст как изложение фактов, поздние части имеют гораздо больше оснований для сохранения, чем ранние. Если бы мы пытались показать, какой вклад внес Григорий в наши знания, мы должны были бы сосредоточиться на этих поздних разделах, и даже там ценность варьируется. Но если рассматривать "Историю франков" как экспонат эпохи, о которой она повествует, мы обнаруживаем, что зачастую нас больше интересует то, что Григорий не знает о прошлом, чем то, что он знает о настоящем. В самом ограничении кругозора, в выборе случая и расположении перспективы, рассказ о далеких событиях раскрывает состояние культуры Меровингской Галлии во времена Григория. Таким образом, для истории мысли и общества самая плохая часть работы Григория по значимости стоит в одном ряду с лучшими.

Можно было бы сказать, что единственным решением этих редакционных проблем было бы предложить перевод всего труда Григория. Но это, помимо стоимости публикации, кажется слишком большим объемом текста для всех, кроме специальных студентов, изучающих этот период, которые в любом случае должны обратиться к оригиналу. Студенту, изучающему европейскую историю в ее более широких аспектах, для которого один Чилдеберт похож на другого, требуется антология; ведь текст настолько переполнен схожими происшествиями, что он может не только потерять нить повествования, но и не оценить наиболее значимые для его целей разделы. В сложившихся обстоятельствах был выбран средний путь.

Опущенные главы приведены в кратком изложении, а в тех случаях, когда они содержат какие-либо моменты, представляющие особый интерес, их фрагменты процитированы в резюме. Эта работа по вырезанию и сжатию была проделана с постоянно присутствующим чувством протеста, который непременно вырвется у медиевиста, когда он увидит, что наконец-то свершилось то осквернение, которого так боялся сам Григорий и на авторов которого он обрушил гнев Небес на всю вечность, в убедительных словах на странице 247 этого перевода. Остается только надеяться, что новая социальная ценность, которая, как говорят нам антропологи, лежит в основе священного, сможет оправдать святотатство.

Что касается самого текста, то переводчик постарался как можно точнее следовать оригиналу. Трудно перенести на другой язык сочетание литературных качеств Григория, главными из которых являются энергичность, грубость и частое жеманство литературного стиля; но, как нам кажется, доктору Брехо удалось добиться этого в заметной степени. Есть главы, которые обладают очарованием Фруассара, быстрым движением и оттенком романтики; но самая романтическая фигура из всех - сам епископ Турский, чей причудливый, но пронизательный взгляд пронизывает всю историю; и это впечатление субъективности стремится передать настоящая версия.

Помимо текста "Истории франков", в томе содержатся некоторые выдержки из "Восьми книг чудес" Григория и краткий аппарат примечаний и пособий для дальнейшего изучения.

J. T. C.

СОДЕРЖАНИЕ

PAGE

Введение	ix
История франков-избранников:	
Книга I	1
Книга II	19
Книга III	51
Книга IV	73
Книга V	103
Книга VI	143
Книга VII	167
Книга VIII	187
Книга IX	203
Книга X	225
Избранное из Восьми книг чудес	249
Примечания	263
Генеалогии	276
Библиография	279
Карта	280
Указатель	281

ВВЕДЕНИЕ

История франков" Григория, епископа Турского, - историческая запись огромной важности. События, о которых в ней рассказывается, - это подробности гибели Римской империи и начала становления великого современного государства, и для этих событий она часто является единственным авторитетом. Однако, хотя Григорий излагал историю в основном современную или недавнюю, мы должны допустить значительные ошибки и предрассудки в его утверждениях о фактах. Эта работа представляет особую ценность скорее как неосознанное откровение. Язык и стиль, интеллектуальный настрой, с которым она была задумана и написана, яркая и реалистичная картина, непреднамеренно данная, первобытного общества - все это делает "Историю франков" вехой в европейской культуре. Прочитав ее, интеллигентный современник уже не будет питать приятных иллюзий относительно общества шестого века.

Жизнь Григория охватывает период с 538 по 594 год. Он был выходцем из центральной Галлии, проведя всю свою жизнь в бассейне Луары, за исключением кратких пребываний в других местах.[1] Реку Луару можно считать южным пределом франкской колонизации, и Григорий, таким образом, жил на границе с варварами. Он родился и вырос в Клермоне в Оверни, городе, к которому примыкает неисчерпаемо плодородная горная долина. В этой долине его отец владел поместьем. Его богатство принесло Клермону немало хлопот в период беспорядков, последовавших за распадом римского владычества, и Григорий дает представление о том, с каким рвением франкские короли стремились завладеть этой страной[2].

После 573 года Григорий жил в Туре, в нижней части долины Луары. Этот город с его приятным климатом и умеренно плодородной территорией имел в ту эпоху не только местное значение. Он лежал на главной магистрали между Испанией и Аквитанией и севером. В нем проходили пять римских дорог, и через него проходило движение по Луаре. Читатель истории Григория может судить, что рано или поздно его посещали все важные персоны того времени. Именно здесь франкские влияния севера и римские влияния юга имели свой главный контакт.

Однако естественные преимущества Тура в это время превосходили сверхъестественные. Благодаря легенде о святом Мартине этот удобно расположенный город стал "религиозной метрополией" Галлии. Святой Мартин произвел огромное впечатление на свое поколение.[3] Римский солдат, ставший монахом, а затем епископом Тура, он был человеком героического характера и силы. Он посвятил себя в основном делу христианизации *паганов*, или сельского населения Галлии, и завоевал удивительную власть над умами суеверного народа, которая продолжала расти в течение многих веков после его смерти. Центром его культа была его гробница в великой церкви, построенной за столетие до времени Григория за стенами Тура. Это был главный пункт христианского паломничества в Галлии, место, куда прибегали для исцеления больных и изгнания бесов, и святилище, куда многие бежали за защитой.[4] Во времена густого суеверия, политических и социальных беспорядков это многое значило для обеспечения мира, влияния и богатства, и именно стратегическим преимуществам должности епископа Тура, а также своему собственному агрессивному характеру Григорий был обязан своим положением ведущего прелата Галлии.

Григорий не пренебрегает рассказом о своих семейных связях и положении в обществе.[5] Он принадлежал к привилегированным классам. О семье своего отца он говорит, что "среди галлов нельзя было найти никого лучше рожденного или благороднее", а о семье матери - что это была "великая и ведущая семья". И по отцовской, и по материнской линии он был

сенатором - отличительная черта исчезнувшей Римской империи, которая все еще сохраняла свое значение в центральной и южной Галлии. Но самым большим отличием, открытым в это время для галло-римлянина, была могущественная и завидная должность епископа. Люди из самых влиятельных семей боролись за этот пост, и поэтому мы можем судить о статусе Григория, когда он с гордостью говорит нам, что из епископов Тура с самого начала все, кроме пяти, были связаны с ним родственными узами. Мы много слышим о дяде Григория по отцовской линии Галлусе, епископе Оверни, при котором он, вероятно, получил образование и вступил в клир, о его внучатом дяде Никее, епископе Лиона, и о его прадеде Григории, епископе Лангра, в честь которого Григорий отказался от имени Георгий Флорентин, полученного им от отца. Вступив на путь священнослужителя с такими влиятельными связями, он одновременно удовлетворял свои амбиции и подчинялся самому сильному импульсу своего времени.

Несмотря на все эти преимущества, под внешним видом христианства Григорий был почти так же суеверен, как дикарь. Суеверие перешло к нему непосредственно от отца и матери, а также от всего его социального окружения. Он рассказывает, что его отец, когда в 534 году ему предстояло отправиться в качестве заложника ко двору короля Теодоберта, пошел к "некоему епископу" и попросил у него реликвии для защиты. Они были предоставлены ему в виде пыли или "священного пепла", и он положил их в маленький золотой футляр в форме горошины и носил на шее, хотя никогда не знал имен святых, чьими мощами они являлись. По словам Григория, чудесная помощь, оказанная его отцу этими мощами, была обычной темой семейных разговоров. После его смерти мощи перешли к матери Грегори, которая однажды с их помощью потушила сильный пожар, начавшийся в стогах соломы в родовом поместье под Клермонтом. Во время конного путешествия из Бургундии в Овернь Грегори сам оказался в этих же реликвиях. Страшная гроза грозила им, но Григорий "снял с груди любимые реликвии и поднял их против тучи, которая сразу же разделилась на две части и прошла справа и слева, после чего не причинила вреда ни им, ни кому-либо другому". Грегори, несмотря на себя, не мог не испытывать некоторого восторга от этого происшествия и намекнул своим спутникам, что в этом наверняка есть и его собственная заслуга. "Не успели эти слова прозвучать, как моя лошадь резко рванула с места и сильно повалила меня на землю; я был так потрясен, что едва смог подняться. Я понял, что причиной этого было мое тщеславие, и это послужило мне уроком, чтобы быть начеку и не поддаваться гордыне. И если в дальнейшем мне случалось иметь заслугу просто созерцать чудеса святых, я ясно говорил, что они происходят по благодати Божией через веру в святых"[6].

Число чудес, при которых Григорий "ассистировал", было велико. Одним из живописных и значительных является следующее: "Однажды случилось так, что я ехал навестить свою престарелую мать в Бургундию. И, проезжая через лес на другом берегу реки Бебре, мы наткнулись на разбойников. Они отрезали нам путь к отступлению и собирались ограбить и убить нас. Тогда я прибег к своему обычному средству помощи и призвал на помощь святого Мартина. И он сразу же пришел ко мне на помощь, причем действенно, и так напугал их, что они ничего не смогли сделать против нас. И вместо того чтобы вызвать страх, они испугались и начали бежать изо всех сил. Но я вспомнил слова апостола о том, что врагов надо снабжать едой и питьем, и велел своим людям предложить им питье. Они не стали ждать, а побежали с максимальной скоростью. Можно было подумать, что их бьют дубинками или произвольно бросают вперед быстрее, чем могут ехать их лошади"[7].

В реальности этого инцидента сомневаться не приходится. Разбойники были столь же суеверны, как и Грегори, а возможно, и более. Когда они поняли, что против них затеяно, то в панике бежали. Своеобразная формулировка последнего предложения заставляет

предположить, что Григорий, со своей стороны, считал, что разбойникам помогали демоны и что именно они в своем срочном бегстве перед превосходящей "добродетелью" святого Мартина были ответственны за описанное им явление.

О воспитании и литературной подготовке Григория мы получаем скудные сведения. В возрасте восьми лет он начал учиться читать.^[8] Книги, которые он читал, естественно, были Священным Писанием и произведениями христианских писателей, а его контакт с языческой литературой классического периода, должно быть, был незначительным; он, по-видимому, читал Вергилия и "Катилину" Саллюстия, но, вероятно, не пошел дальше этого.^[9] Его отношение к языческой литературе было обычным для его века - страх перед демоническими влияниями, воплощенными в ней;^[10] он выражает его следующим образом: "Мы не должны пересказывать их лживые басни, чтобы не попасть под приговор вечной смерти"^[11]. Среди христианских писателей Сульпиций Север, Пруденций, 1600 Сидоний Аполлинарий и Фортунат были единственными, кто оказал подлинное влияние на его стиль.

Вопрос о том, включало ли образование шестого века в Галлии знание гуманитарных искусств, является предметом многочисленных дискуссий. Григорий не дает нам никакой определенной информации по этому вопросу. Правда, он недвусмысленно говорит о своем собственном случае. Он говорит: "Меня не обучали грамматике и не наставляли в законченном стиле языческих писателей, но влияние блаженного отца Авитуса, епископа Овернского, обратило меня исключительно к церковным писаниям". Григорий действительно упоминает труд Марциана Капеллы о семи свободных искусствах и, похоже, имел некоторое представление о сфере применения каждого из них,^[13] но перед лицом его неоднократных признаний в незнании самых элементарных из них, а также фактических доказательств незнания, которые он постоянно приводит, следует сделать вывод, что они не были включены в его образование. Что касается общей ситуации, то единственным доказательством служит знаменитое предисловие Григория, в котором он заявляет, что "либеральная образованность приходит в упадок или, скорее, исчезает в галльских городах", и не нашлось никого, достаточно сведущего в либеральных искусствах, чтобы написать "Историю франков" так, как она должна быть написана. Мы можем не сомневаться, что Григорий не слишком высоко представлял себе квалификацию исторического писателя: достаточно было бы правильного правописания, знания правил грамматики, риторики и диалектики, изложенных в учебниках. Но, как он рассказывает, не нашлось ни одного человека с такой квалификацией, который бы взялся за это дело. И снова мы слышим о епископах, которые были неграмотны. Очевидно, что все свидетельства направлены в одну сторону, а именно: в Галлии к этому времени свободные искусства исчезли из сферы образования.

Латынь Григория представляет собой множество проблем. Ее связь с языковым развитием шестого века не очень хорошо понятна, хотя она была тщательно изучена. Словарный запас Григория не демонстрирует упадка, которого можно было бы ожидать. Он чрезвычайно богат и разнообразен и содержит умеренное количество кельтских, германских и гуннских добавок. Старые латинские слова, однако, часто имеют новые и неожиданные значения. В области грамматики ситуация иная. Если судить по какому-либо классическому стандарту, Григорий виновен почти во всех мыслимых варварствах. Он неправильно пишет, ошибается в употреблении склонений, путает род и часто использует неправильный падеж с предлогом. Кроме того, он очень неловок в обращении с латинским глаголом: различные голоса, времена и формы глагола кажутся ему одинаковыми. Его конструкции также часто бывают неправильными. При всем этом он кажется очень непостоянным; он может десять раз

использовать правильную форму, а затем выдать нечто совершенно иное. В его причудах до сих пор не удалось обнаружить никакого метода.

Литературный стиль Грегори столь же своеобразен, как и его язык. Он часто энергичен и непосредственен, дает реалистичные и живописные обрисовки событий. В рамках своих ограничений он хорошо понимает сложность человеческих мотивов и поступков, а время от времени проявляет и юмор. Однако нередко появляются и оскорбительные элементы; иногда его реализм граничит с жестокой простотой. Он также отнюдь не свободен от литературного жеманства; действительно, в выборе выражений, повторах и неестественном расположении слов он почти всегда стремится к эффекту. В его время традиция литературного мастерства была совершенно мертва, но кажется, что ее призрак мучает Грегори. В целом его литературный стиль неотесан, неуклюж и полон грубых неожиданностей.

В стиле есть хорошо заметные вариации. Временами мы имеем дело с условным церковным жаргоном, которым Григорий владел в совершенстве и который всегда находился в глубине его сознания, готовый вырваться наружу, когда другое вдохновение не помогало.

Противоположной крайностью является легкое, ясное повествование, в котором часто пересказываются народные сказки, как франкские, так и римские. Считается, что в некоторых из них мы имеем версию эпических пересказов франкских приключений. Есть и такие отрывки, как крещение Хлодвиги^[14] или рассказ о двух влюбленных, которые Григорий постарался сделать яркими. Они не оскорбляют; они настолько наивно преувеличены, что просто забавны.

В свете этих объективно сделанных выводов^[15] относительно языка и стиля Григория, как мы должны интерпретировать признания в их отношении, которые он неоднократно делает? В этих признаниях есть две ведущие идеи: во-первых, что он не обладает достаточной квалификацией, чтобы писать в литературном стиле; во-вторых, что народный язык может быть понят более широко. Поэтому всегда делается вывод, что Григорий пишет на языке времени. Однако это не может быть так. В языке, на котором говорит народ, было бы что-то органичное, и он не поддавался бы, как язык Григория, попыткам ученых найти его употребление. Он был бы проще, чем литературный язык, и, вероятно, столь же единообразен в своих конструкциях. Тогда мы должны решить, что самоанализ Григория - ошибочный, верный в первой части, но не во второй. Он знал, что не может писать литературным языком, но, несмотря на это, предпринял попытку, и в результате получился некий гибрид, находящийся на полпути между народной речью и формально правильным литературным языком.

В Эпilogе "Истории франков", написанной в 594 году, в год смерти Григория, он приводит список своих работ: "Я написал десять книг истории, семь - чудес, одну - житий отцов, комментарий в одной книге на псалмы и одну книгу о церковных службах"^[16] Эти работы представляют две стороны опыта Григория - его профессию и его отношения с государством Меровингов.

В первой сфере на первый план выходил интерес к чудесному. Мы имеем восемь книг, посвященных чудесам, и можно сказать, что как церковный деятель Григорий никогда не отходил от них далеко. Бесполезно обсуждать вопрос о том, верил он в них или нет. Гораздо важнее попытаться оценить ту роль, которую они играли в мышлении и жизни того времени. Они рассматривались как наиболее значимые явления. Они казались гарантией правильных

отношений между сверхъестественными силами, с одной стороны, и людьми, обладающими "святостью", чтобы творить чудеса, и теми, кто имел веру или заслуги, чтобы быть исцеленным или спасенным ими. Таким образом, восемь книг Григория о чудесах были реестром главных интересов его времени, конечно же, с целью их популяризации, и гораздо более примечательно, что он написал "Историю франков", чем то, что он составил этот обычно утомительный набор невозможностей.

Краткий взгляд на практическую ситуацию, которая лежала в основе четырех книг, которые Григорий посвятил чудесам, сотворенным святым Мартином, будет познавателен. Культ святого Мартина был большим организованным предприятием, во главе которого стоял Григорий. В VI веке гробница святого Мартина была центром, к которому самотеком стекались калеки, больные и одержимые бесами с большой территории вокруг Тура. Исцеления, совершаемые там, во многом "укрепляли веру". Они передавались из уст в уста и приводили все большее число людей к святыне, и именно для содействия этому процессу были написаны четыре книги о чудесах святого Мартина. Григорий выступает здесь в роли пропагандиста и рекламодателя. Чтобы понять практическую сторону ситуации, достаточно вспомнить, что гробница святого Мартина была главным местом исцеления среди святынь Галлии, а святыни шестого века означали врачей, больницы, лекарства, патентованные препараты и другие лечебные предприятия двадцатого.

История франков - главный труд Григория. Она была написана в трех частях. Первая, включающая книги I-IV, начинается с сотворения мира и после краткого изложения событий переходит к более подробному описанию введения христианства в Галлии. Затем следуют появление франков на сцене истории, их обращение, завоевание Галлии при Хлодвиге и подробная история франкских королей вплоть до смерти Сигиберта в 575 году. К этому времени Григорий уже два года был епископом Тура. Вторая часть включает в себя книги V и VI и заканчивается смертью Чилперика в 584 году. В течение этих лет Чилперик удерживал Тур, и отношения между ним и Григорием, как правило, были недружелюбными. Самым красноречивым отрывком в "Истории франков" является заключительная глава VI книги, в которой несимпатично подводится итог характеру Чилперика. Третья часть включает в себя книги VII-X. Она доходит до 591 года, а эпилог был написан в 594 году, в год смерти Григория. Предыдущая часть произведения не сохранилась в том виде, в каком она была написана; Григорий переработал ее и добавил несколько глав. Следует заметить, что начиная с середины третьей книги Григорий пишет о событиях, произошедших при его жизни, а в последних шести книгах, которые представляют особую ценность, - о тех, которые произошли после того, как он стал епископом. При написании ранней части работы он опирался на различные хроники, истории и местные летописи^[17], а также на устную традицию.

Для выполнения задачи, поставленной Григорием в "Истории франков", никто другой не был так хорошо подготовлен. Его семейные связи позволяли ему быть в курсе всех событий центральной Галлии, а должность епископа Тура со всеми вытекающими отсюда последствиями давала ему возможность быть в курсе почти всех событий и вопросов, представлявших интерес для всей страны. Его частые поездки и широкие знакомства, лидерство среди епископов и личные отношения с четырьмя королями, Сигибертом, Чилпериком, Гунтрамом и Чилдебертом, а также с большинством ведущих франков, давали ему непревзойденные возможности для изучения происходящего. Возможно, наиболее реалистичные представления о работе франкского общества он получил, общаясь с политическими беженцами, которые искали убежища в церкви Святого Мартина. Хотя с этими людьми, должно быть, всегда было интересно общаться, они стали причиной

некоторых из самых томительных и в то же время познавательных переживаний Григория. Этот разнообразный контакт с окружающим миром сделал Грегори тем, кем его чувствует каждый читатель, - ярким и верным обличителем своего времени.

История франков не должна рассматриваться как светская история. Старое название, "Церковная история франков", лучше подходит для описания. Она написана не с точки зрения галло-римлянина или франка, а исключительно с точки зрения церковного деятеля, почти епископа. Григорий не принимает тон лояльности по отношению к франкским королям, а тем более их неполноценности. Его отношение к ним холодно, если только они не являются ревностными сторонниками церкви, и он с крайним отвращением отзывается об их гражданских войнах, которые казались ему абсолютным безумием в свете более масштабной войны между добрыми и злыми сверхъестественными силами.^[18] С другой стороны, его лояльность к своим достойным собратьям-епископам часто подтверждается. Несомненно, слова, которые он цитирует у Паулина, выражают его собственные чувства: "Какое бы зло ни существовало в мире, вы, несомненно, увидите достойнейших людей в качестве хранителей всякой веры и религии"^[19]. Повсюду в строках и между строк мы можем прочесть единодушную преданность Григория церкви и, прежде всего, культу святого Мартина.

Огромная ценность трудов Григория в том, что в них мы получаем возможность близко познакомиться с идеями VI века. На первый взгляд, возможно, нам кажутся несочетаемыми элементы, которые с современной точки зрения мы не можем привести в гармонию друг с другом. Легковерие и жесткая рассудительность соседствуют друг с другом. Как мог Григорий быть таким проникательным и мирским в своей борьбе с Чилпериком и в то же время проявлять такую тягу к чудесному? Как он мог счесть необходимым предисловие к своей истории, как не делал ни один другой историк, с точным изложением своего вероучения? Как он мог рассказывать о злодеяниях Хлодвига, а затем продолжать: "Каждый день Бог низлагал перед ним его врагов и увеличивал его царство, потому что он ходил перед ним с правым сердцем и делал то, что было приятно в его глазах"? Эти вопиющие несоответствия должны иметь какое-то объяснение.

Причина, по которой они обычно проходят как несоответствия, заключается, возможно, в том, что нам трудно непредвзято относиться к религиозным и нравственным явлениям, которые находятся в прямой зависимости от нашего культурного происхождения. Если бы мы могли рассматривать франков и галло-римлян так, как если бы они были чужды нам, жили, скажем, на острове в южной части Тихого океана, верили и исповедовали религию, адаптированную к их общей ситуации, задача понимания истории франков стала бы проще. Это действительно примитивное общество с примитивным пониманием жизни и Вселенной, с которым нам приходится иметь дело.

Посмотрите на концепцию религии, которой придерживался Григорий. Она кажется наиболее понятной не благодаря вероучению, которое он нам излагает, или каким-либо традиционным элементам, истолкованным в традиционном смысле, а благодаря тому живому отношению к сверхъестественному, которого он придерживался. В его сочинениях постоянно повторяются два слова: *sanctus* и *virtus*,^[20] первое означает священное или святое, а второе - мистическую силу, исходящую от человека или вещи, которая является священной. Сами по себе эти слова не имеют ни этического значения, ни каких-либо гуманных последствий. Они являются ключевыми словами религиозной техники, и их содержание полностью сверхъестественно. С практической точки зрения второе слово

более важно. Оно описывает жуткую, таинственную силу, исходящую от сверхъестественного и влияющую на естественное. Проявление этой силы можно представить как контакт между естественным и сверхъестественным, в котором первое, будучи низшей реальностью, конечно же, уступает. Эти точки соприкосновения и уступки и есть те чудеса, о которых мы постоянно слышим. Качество сакральности и мистическая потенция принадлежат духам, в разной степени верующим и неодушевленным предметам. Ими обладают духи, их приобретают верующие и передают предметам.

Существовала также ложная мистическая потенция. Она исходила от духов, которые считались чуждыми и враждебными, и, хотя она не была сильна, как истинная "добродетель", природные явления уступали ей, и она совершала свои чудеса, которые, однако, всегда были обманчивы и злонамеренны. Эта "добродетель" связана с дьяволом, демонами, прорицателями, магами, язычниками и языческими богами, еретиками, и через них постоянно ведет агрессивную войну против истинной "добродетели"[21].

Методом достижения истинной мистической потенции был аскетизм. Это не было отказом от низших видов деятельности, чтобы получить больше сил для высших, но это было предпринято в презрении к жизни, и в более основательных случаях единственным сдерживающим фактором было желание избежать саморазрушения, которое было запрещено. Практиковались почти все известные методы самоотречения и самоизнурения. На смирении ума настаивали как на всегда необходимом элементе. Пост был частью предписанного метода. О силе побудительных мотивов аскетизма можно судить по практике замуровывания,[22] несколько примеров которой приводит Григорий. В этом случае аскета закрывали в келье, замуровывали дверь и оставляли лишь узкое отверстие для подачи скудной пищи. Здесь он должен был оставаться до самой смерти. Такие люди считались обладателями истинной "добродетели" в высшей степени. В действительности же их жизнь должна была сделать их явно уступающими во всех обычных добродетелях естественного существования[23].

Как аскетизм был методом, с помощью которого достигалась мистическая потенция, так и чудеса были продуктом и доказательством того, что она была приобретена. Конечно, в теории главной целью мистика было приобщение к сверхъестественному, а не явное сотворение чудес. Но для общества в целом чудеса были важны. Во-первых, они служили непосредственной цели, для которой могло понадобиться чудо: исцеление больного, изгнание демона или что-то в этом роде; во-вторых, они ободряли общество, свидетельствуя о том, что все в целом правильно и что у их духовных лидеров есть правильное "лекарство". Невероятности в такой ситуации ожидать не стоит. Чудо играло неотъемлемую роль в жизненной теории того времени. Оно служило доказательством религии и не нуждалось в доказательствах. Более того, многие чудеса были реальными: например, прекращение боли или естественное выздоровление от болезни считалось чудом.

Следует упомянуть и о передаваемости мистической потенции. Хорошим примером может служить случай со святым Мартином. При жизни он приобрел эту силу в значительной степени. Когда он умер 8 ноября 397 года в деревне на полпути между Туром и Пуатье, жители этих городов уже готовы были сражаться за его тело, когда жителям Тура удалось тайком заполучить его. Это произошло из-за святости и мистической "добродетели", присущей ему. Тело было доставлено в Тур и похоронено там, став величайшим достоянием города. Мистическая сила обитала в гробнице и вокруг нее, передавалась пыли, скопившейся на ней, вину и маслу, поставленным на нее с этой целью, и в таком переносном виде была доставлена во все части Галлии. Сам Григорий, например, брал с собой в путешествия мощи святого Мартина и записал, что они не дали утонуть его лодке в реке Рейн.

Только что описанная система суеверий - это большая и реальная часть религии Григория. Были правильные и неправильные тайны; и те и другие были низкого порядка; людям приходилось иметь дело с капризными святыми и злобными демонами. Это была настоящая, живая, местная религия, сравнимая с религией дикарей. Рядом с ней и в переплетении с ней сохранялись элементы традиционного христианства в более или менее формализованном и ритуализированном виде. Здесь большое внимание уделялось вероучению, которое, однако, не было для Григория чем-то вроде вероучения. Он не был богословом. Его принятие и настаивание на нем было ритуальным. Однако, хотя он и принял его, как он рассказывает, *pura credulitas*,^[24] то есть без критического осмысления, это не было простой формальностью. Он, несомненно, чувствовал, что это своего рода мистическая формула, особенно ее тринитарная часть, - для приведения людей в правильное отношение к сверхъестественному. Если они верили в это вероучение, у них было правильное "лекарство"; если не верили, то не было.

Эта система суеверий не была рассчитана на то, чтобы питать нежные нравственные чувства. Жизнь ушла слишком далеко назад, к первобытности. Слово, применяемое к адепту в этой религии, было *sanctus*, и оно обозначало не моральное совершенство, а чисто мистическое качество. "Добродетелью", которой обладал этот человек, была мистическая потенция, которая была не моральной, а сверхъестественной силой. Ортодоксы, конечно, называли святого хорошим, но это было просто потому, что они были на одной стороне, как, например, Цицерон за шесть столетий до этого называл членов своей политической партии *boni*. Нравственная похвала или порицание у Григория распределяются точно так же. Когда он хвалит человека, мы должны искать в нем заслуги перед церковью, а когда он порицает, мы должны искать обратное. Вне интересов ортодоксальной группы Григорий не является морально тонкокожим; он разделял жестокость своих современников, как мы можем видеть во многих изложениях. Его портрет Хлодвиг не бросает ложного света на Григория. Хлодвиг был защитником и любимцем правильных сверхъестественных сил в их борьбе с неправильными, и любые случайные злодеяния, которые он совершал в этой борьбе, были не только простительны, но и достойны похвалы^[25].

Светская деятельность и только что указанное умонастроение не могли сосуществовать в одном обществе. Мы уже отмечали, как происходила десекуляризация образования. Интересно также отметить, что произошло со светскими профессиями - медициной и юриспруденцией.

Профессия врача почти полностью исчезла. Правда, мы слышим о нескольких врачах. Например, когда Остришильд, жена короля Гунтрама, умирала, она обвинила двух своих лекарей в том, что они дали ей "зелья", которые оказались смертельными, и попросила короля дать клятву, чтобы их казнили. Он сделал это и сдержал свое слово, а Григорий с кажущейся излишней сдержанностью замечает: "Многие мудрые люди думают, что это было сделано не без греха"^[26] И снова мы слышим о болезни самого Григория, когда он послал за врачом. Вскоре он решил, что "мирские средства не могут помочь погибающим", и послал за прахом из гробницы святого Мартина, который он положил в воду и выпил, после чего вскоре исцелился^[27]. Подобные рассказы свидетельствуют о положении медицинской профессии.

Правда заключалась в том, что состояние умов людей делало эту профессию невозможной. Болезнь рассматривалась как сверхъестественное явление. Больной считал, что у него больше шансов, если он обратится к священнику, а не к врачу. Григорий рассказывает о Вульфилаике, который внезапно покрывшись с головы до ног злыми прыщами; он натер себя

маслом, освященным у гробницы святого Мартина, и они быстро исчезли. Он рассудил, что если их прогнал святой Мартин, то, очевидно, их послал дьявол[28]. Это означало для него, что все произошло сверхъестественным образом и что истинная мистическая сила изгнала ложную, которая и стала причиной неприятностей.

Возможно, так рассуждали не во всех случаях, но, во всяком случае, люди шли к святыням и церквям, чтобы получить исцеление. В некоторых случаях диагноз был совершенно ясен, как в случае с пациентом в Лиможе. Священник возложил святое масло на его голову, и "демон спустился в ноготь пальца; увидев это, священник налил масло на палец, и вскоре кожа лопнула, из этого места потекла кровь, и демон таким образом ушел"[29].

Подобные практики были не единичными или необычными, а типичными. Мистическое исцеление вошло в повседневную жизнь, о чем свидетельствуют многочисленные "случаи", приведенные Григорием. Среди них есть и такие, как: "Харигизил, секретарь короля Хлотаря, чьи руки и ноги стали беспомощными из-за болезни, пришел в святую церковь и, посвятив себя молитве в течение двух или трех месяцев, был посещен блаженным епископом[30] и имел заслугу получить здоровье в своих искалеченных конечностях. Впоследствии он был *домашним* короля, о котором я упоминал, и сделал много добра жителям Тура и служителям святой церкви". Анализ этой записи выявляет типичные элементы, за исключением поста, который обычно упоминается. Таким образом, чудесные свойства святого Мартина были усилены сменой обстановки, длительным лечением и строгим умственным и физическим режимом.

При таком умонастроении не было конкурентов духовенству в искусстве врачевания, за исключением тех целителей, которые использовали "добродетель" другого рода - ложную добродетель магов и демонов; те немногие врачи, которые остались, не были настоящими конкурентами.

На отправление правосудия повлияли те же причины, которые привели к исчезновению медицины. Не было смысла искать доказательства, когда можно было апеллировать к суеверному страху. Отсюда важность клятвы. Сам Григорий, когда его обвинили в клевете на королеву Фредегунду, должен был поклясться в своей невиновности на трех алтарях. Мы также имеем другие апелляции к сверхъестественному в боевом суде и ордалии. Еще одно вмешательство в сферу права было своеобразным: святые мужи, казалось, имели особое желание освобождать заключенных. Сам Григорий умоляет их об этом. Мы слышим об одном умершем епископе, чье тело, словно свинец, осело на улице перед тюрьмой и не могло быть сдвинуто с места, пока все заключенные не были освобождены[31]. Другой святой человек пытался добиться помилования известного преступника и, потерпев неудачу, вернул его к жизни после казни.

В "Истории франков" время от времени уделяется внимание природным явлениям. За редким исключением в этих отрывках речь идет о вундеркиндах. Например, Григорий рассказывает о чудесах 587 года. Большинство из них приведены из его личных наблюдений.[32] На посуде появились загадочные следы, которые никак нельзя было удалить; в октябре после сбора урожая виноградная лоза дала новый рост и принесла деформированные плоды; в то же время на фруктовых деревьях появились свежие листья и плоды; на севере были замечены лучи света. Кроме того, Григорий упоминает, по слухам, о змеях, упавших с облаков, и о том, что одна деревня с ее жителями и жилищами полностью исчезла. Далее он говорит: "Появились и многие другие знамения, которые обычно возвещают о смерти царя или разрушении страны". Таким же образом он рассказывает о знамениях, предшествующих чуме. Иногда он рассказывает о чудесах, не давая им никакого

продолжения. В одном случае он говорит: "Я не знаю, что предвещали эти блудницы". Очевидно, что представление, которое Григорий имел о явлениях природы, было таким, что не позволяло ему уделять им разумное внимание. Сверхъестественное встало между ним и объективной реальностью таким образом, что не позволило последней оказать естественное воздействие на его разум.

Подавляющая и парализующая сила суеверных верований проникала во все сферы жизни и влияла на самые первичные и элементарные виды деятельности общества. Война, например, не была простым испытанием силы и храбрости, но и сверхъестественные вещи должны были тщательно учитываться. Когда Хлодвиг сказал о готах в южной Галлии: "Мне тяжело, что эти ариане удерживают часть галлов; давайте с Божьей помощью пойдём, завоюем их и подчиним себе эти земли", [33] он говорил не в лицемерной или высокомерной манере, а в реальном соответствии с религиозными чувствами того времени. Он имел в виду, что готы, будучи еретиками, одновременно являются врагами истинного Бога и уступают ортодоксальным франкам в сверхъестественной поддержке. Соображения долга, стратегии и корысти сменяли друг друга в сознании Хлодвиге. Однако не всегда побеждала ортодоксальная сторона. Мы слышим о битве, произошедшей за несколько лет до того, как Григорий стал епископом Тура, между королем Сигибертом и гуннами [34], в которой гунны "с помощью магических искусств вызвали различные ложные видимости перед своими врагами и одержали над ними решительную победу". Совершенно очевидно, что одной из чрезвычайно важных функций предводителя армии VI века было поддержание правильных отношений со сверхъестественными силами. Хлодвиг представлен как человек, прислушивающийся к этой необходимости больше, чем любой другой франкский король [35].

Очевидно, что в умонастроениях Галлии VI века не было ничего чисто светского. Насколько это было возможно, все светские элементы были изгнаны. Люди не встречались с объективными реалиями общества и природы такими, какие они есть; всему находилось суеверное толкование. В таком положении вещей надежда была только на бессознательное развитие событий, которые могли бы прорвать замкнутую систему мышления до того, как она осознает, что находится в обороне.

Самым многообещающим элементом в сложившейся ситуации было франкское государство. Судя по всему, франкское королевство не было в значительной степени магики-религиозным институтом, а просто недавним развитием, возникшим в результате завоевания. Как институт она не была основана на суеверном прошлом, а холодная враждебность епископов удерживала ее от развития, обычного для общества, находящегося в бедственном положении. Этой случайности мы можем приписать важный результат: в ней заключалась возможность и обещание светского государства.

В случае с королем Чилпериком мы, очевидно, имеем преждевременное развитие в этом направлении. Мы должны читать между строк, когда Григорий говорит о нем. Григорий называет его "Нероном и Иродом нашего времени" и осыпает его оскорблениями. Он высмеивает его стихи и, согласно его собственному рассказу, обрушивает на него лавину презрения, когда тот осмеливается высказать некоторые новые мнения о Троице. В Чилперике важно то, что в это время он обладал независимостью ума для такой критики, а также твердым характером, необходимым для успешной борьбы с епископами. "В его царствование, - рассказывает Григорий, - очень немногие из духовенства достигли епископского сана". Чилперик часто говорил: "Вот наша казна осталась бедной, наше богатство перешло к церквям; нет короля, кроме епископов; моя должность погибла и

перешла к епископам городов"[36] Таким образом, Чилперик стал предтечей светского государства во Франции.

Е. В.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[1] Помимо Клермона и Тура, в которых Григорий провел большую часть своей жизни, мы слышим о пребывании в Пуатье, Сенте, Бордо, Риесе, Кавайоне, Вьенне, Лионе, Шалон-сюр-Сон, Шалон-сюр-Марн, Реймсе, Соассоне, Меце, Кобленце, Брейне, Париже, Орлеане. Monod, Sources de l'histoire Mérovingienne, p. 37.

[2] Чайлдеберт Старший, как представляется, сказал: Velim unquam Arvernam Lemanem quae tantae jocunditatis gratia refulgere dicitur, oculis cernere. Н. F. III, 9.

[3] Во Франции, включая Эльзас и Лотарингию, в настоящее время насчитывается три тысячи шестьсот семьдесят пять церквей, посвященных святому Мартину, и четыреста двадцать пять деревень или поселков названы в его честь. К. Байе, в Lavissee, Histoire de France, 21 p. 16.

[4] С. Bayet, в Lavissee, Histoire de France, 21, pp. 13 и далее.

[5] Monod, *op. cit.* pp. 25 ff. См. с. 13, 84, 109, 140.

[6] Gloria Martyrum, с. 83.

[7] De Virtut. S. Mart. I, 36.

[8] Vitæ Patrum, VIII, 3.

[9] Bonnet, Le Latin de Gregoire de Tours, pp. 48-76.

[10] Говоря о Юпитере, Меркурии, Минерве, Венере, персонаж Vitæ Patrum, XVII, 5, говорит: Nolite, o viri, nolite eos invocare, non sunt enim dii isti sed dæmones.

[11] Gloria Martyrum, Pref.

[12] Vitæ Patrum, II, Pref.

[13] См. с. 240.

[14] См. с. 40.

[15] Это, по сути, выводы Бонне в книге "Латинский язык Грегуара де Тура", Париж, 1890.

[16] См. с. 247. В издании Арндта и Бруша в Monumenta Germaniæ Historica мы имеем все эти названия. Комментарий к Псалтири, однако, находится во фрагментарном состоянии, а "Житие отцов" представлено как одна из восьми книг "Чудес". Книга о церковных службах озаглавлена "Счет движения звезд, как их следует наблюдать при совершении служб". На самом деле это краткий астрономический трактат, целью которого в отсутствие часов было руководство церковными службами в ночное время.

[17] Список, приведенный Манитиусом, выглядит следующим образом: Хроники Иеронима, Виктора, Сульпиция Севера; история Орозия; церковная история Евсевия-Руфина; житие святого Мартина у Сульпиция Севера; письма Сидония Аполлинария и Ферреола; сочинения Авита; истории Рената Профутура Фригерида и Сульпиция Александра (в других местах не

известны); анналы Арля, Анжепера, Бургундии. *Geschichte der Lateinischen Litteratur des Mittelalters*, p. 220.

[18] III, [Pref.](#) и IV, [Pref.](#)

[19] Н. Ф., II, 13. Ср. V, 11. p. 113.

[20] Nunc autem cognovi quod magna est virtus eius beati Martini. Nam ingrediente me atrium domus, vidi virum senem exhibentem arborem in manu sua, quae mox extensis ramis omne atrium texit. Ex ea enim unus me adtigit ramus, de cuius ictu turbatus corruui. VII, 42.

[21] См. с. [38](#), [162](#), [185](#), [205](#).

[22] Объективный рассказ о погружении в воду как кульминации религиозной практики см. в т. II, гл. 1, Sven Hedin's Trans-Himalaya, 1909. Ниже приводится его рассказ об одном замурованном монахе, которого через долгое время вывели из кельи. "Он был весь согбен и мал, как ребенок, а тело его представляло собой лишь светло-серую пергаментную кожу и кости. Его глаза потеряли свой цвет, были совсем светлыми и слепыми. Его волосы, свисавшие вокруг головы нечесаными матовыми локонами, были чисто белыми. Его тело прикрывала лишь тряпка, так как время истрепаало его одежду, а новой он не получил. У него была тонкая неопрятная борода, он никогда не мылся и не стриг ногти".

[23] pp. [147-150](#), [158](#), [198-199](#).

[24] Н. Ф., I, [Pref.](#)

[25] См. с. [47-50](#).

[26] p. [130](#).

[27] De Virtut. S. Martin., II, 1.

[28] p. [196](#).

[29] Glor. Conf., с. 9.

[30] St. Martin.

[31] De Virtut. S. Martin., I, 21, 25.

[32] IX, 5.

[33] См. с. [45](#).

[34] Н. Ф., IV, 29.

[35] pp. [36-38](#), [40](#), [45](#), [53-54](#).

[36] См. с. [166](#).

ИСТОРИЯ ФРАНКОВ

ГРИГОРИЙ Епископ Турский

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ПЕРВОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ ГРИГОРИЯ

В то время как либеральная культура в галльских городах ослабевала или, скорее, погибала, совершалось множество дел, как добрых, так и злых: язычники свирепствовали; короли становились все более жестокими; церковь, на которую нападали еретики, защищали католики; хотя христианская вера в целом хранилась благочестиво, среди некоторых она становилась все более холодной; церкви также обогащались верными или разграблялись предателями, и не нашлось ни одного грамматика, искусственного в диалектическом искусстве, чтобы описать все это в прозе или стихах; и многие сетовали и говорили: "Горе нашему дню, так как стремление к письму исчезло среди нас, и не найдется среди людей никого, кто мог бы изложить деяния настоящего времени на письменном листе". Постоянно слыша эти и подобные им жалобы, я [взялся] увековечить прошлое, дабы оно стало известно будущему; и хотя речь моя груба, я не мог умолчать о борьбе между злыми и праведными; и особенно меня ободрило то, что, к моему удивлению, люди нашего времени часто говорили, что мало кто понимает ученые слова ритора, но многие - грубый язык простого народа. [Я решил также, что для отсчета лет первая книга должна начинаться с самого начала мира, и ниже я привожу ее главы.

ВОТ НАЧАЛО ГЛАВ ПЕРВОЙ КНИГИ

- 1. Адам и Ева.
- 2. Каин и Авель.
- 3. Енох праведный.
- 4. Потоп.
- 5. Куш, изобретатель идолов.
- 6. Вавилония.
- 7. Авраам и Нинус.
- 8. Исаак, Исав, Иов и Иаков.
- 9. Иосиф в Египте.
- 10. Переход через Красное море.
- 11. Народ в пустыне и Иисус Навин.
- 12. Пленение народа Израиля и поколения до Давида.
- 13. Соломон и строительство Храма.
- 14. Разделение Израильского царства.
- 15. Плен в Вавилонии.
- 16. Рождение Христа.
- 17. Различные царства народов.
- 18. Когда был основан Лион.
- 19. Дары волхвов и заклание младенцев.
- 20. Чудеса и страдания Христа.
- 21. Иосиф, похоронивший Его.
- 22. Иаков апостол.

- 23. День воскресения Господа.
- 24. Вознесение Господа и смерть Пилата и Ирода.
- 25. Страдания апостолов и Нерон.
- 26. Иаков, Марк и Иоанн Евангелист.
- 27. Гонения при Траяне.
- 28. Адриан и ложь еретиков, мученическая смерть святых Поликарпа и Иустины.
- 29. Святые Фотин, Иреней и остальные лионские мученики.
- 30. Семь человек, посланных в Галлию на проповедь.
- 31. Церковь в Бурже.
- 32. Хрокус и святилище в Оверни.
- 33. Мученики, пострадавшие в Оверни.
- 34. Святой мученик Приват.
- 35. Квирин, епископ и мученик.
-
- 36. Рождение святого Мартина и обретение креста.
- 37. Иаков, епископ Нисибиса.
- 38. Смерть монаха Антония.
- 39. Пришествие святого Мартина.
- 40. Матрона Мелания.
- 41. Смерть императора Валенса.
- 42. Императорское правление Феодосия.
- 43. Смерть тирана Максима.
- 44. Урбик, епископ Оверни.
- 45. Святой епископ Хиллидий.
- 46. Епископы Непотиан и Артемий.
- 47. Целомудрие влюбленных.
- 48. Смерть святого Мартина.

ВО ИМЯ ХРИСТА ЗДЕСЬ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ ГЛАВЫ ПЕРВОЙ КНИГИ

Первая книга

ВО ИМЯ ХРИСТА

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ПЕРВАЯ КНИГА ИСТОРИЙ

[В]Поскольку я собираюсь описать борьбу королей с языческим врагом, мучеников с язычниками, церковей с еретиками, я хочу прежде всего заявить о своей вере, чтобы у моего читателя не было сомнений в том, что я католик. Я также решил, в связи с теми, кто теряет надежду на приближение конца света, собрать из хроник и историй итог прошедших лет и четко указать, сколько лет насчитывается от начала мира. Но прежде всего я прошу

прощения у моих читателей, если в букве или слоге я преступаю правила грамматического искусства, в котором я не был полностью наставлен, поскольку я стремился только к этому - держаться, без всяких ухищрений и без колебаний сердца, того, во что нам велит верить церковь, потому что я знаю, что тот, кто подлежит наказанию за свой грех, может получить помилование от Бога незапятнанной верой.

Итак, я верю в то, что Бог-Отец всемогущ. Верую в Иисуса Христа, Сына Его Единородного, Господа Бога нашего, рожденного от Отца, а не сотворенного. [Верую, что Он всегда был с Отцом, не только с начала времен, но и прежде всех времен. Ибо Отец не мог бы быть так назван, если бы у него не было сына; а без отца не может быть сына. А что касается тех, кто говорит: "Было время, когда Его не было", [\[37\]](#) отвергайте их с проклятиями и призывайте людей в свидетели, что они отделены от Церкви. Я верю, что Слово Отца, которым было сотворено все сущее, есть Христос. Я верю, что это Слово стало плотью, и через Его страдания мир был искуплен, и я верю, что страданиям подверглось человечество, а не божество. Я верю, что Он воскрес на третий день, что Он освободил грешного человека, что Он вознесся на небо, что Он сидит по правую руку от Отца, что Он придет судить живых и мертвых. Я верю, что Святой Дух произошел от Отца и Сына, что Он не низший и не позднейшего происхождения, но есть Бог, равный и всегда соприродный Отцу и Сыну, единосущный по Своей природе, равный по всемогуществу, равно вечный по Своей сущности, и что Он никогда не существовал отдельно от Отца и Сына и не ниже Отца и Сына. Я верю, что эта святая Троица существует с разделением лиц, и одно лицо - Отец, другое - Сын, третье - Святой Дух. И в этой Троице я исповедую, что есть одно Божество, одна сила, одна сущность. Верую, что благословенная Мария была девственницей после рождения, как и прежде. Верую, что душа бессмертна, но, тем не менее, она не имеет никакого отношения к Божеству. И я свято верю во все то, что было установлено в Никее тремястами восемнадцатью епископами. Что же касается конца света, то я придерживаюсь убеждения, которому научился у наших праотцев, что первым придет антихрист. И антихрист сначала предложит обрезание, утверждая, что он Христос; затем он поставит свою статую в Иерусалимском храме, чтобы ей поклонялись, как мы читаем, что Господь сказал: "Вы увидите мерзость запустения, стоящую на святом месте". Но Сам Господь объявил, что этот день сокрыт от всех людей, сказав: "О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, а только Отец один". Кроме того, здесь мы дадим ответ еретикам [\[38\]](#), которые нападают на нас, утверждая, что Сын ниже Отца, поскольку Он не знает об этом дне. Пусть же они узнают, что Сын здесь - это имя, применяемое к христианскому народу, о котором Бог говорит: "Я буду им отцом, а они будут Мне сыновьями". Ибо если бы Он говорил эти слова о Единородном Сыне, то никогда бы не поставил ангелов на первое место. Ибо он говорит следующее: "Ни ангелы на небе, ни Сын", показывая, что он говорит эти слова не о Единородном, а о людях усыновления. Но наша цель - Сам Христос, Который милостиво дарует нам вечную жизнь, если мы обратимся к Нему.

[\[C\]](#)Что касается исчисления этого мира, то летописи Евсевия, епископа Кесарийского, и Иеронима Священника говорят ясно, и они раскрывают план всей череды лет. Орозий, также очень тщательно исследуя эти вопросы, собирает все количество лет от начала мира до своего собственного времени. Виктор также исследовал это в связи со временем праздника Пасхи. И вот мы, следуя трудам вышеупомянутых писателей, хотим подсчитать полный ряд лет от сотворения первого человека до нашего времени, если Господь соизволит оказать нам помощь. И это нам будет легче сделать, если мы начнем с самого Адама.

1. В начале Господь сотворил небо и землю во Христе Своем, Который есть начало всех вещей, то есть в Сыне Своем; и после создания элементов всей вселенной, взяв хрупкий комок, образовал человека по образу и подобию Своему, и вдохнул в лицо его дыхание жизни, и он сделался душою живою. И когда он спал, взято было у него ребро, и сотворена была женщина, Ева". Несомненно, этот первый человек Адам до того, как согрешил, стал прообразом Исккупителя. Ибо когда Исккупитель спал в оцепенении страдания и из его бока исходили вода и кровь, он привел в бытие девственную и непорочную Церковь, искупленную кровью, очищенную водою, не имеющую пятна или морщины, то есть омытую водой, чтобы не было пятна, простертую на кресте, чтобы не было морщины. Эти первые люди, счастливо жившие среди приятных сцен рая, были искушены коварством змея. Преступив божественные заповеди, они были изгнаны из обители ангелов и осуждены на земные труды.

2. От совокупления со своим спутником женщина зачала и родила двух сыновей. Но когда Бог с честью принял жертву одного из них, второй воспылил завистью; он бросился на брата, одолел и убил его, став первым отцеубийцей, пролив кровь брата.

3. Тогда весь род бросился в проклятое преступление, кроме праведного Еноха, который ходил путями Божьими и был взят из среды их Самим Господом за его праведность и освобожден от грешного народа. Ибо мы читаем: "Енох ходил с Господом, и не явился, ибо Бог взял его".

4. И вот Господь, разгневавшись на беззакония людей, не ходивших по Его путям, послал потоп и водами его истребил всякую душу живую с лица земли; только Ноя, который был самым верным и особенно принадлежал Ему и носил печать Его образа, Он спас в ковчеге вместе с женой и тремя сыновьями, чтобы они могли восстановить потомство. Здесь еретики упрекают нас за то, что в Священном Писании сказано, что Господь разгневался. Так пусть же они знают, что наш Бог не гневается, как человек; ибо Он возбуждается, чтобы внушить страх; Он прогоняет, чтобы призвать обратно; Он гневается, чтобы исправить. Кроме того, я не сомневаюсь, что ковчег олицетворял мать-церковь. Ибо, проходя среди волн и скал этого мира, она защищает нас в своих материнских объятиях от грозящих бедствий и охраняет нас своими святыми объятиями и защитой.

От Адама до Ноя было десять поколений, а именно: Адам, Сиф, Енос, Каинан, Малалеил, Ярет, Енох, Маттусалам, Ламех, Ной. В эти десять поколений входит 2242 года. В книге Иисуса Навина четко указано, что Адам был похоронен в земле Енаким, которая раньше называлась Хеврон.

5. У Ноя после потопа было три сына: Шем, Хам и Иафет. От Иафета произошли народы, а также от Хама и от Шема. И, как гласит древняя история, от них род человеческий рассеялся по всему небу. Первенцем Хама был Куш. Он был первым изобретателем всего искусства магии и идолопоклонства, будучи научен дьяволом. По наущению дьявола он первым установил идола для поклонения и своей ложной силой показал людям звезды и огонь, падающие с неба. Он перешел к персам. Персы называли его Зороастром, то есть живой звездой. Он научил их поклоняться огню, и они почитают как бога человека, который сам был сожжен божественным огнем.

6. Когда люди размножились и распространились по всей земле, они ушли с востока и нашли травянистую равнину Сенахар. Там они построили город и попытались возвести башню, которая должна была достичь небес. И привел Бог в смятение и их тщеславное предприятие, и их язык, и рассеял их по всему миру, и город назвали Вавилом, то есть смятением, потому что там Бог спутал их языки. Это Вавилония, построенная великаном Неброном, сыном Куша. Как повествует история Орозия, он выстроен вчетверо на очень

ровной равнине. Его стена, сложенная из обожженного кирпича, скрепленного смолой, имеет пятьдесят локтей в ширину, двести в высоту и четыреста семьдесят стад[D] в окружности. В одном стаде пять агрипен. E) С каждой стороны расположены двадцать пять ворот, всего их сто. Двери этих ворот, которые отличаются удивительными размерами, отлиты из бронзы. Тот же историк рассказывает много других историй об этом городе, и говорит: "Хотя такова была слава его постройки, все же он был завоеван и разрушен".

[7. Авраам, который назван "началом нашей веры".

8. Исаак, Исав, Иаков, Иов. 9. Двенадцать патриархов, история Иосифа, выход из Египта и переход через Красное море][39].

10. Поскольку многие авторитеты по-разному отзываются об этой переправе через море, я решил привести здесь некоторые сведения об этом месте и самой переправе. Нил, как вам хорошо известно, протекает через Египет и орошает его своими разливами, от которых жители Египта получили название Ниликоле. И многие путешественники говорят, что в настоящее время его берега заполнены святыми монастырями. А на берегу его находится не та Вавилония, о которой мы говорили выше, а город Вавилония, в котором Иосиф построил чудесные житницы из тесаного камня и щебня[40], широкие у основания и узкие вверху, чтобы пшеницу можно было бросать в них через маленькое отверстие, и эти житницы можно увидеть и в наши дни. Из этого города царь отправился в погоню за Евреями с армией колесниц и большим количеством пехоты. Вышеупомянутый поток, текущий с востока, направляется в западном направлении к Красному морю; а с запада озеро или рукав Красного моря вырывается и тянется на восток, имея около пятидесяти миль в длину и восемнадцать в ширину.[41] И у истоков этого озера построен город Клизма, не из-за плодородия почвы, ибо нет ничего более бесплодного, но из-за гавани, ибо корабли, приходящие из Индии, ложатся там для удобства; и купленные там товары развозятся по всему Египту. К этой руке Евреи поспешили через пустыню и, придя к самому морю, расположились лагерем, найдя пресную воду. Именно в этом месте, закрытом как пустыней, так и морем, они расположились лагерем, как написано: "Фараон, услышав, что море и пустыня закрывают их и что у них нет пути, по которому они могли бы уйти, пустился в погоню за ними". И когда они приблизились к ним и народ возопил к Моисею, он, по повелению Божества, простер свой жезл над морем, и оно расступилось, и они пошли по суше, и, как говорит Писание, под руководством Моисея они невредимыми перешли через стену воды по обе стороны к тому берегу, который находится перед горой Синай, а египтяне были утоплены. Об этой переправе рассказывают много историй, как я уже говорил. Но мы хотим включить в этот рассказ то, что мы узнали как правду от мудрых, и особенно от тех, кто посетил это место. [Они говорят, что борозды, проделанные колесами колесниц, сохранились до наших дней и видны в глубине воды, насколько хватает глаз. И если неровности моря стирают их в незначительной степени, то когда море успокаивается, они божественным образом возобновляются в прежнем виде. Другие говорят, что они вернулись к тому самому берегу, где вошли, сделав небольшой круг по морю. Иные утверждают, что все вошли одним путем, а многие - что для каждого колена открылся отдельный путь, приводя в доказательство слова из Псалтири: "Кто разделил Чермное море на части"[42]. Но эти части следует понимать по духу, а не по букве. Ведь в этом мире, который образно называют морем, есть много частей. Ибо все не могут перейти в жизнь одинаково или одним путем. Одни переходят в первый час, то есть те, кто рождается заново через крещение и способен перенести уход из этой жизни, не запятнанный никаким осквернением плоти. Другие - в третий час, то есть те, кто обращается впоследствии; третьи - в шестой час, то есть те, кто сдерживает пыл распутной

жизни. И в каждый из этих часов, как повествует евангелист, они нанимаются на работу в виноградник Господень, каждый по своей вере. Таковы части, в которых совершается переход через это море. Что касается мнения о том, что, войдя в море, они держались ближе к берегу и вернулись, то вот слова, которые Господь сказал Моисею: "Пусть обратятся назад и расположатся станом перед Фиахиротом, который между Магдалумом и морем перед Белсефоном". Несомненно, что этот переход через море и облачный столп символизировал наше крещение, согласно словам блаженного апостола Павла: "Не хочу, братия, чтобы вы не знали, что отцы наши все были под облаком и все крестились по Моисею в облаке и в море". А огненный столп символизировал Святого Духа. От рождения Авраама до выхода сынов Израилевых из Египта и перехода Чермного моря, что было в восьмидесятый год Моисея, насчитывается четыреста шестьдесят два года.

[G][11. Израильтяне проводят сорок лет в пустыне. 12. От перехода через Иордан до Давида. 13. Соломон. 14. Разделение царства на Иудею и Израиль. 15. Плен. 16. От плена до рождения Христа].

17. Чтобы не показалось, что мы знаем только о еврейской расе[43], расскажем, какими были остальные царства во времена израильтян. Во времена Авраама Нинус правил ассирийцами, Эороп - сирийцами; у египтян это было шестнадцатое правление, которое они на своем языке называют династией. Во времена Моисея жил Трофас, седьмой царь аргивян; Кекропс, первый в Аттике; Ценкрис, который был побежден в Красном море, двенадцатый среди египтян; Агатадис, шестнадцатый среди ассирийцев; Маратис был правителем Сисионии....[44]

[18. Начало Римской империи; основание Лиона, города, впоследствии облагоустроенного кровью мучеников. 19. Рождение Христа. 20. Распятие Христа. 21. Иосиф заключен в темницу и чудесным образом спасается. 22. Иаков постится от смерти Господа до воскресения. 23. День воскресения Господа - первый, а не седьмой. 24. Пилат передает рассказ о Христе Тиберию. Конец Пилата и Ирода. 25. Петр и Павел казнены в Риме по приказу Нерона, который позже убивает себя. 26. Мученики Стефан, Иаков и Марк; сожжение Иерусалима Веспасианом; смерть Иоанна. 27. Гонения при Траяне. 28. Рост ереси. Дальнейшие гонения. 29. Лионские мученики. Ирений, второй епископ, обращает весь город. Его смерть и смерть "огромного числа", из которых Григорий знает о сорока восьми].

30. При императоре Деции возникло множество гонений на имя Христа, и верующих так истребляли, что их невозможно было перечислить. Бабиллас, епископ Антиохии, с тремя своими маленькими сыновьями, Урбаном, Прилиданом и Еполоном, и Ксис, епископ Рима, Лаврентий, архидиакон, и Ипполит, были совершены мученической смертью за то, что исповедовали имя Господа. Валентиниан и Новатиан были тогда главными еретиками и активно выступали против нашей веры, враг подстрекал их к этому. В это время семь человек были рукоположены в епископы и посланы в Галлию для проповеди, как повествует история мученической кончины святого мученика Сатурнина. [H]Ибо сказано: "В консульство Деция и Грата, как помнит верная память, город Тулуза принял святого Сатурнина как своего первого и величайшего епископа". Эти епископы были посланы: епископ Катиан в Тур; епископ Трофим в Арль; епископ Павел в Нарбонну; епископ Сатурнин в Тулузу; епископ Дионисий в Париж; епископ Стремений в Клермон; епископ Марциал в Лимож.

[Из них блаженный Дионисий, епископ Парижский, претерпев множество мучений во имя Христа, окончил жизнь угрозой меча. А Сатурнин, уже уверенный в мученической кончине, сказал двум своим священникам: "Вот, я теперь должен быть принесен в жертву, и время моей смерти приближается. Прошу вас не оставлять меня до конца". Но когда его схватили и

потащили в Капитолий, он был оставлен ими и потащился один. И вот, когда он увидел, что его оставили, он, как говорят, произнес такую молитву: "Господи Иисусе Христе, исполни мою просьбу со святых небес, чтобы эта церковь никогда во все времена не имела чести принять епископа из числа своих граждан". И мы знаем, что до сих пор в этом городе так и было. А его привязали к ногам бешеного быка, и, бросив головой вниз с капища, он закончил свою жизнь. Катиан, Трофим, Стремоний, Павел и Марциал жили в величайшей святости, привлекая людей к церкви и распространяя веру Христову среди всех, и умерли в мире, исповедуя веру. И таким образом первые мученической смертью, как и вторые исповеданием, покинули землю и соединились на небесах.

31. Один из их учеников отправился в город Бурж и возвестил жителям весть о Христе Господе как Спасителе всех. Несколько человек из них уверовали, были посвящены в священники и обучились ритуалу пения псалмов, а также получили наставления о том, как построить церковь и как они должны совершать поклонение всемогущему Богу. Но так как средств на строительство у них пока было мало, горожане попросили дом одного человека, чтобы использовать его для церкви. Но сенаторы и остальные представители лучшего класса этого места в то время были преданы языческой религии, а верующие были из бедных, по слову Господа, которым Он обличал иудеев, говоря: "Блудницы и мытари идут в Царство Божие впереди вас". И они не получили дом от того, у кого просили, но нашли некоего Леокадия,^[45] первого сенатора галлов, который был из рода Вектия Епагата, который, как мы уже говорили, пострадал в Лионе во имя Христа. И когда они одновременно изложили ему свое прошение и свою веру, он ответил: "Если бы мой собственный дом в городе Бурж был достоин этого дела, я бы не отказался предложить его". И когда они услышали это, то пали к его ногам и предложили триста золотых на серебряном блюде и сказали, что их дом очень достоин этого таинства. И он принял от них три золотых в благословение, а остальное любезно вернул, хотя еще был погряз в идолопоклонстве, и стал христианином, сделав свой дом церковью. Сейчас это первая церковь в городе Бурж, построенная с удивительным мастерством и прославленная мощами первомученика Стефана.

32. Валериан и Галлиен получили римскую императорскую власть в двадцать седьмом году и начали жестокие гонения на христиан. В это время Корнелий своей счастливой смертью принес славу Риму, а Киприан - Карфагену. В это же время Хрок, знаменитый царь алеманнов, собрал войско и разогнал галлов. Говорят, что этот Хрок был очень высокомерен. Совершив множество преступлений, он собрал племя алеманнов, как мы уже говорили, по совету своей нечестивой матери, и разорил всех галлов, разрушив до основания все храмы, построенные в древние времена. А придя в Клермонт, он поджег, сверг и разрушил ту святыню, которую на галльском языке называют Vasso Galatæ. Оно было построено и сделано прочным с удивительным мастерством. И стена его была двойной, ибо внутри она была сложена из мелкого камня, а снаружи - из квадратных блоков. Толщина стены достигала тридцати футов. Внутри она была украшена мрамором и мозаикой. Мостовая храма также была из мрамора, а крыша над ним - из свинца.

[33. Клермонские мученики. 34. Епископ Жевудана подвергается жестокому обращению со стороны алеманнов].

35. При Диоклетиане, который был императором Рима в тридцать третьем году, в течение четырех лет продолжалось жестокое гонение на христиан, во время которого огромное количество христиан было предано смерти, в священный день Пасхи, за поклонение истинному Богу. В это время Квирин, епископ церкви Сисека,^[46] принял славную мученическую смерть во имя Христа. Жестокие язычники бросили его в реку с мельничным жерновом, привязанным к шее, и когда он упал в воду, то долго держался на поверхности

благодаря божественному чуду, и воды не засасывали его, так как тяжесть преступления не давила на него. Множество людей, стоявших вокруг, удивлялись этому и, презирая ярость язычников, поспешили освободить епископа. Видя это, он не позволил лишиться себя мученической смерти и, подняв глаза к небу, произнес: "Господи Иисусе, сидящий во славе одесную Отца, не лиши меня этого пути, но прими мою душу и благоволи соединить меня с мучениками Твоими в вечном мире". С этими словами он испустил дух, и его тело было взято христианами и с благоговением погребено.

36. Константин был тридцать четвертым императором римлян и благополучно царствовал в течение тридцати лет. На одиннадцатом году его правления, когда после смерти Диоклетиана церквям был дарован мир, в Сабарии, городе в Паннонии, родился наш блаженный покровитель Мартин от языческих родителей, которые все же были не из низшего сословия. Этот Константин на двадцатом году своего правления умертвил своего сына Криспа ядом, а его жену Фаусту - горячей баней, потому что они замыслили предать его правление. В его время благодаря усердию его матери Елены по доносу Иуды, еврея, который после крещения был назван Квириком, было найдено почитаемое дерево креста Господня . [К]Историк Евсевий доходит в своей хронике до этого периода. Священник Иероним продолжает ее с двадцать первого года царствования Константина. Он сообщает нам, что священник Ювенкус написал Евангелия в стихах по просьбе вышеупомянутого императора.

[37. Иаков Нисибисский и Максимин Тревский. 38. Иларий епископ Пуатье].

39. В то время возник наш свет, и Галлия была пронизана лучами нового светильника, то есть блаженнейший Мартин тогда начал проповедовать в Галлии и победил неверие язычников, показав среди людей многими чудесами, что Христос Сын Божий есть истинный Бог. Он разрушал языческие святилища, сокрушал ересь, строил церкви и, хотя был славен многими другими чудесами, завершил свой титул славы тем, что вернул к жизни трех мертвецов. В Пуатье, в четвертый год правления Валентиниана и Валенса, святой Иларий отошел на небо, исполненный святости и веры, священник многих чудес, ибо и он, как говорят, воскрешал мертвых.

[40. Путешествие Мелании в Иерусалим].

41. После смерти Валентиниана Валенс, получивший в наследство неразделенную империю, отдал приказ заставить монахов служить в армии, а тех, кто отказывался, велел избивать дубинками. После этого римляне провели во Фракии очень жестокую битву, в которой было такое побоище, что римляне, потеряв коней, бежали пешком, и когда их резали на куски готы, а Валенс бежал, раненный стрелой, он зашел в маленькую хижину, а враги его преследовали, и маленькое жилище было сожжено. И он был лишен желанного погребения. Так наступило божественное возмездие за пролитие крови святых. Так говорит Иероним; с этого времени священник Орозий пишет более подробно.

[42. Благочестивый император Феодосий. 43. Император Максим со столицей в Треве. 44. Урбик, второй епископ Клермонта, и его жена. 45. Хиллидий, третий епископ Клермонта, и его чудеса. 46. Непотиан и Артемий, четвертый и пятый епископы Клермонта. 47. Легенда о двух влюбленных Клермонта].

48. Во второй год правления Аркадия и Гонория святой Мартин, епископ Турский, отошел от этой жизни в Кандесе, деревне своей епархии, и счастливо отошел ко Христу на восемьдесят первом году своей жизни и двадцать шестом году своего епископства, человек, полный чудес и святости, совершавший много служб немощным. [Он скончался в полночь дня

Господня, в консульство Аттика и Кесария. Многие слышали при его кончине звуки псалмов на небе, о которых я подробно рассказывал в первой книге его "Чудес". Как только святой Божий заболел в деревне Кандес, как мы уже рассказывали, жители Пуатье пришли присутствовать при его смерти, а также жители Тура. И когда он умер, между двумя народами возник большой спор. Ибо жители Пуатье сказали: "Как монах, он наш; как аббат, он принадлежал нам; мы требуем, чтобы он был отдан нам. Пусть вам будет достаточно того, что, когда он был епископом на земле, вы наслаждались его беседой, ели с ним, укреплялись его благословениями и ободрялись его чудесами. Пусть всего этого будет для вас достаточно. Позвольте нам вынести его мертвое тело". На это жители Тура ответили: "Если вы говорите, что нам достаточно его чудес, то позвольте сказать вам, что, когда он был среди вас, он творил больше чудес, чем здесь. Ибо, если обойти большинство из них, он воскресил двух мертвецов для вас и одного для нас; и, как он сам часто говорил, в нем было больше добродетели до того, как он стал епископом, чем после. И поэтому необходимо, чтобы после смерти он завершил для нас то, что не завершил при жизни. Ибо он был взят от вас и дан нам Богом. Если соблюдается давно установленный обычай, то человек должен иметь свою могилу по повелению Божию в том городе, в котором он был рукоположен. А если вы хотите требовать его по праву монастыря, то скажем вам, что его первый монастырь был в Милане". Пока они так спорили, солнце закатилось, и наступила ночь. И тело было положено посередине, и двери были заперты, и тело охранялось обоими народами, и его собирались утром насильно унести жители Пуатье. Но всемогущий Бог не желал, чтобы город Тур лишился своего защитника. Наконец в полночь весь отряд из Пуатье погрузился в сон, и из всей этой толпы не осталось никого, кто мог бы нести вахту. Тогда жители Тура, увидев, что уснули, схватились за глиняное святое тело, одни выкинули его в окно, другие вынесли наружу, и, положив его в лодку, со всем своим народом отправились вниз по реке Вьенне, вошли в русло Луары и с великими славословиями и обильным пением псалмов добрались до города Тура, а жителей Пуатье разбудили их голоса, и, не имея сокровищ, которые можно было бы охранять, они вернулись к себе, сильно сокрушаясь. А если кто спросит, почему после смерти епископа Гатиана до времени святого Мартина был только один епископ, то есть Литорий, пусть знает, что долгое время город Тур был лишен епископского благословения из-за сопротивления язычников. Ибо те, кто в то время жил как христиане, совершали богослужение тайно и скрытно. Если язычники находили христиан, их наказывали розгами или убивали мечом.

Итак, от страданий Господа до кончины святого Мартина прошло 412 лет.

На этом заканчивается первая книга, содержащая 5597 лет, исчисляемых от начала мира до смерти святого епископа Мартина.

ССЫЛКИ:

[37] Одно из основных положений арианской христологии.

[38] Ариане.

[39] В квадратных скобках указаны места, где кратко изложены менее значимые разделы текста.

[40] Пирамиды, по-видимому.

[41] География Григория неоднозначна.

[42] Псалмы сxxxv. 13.

[43] Цель Григория не реализована.

[44] Хроника Иеронима была источником для истории, кратко изложенной здесь. Очевидно, что Григорий не очень хорошо представлял себе историческую перспективу, несмотря на список имен, который мог бы произвести впечатление на его аудиторию. Он переходит непосредственно от "Сервия, шестого царя Рима" к Юлию Цезарю, основателю империи.

[45] Бабушкой Григория по отцовской линии была Леокадия, которая вела свое происхождение от Вектия Эпагата. См. *Historia Francorum* ed. Arndt, Introd. p. 4, в *Monumenta Germaniae Historica*. История, о которой идет речь выше, основана на семейной традиции Григория.

[46] В Венгрии.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЮТСЯ ГЛАВЫ ВТОРОЙ КНИГИ

- 1. Епископат Бриция.
- 2. Вандалы и гонения на христиан при них.
- 3. Епископ еретиков Кирола и святые мученики.
- 4. Гонения при Афанарии.
- 5. Епископ Араватий и гунны.
- 6. Церковь Святого Стефана в городе Мец.
- 7. Жена Этия.
- 8. Что пишут историки об Этии.
- 9. Что говорят о франках.
- 10. Что пишут пророки Господни об образах народов.
- 11. Император Авит.
- 12. Король Чилдерик и Эгидий.
- 13. Епископат Венерандуса и Рустика в Оверни.
- 14. Епископат Евстохия в Туре и Перпетуя; церковь Святого Мартина.
- 15. Церковь святого Симфориана.
- 16. Епископ Наматиус и церковь в Клермонте.
- 17. Его жена и церковь Святого Стефана.
- 18. Как Чилдерик отправился в Орлеан, а Одоакер - в Анжер.
- 19. Война между саксами и римлянами.
- 20. Герцог Виктор.
- 21. Епископ Епархий.
- 22. Епископ Сидоний.
- 23. Святость епископа Сидония и посещение Божественного возмездия за нанесенные ему обиды.
- 24. Голод в Бургундии и Экдиций.
- 25. Гонитель Эврег.
- 26. Смерть святого Перпетуса и епископат Волузиана и Вируса.
- 27. Хлодвиг становится королем.

- 28. Хлодвиг женится на Клотильде.
- 29. Смерть их первого сына в крестильной одежде.
- 30. Война с аламанными.
- 31. Крещение Хлодвиг.
- 32. Война с Гундобадам.
- 33. Убийство Годагизеля.
- 34. Как Гундобад пожелал быть обращенным.
-
- 35. Кловис и Аларих беседуют.
- 36. Епископ Квинтиан.
- 37. Война с Аларихом.
- 38. Король Хлодвиг становится патрицием.
- 39. Епископ Лициний.
- 40. Убийство Сигиберта Старшего и его сына.
- 41. Убийство Харарика и его сына.
- 42. Убийство Рагнахара и его братьев.
- 43. Смерть Хлодвиг.

НА ЭТОМ ГЛАВЫ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ

Вторая книга

НАЧИНАЕТСЯ ВТОРАЯ КНИГА

Следуя порядку времени, мы будем смешивать в нашем повествовании чудесные деяния святых и убийства народов. Я не думаю, что нас осудят, если мы будем рассказывать о счастливой жизни блаженных вместе со смертью несчастных, поскольку не мастерство писателя, а череда времен обеспечила такое расположение. Внимательный читатель, если он прилежно поищет, найдет в знаменитых историях израильских царей, что при праведном Самуиле погиб нечестивый Финеес, а при Давиде, которого называли Стронгхандом, был уничтожен чужеземец Голиаф. Пусть вспомнит он и о том, как во времена великого пророка Илии, который, когда хотел, предотвращал дожди и когда хотел, проливал их на иссохшую землю, своей молитвой обогащал нищету вдовы, какие были истребления народа, какой голод и какая жажда угнетали несчастную землю. Пусть он вспомнит, какое зло пережил Иерусалим во времена Езекии, которому Бог даровал еще пятнадцать лет жизни. А при пророке Елисее, который оживлял мертвых и творил множество других чудес среди народов, какие резни, какие несчастья обрушились на сам народ Израиля". Так и Евсевий, Север и Иероним в своих хрониках, а также Орозий переплетают войны царей и чудеса мучеников. Мы тоже писали так, потому что так легче воспринять во всей полноте порядок веков и систему лет вплоть до наших дней. И вот, оставив истории вышеупомянутых писателей,^[N] мы по велению Божию опишем то, что было сделано в последующее время.

^[O]1. После смерти блаженного Мартина, епископа Турского, очень великого и несравненного человека, чьи чудеса заполняют большие тома, хранящиеся у нас,

епископство перешло к Брицию. Этот Бриций, когда он был молодым человеком, а святой еще жил в теле, расставил ему множество ловушек, потому что святой Мартин часто обвинял его в том, что он идет по легкому пути. И вот однажды, когда один больной искал блаженного Мартина, чтобы получить от него лекарство, он встретил на площади Бриция, в то время диакона, и простодушно сказал ему: "Вот я ищу блаженного и не знаю, где он и что делает". И Бриций сказал: "Если ты ищешь этого безумца, посмотри вдаль; вот он, смотрит на небо в своей обычной манере, как будто он безумец". И когда бедняк увидел его и получил то, что хотел, блаженный Мартин сказал дьякону: "Ну что, Бриций, я кажусь тебе сумасшедшим, не так ли?" И когда тот, смутившись, стал отрицать, что сказал это, святой ответил ему: "Разве не были мои уши у твоих уст, когда ты говорил это на расстоянии? Истинно говорю тебе, что я уговорил Бога, чтобы ты вступил в епископский сан после меня, но позволь мне сказать тебе, что ты претерпишь много несчастий во время пребывания в этом сани". Бриций, услышав это, рассмеялся и сказал: "Разве я не сказал правду, что он произнес безумные слова?" Более того, когда он достиг сана священника, то часто нападал на блаженного с оскорблениями. Но когда он стал епископом по выбору граждан, то посвятил себя молитве. И хотя он был горд и тщеславен, тем не менее считался целомудренным в теле. Но на тридцать третьем году после его рукоположения против него возникло печальное основание для обвинения. Ибо женщина, которой слуги отдавали его одежду в стирку, сменившая одеяние под предлогом религии, зачала и родила ребенка. Из-за этого все население Тура пришло в ярость и возложило всю вину на епископа, единодушно желая побить его камнями. Ибо они сказали: "Благочестие святого человека слишком долго было прикрытием для вашего распутства. Но Бог больше не позволит нам оскверняться, целуя твои недостойные руки". Но он решительно отверг это обвинение. "Приведите ко мне младенца", - сказал он. И когда принесли младенца, которому было тридцать дней от роду, епископ сказал ему: "Заклинаю тебя именем Иисуса Христа, сына всемогущего Бога, публично объявить всем, я ли тебя родил". И ребенок сказал: "Не ты мой отец". Когда народ попросил его спросить, кто отец, епископ сказал: "Это не мое дело. Я был обеспокоен в той мере, в какой это касалось меня; спрашивайте сами, что хотите". Тогда они утверждали, что это было сделано с помощью волшебных искусств, и поднялись против него в заговоре, и потащили его за собой, сказав: "Ты не будешь больше править нами под ложным именем пастыря". И чтобы удовлетворить народ, он положил раскаленные угли в свой плащ и, прижимая его к себе, вместе с толпами народа дошел до гробницы блаженного Мартина. И когда угли были сброшены перед гробницей, его одежда была видна несгоревшей. И он сказал: "Как вы видите это одеяние, не поврежденное огнем, так и тело мое не осквернено союзом с женщиной". Когда же они не поверили, но отрицали это, его тащили, издевались над ним и изгнали, дабы исполнились слова святого: "Позвольте мне сказать вам, что вы претерпите много несчастий на своем епископском поприще". Когда он был изгнан, Юстиниан назначили епископом. Наконец Бриций отправился к папе римскому, плача и причитая, и сказал: "Справедливо я страдаю за то, что согрешил против святого Божьего и часто называл его безумным и глупым; и когда я видел его чудеса, то не верил". И после его ухода жители Тура сказали своему епископу: "Иди за ним и заботься о своих интересах, ибо если ты не нападешь на него, то будешь унижен презрением всех нас". И Юстиниан вышел из Тура и пришел в Верчелли, город в Италии, и был поражен судом Божиим и умер в чужой стране. Жители Тура услышали о его смерти и, упорствуя в своих злодеяниях, поставили на его место Арментия. Но епископ Бриций отправился в Рим и рассказал папе обо всем, что ему пришлось пережить. И пока он оставался в апостольской резиденции, он часто совершал торжественную мессу, плача о том, что причинил зло святому Божьему. На седьмой год он покинул Рим и властью этого папы вознамерился вернуться в Тур. И когда он пришел в деревню под названием Мон-Луи в шестой миле от города, он поселился там. Арментий был охвачен лихорадкой и умер в

полночь. Это сразу же было открыто епископу Брицию в видении, и он сказал своим людям: "Вставайте скорее, чтобы мы могли пойти похоронить нашего брата, епископа Турского". И когда они пришли и вошли в одни ворота города, то увидели, что они выносят его мертвое тело через другие. И когда его похоронили, Бриций вернулся на епископскую кафедру и счастливо прожил семь лет после этого. А когда он умер на сорок седьмом году своего епископства, его сменил святой Евстохий, человек великой святости.

2. После этого вандалы покинули свою страну и ворвались в Галлию под предводительством короля Гундерика. А когда галлы были основательно опустошены, они направились в Испанию. Суэбы, то есть аламанны, следуя за ними, захватили Галлию[Q] Вскоре после этого между двумя народами возникла ссора, поскольку они были соседями. И когда они, вооружившись, вышли на битву и уже находились на острие схватки, король алеманнов сказал: "Почему все люди вовлечены в войну? Пусть наши люди, молю, не убивают друг друга в бою, но пусть два наших воина выйдут на поле в оружии и сразятся друг с другом. И тогда тот, чей чемпион победит, будет владеть краем без раздоров". На это согласился весь народ, чтобы не броситься всем скопом на острие меча. В эти дни умер король Гундерик, и вместо него королевство возглавил Трасамунд. В схватке чемпионов победила сторона вандалов, и, убив своего чемпиона, Трасамунд пообещал уехать, и вот, сделав необходимые приготовления к путешествию, он удалился из владений Испании.

Примерно в то же время Фрасамунд преследовал христиан и пытками и различными видами смерти пытался заставить всю Испанию согласиться с вероломством арианской секты. И вот случилось так, что некая дева, связанная религиозными обетами, предстала перед судом. Она была очень богата и принадлежала к сенаторской знати, согласно принятым в мире правилам, и, что еще благороднее всего этого, была сильна в католической вере и непорочной служанкой Всемогущего Бога. И когда она предстала перед глазами царя, тот сначала стал уговаривать ее добрыми словами принять новое крещение. Когда же она отразила его ядовитый удар доспехами веры, король приказал отнять у нее богатство, которое уже в ее сердце владело райским царством, а затем подвергнуть ее пыткам без надежды на эту жизнь. Зачем рассказывать длинную историю? После долгих испытаний, после потери сокровищ земных богатств, когда ее не могли заставить напасть на блаженную Троицу, ее против воли повели принять повторное крещение. И когда ее насильно погружали в эту грязную ванну и она громко кричала: "Верую, что Отец и Святой Дух единосущны Сыну", то, сказав это, она окрасила воду достойной мазью,[47] то есть осквернила ее экскрементами. Затем ее повели на освидетельствование по закону, и после иглы, пламени и когтей она была обезглавлена за Христа Господа. После этого вандалы пересекли море, алеманны следовали до Танжера, и были рассеяны по всей Африке и Мавретании.

[3. Преследования католиков арианами при вандальском короле Хонерике Африканском. 4. То же самое при готском короле Афанарии в Испании. 5. Путешествие епископа Араватия Тонгрского в Рим, чтобы молитвами предотвратить угрожающее вторжение гуннов. Но там он узнает, что "на совете Господнем было решено, что гунны должны прийти в Галлию и опустошить ее". Он возвращается в Тонгрес и умирает].

6. Гунны вышли из Паннонии и, как говорят некоторые, в самую ночь святой Пасхи прибыли в город Мец, опустошив страну, и предали город огню, истребляя жителей острием меча и убивая самих священников Господних перед святыми алтарями. И не осталось в городе ни одного несгоревшего места, кроме оратория блаженного Стефана, диакона и первомученика. И я не решаюсь рассказать то, что слышал от некоторых людей об этом оратории. Ибо говорят, что перед приходом этих врагов один верующий человек видел в видении блаженного левита Стефана как бы беседующим со святыми апостолами Петром и

Павлом и говорящим об этом бедствии следующее: "Прошу вас, господа мои, предотвратить своим заступничеством сожжение города Меца врагами, потому что в нем есть место, в котором хранятся мощи моей земной жизни; пусть лучше люди узнают, что я имею некоторое влияние у Бога. Но если нечестие людей стало слишком велико, так что ничего другого нельзя сделать, кроме как предать город огню, то пусть хотя бы эта оратория не будет уничтожена". И они ответили ему: "Иди с миром, возлюбленный брат, только твою обитель огонь не сожжет. А что касается города, то мы не одолеем его, потому что приговор воли Господней уже прозвучал над ним. Ибо велик грех народа, и вопль нечестия его возносится к лицу Божию; поэтому город этот будет сожжен огнем". [R]Отсюда следует, что именно благодаря их заступничеству, когда город был сожжен, ораторий остался невредим.

7. А Атила, царь гуннов, вышел из Меца и, сокрушив многие города галлов, напал на Орлеан и пытался взять его мощными ударами таранов. В то время в упомянутом городе епископом был блаженнейший Анниан, человек непревзойденной мудрости и похвальной святости, чудеса которого мы с верой помним. И когда народ, оказавшись запертым, возопил к своему епископу и спросил, что им делать, он, уповая на Бога, посоветовал всем преклонить колена в молитве и со слезами умолять о всегдашней помощи Божией в их нуждах. Когда они помолились, как он велел, епископ сказал: "Посмотрите со стены города, не приходит ли еще милость Божия к вам на помощь". Ибо он надеялся, что по милости Божией придет Итий, к которому он уже прибегал в Арле, когда беспокоился о будущем. Но когда они посмотрели со стены, то никого не увидели. И он сказал: "Молитесь истово, ибо Бог освободит вас в этот день". Когда они помолились, он сказал: "Посмотрите еще раз". И когда они посмотрели, то не увидели никого, кто мог бы прийти на помощь. Тогда он сказал им в третий раз: "Если вы будете верно молиться, Бог придет быстро". И они с плачем и громкими криками умоляли Бога о милости. Когда и эта молитва была окончена, они по повелению старца в третий раз взглянули со стены и увидели вдали облако, как бы поднимающееся от земли. Когда они сообщили об этом, епископ сказал: "Это помощь Господня". Между тем, когда стены уже дрожали от ударов таранов и готовы были вот-вот рухнуть, пришел Итий, а Феодор, король готов, и Торисмод, сын его, поспешили к городу со своими войсками, выгнали врага и победили его. Так город был освобожден благодаря заступничеству блаженного епископа, и они обратили Атиллу в бегство. А он отправился на равнину Муарей и приготовился к битве. Услышав об этом, они стали тщательно готовиться к встрече с ним.....

Ютий с готами и франками сражался против Атtilы. Последний увидел, что его войско уничтожается, и обратился в бегство. А Феодор, король готов, был убит в битве. Пусть никто не сомневается, что войско гуннов обратилось в бегство благодаря заступничеству упомянутого выше епископа. И вот патриций Итий вместе с Торисмодом одержал победу и уничтожил врага. А когда битва была закончена, Итий сказал Торисмоду: "Поспеши и возвращайся скорее в свою родную землю, ибо ты боишься потерять царство своего отца из-за своего брата". Тот, услышав это, поспешно отправился в путь, намереваясь опередить брата и первым захватить трон отца. В то же время Итий хитростью обратил в бегство короля франков. Когда они ушли, Итий взял добычу, оставшуюся после битвы, и с победой вернулся в свою страну с большой добычей. А Атила отступил с небольшим числом людей. Вскоре после этого Аквилея была захвачена гуннами, сожжена и полностью разрушена. Италия была захвачена и разграблена. Торисмод, о котором мы упоминали выше, одолел в битве аланов, а затем сам был побежден своими братьями после многих ссор и сражений и предан смерти.

[8. История Рената Фригерида цитируется для характеристики Эттия и рассказа о его смерти].

[S]9. Вопрос о том, кто был первым из королей франков, многими авторами игнорируется. Хотя история Сульпиция Александра много рассказывает о них, он не называет их первого короля, а говорит, что у них были герцоги. Тем не менее, не лишним будет рассказать о том, что он говорит о них. Ведь когда он рассказывает, что Максим, потеряв всякую надежду на империю, оставался в Аквилее, почти теряя самообладание, он добавляет: "В это время франки ворвались в провинцию Германию под предводительством Генобауда, Маркомера и Сунно, своих герцогов, и, прорвав пограничную стену, перебили большую часть народа и опустошили особенно плодородные районы, вызвав страх даже в Кёльне. Когда весть об этом дошла до Тревеса, Наннин и Квинтин, военачальники, которым Максим доверил своего малолетнего сына и защиту галлов, собрали войско и встретились в Кельне. Теперь враг, нагруженный добычей после опустошения самых богатых провинций, перешел Рейн, оставив на римской земле множество своих людей, готовых возобновить свои опустошения. Нападение на них обернулось в пользу римлян, и многие франки погибли от меча под Карбоньером. И когда римляне после успеха советовались, стоит ли им переправиться во Франкию, Наннин ответил отрицательно, так как знал, что франки не окажутся неподготовленными, а, несомненно, будут сильнее в своей собственной земле. И поскольку это вызвало недовольство Квинтина и остальных офицеров, Наннин вернулся в Майенс, а Квинтин переправился с войском через Рейн у крепости Нойс, и во втором лагере от реки он обнаружил дома, покинутые их обитателями, и большие деревни опустевшими. Франки притворились испуганными и удалились в более отдаленные места, где на опушке леса построили абаттис. И вот трусливые воины сожгли все жилища, думая, что ярость против них - это победа, и под бременем оружия провели бодрую ночь. С первыми проблесками рассвета они вступили в лесистую страну под командованием Квинтина и почти до середины дня блуждали в безопасности, путаясь в извилистых тропинках. Наконец, когда они обнаружили, что все надежно закрыто большими заборами, они с трудом пробившись к болотистым полям, которые примыкали к лесу, и тут то и дело появлялись враги, которые, укрывшись за стволами деревьев или стоя на абаттисах, словно на вершинах башен, посылали, словно из двигателей, ливень стрел, отравленных соками трав, так что верная смерть наступала даже от поверхностных ран, нанесенных в места, которые не были смертельными. Позже войско окружил враг в большем количестве, и оно с готовностью бросилось на открытые места, которые франки оставили незанятыми. Первыми в болота погрузились всадники, и тела людей и животных падали беспорядочно, и они были подавлены своим собственным смятением. Пешие воины, избежавшие копыт лошадей, также были зажаты грязью, с трудом выбирались и в панике снова прятались в лесу, из которого они вырвались чуть раньше. Таким образом, ряды были приведены в беспорядок, а легионы разрезаны на части. Ираклий, трибун иовинцев, и почти все офицеры были убиты, когда ночь и затаившиеся в лесу места позволили немногим спастись". Об этом он повествует в третьей книге своей "Истории".

А в четвертой книге, рассказывая об убийстве Виктора, сына Максима, тирана, он говорит: "В то время Кариетто и Сирус, назначенные вместо Наннина, отсутствовали в провинции Германия с армией, противостоящей франкам". А чуть позже, когда франки взяли добычу в Германии, добавил: "Арбогаст, не желая медлить, предупредил Цезаря, что франки понесут заслуженное наказание, если не вернут в кратчайшие сроки все награбленное в предыдущем году, когда были уничтожены легионы, и не выдадут зачинщиков войны для наказания за их вероломство при нарушении мира". Он рассказал, что это было сделано под руководством герцогов, и далее сообщает: "Через несколько дней он провел спешную конференцию с Маркомером и Сунно, князьями[48] франков, и потребовал от них заложников, как обычно, а затем удалился в Трев, чтобы провести зиму". Но когда он называет их князьями, мы не знаем, были ли они королями или занимали место королей. Тот

же автор, рассказывая о тяжелом положении императора Валентиниана, добавляет следующее: "В то время как на Востоке и во Фракии происходили события разного рода, в Галлии был нарушен общественный порядок. Император Валентиниан был заперт во дворце во Вьенне и низведен почти до положения частного лица, а военное командование было передано франкским союзникам, и даже гражданские должности перешли под контроль фракции Арбогаста, и не нашлось никого из всех связанных присягой солдат, кто бы осмелился прислушаться к привычной речи или подчиниться приказу императора". Далее он говорит: "В том же году Арбогаст с языческой ненавистью преследовал франкских князей Сунно и Маркомера и поспешил в Кельн в самую глубь зимы, так как знал, что во все отступления Франкии можно безопасно проникнуть и опустошить огнем, когда леса, оставшиеся голыми и сухими после опадения листьев, не могут скрыть людей, лежащих в засаде. И вот он собрал войско, перешел Рейн и опустошил страну бриктов, расположенную у берега, а также район, который населяют чамавы, и никто нигде его не встретил, разве что несколько амписвариюв и чатти появились с Маркомером как герцогом на гребнях далеких холмов". В другой раз этот писатель, уже не упоминая о герцогах и князьях, открыто утверждает, что у франков был король, и, не называя его имени, говорит: "Тогда тиран Евгениус предпринял военный поход и поспешил к Рейну, чтобы возобновить по обычаю старые союзы с королями алеманнов и франков и угрожать варварским народам того времени большим войском". Так много писал о франках упомянутый выше историк.

Ренатус Профутур Фригерид, которого мы уже упоминали, в своем рассказе о взятии и разрушении Рима готами говорит "В то время, когда Гоар перешел на сторону римлян, Респендиал, король аламманов, повернул войско своего народа от Рейна, так как вандалам приходилось хуже в войне с франками, они потеряли своего короля Годагизила и около 20 000 войска, и все вандалы были бы истреблены, если бы войско аламманов^[49] вовремя не пришло к ним на помощь." Нас удивляет, что, называя царей других народов, он не называет также и короля франков. Однако когда он говорит, что Константин, захватив императорскую власть, повелел своему сыну Констанцию прибыть к нему из Спандии, он рассуждает следующим образом: "Тиран Константин вызвал из Испании своего сына Констанция, тоже тирана, чтобы посоветоваться с ним об общей политике; и вот Константин оставил в Сарагоссе свой двор и свою жену, передал Геронтию управление всем в Испании и поспешил к отцу, не прерывая своего пути. И когда они встретились, прошло много дней, а опасности из Италии не было, и Константин предался тревоугодию и уговаривал сына вернуться в Испанию. И пока Константин отправлял свои войска вперед, оставаясь с отцом, из Испании пришло известие, что Максим, один из его клиентов, получил императорскую власть от Геронтия и добивается расположения варваров. Встревоженные этим, они отправили Эдобека к германским племенам, а Констанций и Децим Рустик, теперь уже префект, - он был начальником канцелярии, - поспешили к галлам, намереваясь вскоре вернуться к Константину с франками, аламманнами и всеми солдатами".

И снова, когда он пишет, что Константина осаждали, он использует такие слова: "Едва начался четвертый месяц осады Константина, как из дальней Галлии внезапно пришло известие, что Иовин принял царскую власть и угрожает осаждающим бургундами, аламманнами, франками, аланами и всем своим войском. Поэтому атака на стены была ускорена, город открыл свои ворота, и Константин сдался. Его поспешно отправили Италию, и он был убит у реки Минчио убийцами, которых послал ему навстречу император". А чуть позже тот же автор пишет: "В то же время Децим Рустик, префект тиранов, Агрэтий, один из главных секретарей Иовина, и многие вельможи были схвачены в Оверни полководцами Гонория и жестоко преданы смерти. Город Трев был разграблен и сожжен во время второго набега франков". А когда Астерий императорской грамотой стал патрицием, он добавляет

следующее: "В то же время Кастин, граф телохранителей, предпринял экспедицию против франков и был отправлен в Галлию". Вот что рассказывают о франках. А историк Горосий в седьмой книге своего труда рассказывает: "Стиликон собрал народы, сокрушил франков, перешел Рейн, пробрался через галлов и дошел до Пиренеев".

Вот какие свидетельства оставили нам названные историки о франках, причем они не упоминали королей. Многие рассказывают, что они пришли из Паннонии и все жили сначала на берегу Рейна, а затем, перейдя Рейн, перешли в Тюрингию и там среди деревень и городов назначили длинноволосых королей из своего первого или, так сказать, самого знатного рода. Этот титул побед Хлодвига впоследствии стал прочным, как мы увидим далее. [В Fasti Consulares мы читаем, что Теодомер, король франков, сын Рихимера, и Аскила, его мать, были однажды убиты мечом. Говорят также, что королем франков тогда был Хлогион, человек знатный и высокопоставленный среди своего народа, и жил он в крепости Диспаргум, которая находится в пределах Тюрингии. А в этих краях, то есть на юге, римляне жили до Луары. Но за Луарой властвовали готы; бургунды же, принадлежавшие к секте ариан, обитали за Роной в районе, прилегающем к городу Лиону. Хлогио послал лазутчиков в город Камбрей, и они ходили повсюду, а сам он последовал за римлянами, одолел их и захватил город, в котором прожил недолго, и овладел землей до реки Соммы. Некоторые авторитеты утверждают, что король Меровех, сыном которого был Чилдерик, происходил из рода Хлогио.

10. Этот народ, похоже, всегда был пристрастен к языческому поклонению, не знал Бога, но делал себе изображения лесов и вод, птиц и зверей, а также других стихий. Они были склонны поклоняться им как Богу и приносить им жертвы. О! Если бы тот страшный голос коснулся фибры их сердец, который через Моисея говорил народу: "Не имейте других богов предо Мною. Не делай себе никакого изображения и не поклоняйся никакому подобию того, что на небе, или на земле, или в воде; не делай их и не поклоняйся им"...

А в книге Исаяи он говорит во второй раз: "Я первый, и Я последний, и кроме Меня нет бога и творца, которого Я не знаю. Все, кто делает себе нателные изображения, все они суетны, и то, чем они восхищаются, не принесет им пользы. Они сами свидетельствуют о том, что они есть, что они не видят и не разумеют, и смущаются в них. Вот, все его собратья будут посрамлены, ибо работники из людей. На углях и молотами он формировал его, и сильной рукой своей обрабатывал его. Так же и плотник сделал его с помощью компаса, и сделал подобие человека, как бы красивого человека, живущего в доме. Он обтесывал дерево, он работал и создавал изображение, и поклонялся ему как богу, он скреплял его гвоздями и молотками, чтобы оно не рассыпалось. Их несут, потому что они не могут ходить; а остаток дерева люди готовят для очага и греются им. А из другого дерева он сделал себе бога и изваяние. Он склоняется перед ним, поклоняется ему и молится, говоря: "Избавь меня, ибо ты мой бог". Половину его я сжег огнем и испек хлеб на углях его; испек плоть и ел, а из остатка сделаю идола, поклонюсь деревянному стволу; часть его - пепел". Глупое сердце поклонилось ему и не избавило душу свою. И не говорит он: "Может быть, в правой руке моей ложь?". Народ франков сначала не понял, но понял позже, о чем повествует следующая история.

[11. Авит, гражданин Клермонта, император Рима и епископ Плаценции].

12. Чилдерик был чрезмерно распутным и, будучи королем франков, стал бесчестить их дочерей. И они разгневались на него за это и отняли у него королевство. Узнав, что они хотят убить и его, он поспешил в Тюрингию, оставив там близкого ему человека, чтобы тот успокоил их ярость; он также договорился о знаке, когда сможет вернуться в свою страну, то

есть они разделили между собой золотой кусок, и Чилдерик взял одну половину, а его друг оставил себе другую часть, сказав: "Когда я пошлю тебе эту часть и соединенные части составят одну монету, тогда ты благополучно вернешься в родные места". Соответственно, Чилдерик отправился в Тюрингию и скрывался там вместе с королем Базинусом и его женой Базиной. Франки, после того как он был изгнан, единодушно избрали королем Эгидия, о котором мы уже упоминали как о командующем войсками, посланными республикой. И вот на восьмом году своего правления над ними этот верный друг тайно завоевал расположение франков и послал к Чилдерику гонцов с частью разделенной монеты, которую он хранил, и Чилдерик по этому верному знаку узнал, что он нужен франкам, и вернулся из Тюрингии по их просьбе и был восстановлен в своем королевстве. Когда эти принцы правили в одно и то же время, Басина, о которой мы упоминали выше, оставила своего мужа и пришла к Чилдерику. И когда он с тревогой спросил, по какой причине она приехала так далеко, чтобы увидеть его, она ответила: "Я знаю, что ты достоин, - сказала она, - и что ты очень силен, и поэтому я пришла жить с тобой. Ибо позволь мне сказать тебе, что если бы я знала о ком-то более достойном, чем ты, в тех краях, что за морем, я бы непременно захотела жить с ним". И он обрадовался и соединил ее с собой узами брака. И она зачала и родила сына и назвала его именем Кловис. Он был великим и выдающимся воином.

[13. Артемия, епископа Клермонтского, сменил Венерендус, а его - Рустик].

[U]14. В городе Туре после смерти епископа Евстохия на 17-м году его епископата Перпетус был рукоположен в пятого епископа после блаженного Мартина. И когда он увидел, что у гробницы святого Мартина постоянно происходят чудеса, а часовня, построенная над ней, была крошечной, он счел ее недостойной таких чудес, и, отодвинув ее, построил там большую церковь, которая сохранилась до наших дней, расположенную в 550 шагах от города. Она имеет 160 футов в длину, 60 в ширину и 45 в высоту до свода; в ней 32 окна в части вокруг алтаря, 20 в нефе; 41 колонна; во всем здании 52 окна; 120 колонн; 8 дверей, три в части вокруг алтаря и пять в нефе. Празднику храма придает святость тройная добродетель: посвящение храма, перенесение тела святого и его рукоположение в епископы. Этот праздник вы должны отмечать за четыре дня до июльских нон, и помните, что его погребение - на третий день до ноябрьских ид. И если вы будете верно праздновать их, то заслужите покровительство блаженного епископа как в настоящей жизни, так и в будущей. А поскольку потолок прежней часовни был прекрасной работы, епископ счел недостойным, чтобы это произведение погибло, и построил другую церковь в честь блаженных апостолов Петра и Павла, в которую и поместил потолок. Он построил много других церквей, которые и по сей день стоят во имя Христа.

[15. Евфроний, епископ Аутунский, который "благочестиво прислал мраморную глыбу, поставленную над святой гробницей блаженного Мартина"]].

16. После смерти епископа Рустика святой Наматий стал восьмым епископом Клермона. Он взял на себя труд построить более древнюю церковь, которая стоит до сих пор и находится в стенах города, сто пятьдесят футов в длину, шестьдесят в ширину, то есть неф, пятьдесят в высоту до свода, с круглой апсидой впереди и с каждой стороны приделы, прекрасно построенные; все здание выложено в форме креста; в нем сорок два окна, семьдесят колонн, восемь дверей. В нем царит страх Божий и видна большая яркость, а весной благочестивые ощущают в нем очень приятное благоухание, словно от специй. Возле алтаря имеет стены пестрой работы, украшенные многими видами мрамора. Блаженный епископ, закончив строительство в двенадцатом году, послал священников в Болонью в Италии, чтобы они приобрели мощи святых Агриколы и Виталиса, которые, как мы знаем, были распяты во имя Христа Бога нашего.

17. Его жена построила церковь Святого Стефана на окраине города. И, желая украсить ее красками, она носила грудью книгу, читая истории древних времен и описывая художникам, что они должны изобразить на стенах. Однажды, когда она сидела в церкви и читала, пришел помолиться некий нищий, и, увидев ее в черной одежде, уже старую женщину, он подумал, что она одна из нуждающихся, вынул часть буханки, положил ей на колени и ушел. Но она не пренебрегла даром незнакомого ей нищего, но взяла его, поблагодарила и положила, и, поставив перед собой во время трапезы, употребляла его как святой хлеб, пока не израсходовала.

18. Теперь Чилдерик сражался в Орлеане, а Одоакер пришел с саксами в Анжер. В это время великая чума погубила народ. Эгидий умер и оставил сына, по имени Сиагрий. После его смерти Одоакр получил заложников из Анжера и других мест. Бритты были изгнаны готами из Буржа, и многие из них были убиты в деревне Деольс. Граф Павел с римлянами и франками вступил в войну с готами и захватил добычу. Когда Одоакер подошел к Анже, на следующий день пришел король Чилдерик, убил графа Павла и взял город. В большом пожаре в тот день сгорел дом епископа.

19. После этого началась война между саксами и римлянами; но саксы бежали, оставив многих из своих людей убитыми, а римляне преследовали их. Их острова были захвачены и опустошены франками, и многие были убиты. В девятом месяце того же года произошло землетрясение. Одоакр заключил союз с Чилдериком, и они покорили аламанным, захвативших часть Италии.

20. Эврих, король готов, на 14-м году своего правления поставил герцога Викториуса во главе семи городов. А тот сразу же отправился в Клермонт и пожелал присоединить его к остальным, и записи об этом существуют до сих пор. Он приказал установить в церкви Святого Юлиана колонны, которые там находятся. Он приказал построить церковь святого Лаврентия и святого Германа в деревне Ликаниакус. Он пробыл в Клермонте девять лет. Он выдвинул обвинения против Евхирия, сенатора, которого приказал посадить в тюрьму и вывести ночью, а после того, как его связали у старой стены, приказал опрокинуть на него стену. Что касается его самого, то, поскольку он был чрезмерно страстен в своей любви к женщинам и боялся быть убитым жителями Оверни, он бежал в Рим и там был забит камнями до смерти за то, что хотел заниматься подобным распутством. Эврих царствовал четыре года после смерти Виктории и умер на двадцать седьмом году своего правления. В это время также произошло сильное землетрясение.

[21. Епископ Епархий Клермонтский находит свою церковь ночью полной демонов].

[V]22. Святой Сидоний был настолько красноречив, что обычно импровизировал то, что хотел сказать, без всяких колебаний и самым ясным образом. Однажды он по приглашению пришел на праздник в церковь монастыря, о котором мы уже упоминали, и когда у него злонамеренно отобрали книгу, по которой он обычно совершал святыя службы, он прошел всю службу праздника, импровизируя с такой готовностью, что все восхищались им, а прохожие считали, что говорил там не человек, а ангел. И это мы более подробно изложили в предисловии к книге, которую мы составили о мессах, написанных им. Будучи человеком удивительной святости и, как мы уже говорили, одним из первых сенаторов, он часто уносил из дома серебряные блюда, не зная об этом своей жене, и раздавал их бедным людям. И когда она узнавала об этом, то скандалила с ним, и тогда он отдавал стоимость бедным, а посуду возвращал в дом".

[23. Ужасная судьба священников, восставших против своего епископа. 24. Во время голода в Бургундии Экдиций кормит более четырех тысяч человек. 25. Готский король Эватрикс

преследует христиан в юго-западной Галлии. 26. Епископа, которого "подозревают готы", уводят в плен в Испанию].

[W]27. После этих событий Чилдерик умер, и вместо него воцарился Хлодвиг, его сын. На пятом году его правления Сиагрий, король римлян, сын Эгидия, расположился в городе Суассоне, который некогда принадлежал Эгидию, о котором мы уже упоминали. И выступил против него Хлодвиг с Рагнахаром, своим родственником, потому что тот раньше владел королевством, и потребовал, чтобы они приготовили поле для битвы. Сиагрий не стал медлить и не побоялся сопротивляться. И вот они сразились друг с другом, и Сиагрий, увидев, что его войско разбито, повернул назад и быстро бежал к королю Алариху в Тулузу. А Хлодвиг послал к Алариху, чтобы тот отправил его обратно, иначе он должен был узнать, что Хлодвиг начнет с ним войну за его отказ. Аларих испугался, что навлечет на себя гнев франков из-за Сиагрия, поскольку у готов принято наводить ужас, и сдал его в цепях посланцам Хлодвигу. Хлодвиг взял его и приказал поставить под охрану, а когда получил свое королевство, велел тайно казнить его. В то время войско Хлодвигу разорило множество церквей, так как он был еще вовлечен в языческие заблуждения. Из одной церкви армия забрала вазу удивительной величины и красоты, а также остальную утварь для службы в церкви. И епископ церкви послал к царю гонцов с просьбой вернуть хотя бы вазу, если он не может получить больше никакой священной посуды. Услышав это, король сказал гонцу: "Следуй за нами до Суассона, потому что все, что было взято, должно быть разделено там, и когда жребий назначит мне это блюдо, я сделаю то, что просит отец[50]". Когда же он пришел в Суассон и вся добыча была разложена посреди них, король сказал: "Я прошу вас, храбрые воины, не отказать мне дать в придачу к моей доле вон то блюдо", то есть он имел в виду только что упомянутую вазу. В ответ на речь царя более разумные ответили: "Славный царь, все, что мы видим, принадлежит тебе, и мы сами подчинены твоему правлению. Теперь делай то, что кажется тебе угодным, ибо никто не в силах противостоять твоей власти". Когда они это сказали, один глупый, завистливый и возбужденный парень поднял свой боевой топор, ударил по вазе и громко воскликнул: "Вы не получите здесь ничего, кроме того, что вам справедливо дарует жребий". Все были ошеломлены, но король перенес оскорбление с кротостью терпения и, взяв вазу, передал ее посланнику церкви, лелея рану в сердце. А в конце года он приказал всему войску явиться с доспехами, чтобы показать блеск своего оружия на мартовском поле.[X] И когда он внимательно осмотрел их всех, то подошел к человеку, ударившему вазу, и сказал ему: "Никто не принес доспехи столь небрежно хранимые, как ты; ведь ни твое копье, ни меч, ни топор не в исправности". И, схватив свой топор, он бросил его на землю, а когда тот немного наклонился, чтобы подобрать его, король поднял руки и вогнал свой топор в голову мужчины. "Вот так, - сказал он, - ты поступил с вазой в Суассоне". Убив этого человека, он приказал остальным уходить, внушив этим поступком великий страх перед собой. Он вел много войн и одержал много побед. На десятом году своего правления он воевал с тюрингами и подчинил их своей власти.

28. Королем бургундов был Гундевех, из рода короля Афанария Гонителя, о котором мы уже упоминали. У него было четыре сына: Гундобад, Годегизель, Чилперик и Годомар. Гундобад убил мечом своего брата Чилперика, а жену утопил в воде, привязав к ее шее камень. Двух своих дочерей он обрек на изгнание; старшую из них, ставшую монахиней, называли Хроной, а младшую - Клотильдой. А так как Хлодвиг часто отправлял посольства в Бургундию, дева Клотильда была найдена его посланниками. И когда они увидели, что она хороша собой и мудра, и узнали, что она из рода короля, они сообщили об этом королю Хлодвигу, и тот без промедления отправил посольство к Гундобаду просить ее о замужестве. И Гундобад побоялся отказать и отдал ее людям, а они взяли девушку и быстро привели ее к королю.

Царь очень обрадовался, увидев ее, и женился на ней, имея уже от наложницы сына по имени Теодорих.

29. У него был первенец от королевы Клотильды, и, поскольку его жена хотела посвятить его в крещение, она неустанно пыталась уговорить мужа, говоря: "Боги, которым ты поклоняешься, - ничто, и они не смогут помочь ни себе, ни кому-либо другому. Ибо они высечены из камня, или дерева, или какого-нибудь металла. И имена, которые ты им дал, - это имена людей, а не богов, как Сатурн, который, как говорят, бежал в страхе перед изгнанием сына из своего царства; как сам Юпитер, совершивший все постыдные преступления, совершающий кровосмешение с мужчинами, насмехающийся над своими родственницами, не способный воздержаться от совокупления с собственной сестрой, как она сама говорит: *Jovisque et soror et conjunx*. Что могут сделать Марс или Меркурий? Они наделены скорее магическими искусствами, чем силой божественного имени. Но поклоняться следует тому, кто создал своим словом небо и землю, море и все, что в них есть, из небытия, кто заставил солнце сиять и украсил небеса звездами, кто наполнил воды гадами, землю - живыми существами, а воздух - летающими тварями, по чьему кивку земля покрывается урожаем, деревья - плодами, лозы - виноградом, чьей рукой был создан человек, по чьей щедрости все творение служит и помогает человеку, которого он создал как своего." Но хотя королева сказала это, дух короля ничуть не изменился, и он сказал: "По велению наших богов все было создано и появилось на свет, и совершенно очевидно, что ваш бог не обладает никакой силой и, более того, доказано, что он не принадлежит к роду богов". Тем временем верная королева приготовила сына к крещению; она велела украсить церковь занавесками и шторами, чтобы тот, кого не удастся убедить, мог быть побужден к вере этой тайной. Мальчик, которого называли Ингомером, умер после крещения, так и оставшись в белых одеждах, в которых он обрел возрождение. На это король разгневался и сурово упрекнул королеву, сказав: "Если бы мальчик был посвящен во имя моих богов, он, конечно, остался бы жив; но так как он был крещен во имя твоего Бога, он не мог жить вообще". На это королева сказала: "Я благодарю всемогущего Бога, творца всего сущего, который счел меня не совсем недостойной, что он соизволил взять в свое царство того, кто родился из моего чрева. Душа моя не скорбит о нем, потому что я знаю, что, вызванный из этого мира, как он был в своих крестильных одеждах, он будет вскормлен видением Бога".

После этого она родила еще одного сына, которого при крещении назвала Хлодомером; когда он заболел, царь сказал: "Невозможно, чтобы с ним случилось то же, что и с его братом, а именно, чтобы, крестившись во имя твоего Христа, он сразу же умер". Но по молитвам его матери и по повелению Господа он выздоровел.

30. Царица не переставала убеждать его признать истинного Бога и перестать поклоняться идолам. Но его никак не удавалось склонить к этой вере, пока наконец не возникла война с аламанными, в которой он был вынужден по необходимости признать то, что прежде по своей воле отрицал. Когда обе армии ожесточенно сражались, произошло много резни, и войску Хлодвигу стало грозить уничтожение. Увидев это, он возвел свои глаза к небу, и с раскаянием в сердце разразился слезами и воскликнул: "Иисус Христос, которого Клотильда называет сыном Бога живого, который, как говорят, оказывает помощь тем, кто находится в беде, и дарует победу тем, кто надеется на тебя, я умоляю о славе твоей помощи с клятвой, что если ты дашь мне победу над этими врагами и я познаю ту силу, которую, по ее словам, имели от тебя люди, посвященные твоему имени, то я поверю в тебя и крещусь во имя твое. Ибо я обращался к своим собственным богам, но, как я обнаружил, они отказались помочь мне; и поэтому я считаю, что они не обладают силой, поскольку не помогают тем, кто им повинуется. Теперь я взываю к тебе, я хочу верить тебе, только позволь мне спастись от моих

противников". И когда он это сказал, аламанны отвернулись и обратились в бегство. И когда они увидели, что их царь убит, они покорились владычеству Хлодвигу, сказав: "Пусть не гибнет народ дальше, молим мы; мы теперь твои". И он прекратил сражение, и, ободрив своих людей, удалился с миром и рассказал королеве, как ему удалось одержать победу, призвав имя Христа. Это случилось на пятнадцатом году его царствования.

31. Тогда королева попросила святого Реми, епископа Реймского, тайно призвать Хлодвигу и убедить его познакомить короля со словом спасения. И епископ тайно послал за ним и стал убеждать его уверовать в истинного Бога, создателя неба и земли, и перестать поклоняться идолам, которые не могли помочь ни себе, ни кому-либо другому. Но царь сказал: "Я с радостью слушаю тебя, святейший отец; но остается одно: люди, которые следуют за мной, не могут отказаться от своих богов; но я пойду и поговорю с ними по твоим словам". Он встретился со своими последователями, но не успел он заговорить, как сила Божья опередила его, и весь народ дружно воскликнул: "О благочестивый царь, мы отвергаем наших смертных богов и готовы следовать за бессмертным Богом, которого проповедует Реми". Об этом доложили епископу, который очень обрадовался и велел приготовить купель для крещения. Площади затенялись гобеленовыми навесами, церкви украшались белыми занавесками, крестильня приводилась в порядок, разносился аромат ладана, ярко горели свечи, и все святилище крестильни наполнялось божественным благоуханием, а Господь давал такую благодать тем, кто стоял рядом, что им казалось, что они находятся среди райских ароматов. И царь первым попросил епископа принять крещение. Другой Константин подошел к купели крещения, чтобы покончить с болезнью древней проказы и смыть свежей водой многолетние пятна скверны. И когда он вошел, чтобы креститься, святитель Божий начал с готовой речи: "Осторожно согни шею, Сигамбер; поклонись тому, что ты сжег; сожги то, чему ты поклонялся". Святой епископ Реми был человеком превосходной мудрости и особенно обученным риторике, а также настолько превосходящим святостью, что превзошел чудесами Сильвестра. Ведь сохранилась книга его жития, в которой рассказывается, что он воскресил мертвеца. И вот царь исповедовал всемогущего Бога в Троице, и крестился во имя Отца, Сына и Святого Духа, и был помазан святым миро со знаменем креста Христова. И из его войска крестилось более 3000 человек. Крестилась и сестра его, Альбофледа, которая вскоре после этого отошла ко Господу. И когда король оплакивал ее, святой Реми прислал утешительное письмо, которое начиналось так: "Причина твоей скорби причиняет мне боль, и боль сильную, что Альбофлед, твоя сестра, доброй памяти, скончалась. Но я могу утешить вас тем, что ее уход из мира был таков, что ей следует скорее завидовать, чем оплакивать". Обратилась и другая сестра, Лантхильд по имени, впавшая в ересь арианства; она исповедовала, что Сын и Святой Дух равны Отцу, и была помазана.

32. В то время братья Гундобад и Годагизель были царями страны по Роне и Соне вместе с провинцией Марсель. Они, как и их народ, принадлежали к секте ариан. И поскольку они воевали друг с другом, Годагизель, услышав о победах короля Хлодвигу, тайно отправил к нему посольство, сказав: "Если ты окажешь мне помощь в нападении на моего брата, чтобы я мог убить его в бою или изгнать из страны, я буду платить тебе каждый год ту дань, которую ты сам пожелаешь наложить". Кловис с радостью принял это предложение и пообещал помощь, когда возникнет необходимость. И в условленное время он выступил со своей армией против Гундобада. Услышав об этом, Гундобад, не знавший о вероломстве брата, послал к нему, сказав: "Приди ко мне на помощь, так как франки движутся против нас и идут на нашу страну, чтобы захватить ее. Поэтому давайте объединимся против враждебного нам народа, чтобы из-за разделения мы не пострадали в свою очередь от того, от чего пострадали другие народы". А другой сказал: "Я приду со своим войском и окажу вам

помощь". И эти трое, а именно Хлодвиг против Гундобада и Годегизеля, направляли свои армии в один и тот же пункт, и пришли они со всем своим военным снаряжением в крепость под названием Дижон. И сразились они на реке Оуче, и Годегизель присоединился к Хлодвигу, и обе армии разбили народ Гундобада. И понял Хлодвиг предательство брата своего, которого не подозревал, и повернулся спиной, и пустился в бегство, спеша вдоль берегов Роны, и пришел к городу Авиньону. А Годегизель, одержав победу, пообещал Хлодвигу часть своего королевства, спокойно удалился и с триумфом вошел во Вьенну, как будто теперь ему принадлежало все королевство. Король Хлодвиг еще больше увеличил свое войско и отправился за Гундобадом, чтобы вытащить его из города и убить. Услышав это, он пришел в ужас и боялся, что его настигнет внезапная смерть. Однако с ним был Аридий, человек, славившийся энергией и мудростью, и он послал за ним и сказал: "Трудности окружают меня со всех сторон, и я не знаю, что делать, потому что эти варвары пришли на нас, чтобы истребить нас и уничтожить всю страну". На это Аридий ответил: "Ты должен смягчить свирепость этого человека, чтобы не погибнуть. Если тебе будет угодно, я сделаю вид, что убегаю от тебя и перехожу на его сторону, а когда приду к нему, не позволю ему причинить вред ни тебе, ни этой стране. Только будьте готовы делать то, что он требует от вас по моему совету, пока Господь по своей благодати не соизволит сделать ваше дело успешным". И Гундобад сказал: "Я сделаю все, что ты прикажешь". Сказав это, Аридий попрощался с ним и удалился, а подойдя к королю Хлодвигу, сказал: "Вот я твой покорный слуга, благочестивейший король, я пришел под твою защиту, оставив несчастного Гундобада. И если твоя благодать соизволит принять меня, то и ты, и твои дети обретут во мне верного и преданного слугу". Хлодвиг принял его очень охотно и держал при себе, ибо он был занимателен в рассказах, готов в советах, справедлив в суждениях и верен в том, что ему поручалось. Когда же Хлодвиг со всем своим войском расположился у стен города, Аридий сказал: "О царь, если слава твоего высочества соизволит выслушать несколько слов моего ничтожества, хотя ты и не нуждаешься в совете, но я произнесу их с полной верностью, и они будут полезны для тебя и для городов, через которые ты намерен пройти. Зачем, - сказал он, - ты держишь здесь свое войско, когда твой враг сидит в очень сильном месте? Если ты разоришь поля, опустошишь луга, вырубшь виноградники, опустошишь оливковые сады и уничтожишь все продукты страны, ты, однако, не сможешь причинить ему никакого вреда. Лучше отправьте посольство и назначьте дань, которую нужно платить вам каждый год, чтобы страна была в безопасности и вы могли вечно править своим данником. А если он откажется, тогда делай, что тебе угодно". Царь последовал этому совету и приказал своему войску возвращаться домой. Затем он отправил посольство к Гундобаду и приказал ему ежегодно платить ему дань. И тот сразу же заплатил ее и пообещал, что будет платить и впредь.

33. Позднее он вернул себе власть и теперь презрительно отказался платить обещанную дань королю Хлодвигу, направил войско против своего брата Годегизеля, запер его в городе Вьенне и осадил его. А когда стало не хватать еды для простых людей, Годегизель испугался, что голод распространится и на него самого, и отдал приказ изгнать простых людей из города. Когда это было сделано, среди прочих был изгнан и ремесленник, отвечавший за акведук. Он был возмущен тем, что его изгнали из города вместе с остальными, и в ярости отправился к Гундобаду, чтобы сообщить ему, как ворваться в город и отомстить за брата. Под его руководством войско провели через акведук, причем многие с железными ломami шли впереди, так как в акведуке было отверстие, закрытое большим камнем, и когда по указанию ремесленника его отодвинули ломami, они вошли в город и застали врасплох защитников, которые пускали стрелы со стены. Посреди города прозвучала труба, и осаждающие захватили ворота, открыли их и вошли одновременно, и когда люди между этими двумя боевыми линиями были убиты каждым войском, Годегизель искал убежища

церкви еретиков и был убит там вместе с арианским епископом. Наконец франки, которые были с Годагиселем, собрались в башне. Но Гундобад приказал не причинять вреда ни одному из них, схватил их и отправил в изгнание к королю Алариху в Тулузу, а бургундских сенаторов, вступивших в сговор с Годагиселем, перебил. Он вернул в свое владение всю область, которая сейчас называется Бургундией. Он установил более мягкие законы для бургундцев, чтобы они не притесняли римлян.

[34. Король Гундобад обращается к учению о Троице, но не исповедует его публично. Описываются труды епископа Авита].

35. Когда Аларих, король готов, увидел, что Хлодвиг уверенно завоевывает народы, он отправил к нему посланников, сказав: "Если мой брат согласится, то я желаю, чтобы с Божьей помощью мы встретились". Хлодвиг не отказался от этого предложения и отправился ему навстречу. Они встретились на острове Луары, который находится недалеко от деревни Амбуаз на территории Тура, поговорили, поели и попили вместе, поклялись в дружбе и разошлись с миром. Уже в то время многие галлы очень хотели, чтобы франки стали их хозяевами.

36. И случилось так, что Квинтиан, епископ Родеза, был изгнан из своего города по злому умыслу из-за этого. Ибо они сказали: "Это ваше желание, чтобы власть франков распространилась на эту землю". Через несколько дней между ним и горожанами возникла ссора, и готы, жившие в городе, заподозрили, что он хочет подчиниться франкам; они посовещались и решили зарубить его мечом. Когда об этом доложили Божьему человеку, он встал ночью, покинул город Родез со своими самыми верными слугами и отправился в Клермон. Там его любезно принял святой епископ Евфрасий, сменивший Апрункула Дижонского, и оставил при себе Квинтиана, дав ему дома, а также поля и виноградники и сказав: "Богатства этой церкви достаточно, чтобы содержать нас обоих; только пусть милосердие, которое проповедует блаженный апостол, пребудет среди епископов Божьих". Кроме того, епископ Лиона передал ему часть владений церкви, которая была у него в Оверни. А все остальное о святом Квинтиане, как о заговорах, которые он терпел, так и о чудесах, которые Господь соизволил сотворить через него, записано в книге его жизни.

[AB]37. Король Хлодвиг сказал своим людям: "Мне очень тяжело, что эти ариане удерживают часть галлов. Давайте же с Божьей помощью пойдем, завоюем их и подчиним себе эти земли". Поскольку эти слова понравились всем, он привел в движение свое войско и направился в Пуатье, где в то время находился Аларих. Но поскольку часть войска проходила через Турень, он из уважения к блаженному Мартину издал указ, чтобы никто не брал в той стране ничего, кроме травы на корм и воды. Но один из войска нашел у бедняка сено и сказал: "Разве король не приказал брать только траву и ничего другого? А это, - сказал он, - трава. Мы не нарушим его повеления, если возьмем ее". И когда он совершил насилие над бедняком и силой отнял у него сено, дело дошло до короля. И быстро, как речь, преступник был убит мечом, а царь сказал: "Где же наша надежда на победу, если мы оскорбим благословенного Мартина? Лучше бы войску ничего больше не брать из этой страны". Король сам отправил посланников в благословенную церковь, сказав: "Идите, и, может быть, вы получите какое-нибудь знамение победы от святого храма". Затем, вручив им дары, чтобы они установили их в святом месте, он сказал: "Если ты, Господи, мой помощник и решил отдать в мои руки этот неверный народ, вечно стремящийся против тебя, согласишься явить его у входа в церковь святого Мартина, дабы я знал, что ты благоволишь к рабу твоему". Слуги Хлодвига отправились в путь по приказу короля, приблизились к месту, и когда они уже собирались войти в святую церковь, первый певец без всякой предварительной договоренности запел такой ответ: "Ты опоясал меня, Господи, силою на битву; покорил мне

восставших против меня, и врагов моих заставил отворотиться от меня, и ненавидящих меня истребил". Услышав это пение, они возблагодарили Господа и, дав обет блаженному исповеднику, с радостью доложили об этом царю. Когда же он со своим войском подошел к реке Вьенне, то не знал, где ему переправиться. Ведь река вздулась от дождей. Когда он ночью молил Господа показать ему брод, где можно переправиться, утром по воле Божьей в реку перед ними вошел олень удивительной величины, и когда он перешел, люди увидели, где можно переправиться. Когда король подошел к окрестностям Пуатье и расположился лагерем на некотором расстоянии, он увидел, как из церкви святого Илария вырвался огненный шар и прошел как бы над ним, чтобы показать, что, опираясь на свет блаженного исповедника Илария, он должен смелее побеждать армии еретиков, с которыми тот же епископ не раз сражался за веру. И он дал понять всему войску, чтобы ни там, ни в пути они никого не портили и не забирали ничего имущества.

В те дни жил один достойный святости человек, аббат Максентий, который из-за страха Божьего стал затворником в своем монастыре в Пуату. Мы не стали указывать в этом рассказе название монастыря, потому что это место и по сей день называется *Cellula sancti Maxentii*. И когда его монахи увидели, что к монастырю приближается часть войска, они взмолились к аббату, чтобы он вышел из своей кельи и посоветовался с ними. И когда он остался, они в панике открыли дверь и вытащили его из кельи. И он смело поспешил навстречу врагам, чтобы просить мира. И один из них выхватил меч, чтобы нанести удар по его голове, но когда он поднял руку к уху, она напряглась, и меч упал. И бросился он к ногам блаженного, прося прощения. Остальные же, увидев это, в великом страхе вернулись к войску, боясь, что погибнут все вместе. Руку этого человека святой исповедник натер освященным елеем и, совершив над ней крестное знамение, вернул ей здоровый вид. И благодаря его защите монастырь остался невредимым. Он творил и многие другие чудеса, и если кто прилежно ищет их, то найдет их все при чтении книги его Жития. В двадцать пятый год правления Хлодвиг.

Тем временем король Хлодвиг встретился с Аларихом, королем готов, на равнине Вуйе в десятой миле от Пуатье, и пока одно войско сражалось на расстоянии, другое пыталось вступить в ближний бой. И когда готы, по своему обыкновению, обратились в бегство, король Хлодвиг одержал победу с Божьей помощью. На помощь ему пришел сын Сигиберта Хромого, по имени Хлодрик. Этот Сигиберт был хромым из-за раны в ногу, полученной в битве с алеманнами у города Цюльпих. Когда король обратил в бегство готов и убил короля Алариха, внезапно появились двое из врагов и ударили его копьями, по одному с каждой стороны. Но он спасся от смерти благодаря своему почтовому плащу и быстрому коню. В это время погибло очень много жителей Оверни, которые пришли вместе с Аполлинарием и ведущими сенаторами. После этой битвы Амаларих, сын Алариха, бежал в Испанию и мудро захватил королевство своего отца. Хлодвиг послал своего сына Теодориха в Клермон через Альби и Родез. Тот отправился в путь и подчинил владычеству отца города от границ готов до пределов бургундов. Аларих правил двадцать два года. Когда Хлодвиг провел зиму в Бордо и забрал все сокровища Алариха в Тулузе, он отправился в Ангулем. И Господь даровал ему такую благодать, что стены рухнули сами собой, когда он взглянул на них. Затем он изгнал готов и подчинил город своей власти. После этого, одержав победу, он вернулся в Тур, принес множество даров в святую церковь блаженного Мартина.

38. Хлодвиг получил от императора Анастасия назначение на должность консула и в церкви блаженного Мартина облачился в пурпурную тунику и хламиду, а на голову возложил диадему. Затем он сел на коня и, проезжая по дороге, которая находится между воротами входа [в церковь святого Мартина] и городской церковью, щедро одарил золотом и

серебром, разбросав их своей рукой среди находившихся там людей, и с того дня его стали называть *консулом* или *Августом*. Покинув Тур, он отправился в Париж и там основал резиденцию своего королевства. Туда же к нему прибыл Теодорих.

[39. Лициний был епископом Тура во время визита Хлодвигу. Его путешествия].

40. Когда король Хлодвиг жил в Париже, он тайно послал к сыну Сигиберта, сказав: "Вот твой отец стал стариком и хромает на слабую ногу. Если он умрет, - сказал он, - то по праву его королевство достанется тебе вместе с нашей дружбой". Побуждаемый жадностью, сын задумал убить отца. И когда отец вышел из города Кельна, переправился через Рейн и намеревался проехать через лес Бухав, в полдень, когда он спал в своем шатре, сын подослал к нему убийц и убил его там, думая, что получит его королевство. Но по Божьему суду он угодил в яму, которую жестоко вырыл для своего отца. Он послал гонцов к королю Хлодвигу, чтобы сообщить о смерти отца и сказать: "Мой отец умер, а его сокровища и королевство остались у меня. Пришлите ко мне людей, и я с радостью передам вам из его сокровищ все, что вам будет угодно". И Кловис ответил: "Я благодарю тебя за твою добрую волю и прошу показать сокровища моим людям, которые придут, и после этого ты будешь владеть всем сам". Когда они пришли, он показал сокровища своего отца. И когда они рассматривали разные вещи, он сказал: "В этот маленький сундучок мой отец клал свои золотые монеты". "Просунь руку, - сказали они, - на дно и открой все". Когда он так и сделал и сильно нагнулся, один из них поднял руку и ударил его боевым топором по голове, и так он позорным образом понес смерть, которую навлек на своего отца. Хлодвиг услышал, что Сигиберт и его сын убиты, пришел на место и созвал весь народ, сказав: "Слушайте, что случилось. Когда я плыл по Шельде, Хлодрик, сын моего родственника, преследовал своего отца и утверждал, что я желаю его убить. И когда его отец бежал через Бухавский лес, он навел на него разбойников, предал его смерти и убил. А когда он открывал сокровища, то сам был убит кем-то или кем-то. Теперь я ничего не знаю об этих делах. Ибо я не могу проливать кровь своих сородичей - это преступление. Но раз уж это случилось, я даю вам свой совет, если он покажется вам приемлемым: обратитесь ко мне, чтобы вы были под моей защитой". Они выслушали это и, аплодируя щитами и голосами, подняли его на щит и сделали королем над собой. Он получил царство Сигиберта с его сокровищами и отдал народ под его власть. Ибо Бог каждый день низлагал его врагов под его рукой и увеличивал его царство, потому что он ходил перед Ним с праведным сердцем и делал то, что было приятно в Его глазах.

41. После этого он обратился к Харарику. Когда он сражался с Сиагрием, этот Харарик был призван на помощь Хлодвигу, но стоял в стороне, не помогая ни одной из сторон, а ожидая исхода, чтобы заключить дружеский союз с тем, кому достанется победа. По этой причине Кловис разгневался и выступил против него. Он схватил его и его сына, держал их в темнице и постриг; он приказал посвятить Харарика в священники, а его сына - в диаконы. И когда Харарик жаловался на свое унижение и плакал, говорят, что его сын заметил: "Эти веточки, - сказал он, - были срезаны на зеленом дереве, и они еще не совсем засохли. Они быстро прорастут и смогут расти; пусть так же быстро погибнет тот, кто это сделал". Это изречение дошло до ушей Хлодвигу, а именно, что они угрожают отрастить волосы и убить его. И он приказал предать их обоим смерти. Когда они были мертвы, он взял их королевство с сокровищами и людьми.

42. В то время в Камбрее королем был Рагнахар, человек настолько необузданный в своем распутстве, что едва ли был милостив к своим ближайшим родственникам. У него был

советник Фарро, который осквернял себя подобной мерзостью. И говорили, что когда королю приносили еду, или подарок, или что-либо еще, он обычно говорил, что этого достаточно для него и его Фарро. И от этого франки пришли в великую ярость. И вот случилось так, что Хлодвиг дал золотые нарукавники и пояса, но все они были лишь похожи на золотые, ибо это была бронза, позолоченная для обмана, - их он дал *леудам* Рагнахара, чтобы те пригласили его напасть на него. [Кроме того, когда Хлодвиг двинул против него свое войско, а Рагнахар постоянно посылал лазутчиков за сведениями, по возвращении гонцов он спрашивал, насколько сильны войска. И они отвечали: "Этого вполне достаточно для тебя и твоего Фарро". Пришел Хлодвиг и начал войну с ним, и увидел он, что войско его разбито, и приготовился бежать, но был схвачен его войском, и со связанными за спиной руками его повели вместе с Риххаром, братом его, перед Хлодвигом. И сказал ему Кловис: "Зачем ты унижил наш род, позволив связать себя? Лучше бы ты умер". И, подняв свой топор, он обрушил его на его голову, а сам повернулся к своему брату и сказал: "Если бы ты помог своему брату, он не был бы связан". И таким же образом он поразил его своим топором и убил. После их смерти их предатели поняли, что золото, которое они получили от царя, было фальшивым. Когда они рассказали об этом царю, тот, как рассказывают, ответил: "Справедливо, - сказал он, - получает такое золото тот, кто по своей воле доводит своего господина до смерти"; им должно было хватить того, что они остались живы и не были преданы смерти, чтобы оплакивать в муках нечестивое предательство своих господ. Услышав это, они взмолились о пощаде, сказав, что им достаточно, если их оставят в живых. Вышеупомянутые короли были родственниками Хлодвигу, а их брат, по имени Ригномер, был убит по приказу Хлодвигу в городе Манс. После их смерти Хлодвиг получил все их королевство и сокровища. И, убив многих других королей и своих ближайших родственников, к которым он ревновал, чтобы они не отняли у него королевство, он распространил свою власть на всех галлов. Однако, как рассказывают, он собрал свой народ и сказал о родственниках, которых сам уничтожил. "Горе мне, оставшемуся чужаком среди чужеземцев и не имеющему никого из своих сородичей, кто мог бы оказать мне помощь в случае беды". Но говорил он это не потому, что скорбел об их гибели, а для уловки, если вдруг удастся найти кого-нибудь, кого еще можно убить.

43. После всего этого он умер в Париже и был похоронен в церкви святых апостолов, которую он сам построил вместе со своей королевой Клотильдой. Он скончался на пятый год после битвы при Вуйе, и все дни его правления составили тридцать лет, а возраст - сорок пять лет. От смерти святого Мартина до смерти короля Хлодвигу, которая случилась на одиннадцатом году епископата Лициния, епископа Турского, прошло сто двенадцать лет. Королева Клотильда приехала в Тур после смерти своего мужа и служила там в церкви святого Мартина, и жила в этом месте с величайшим целомудрием и добротой все дни своей жизни, редко посещая Париж.

НА ЭТОМ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ВТОРАЯ КНИГА

ПЯТНАДЦАТЬ:

[47] Для *aqua sanguine cuncta infecit* читается *digne aquas unguine infecit*. См. Bonnet, Le Latin de Gregoire de Tours, p. 457.

[48] *Regalibus*.

[49] Alamanni - Алани.

[50] *папа*. В раннем Средневековье это слово использовалось в неограниченном, неформальном смысле и широко применялось к епископам. Ср. Du Cange, Glossarium.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЮТСЯ ГЛАВЫ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

- 1. Сыновья Хлодвиги.
- 2. Епископат Динифия, Аполлинария и Квинтиана.
- 3. Датчане совершают нападение на галлов.
- 4. Короли тюрингов.
- 5. Сигимунд убивает собственного сына.
- 6. Смерть Хлодомера.
- 7. Война с тюрингами.
- 8. Смерть Герменфледа.
- 9. Чилдеберт посещает Овернь.
- 10. Смерть Амаларика.
- 11. Чилдеберт и Хлотарь отправляются в Бургундию, Теодорих - в Овернь.
- 12. Разорение Оверни.
- 13. Ловолаутр и Шастель-Марлак.
- 14. Смерть Мундерика.
- 15. Пленение Аттала.
- 16. Сигивальд.
- 17. Епископы Тура.
- 18. Смерть сыновей Хлодомера.
- 19. Святой Григорий и местоположение Дижона.
- 20. Теодоберт обручается с Висгардом.
- 21. Теодоберт отправляется в Прованс.
- 22. Позже он женится на Деотерии.
- 23. Смерть Сигивальда.
- 24. Чилдеберт делает подарки Теодоберту.
- 25. Доброта Теодоберта.
- 26. Смерть дочери Деотерия.
- 27. Теодоберт женится на Визигарде.
- 28. Чилдеберт и Теодоберт выступают в поход против Клотара.
- 29. Чилдеберт и Хлотарь идут в Испанию.
- 30. Испанские короли.
- 31. Дочь Теодориха, короля Италии.
- 32. Поход Теодоберта в Италию.
- 33. Астериолус и Секундинус.
- 34. Дар Теодоберта жителям Вердена.
- 35. Смерть Сиривальда.

- 36. Смерть Теодоберта и убийство Парфения.
- 37. Суровая зима.

НА ЭТОМ СПИСОК ГЛАВ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ

Третья книга

ВО ИМЯ ХРИСТА НАЧИНАЕТСЯ ТРЕТЬЯ КНИГА

Если позволите, я хотел бы вкратце сравнить успехи, достигнутые христианами, исповедующими благословенную Троицу, и гибель, постигшую еретиков, пытавшихся уничтожить ее. И опустим, как Авраам поклонялся Троице у дуба,^[51] и Иаков проповедовал ее в своем благословении, и Моисей узнал ее в кусте, и народ следовал за ней в облаке и боялся ее в горе, и как Аарон носил ее на своем нагруднике, или как Давид изложил ее в псалмах, молясь о том, чтобы обновиться духом правым, и чтобы святой дух не был отнят от него, и чтобы он был утешен главным духом. И, со своей стороны, я считаю это великой тайной, а именно то, что голос пророка провозгласил главным духом то, что еретики считают меньшим. Но, минуя все это, как мы уже говорили, вернемся к нашим временам. Ибо Арий, который был первым нечестивым изобретателем этой нечестивой секты, был подвергнут адскому огню после того, как он потерял свои внутренности в тайнике. Но Иларий, блаженный защитник нераздельной Троицы, хотя и был отправлен за нее в изгнание, был возвращен и на родину, и в рай. Король Хлодвиг, исповедуя ее, с ее помощью сокрушил еретиков и распространил свое королевство на всех галлов; Аларих же, отрицавший ее, был лишен королевства и народа, а главное, самой вечной жизни. И если истинно верующие, даже если они что-то теряют из-за козней врага, Господь восстанавливает это во сто крат, то еретики не получают никаких преимуществ, но то, что они, казалось бы, имеют, у них отнимается. Это доказывается смертью Годагизеля, Гундобада^[AF] и Годомара, которые одновременно потеряли и свою страну, и свои души. Но мы исповедуем единого Бога, невидимого,^[52] бесконечного, непостижимого, славного, всегда одного и того же и вечного, единого в Троице по числу лиц, то есть Отца, Сына и Святого Духа; мы исповедуем Его также тройственным в единстве по равенству субстанции, божества, всемогущества или силы, единого величайшего всемогущего Бога, правящего в вечные века.

^[AG]1. После смерти короля Хлодвига четыре его сына, а именно Теодорих, Хлодомер, Хильдеберт и Хлотарь, получили его королевство и разделили его между собой на равные части. У Теодориха уже в то время был красивый и доблестный сын по имени Теодоберт. И поскольку они были очень храбры и имели много сил в своем войске, Амаларих, сын Алариха, короля Испании, попросил у них в жены сестру, и они любезно удовлетворили его просьбу и отправили ее в испанскую страну с большим количеством красивых вещей.

[2. Квинтиан, бывший епископ Родеза, в награду за верность франкам становится епископом Клермонта. 3. Датчане грабят побережье королевства Теодориха. 4. Герменфред с помощью Теодориха становится единоличным королем тюрингов].

5. После смерти Гундобада королевство перешло к его сыну Сигизмунду, который с большим мастерством построил монастырь Святого Маврикия с его жилищами и церквями. Потеряв свою первую жену, дочь Теодориха, короля Италии, он женился на другой, и она стала горько

злословить его сына и выдвигать против него обвинения, как это принято у мачех. Отсюда произошло, что в один из торжественных дней, когда мальчик узнал на ней платье своей матери, он исполнился гнева и сказал ей: "Ты недостойна носить на спине одежду, которая, как известно, принадлежала твоей госпоже, то есть моей матери". И воспыкала она гневом, и коварными словами возбудила мужа своего, сказав: "Нечестивый мальчик хочет завладеть твоим королевством и планирует, когда ты будешь убит, расширить его до Италии, дабы завладеть королевством, которым владел в Италии его дед Теодорих. Ибо он знает, что пока ты жив, он не сможет этого сделать; и пока ты не падешь, он не поднимется". Сигизмунд воспрянул духом от этих слов и, послушавшись совета своей нечестивой жены, стал злобным отцеубийцей. Когда его сына сморило от вина, он велел ему спать после обеда; и пока он спал, ему подложили под шею салфетку и завязали ее под подбородком, и он был задушен двумя слугами, которые тянули его в разные стороны. Когда это было сделано, отец слишком поздно раскаялся и, упав на безжизненный труп, начал горько плакать. И некий старец, как рассказывают, сказал ему такие слова: "Отныне оплакивай себя, - сказал он, - что ты стал жесточайшим отцеубийцей по подлому совету. Ибо нет нужды оплакивать этого невинного мальчика, который был задушен". Тем не менее он отправился к святому Морису и, проведя много дней в плаче и посте, молился о помиловании. Установив там вечную службу с песнопениями, он вернулся в Лион, и божественное возмездие преследовало его по пятам. Король Теодорих женился на его дочери.

[AI]6. Королева Клотильда обратилась к Хлодомеру и другим своим сыновьям, сказав: "Позвольте мне не раскаиваться, дорогие сыновья, что я с любовью нянчила вас; разгневайтесь, прошу вас, на оскорбление, нанесенное мне, и отомстите с мудрым рвением за смерть моих отца и матери". Они послушались, поспешили в Бургундию и выступили в поход против Сигизмунда и его брата Годомара. Их войско было полностью разбито, а Годомар бежал. Сигизмунд же был схвачен Хлодомером, когда пытался бежать к святому Маврикию, и вместе с женой и сыновьями уведен в плен, а затем помещен под охрану и содержится в плену на территории города Орлеана. Когда короли уехали, Годомар восстановил свое мужество, собрал бургундцев и вернул себе королевство. А Хлодомер готовился к походу против него во второй раз и решил убить Сигизмунда. И сказал ему блаженный аббат Авит, великий священник того времени: "Если, - сказал он, - ты обратишься к Богу и изменишь свой совет, чтобы не позволить убить этих людей, Бог будет с тобой, и ты пойдешь и одержишь победу; если же ты убьешь их, то сам отдашься в руки врагов и погибнешь так же. И что ты сделаешь с Сигизмундом и его женой и детьми, то будет сделано с тобой и твоей женой и сыновьями". Но он не послушал этого совета и сказал: "Я считаю глупым советом оставлять врагов дома и идти против остальных, и когда первые встанут сзади, а вторые впереди, я окажусь между двумя армиями. Победа будет одержана лучше и легче, если одна из них будет отделена от другой; если же одна будет убита, то можно будет легко обречь на смерть остальных". Он отдал приказ сразу же умертвить Сигизмунда с женой и детьми, бросив их в колодец в деревне Колумна, что в Орлеане, и поспешил в Бургундию, призвав на помощь короля Теодориха. И тот обещал отправиться в путь, не желая отомстить за обиду, нанесенную его тестю. И когда они встретились у Визоронтии, местечка города Вьенна, то сразились с Годомаром. И когда Годомар бежал со своим войском, а Хлодомер преследовал его и отстал на значительное расстояние от своих людей, остальные, подражая его призывному крику, позвали его, сказав: "Сюда, иди сюда, мы твои люди". И он поверил, и пошел, и упал в гущу врагов, и, отрубив ему голову и насадив ее на пику, они подняли ее над головой. Франки увидели это и поняли, что Хлодомер мертв, и, объединившись, обратили Годомара в бегство, разбили бургундов и привели их страну к покорности, а Хлотарь тут же женился на жене своего брата, Гунтеуке по имени. А королева Клотильда, после того как закончился срок траура, взяла его сыновей и оставила их себе; одного из них звали

Теодоальд, второго - Гунтер, третьего - Хлодовальд. Годомар восстановил свое королевство во второй раз.

7. После этого Теодорих, помня о злодеяниях, причиненных Герменфредом, королем тюрингов, призвал на помощь своего брата Хлотаря и приготовился выступить против него в поход, обещая, что часть добычи достанется королю Хлотарю, если с Божьей помощью им будет дарована победа. Тогда он созвал франков и сказал им: "Разгневайтесь, умоляю вас, как из-за моей неправоты, так и из-за гибели ваших сородичей, и вспомните, что тюринги однажды совершили жестокое нападение на наших сородичей и причинили им много вреда. Они дали заложников и хотели заключить с ними мир, но тюринги убили заложников различными пытками и напали на наших сородичей, отобрали все их имущество, подвесили юношей за сухожилия бедер к деревьям и жестоко убили более двухсот девиц, привязав их за руки к шеям лошадей, которые направились в разные стороны, и, будучи заведены очень острым козлом, разорвали девиц на части. А других растягивали на городских улицах и вбивали в землю колья, по которым проезжали груженные повозки, и, переломав им кости, отдавали их на съедение собакам и птицам. А теперь Герменфред обманул меня в том, что обещал, и отказывается исполнить это. [Вот, у нас есть ясное слово. Пойдем с Божьей помощью против них". Услышав это, они разгневались на такую неправду и с сердцем и умом напали на Тюрингию. И взял Теодорих брата своего Хлотаря и сына его Теодоберта себе в помощь и пошел со своим войском. А тюринги приготовили коварные уловки против прихода франков. Они вырыли ямы на равнине, где должна была состояться битва, и, закрыв отверстия толстым дерном, сделали так, что они казались ровной равниной. Поэтому, когда они начали сражаться, многие франкские всадники провалились в эти ямы, и это стало для них большой помехой, но когда эта хитрость была замечена, они стали настороже. Когда, наконец, тюринги увидели, что их свирепо режут на куски, а их король Герменфред обратился в бегство, они повернули назад и подошли к ручью Унструт. И там произошла такая резня тюрингов, что русло потока было завалено горами трупов, и франки перешли по ним, как по мосту, на другой берег. Одержав победу, они овладели этой страной и подчинили ее себе. А Хлотарь отправился обратно, взяв с собой в плен Радегунду, дочь короля Бертара, и женился на ней, а ее брата он впоследствии несправедливо убил от рук нечестивцев. Она также обратилась к Богу, сменив одежду, и построила себе монастырь в городе Пуатье. И, отличаясь молитвой, постом и благотворительностью, она достигла такой славы, что в народе ее считали великой. Когда упомянутые короли еще находились в Тюрингии, Теодорих пожелал убить своего родного брата Хлотаря и, тайно подготовив вооруженных людей, вызвал его под предлогом, что желает посоветоваться с ним наедине. Растянув в одной части дома от одной стены до другой палатку, он приказал вооруженным людям встать за ней. А так как ткань была несколько коротковата, то ноги вооруженных людей были на виду. Клотар узнал об этом и вошел в дом со своими людьми, тоже вооруженными. А Теодорих, поняв, что он узнал об этом, стал притворяться и говорить одно за другим. Наконец, не зная, как придать своей хитрости благообразный вид, он подарил ему в качестве милости большое серебряное блюдо. Клотар попрощался с ним, поблагодарил за подарок и вернулся в свой лагерь. Теодорих же пожаловался своим людям, что потерял свое блюдо без видимой причины, и сказал своему сыну Теодоберту: "Пойди к своему дяде и попроси его, чтобы он по своей воле отдал тебе тот подарок, который я ему подарил". Тот пошел и получил то, о чем просил. В таких хитростях Теодорих был очень искусен.

8. Вернувшись в свою страну, он призвал Герменфреда смело прийти к нему, поклявшись в своей вере, и обогатил его почетными дарами. Однако случилось так, что однажды, когда они беседовали на стенах города Толбиака, Герменфред был кем-то толкнут, упал с высоты

стены на землю и там умер. Но мы не знаем, кто сбросил его оттуда; многие, однако, утверждают, что в этом явно проявилась хитрость Теодориха.

[9. Король Чилдеберт овладевает Овернью по ложному сообщению о смерти Теодориха. 10. Он покидает Овернь и отправляется в экспедицию в Испанию, чтобы отомстить за жестокое обращение с его сестрой Хлотильдой со стороны ее мужа Амаларика. 11-13. Король Теодорих мстит жителям Оверни за то, что они приняли Чилдеберта].

14. Мундерик, утверждавший, что он родственник короля, раздулся от гордости и сказал: "Что мне делать с королем Теодорихом. Ведь трон королевства принадлежит мне не меньше, чем ему. Я пойду, соберу свой народ и потребую от него клятвы, чтобы Теодорих знал, что я такой же король, как и он". И он вышел и стал сбивать народ с пути, говоря "Я вождь, следуйте за мной, и будет вам хорошо". За ним, как и следовало ожидать по слабости человеческой, последовало множество деревенских людей, давших клятву верности и почитавших его как короля. И когда Теодорих узнал об этом, он послал к нему приказ, сказав: "Приди ко мне, и если тебе причитается какая-то доля моего королевства, возьми ее". Теодорих сказал это обманчиво, думая, что убьет его, когда тот придет. Но тот не захотел и сказал: "Иди, передай своему королю, что я такой же король, как и он". Тогда царь приказал привести в движение свое войско, чтобы сокрушить его силой и наказать. Узнав об этом, он, не имея достаточно сил для защиты, поспешил к стенам крепости Витри и постарался укрепиться в ней со всем своим имуществом, собрав тех, кого он сбил с пути. И вот выступило войско, и окружило крепость, и осаждало ее семь дней. И сопротивлялся Мундерик со своими людьми, говоря: "Будем держаться мужественно, будем биться вместе даже до смерти и не покоримся врагу". И когда войско продолжало метать в них копья со всех сторон и ничего не добились, они доложили об этом царю. И он послал за одним из своих людей, по имени Арегиселус, и сказал ему: "Ты видишь, - сказал он, - на что способен этот предатель в своем высокомерии. Пойди и поклянись ему, что он выйдет невредимым. А когда он выйдет, убей его и изгладь память о нем из нашего царства". Он ушел и сделал то, что ему было приказано. Однако сначала он дал знак народу, сказав: "Когда я произнесу слова такие-то и такие-то, немедленно бросайтесь на него и убейте его". Вошел Арегиселус и сказал Мундерику: "Долго ли ты будешь сидеть здесь, как неразумный? Ты не сможешь долго сопротивляться царю, не так ли? Вот, тебе отрезали пищу. Когда голод одолеет тебя, ты выйдешь, неважно, сдашься в руки врага и умрешь, как собака. Лучше послушай моего совета и покорись царю, и тогда ты сможешь жить, ты и твои сыновья". Тогда другой, удрученный этими словами, сказал: "Если я выйду, меня схватит царь и убьет, и меня, и моих сыновей, и всех моих друзей, которые собрались со мной". И сказал ему Арегиселус: "Не бойся, но если ты решишь выйти, то прими мою клятву о твоём преступлении и спокойно предстань перед царем. Не бойся. Ты будешь с ним на тех же условиях, что и раньше". На это Мундерик ответил "Я хотел бы быть уверенным, что меня не убьют". Тогда Арегиселус возложил руки на священный алтарь и поклялся ему, что он выйдет невредимым. Когда клятва была дана, Мундерик вышел из ворот крепости, держа Арегиселуса за руку, и народ издали смотрел на него. Тогда в знак этого Арегиселус сказал: "Почему вы так пристально смотрите, о люди? Разве вы никогда раньше не видели Мундерика?" И тут же народ бросился на него. Но он понял и сказал: "Я ясно вижу, что этими словами ты дал знак народу убить меня, но говорю вам, обманувшим меня лжесвидетельством, что никто и никогда больше не увидит тебя живым". И он вогнал свое копье ему в спину, и пронзил его насквозь, и он упал и умер. Тогда Мундерик обнажил свой меч и вместе со своими последователями учинил великую резню людей и до самой смерти не отступал ни перед кем, до кого мог дотянуться. И после того как он был убит, его имущество было добавлено в казну.

[AM]15. Теодорих и Чилдеберт заключили договор и, поклявшись друг другу, что ни один из них не будет нападать на другого, взяли друг у друга заложников, чтобы их соглашение было более надежным. По этому случаю в качестве заложников было отдано много сыновей сенаторов, но позже между королями возникла ссора, и они были отданы в рабство, а те, кто взял их в охрану, теперь сделали из них рабов. Многие из них, однако, спаслись бегством и вернулись в родные места, но многие остались в рабстве. Среди них был Аттала, племянник блаженного Григория, епископа Лангрского, который стал рабом и был назначен смотрителем лошадей. Он находился в рабстве у некоего варвара на территории Тревеса. Блаженный Григорий послал слуг разыскать его, которые нашли его и предложили подарки, но тот с презрением отверг их, сказав: "За этого человека, принадлежащего к такой семье, следует выкупить десять фунтов золота". И когда они вернулись, некий Лев, принадлежавший к кухне своего хозяина, сказал: "Я хотел бы, чтобы вы дали мне разрешение, и, возможно, я смогу вернуть его из плена". Хозяин обрадовался такому предложению, отправился прямо на место и хотел тайно увести юношу, но не смог. Тогда, торгуясь с одним человеком, он сказал: "Пойдем со мной, продадим меня в дом этого варвара и получим прибыль от моей цены, только позволь мне иметь более свободную возможность сделать то, что я решил". Дав клятву, человек пошел, продал его за двенадцать золотых и ушел. Покупатель спросил нового раба, какую работу он может выполнять, и тот ответил "Я очень искусен в приготовлении всего того, что положено есть на столах господ, и не боюсь, что найдется равный мне по мастерству. Ибо я говорю тебе, что даже если ты захочешь приготовить пир для царя, я смогу приготовить царские яства, и никто лучше меня". И он сказал: "Близится день солнца, - так обычно называют день Господень варвары, - в этот день мои соседи и родственники будут приглашены в мой дом. Я прошу тебя устроить мне такой пир, чтобы они удивились и сказали: "Лучшего мы не видели и в царском дворце"". А другой сказал: "Пусть мой господин закажет большое количество птицы, а я сделаю то, что ты прикажешь". Приготовления, о которых просил раб, были сделаны, и наступил день господина, и он устроил большой пир, полный яств. И когда все наелись и нахваливали яства, родственники господина ушли. Господин поблагодарил этого раба и дал ему власть над едой, которая была у него наготове, и очень полюбил его, и раб подавал еду всем, кто был с его господином. По прошествии года, когда хозяин уже был уверен в нем, Лев вышел на луг, находившийся недалеко от дома, с рабом Аттала, сторожем лошадей, и, лежа с ним на земле на большом расстоянии, повернувшись спиной, чтобы их не узнали вместе, он сказал юноше: "Настало время, когда мы должны думать о родных местах. Поэтому я советую тебе не ложиться спать сегодня ночью, когда ты приведешь лошадей, чтобы их запрячь, а как только я позову тебя, приходи и давай отправимся в путь". Варвар пригласил на пир многих своих сородичей, и среди них был его зять, женившийся на его дочери. В полночь они встали с пира и улеглись отдыхать, а Лев проводил зятя своего хозяина до назначенного места и предложил ему выпить. Тот сказал ему: "Скажи мне, если можешь, доверенный слуга моего тестя, когда ты решишь взять его лошадей и отправиться в свою страну". Он сказал это в шуточной форме. Так же шуточно другой дал правдивый ответ: "Думаю, сегодня ночью, если будет на то воля Божья". И он сказал: "Надеюсь, мои слуги будут следить за тем, чтобы вы не взяли ничего из моего". Они расстались со смехом. Когда все уснули, Лев позвал Аттала и, когда лошади были оседланы, спросил его, есть ли у него меч. Тот ответил: "Мне он не нужен, у меня есть только небольшое копье". Тогда другой пошел в дом своего хозяина и взял его щит и копье. И когда он спросил, кто это и что ему нужно, тот ответил: "Я Лев, твой раб, и я бужу Аттала, чтобы он поскорее встал и отвел лошадей на пастбище, ибо он спит так крепко, как будто пьян". И он сказал: "Делай, что хочешь". И, сказав это, он заснул. Другой вышел за дверь, вооружил юношу и с божьей помощью нашел незапертыми ворота двора, которые он с наступлением ночи забил клиньями, вбитыми молотом, чтобы уберечь лошадей;

возблагодарив Бога, они взяли оставшихся лошадей и отправились в путь, взяв также рулон одежды. Они подошли к реке Мозель, чтобы переправиться через нее, и, будучи задержаны некими людьми, оставили лошадей и одежду и переплыли реку, опираясь на щит, и, перебравшись на другой берег, скрылись в лесу в темноте ночи. Наступила третья ночь с тех пор, как они отправились в путь, не вкусив пищи. Тогда по воле Божьей они нашли дерево, полное плодов, которые обычно называют сливами, поели, немного подкрепились и пустились в путь через Шампань. И когда они спешили, то услышали топот лошадей, идущих быстрым шагом, и сказали: "Давайте бросимся на землю, чтобы не быть замеченными теми, кто едет". И вот они внезапно наткнулись на большой куст колючего дерева, и, пройдя за него, бросились на землю с обнаженными мечами, чтобы быстро защититься от нечестивцев, если их заметят. И когда остальные подъехали к терновому кусту, они остановились; и один из них, пока их кони набирали воду, сказал: "Горе мне, что эти проклятые несчастные скрылись и не могут быть найдены; но, к моему спасению, если они будут найдены, я приказываю одного из них осудить на виселицу, а другого разрубить на части ударами меча". Сказавший это варвар был их хозяином, который ехал из города Реймса в поисках их, и он непременно нашел бы их по дороге, если бы не помешала ночь. Тогда, заведя коней, они отправились в путь. В эту же ночь беглецы добрались до города и, войдя в него, нашли человека, у которого расспросили, и он сказал им, где находится дом священника Паулелла. И когда они проходили через площадь, зазвонил колокол к заутрене - ведь это был день Господень - и, постучав в дверь священника, они вошли, и Лев рассказал о своем господине. И священник сказал ему: "Это было истинное видение, которое я имел. Прошлой ночью я видел двух голубей, которые летели ко мне и сели на мою руку, и один из них был белый, а другой черный". И Лев сказал священнику: "Да будет Господь милостив, как день святой. Мы просим тебя дать нам немного еды, ибо четвертый день идет, как мы не вкушали хлеба и мяса". Он спрятал рабов, дал им хлеб, смоченный в вине, и ушел на утреню. Варвар последовал за ними и во второй раз попросил мальчиков, но священник обманул его, и он вернулся назад. Ведь священник имел давнюю дружбу с блаженным Григорием. Тогда юноши, подкрепив силы пищей и пробыв два дня в доме священника, ушли, и так они пришли к святому Григорию. Епископ обрадовался, увидев их, и прослезился о племяннике Атталы; он освободил Льва от ига рабства со всей его семьей и дал ему собственную землю, на которой он жил свободным человеком с женой и детьми все дни своей жизни.

[16. Сигивальд, герцог Оверни, чудесным образом наказан за захват церковного имущества.
17. Упоминаются семь сменявших друг друга епископов Тура, один из которых, Лев, был "человеком энергичным и искусным в строительстве деревянных сооружений"].

18. Когда королева Клотильда гостила в Париже, Чилдеберт увидел, что его мать с особой любовью любит сыновей Хлодомера, о которых мы упоминали выше, и, завидуя и опасаясь, что они получают долю в королевстве благодаря благосклонности королевы, он тайно послал к своему брату королю Хлотарю, сказав: "Наша мать держит при себе сыновей нашего брата и желает, чтобы они стали королями. Ты должен поскорее приехать в Париж, где мы вместе посоветуемся и обсудим, что с ними делать: остричь ли им волосы и обращаться с ними, как с простыми людьми, или же убить их и разделить царство нашего брата между собой поровну". И Клотар очень обрадовался этим словам и прибыл в Париж. А Чилдеберт распространил в народе весть о том, что короли собрались, чтобы возвести на престол малолетних. И когда они собрались, то послали к королеве, которая тогда жила в городе, сказав: "Пришлите к нам малышей, чтобы они были возведены на престол". И она обрадовалась, не зная их вероломства, и, дав мальчикам еду и питье, отправила их, сказав: "Я не буду думать, что потеряла своего сына, если увижу, как вы займете его место в царстве". И они пошли, и их сразу схватили, и отделили от слуг и воспитателей, и охраняли их

отдельно, в одном месте слуги, в другом - малыши. Тогда Чилдеберт и Хлотарь послали к королеве Аркадия, о котором мы уже упоминали, с ножницами и обнаженным мечом. Придя, он показал королеве и то, и другое и сказал: "Славнейшая царица, твои сыновья, наши господа, просят твоего решения, как, по твоему мнению, следует поступить с мальчиками: приказать ли им жить с остриженными волосами или предать обоих смерти". Она была в ужасе от этой новости и в то же время в ярости, особенно когда увидела обнаженный меч и ножницы, и, охваченная горечью, не понимая в своем горе, что она говорит, неосторожно сказала: "Для меня лучше видеть их мертвыми, чем обретыми, если они не вознесутся на царство". Но он мало удивился ее печали и не стал думать о том, что она скажет позже, когда будет менее тороплива, а быстро пошел, взяв вест и сказав: "Закончи начатое дело с благосклонностью царицы, ибо она желает, чтобы твой замысел был выполнен". Медлить было нельзя. Клотар схватил старшего мальчика за руку, повалил его на землю и, вонзив ему в бок свой охотничий нож, безжалостно убил его. А пока ребенок кричал, его брат бросился к ногам Чилдеберта, обхватил его колени и сказал: "Помоги мне, добрый отец, чтобы я не погиб, как мой брат". Тогда Чилдеберт, лицо которого было залито слезами, сказал: "Дорогой брат, я прошу тебя по своему великодушию даровать мне его жизнь, и пусть я заплачу за его жизнь то, что ты пожелаешь, только пусть он не будет убит". Но другой набросился на него с оскорблениями и сказал: "Изгони его от себя, или ты умрешь вместо него". Это ты, - сказал он, - виновный зачинщик[53] этого дела. Неужели ты так легко нарушаешь веру?" Чилдеберт послушался и отбросил мальчика от себя к другому, который схватил его, вонзил нож ему в бок и убил его, как прежде убил его брата; затем они убили слуг и воспитателей. Когда они были убиты, Клотар сел на коня и уехал, не придав значения убийству своих племянников. А Чилдеберт удалился на окраину города. А королева положила их маленькие тела на одр и последовала за ними в церковь Святого Петра с громким пением и безмерной скорбью, и похоронила их рядом друг с другом. Одному из них было десять лет, другому - семь. Но третьего, Хлодоальда, они не смогли схватить, так как он был освобожден с помощью храбрых людей. Отказавшись от земного царства, он перешел на службу Господу, собственноручно остриг волосы, стал дьячком, занимался добрыми делами и как священник ушел из этой жизни. Два короля разделили поровну между собой королевство Хлодомер. А царица Клотильда показала себя такой, что ее все почитали; она всегда была усердна в милостыне, могла всю ночь провести в бдении, незапятнанная в целомудрии и прямоте; С щедрой и готовой добротой она раздавала имения церквям, монастырям и святым местам, где видела в них нужду, так что считалось, что она усердно служит Богу, не как королева, а как Его собственная служанка, и ни ее царские сыновья, ни мирское честолюбие, ни богатство не возвышали ее на погибель, но ее смирение возвышало ее до благодати.

19. В то время в городе Лангре жил блаженный Григорий, великий епископ Божий, прославившийся своими знамениями и чудесами. И раз уж мы заговорили об этом епископе, я считаю нелишним вставить в это место рассказ о местечке Дижон, где он особенно подвизался. Это крепость с очень прочными стенами, построенная посреди равнины, очень приятное место, земли богатые и плодородные, так что, когда поля вспахивают один раз, семена засевают, и в положенное время приходит большое изобилие плодов. С юга протекает река Оуче, богатая рыбой, а с севера - еще один маленький ручеек, который впадает в ворота, течет под мостом и снова выходит через другие ворота, обтекая своими тихими водами все укрепленное место и с удивительной быстротой вращая мельницы перед воротами. Четверо ворот обращены к четырем областям вселенной, и тридцать три башни украшают все сооружение, а стена высотой в тридцать футов и толщиной в пятнадцать футов построена из квадратных камней до двадцати футов, а выше - из мелкого камня. И почему его не называют городом, я не знаю. Вокруг него в изобилии источники, а на западе холмы, очень плодородные и полные виноградников, которые производят для жителей такое

благородное фалернское вино, что они с презрением относятся к вину Аскалона. Древние говорят, что это место было построено императором Аврелианом.

[20. Обручение сына Теодориха Теодоберта с Визигардой. 21. Франки отвоевывают у готов некоторые города, захваченные Хлодвигом. 22. Теодоберт влюбляется в Деотерию].

23. В те дни Теодорих убил мечом своего родственника Сигивальда, тайно послав к Теодоберту, чтобы тот убил сына Сигивальда, которого тот держал при себе. Но тот не захотел его убивать, потому что взял его из священной купели. Но он дал ему прочитать письмо, которое прислал его отец, сказав: "Беги отсюда, потому что я получил от отца повеление убить тебя; а если он умрет и ты услышишь, что я царствую, то возвращайся ко мне невредимым". Услышав это, Сигивальд поблагодарил его, попрощался и ушел. В это время готы овладели городом Арлем, в котором у Теодоберта оставались заложники. В него и бежал Сигивальд. Но, увидев, что там он не в безопасности, он отправился в Лаций и остался там скрываться. Пока это продолжалось, Теодоберту принесли весть о том, что его отец тяжело болен и что если он не поспешит к нему, чтобы застать его живым, то будет исключен своими дядями и никогда не сможет вернуться. Услышав это, он отложил все дела и поспешил туда, оставив Деотерию с дочерью в Клермонте. И не прошло и нескольких дней после его отъезда, как Теодорих умер, на двадцать третьем году своего царствования. А Чилдеберт и Хлотарь восстали против Теодориха и хотели отнять у него королевство, но его защитили его *леуды*, получив от него дары, и он утвердился в своем королевстве. Позже он отправился в Клермон, вызвал оттуда Деотерию и женился на ней.

24. Видя, что ему не удастся одержать верх, Чилдеберт отправил к нему посольство и велел ему явиться к нему, сказав: "У меня нет сыновей, я хочу обращаться с тобой как с сыном". И когда тот пришел, он одарил его такими богатыми дарами, что все удивились. Ибо он подарил ему три пары всех доспехов, одеяний и прочего снаряжения, которое подобает иметь королю, а также коней и цепи. Сигивальд услышал это, а именно, что Теодоберт получил королевство своего отца и вернулся к нему из Италии. И обрадовался Теодоберт, и поцеловал его, и одарил его третьей частью даров, которые получил от своего дяди, и приказал вернуть ему все, что его отец захватил из имущества отца Сигивальда.

25. И утвердился он в своем королевстве, и показал себя великим, и отличался всяким добром. Ибо он управлял своим королевством по справедливости, уважая епископов, делая подарки церквям, помогая бедным и оказывая доброту многим людям с благочестивым и щедрым сердцем. Он любезно отменил всю дань, которая поступала в его казну от церквей, расположенных в Оверни.

26. Деотерия увидела, что ее дочь уже выросла, и боялась, что король захочет забрать ее. Она посадила ее на подводку, к которой были привязаны дикие волы, и отправила ее вниз головой через мост; та погибла в реке. Это случилось в городе Вердене.

27. Поскольку шел уже седьмой год со дня обручения Теодоберта и Висгарды, а он не хотел брать ее из-за Деотерии, франки, встретившись, сильно поносили его за то, что он бросил свою суженую. Тогда он встревожился и, бросив Деотерию, от которой у него был маленький сын Теодобальд, женился на Висгарде. А когда она вскоре умерла, он взял себе другую жену. Но Деотерии у него после этого не было".

[28. Чилдеберт и Теодоберт выступают в поход против Хлотаря, но их отбрасывает назад чудесный град, посланный святым Мартином].

29. Позже король Чилдеберт отправился в Испанию. И, войдя в страну вместе с Хлотарем, они окружили город Сарагоссу своим войском и осадили его. Но осажденные обратились к Богу с таким смирением, что оделись в одежды, воздержались от еды и питья и обошли стены города с пением псалмов, неся тунику блаженного мученика Винсента; женщины тоже шли с плачем, одетые в черные одежды, с распущенными волосами и пеплом на них, так что можно было подумать, что они присутствуют на похоронах своих мужей. И до такой степени этот город возлагал всю свою надежду на милость Божью, что, как говорили, там праздновали пост ниневитян, и не было никакой другой возможности, кроме как молитвами снискать божественную милость. Но осаждающие не знали, что происходит, и, увидев, как они обходят стену таким образом, решили, что они занимаются каким-то колдовством. Тогда они схватили одного из простых жителей этого места и спросили его, что они делают. И он сказал: "Они несут тунику блаженного Винсента и в то же время молят Господа сжалиться над ними". И они испугались этого и ушли из того города. Однако они захватили очень большую часть Испании и вернулись к галлам с большими трофеями.

30. После Амаларика королем в Испании был назначен Теода. Но когда он был убит, они возвели на трон Теодегизила. Когда он обедал со своими друзьями и был очень весел, внезапно в обеденном зале погасили свет, и он был убит своими врагами, пронзенный мечом. После него королем стал Агила. Ибо готы завели отвратительную привычку нападать с мечом на любого из своих королей, который им не нравился, и назначали королем любого, кто им нравился.

31. Теодорих Италийский, женившись на сестре короля Хлодвига, умер, оставив жену и маленькую дочь. Когда эта девочка подросла, она из-за своего переменчивого нрава отказалась от совета своей матери, которая подыскивала для нее королевского сына, взяла своего раба по имени Трагиланис и бежала с ним в город, где надеялась защитить себя. И когда мать яростно гневалась на нее и умоляла не позорить дальше знатный род, и говорила, что ее долг - отослать раба и взять равного себе по рангу из царской семьи, которого обеспечила мать, она ни за что не соглашалась. Тогда мать, все еще гневаясь на нее, собрала войско. Они настигли их, убили мечом Трагиланиса, наказали саму девушку и отвели ее в дом ее матери. Они принадлежали к секте ариан, и так как по их обычаю цари, идущие к алтарю, получают одну чашу, а меньшие люди - другую, она подсыпала яд в чашу, из которой собиралась причащаться ее мать. И она выпила его и сразу же умерла. Нет сомнений, что такой вред - от дьявола. Что ответят жалкие еретики на это обвинение, что враг обитает в их святом месте? Что же касается нас, исповедующих Троицу в едином равенстве и всемогуществе, то даже если бы мы выпили смертоносный сосуд во имя Отца, Сына и Святого Духа, истинного и нетленного Бога, это не причинило бы нам никакого вреда". Италийцев возмутила эта женщина, и они пригласили Феодада, царя Тусции, и сделали его своим царем. Когда он узнал, в чем провинилась блудница, как она убила свою мать из-за раба, которого взяла в плен, он приказал нагреть баню до сильного жара и закрыть ее в ней с одной служанкой. И когда она вошла в горячие пары, то сразу же упала на мостовую, и умерла, и была уничтожена. И когда короли Чилдеберт и Хлотар, ее двоюродные братья, а также Теодоберт узнали об этом, а именно о том, что она была предана смерти столь позорным образом, они отправили посольство к Теододу, обвиняя его в ее смерти и говоря: "Если ты не договоришься с нами о том, что ты сделал, мы отнимем у тебя королевство и осудим тебя на такое же наказание". Тогда он испугался и послал им пятьдесят тысяч золотых. А Чилдеберт, как всегда завидующий королю Хлотарю и коварный, объединился с Теодобертом, своим племянником, и они поделили золото между собой, отказавшись отдать что-либо из него королю Хлотарю. Но он напал на сокровища Хлодомера и взял у них гораздо больше того, что они у него отняли.

32. Теодоберт отправился в Италию и там добился больших успехов. Но поскольку те места, по слухам, полны болезней, на его войско напали различные лихорадки, и многие из них там умерли. Видя это, Теодоберт вернулся из страны и привез много добычи, себя и своих людей. Рассказывают, что в то время он дошел до города Павии, к которому снова послал Буцелена. Он захватил Малую Италию и подчинил ее царю, о котором уже говорилось, и напал на Большую Италию; здесь он много раз сражался с Белсуарием и одержал победу. Когда же император увидел, что Белсуария все чаще бьют, он сместил его и поставил на его место Нарсеса, а Белсуария, в качестве унижения, сделал графом конюшни, которую тот занимал прежде. Но Буцелен вел великие сражения с Нарсесом: захватив всю Италию, он расширил свои границы до моря и отправил из Италии большие сокровища Теодоберту. Когда Нарсес сообщил об этом императору, тот нанял войска и послал Нарсесу помощь, и в последующей битве тот был разбит. Затем Буцелен захватил Сицилию и, требуя с нее дань, отправил ее королю. В этих делах он пользовался большим процветанием.

[33. Вражда между Астериолом и Секундином, советниками короля Теодоберта].

[AT]34. Дезидерат, епископ Вердена, которому король Теодорих причинил много зла, по повелению Господа, после многих потерь, поражений и скорбей, был восстановлен в свободе и получил сан епископа, как мы уже говорили, в городе Вердене, и, видя, что жители его очень бедны и нищи, скорбел о них, а так как из-за Теодориха он остался без своего имущества и не имел ничего своего, чем мог бы их выручить, то, зная доброту и благосклонность ко всем короля Теодоберта, он отправил к нему посольство, сказав: "Слава о твоей доброте разнеслась по всей земле, ибо щедрость твоя такова, что ты оказываешь помощь даже тем, кто ее не ищет. Прошу тебя, если у тебя есть деньги, одолжить их нам, чтобы мы могли оказать помощь нашим согражданам; и когда те, кто занимается делами, обеспечат в нашем городе доход, подобный тому, который имеют остальные, мы вернем тебе деньги с законными процентами". Тогда Теодоберт воспылал жалостью и выделил семь тысяч золотых, которые епископ получил и раздал своим согражданам. А те, кто занимался бизнесом, разбогатели благодаря этому и по сей день считаются великими. И когда только что упомянутый епископ предложил деньги, причитающиеся царю, царь ответил "Мне нет нужды брать их; мне достаточно того, что бедняки, терпевшие нужду, получили облегчение от твоей заботы благодаря твоему предложению и моей щедрости". И тот, о ком мы упоминали, сделал горожан богатыми, ничего не требуя.

[35. Сиагрий мстит за обиду, нанесенную его отцу, убивая Сиривальда].

[AU]36. После этого царь Теодоберт начал болеть. Лекари оказывали ему большую помощь, но он не выздоравливал, потому что Господь уже велел его призвать. И вот после очень долгой болезни он умер от своей немощи. А так как франки сильно ненавидели Парфения за то, что он обложил их данью во времена только что упомянутого короля, они стали нападать на него. Видя, что ему грозит опасность, он бежал из города и смиренно умолял двух епископов провести его в город Трев и своей проповедью усмирить буйство разъяренного народа. Пока они были в пути, он лежал ночью на кровати и вдруг издал во сне громкий крик, сказав: "Хо! Хо! Помогите, вы, которые здесь, и помогите погибающему". От этого крика проснулись те, кто был рядом, и спросили его, в чем дело. Он ответил: "Авсаний, друг мой, и жена моя Папианелла, которую я давно убил, вызывали меня на суд, говоря: "Приди, защитись, раз ты собираешься говорить с нами перед лицом Господа"". За несколько лет до этого он убил свою невинную жену и своего друга под влиянием ревности. Тогда в упомянутый город прибыли епископы и, поскольку они не могли утихомирить смуту в мятежном народе, решили спрятать его в церкви, положив в сундук и расстелив над ним облачения, которые использовались в церкви. Народ вошел в церковь и, обыскав все уголки,

в ярости вышел, ничего не найдя. Тогда один из них недоверчиво сказал: "Вот сундук, в котором не искали нашего врага". И когда стражники сказали, что в нем нет ничего, кроме церковной утвари, они потребовали ключ, сказав: "Если вы быстро не отопрете его, мы сами его вскроем". Наконец сундук отперли, сняли льняные одежды, нашли его и вытащили наружу, радуясь и говоря: "Бог предал врага нашего в наши руки". Затем они стали бить его кулаками, плевать на него и, связав ему руки за спиной, забили его камнями до смерти возле колонны. Он был очень прожорлив в еде, и то, что он ел, он быстро переваривал, принимая алоэ, чтобы поскорее снова проголодаться..... Так он и погиб, встретив подобный конец.

37. В тот год зима была тяжелой и более суровой, чем обычно, так что ручьи были скованы морозом и представляли для людей путь, как сухая земля. Птицы тоже страдали от холода и голода и попадались в руки без всяких сил, когда выпадал глубокий снег.

От смерти Хлодвиг до смерти Теодоберта прошло тридцать семь лет. Когда Теодоберт умер на четырнадцатом году своего правления, вместо него воцарился Теодоальд, его сын.

На этом заканчивается Третья книга.

ССЫЛКИ:

[51] *ad ilicem*. Нет в Вульгате. Григорий, вероятно, частично использовал грубую народную версию Писания. См. Bonnet, p. 61.

[52] Чтение *invisibilem* для *indivisiblem*.

[53] Чтение *incestator*, *instecator*. Bonnet, Le Latin de Gregoire de Tours, p. 454, 5.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЮТСЯ ГЛАВЫ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ

- 1. Смерть королевы Клотильды.
- 2. Король Хлотарь пытается отобрать треть доходов церквей.
- 3. Его жены и дети.
- 4. Графы бретонцы.
- 5. Святой епископ Галлус.
- 6. Священник Катон.
- 7. Епископат Каутина.
- 8. Цари испанцев.
- 9. Смерть Теодовальда.
- 10. Восстание саксов.
- 11. Жители Тура по приказу короля приглашают Катона стать их епископом.
- 12. Священник Анастасий.
- 13. О легкомыслии и нечестии Храмнуса и о Каутине и Фирмине.
- 14. Хлотарь предпринимает вторую экспедицию против саксов.
- 15. Епископат святого Евфрония.

- 16. Храмнус и его последователи, преступления, которые он совершил, и как он отправился в Дижон.
- 17. Как Храмнус дезертировал к Чилдеберту.
- 18. Герцог Аустрапий.
- 19. Смерть святого епископа Медарда.
- 20. Смерть Чилдеберта и убийство Храмнуса.
- 21. Смерть короля Хлотаря.
- 22. Раздел королевства между его сыновьями.
- 23. Сигиберт выступает в поход против гуннов, а Чилперик захватывает его города.
- 24. Патриций Цельс.
- 25. Жены Гунтрама.
- 26. Жены Хариберта.
- 27. Сигиберт женится на Брунгильде.
- 28. Жены Чилперика.
- 29. Вторая война Сигиберта с гуннами.
- 30. Жители Оверни по приказу короля Сигиберта отправляются брать Арль.
- 31. О городе Тауредунум и других чудесах.
- 32. Монах Юлиан.
- 33. Аббат Сунниульф.
- 34. Монах из Бордо.
-
- 35. Епископат Авита в Оверни.
- 36. Святой Никитий Лионский.
- 37. Святой затворник Фиард.
- 38. Испанские короли.
- 39. Смерть Палладия в Клермонте.
- 40. Император Юстин.
- 41. Альбин и лангобарды поселяются в Италии.
- 42. Войны между ними и Муммулом.
- 43. Марсельский архидиакон.
- 44. Лангобарды и Муммулус.
- 45. Муммулус отправляется в Тур.
- 46. Убийство Андархия.
- 47. Теодоберт овладевает городами.
- 48. Монастырь Латта.
- 49. Сигиберт отправляется в Париж.
- 50. Чилперик заключает договор с Гунтрамом; смерть Теодоберта, его сына.
- 51. Смерть короля Сигиберта.

НА ЭТОМ ГЛАВЫ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ

Четвертая книга

НАЧИНАЕТСЯ ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА СО СЧАСТЛИВЫМИ СОБЫТИЯМИ

[1. Королева Клотильда умирает в Туре и погребена в Париже].

[AV]2. Король Хлотарь приказал всем церквям своего королевства платить в его казну треть своих доходов. Но когда все остальные епископы, хотя и нехотя, согласились на это и подписали свои имена, блаженный Инджуриос презрел приказ и мужественно отказался подписать его, сказав: "Если ты попытаешься взять Божье, Господь быстро отнимет у тебя царство, потому что неправильно, чтобы твои хранилища наполнялись пожертвованиями бедных, которых ты сам должен кормить". Он был раздражен на царя и покинул его, не попрощавшись. Тогда король встревожился и, боясь власти блаженного Мартина, послал за ним с дарами, моля о помиловании и признании неправоты своего поступка, а также прося, чтобы епископ молитвой отвратил от него власть блаженного Мартина.

3. У короля было семь сыновей от нескольких жен: от Ингунды - Гунтар, Чилдерик, Хариберт, Гунтрам, Сигиберт и дочь Хлоцинда; от Арегунды, сестры Ингунды, - Чилперик; а от Чунсины - Храмнус. Я расскажу, почему он женился на сестре своей жены. Когда он уже был женат на Ингунде и любил ее одну, он получил от нее намек, сказав: "Мой господин сделал со своей служанкой все, что хотел, и взял меня к себе на диван. Теперь пусть мой господин король выслушает, что предложит его слуга, чтобы закрепить его благосклонность. Я прошу, чтобы ты согласился найти мужа для моей сестры, человека, который будет выгоден твоему слуге и будет обладать богатством, чтобы я не была унижена, а наоборот, возвысилась и могла служить тебе более преданно". К этой просьбе он прислушался и, будучи по натуре распутным, влюбился в Арегунду, отправился в поместье, где она жила, и сам женился на ней. Сделав это, он вернулся к Ингунде и сказал: "Я постарался сделать то, о чем просила меня твоя милая. Я искал человека богатого и мудрого, чтобы соединить его с твоей сестрой, но не нашел никого лучше себя. И вот позвольте мне сказать вам, что я женился на ней, что, думаю, не вызовет у вас неудовольствия". И она ответила: "Пусть мой господин делает то, что кажется ему хорошим в его глазах; только пусть его служанка живет в благоволении у короля".

Гунтар, Храмнус и Чилдерик умерли при жизни отца. О смерти Храмнуса я напишу позже. А Альбин, король лангобардов, женился на Хлоцинде, своей дочери. Инджуриос, епископ Тура, умер на семнадцатом году своего епископства, и Баудин, бывший чиновник короля Хлотаря, сменил его, на шестнадцатом после смерти блаженного Мартина.

4. Шанао, граф бретонцев, убил трех своих братьев. Он хотел убить и Маклиава, схватил его и держал в темнице, нагруженной цепями. Но его освободил от смерти Феликс, епископ Нантский. После этого он поклялся быть верным своему брату, но по тем или иным причинам был склонен нарушить свою клятву. Шанао узнал об этом и снова начал нападать на него, и когда Маклиав увидел, что ему не спастись, он бежал к другому графу того округа, по имени Хономор. Когда Хономор узнал, что преследователи Маклиава уже близко, он спрятал его в ящике под землей и насыпал над ним курган обычным способом, оставив небольшое отверстие, чтобы он мог дышать. И когда пришли его преследователи, они сказали: "Вот лежит Маклиав мертвый и погребенный". Услышав это, они обрадовались, выпили на его могиле и сообщили его брату, что он мертв. А брат его забрал все его королевство. Ибо после смерти Хлодвига бретонцы всегда находились под властью франков, а их правители назывались графами, а не королями. Маклиав поднялся из-под земли и отправился в город

Ванн, где принял постриг и был рукоположен в епископы. Но после смерти Шанао он оставил священство, отпустил длинные волосы и вернул себе не только королевство брата, но и жену, которую бросил, став священником. Однако епископы отлучили его от церкви. Каков был его конец, я опишу позже. Епископ Бодин умер на шестом году своего епископства, и на его место был назначен аббат Гунтар, семнадцатый после кончины блаженного Мартина.

[5. Как святой Галл, епископ Клермонский, отвратил чуму от своего народа].

Когда святой Галл отошел в мир иной и тело его было омыто и перенесено в церковь, священник Катон сразу же принял поздравления от духовенства с тем, что он стал епископом. И как будто он уже был епископом, он взял под свой контроль все церковное имущество, сместил управляющих и изгнал низших чиновников и сам все регулировал".

[AX]6. Епископы, пришедшие на похороны святого Галла, сказали священнику Катону после похорон: "Мы видим, что тебя выбирает большая часть народа; тогда иди, присоединяйся к нам, и мы благословим и посвятим тебя в епископы. Король очень молод, и если в тебе найдут какую-нибудь провинность, мы возьмем тебя под свою защиту и договоримся с ведущими людьми королевства Теодовальда, чтобы тебе не причинили зла. Верьте нам, ибо мы обещаем, что даже если вы понесете убытки, мы возместим их из своего имущества". Но он раздурлся от гордости тщеславия и сказал: "Вы знаете из широко распространенных сведений, что с самого начала моей жизни я всегда жил религиозно, что я постился, услаждался милостыней, часто бдел без остановки и часто продолжал петь псалмы без перерыва всю ночь напролет. Господь Бог, которому я так служил, не допустит, чтобы я был лишен этой должности. Ибо я достиг всех степеней духовенства, как предписано канонами. Десять лет я был чтецом, пять лет исполнял обязанности иподиакона, вот уже двадцать лет являюсь священником. Что еще мне остается, кроме как получить сан епископа, которого заслуживает моя верная служба. А вы возвращайтесь в свои города и занимайтесь тем, что вам выгодно. Ибо я намерен получить этот сан так, как предписано канонами". Епископы, услышав это, удалились, проклиная его пустое хвастовство.

7. Он был назначен епископом по выбору духовенства, и когда он принял на себя управление всем, хотя еще не был рукоположен, он начал высказывать различные угрозы в адрес архидиакона Каутина, говоря: "Я изгоню тебя, я унижу тебя, я вызову много видов насильственной смерти, чтобы угрожать тебе". А он отвечал: "Я хочу получить твою благосклонность, благочестивый господин; и если я завуюю ее, то смогу сделать одно доброе дело. Без всякого труда с твоей стороны и без всякого обмана я пойду к королю и добьюсь для тебя поста епископа, не прося никакой награды, кроме как завоевать твое расположение". Но тот заподозрил, что тот хочет над ним посмеяться, и с большим презрением отверг это предложение. Когда же Каутин понял, что попал в немилость и стал объектом дурной молвы, он притворился больным и ночью покинул город, отправившись к королю Теодовальду и сообщив о смерти святого Галла. И когда ему и его двору сообщили об этом, они собрали епископов в городе Мец, и архидиакон Каутин был рукоположен в епископы. А когда прибыли посланцы священника Катона, он уже был епископом. Тогда по приказу короля ему были переданы эти клирики и все, что они принесли из имущества церкви, а епископы и чиновники казны были назначены сопровождать его, и они отправили его в путь в Клермон. Он был с радостью принят духовенством и горожанами и стал епископом Клермонта. Но позже между ним и священником Катонем возникла вражда, потому что никто не мог повлиять на Катона, чтобы он подчинился своему епископу. Возникло разделение духовенства, и одни пошли за епископом Каутином, а другие - за священником Катонем. Это было для них большим недостатком. Каутин же, видя, что Катона никак нельзя заставить подчиниться ему, отнял у него и его друзей и у тех, кто принимал его

часть, все церковное имущество и оставил их слабыми и пустыми. Но кто из них возвращался к нему, тот снова получал то, что потерял".

[8. Король Испании Агила теряет города, которые его преемник Афанагильд возвращает императору].

9. Когда Теодовальд вырос, он женился на Вульдетраде. Этот Теодовальд, говорят, имел дурной нрав, поэтому, когда он сердился на кого-нибудь, кого подозревал в присвоении его имущества, он сочинял басню, говоря "Змея нашла кувшин, полный вина. Он залез в него по горлышко и с жадностью выпил все, что было внутри. Но, нахлебавшись вина, он не смог выйти через то отверстие, через которое вошел. Тогда пришел хозяин вина, и когда змей попытался выбраться, но не смог, он сказал ему: "Сначала вырви то, что проглотил, и тогда сможешь выйти на свободу". " Из-за этой басни его стали сильно бояться и ненавидеть. При нем Буцелен после того, как вся Италия перешла под власть франков, был убит Нарсесом, а Италия была захвачена партией императора, и впоследствии ее некому было вернуть. В его время мы видели, как на дереве, которое мы называем *saucum* [бузина], рос виноград, не имея на нем никакой лозы, и цветки тех же деревьев, которые, как вы знаете, обычно дают черные семена, давали семена винограда. В то же время было замечено, что звезда, идущая с противоположного направления, вошла в диск пятой луны. Я полагаю, что эти знаки возвестили о смерти короля. Он сильно заболел и не мог двигаться от пояса вниз. Постепенно ему становилось все хуже, и он умер на седьмом году своего правления, а король Клотар принял его королевство, взяв в свою постель жену Вульдетраду. Но, получив упрек от епископов, он оставил ее, отдав герцогу Гаривальду и отправив своего сына Храмнуса в Клермонт.

[10. Король Хлотарь уничтожает большую часть мятежных саксов и опустошает Тюрингию].

11. Епископ Гунтар умер в Туре, и, как говорят, по предложению епископа Каутина священнику Катону было предложено взять на себя управление церковью в Туре. И духовенство в сопровождении Леубаста, хранителя мощей и аббата, отправилось в большом состоянии в Клермон. И когда они объявили Катону волю короля, он не отвечал им несколько дней. Но они пожелали вернуться и сказали: "Объяви нам свою волю, чтобы мы знали, что нам делать; иначе мы вернемся домой. Ведь мы пришли к тебе не по своей воле, а по повелению царя". И Катон в своей жадности к тщеславию собрал толпу бедняков и велел им кричать следующее: "Добрый отец, почему ты оставляешь нас, своих детей, которых ты учил до сих пор? Кто подкрепит нас едой и питьем, если ты уйдешь? Мы умоляем тебя не оставлять нас, которых ты привык поддерживать". Затем он обратился к духовенству Тура и сказал: "Теперь вы видите, возлюбленные братья, как любит меня эта толпа бедняков; я не могу оставить их, чтобы пойти с вами". Они получили этот ответ и вернулись в Тур. Катон подружился с Храмном и получил от него обещание, что если король Хлотарь умрет в это время, то Каутин будет немедленно изгнан из епископского сана, а Катон получит управление церковью. Но тот, кто презрел кафедру блаженного Мартина, не получил желаемого, и на этом исполнилось то, что воспел Давид, сказав: "Он отказался от благословения, и оно будет удалено от него". Он раздулся от тщеславия, думая, что никто не превосходит его в святости. Однажды он нанял женщину, чтобы она громко кричала в церкви, как одержимая, и говорила, что он святой, великий и любимый Богом, а епископ Каутин виновен во всех преступлениях и недостойн занимать должность епископа.

12. Приступив к исполнению обязанностей епископа, Каутин сильно пристрастился к вину и проявил такой характер, что его все возненавидели. Он часто бывал настолько одурманен выпивкой, что четверо мужчин с трудом могли увести его после ужина. Из-за этой привычки

он впоследствии стал эпилептиком - болезнь, которая часто проявлялась на публике. Кроме того, он был настолько скуп, что если ему не удавалось получить часть имущества тех, чьи границы его касались, он считал это гибелью для себя. Он отнимал у более сильных с помощью ссор и оскорблений, а слабых жестоко грабил. И, как говорит наш Соллий[54], он не платил цену, потому что презирал это, и не соглашался на подвиги, потому что считал их бесполезными.

В то время жил один священник Анастасий, свободного происхождения, который владел некоторым имуществом, закрепленным за королевой Клотильдой славной памяти. Обычно при встрече с ним епископ умолял его отдать ему документы упомянутой королевы и передать имущество под его ответственность. Когда же Анастасий откладывал исполнение воли епископа, тот пытался то уговаривать его добрыми словами, то устрашать угрозами. Когда же тот продолжал не желать до конца, он приказал привести его в город и там бесстыдно удерживать, и если он не сдастся, его должны были осыпать оскорблениями и уморить голодом. Но тот оказал упорное сопротивление и не отдал дела, заявив, что лучше ему какое-то время мучиться от голода, чем оставить своих детей в несчастье. Тогда по приказу епископа его отдали стражникам с указанием уморить голодом, если он не отдаст документы. В церкви святого мученика Кассия была очень старая и отдаленная крипта, в которой находилась большая гробница из парианского мрамора, где, по-видимому, было положено тело некоего человека давних времен. В этой гробнице на мертвое тело положили живого священника, а гробницу закрыли камнем, которым она была покрыта прежде, и поставили у входа стражу. Но верные стражи, видя, что он закрыт камнем, так как была зима, разожгли огонь и под влиянием горячего вина заснули. Священник же, как новый Иона, настойчиво молил Господа пожалеть его из глубины гробницы, как из чрева ада, и гробница, как мы уже говорили, была велика, и он мог свободно протянуть руки, куда хотел, хотя и не мог повернуться всем телом. От костей мертвых, как он рассказывал, исходило убийственное зловоние, заставлявшее его содрогаться не только внешне, но и внутренне. Пока он плотно прижимал к носу халат и мог задержать дыхание, его ощущения были не самыми худшими, но когда ему казалось, что он задыхается, и он отводил халат немного от лица, то вдыхал смертельный запах не только через рот и нос, но даже, так сказать, через самые уши. Зачем так долго рассказывать! Пострадав, как я полагаю, подобно Божественной природе, он протянул правую руку к краю саркофага и нащупал лом, который остался между крышкой и краем гробницы, когда крышка опустилась на место. Постепенно двигая им, он обнаружил, что с Божьей помощью камень можно сдвинуть с места, и когда он был сдвинут настолько, что священник смог высунуть голову, он с большей легкостью проделал еще большее отверстие и вышел наружу телесно. Тем временем ночная тьма надвигалась на день, хотя еще не распространилась повсюду. Тогда он поспешил к другому входу в крипту. Он был закрыт самыми крепкими засовами, но не настолько гладко подогнан, чтобы человек не мог видеть между досками. Священник приблизил голову к этому входу и увидел, что мимо него проходит человек. Он позвал его низким голосом. Тот услышал, и, взяв в руки топор, сразу же разрубил деревяшки, на которых держались брусья, и открыл священнику путь. А тот скрылся в темноте и поспешил домой, настойчиво уговаривая мужчину никому ничего не говорить об этом. Он вошел в свой дом и, найдя документы, которые дала ему упомянутая королева, отнес их королю Хлотару, сообщив ему при этом, как его предали живому погребению его собственного епископа. Все были поражены и сказали, что ни Нерон, ни Ирод никогда не совершали такого поступка, чтобы положить в могилу живого человека. Тогда епископ Каутин предстал перед царем Хлотарем, но после обвинения священника он отступил в поражении и смятении. Священник, согласно полученным от короля указаниям, распорядился своим имуществом по своему усмотрению, сохранил его и оставил своим детям. В Каутине не было ни святости, ни качества, достойного уважения. Он совершенно не

разбирался ни в церковной, ни в светской литературе. Он был большим другом иудеев и раболепствовал перед ними, но не ради их спасения, как должен был бы заботиться пастырь, а для того, чтобы покупать их товары, которые они продавали ему по более высокой цене, чем они стоили, поскольку он старался им угодить, а они очень откровенно льстили ему.

[BA]13. В это время Храмн жил в Клермонте. Он совершил много поступков, противоречащих разуму, и за это его уход из мира был поспешным, а в народе его горько поносили. Он не дружил ни с кем, от кого мог бы получить добрый и полезный совет, но собирал молодых людей с низким характером и непоколебимым характером и дружил только с ними, слушая их советы и по их предложению даже направлял их на то, чтобы силой уводить дочерей сенаторов. Он нанес Фирмину серьезные оскорбления, изгнал его с поста графа города и поставил на его место Салуста, сына Эводия. Фирмин со своей тещей укрылся в церкви. Был Великий пост, и епископ Каутинус приготовился идти в процессии с пением псалмов в приход Бриуда, согласно обычаю, установленному святым Галлом, о котором мы рассказывали выше. И вот епископ отправился из города с громким плачем, боясь, что встретит по дороге какую-нибудь опасность. Ведь царь Храмн произносил угрозы в его адрес. И когда он был в пути, царь послал Иннахара и Скафтара, своих главных приближенных, сказав: "Идите и силой оттащите Фирмина и Кесарию, тещу его, от церкви". И когда епископ удалился с пением псалмов, как я уже говорил, посланные Храмном люди вошли в церковь и старались многими лживыми словами успокоить подозрения Фирмина и Кесарии. И когда они долго говорили одно за другим, расхаживая туда-сюда по церкви, а беглецы все внимание свое приковывали к тому, о чем говорили, они приблизились к дверям священного храма, которые были тогда открыты. Тогда Иннахар схватил Фирмина в объятия, а Скафтар Кесарию, и выгнал их из церкви, где их рабы были готовы схватить их. И сразу же отправили их в изгнание. Но на второй день их стражников одолел сон, и они, увидев, что свободны, поспешили в церковь блаженного Юлиана и таким образом избежали изгнания. Однако их имущество было конфисковано. Каутин подозревал, что и сам подвергнется бесчинствам, и когда он шел по дороге, о которой я рассказывал, рядом с ним оказалась оседланная лошадь, и, оглянувшись, он увидел людей, которые ехали верхом, чтобы догнать его, и воскликнул: "Горе мне, ибо вот люди, посланные Храмном, чтобы схватить меня". И, сев на коня, он бросил пение псалмов и, подталкивая коня обеими пятками, прибыл один и полумертвый ко входу в церковь Святого Юлиана. Рассказывая эту историю, я вспоминаю изречение Саллюстия, которое он произнес в отношении критиков-историков. Он говорит: "Писать историю, по-видимому, трудно; во-первых, потому, что поступки должны быть точно представлены в словах, а во-вторых, потому, что большинство людей считает, что осуждение злодеяний вызвано недоброжелательством и завистью". Однако давайте продолжим.

14. Когда Хлотарь после смерти Теодовальда получил королевство Франкию и продвигался по нему, он услышал от своих людей, что саксы во второй раз разбушевались, восстали против него и презрительно отказываются платить дань, которую они привыкли платить каждый год. Возбужденный этими сообщениями, он поспешил в их страну, и когда он был уже недалеко от их границ, саксы прислали к нему легатов, сказав: "Мы не относимся к тебе пренебрежительно и не отказываемся платить то, что обычно платили твоим братьям и племянникам, и дадим даже больше, если ты об этом попросишь. Мы просим только об одном: чтобы был мир, чтобы ваше войско и наш народ не вступали в конфликт". Король Клотар услышал это и сказал своим сторонникам: "Эти люди говорят хорошо. Давайте не будем идти против них, боясь, что мы согрешим против Бога". Но они сказали: "Мы знаем, что они лживы и не сделают того, что обещали. Давайте пойдем против них". И снова саксы предложили половину своего имущества, желая заключить мир. И Клотар сказал своим людям: "Отдайте, прошу вас, от этих людей, чтобы не разгорелся на нас гнев Божий". Но они

не согласились. Снова саксы принесли одежду, скот и всякое имущество, сказав: "Возьмите все это вместе с половиной нашей земли, только пусть наши жены и малыши останутся свободными, и пусть между нами не возникнет войны". Но франки не хотели соглашаться даже на это. И сказал им король Хлотарь: "Отступите, умоляю вас, отступите от этой цели, ибо мы не имеем права слова; не вступайте в войну, в которой мы можем быть уничтожены. Если вы решите идти по своей воле, я не пойду за вами". Тогда они разгневались на царя Хлотаря и бросились на него, и разорвали его шатер на куски, и осыпали его оскорблениями, и таскали его за собой, и хотели убить его, если он не пойдет с ними. Тогда Клотар пошел с ними, хотя и нехотя. И начали они сражение, и были убиты в большом количестве своими противниками, и погибло такое великое множество из обеих войск, что невозможно было ни оценить, ни сосчитать их. Тогда Клотар в великом смятении попросил мира, сказав, что не по своей воле он вышел против них. И, получив мир, он вернулся домой.

15. Жители Тура услышали, что король вернулся из битвы с саксами, и, выбрав священника Евфрония, поспешили к нему. На их предложение царь ответил: "Я приказал посвятить в сан священника Катона; почему же мое повеление было нарушено?" Они отвечали: "Мы приглашали его, но он отказался прийти". И пока они говорили, внезапно появился священник Катон и попросил царя изгнать Каутина, а его самого назначить в Клермон. Когда царь посмеялся над ним, он повторил просьбу, чтобы его рукоположили в Туле, от чего он раньше презрительно отказался. И король сказал ему: "Сначала я дал указание посвятить тебя в епископы Тура, но, как я слышал, ты смотрел на эту церковь свысока; поэтому тебе не дадут стать ее магистром". И вот он в смятении удалился. Когда король спросил о святом Евфронии, ему сказали, что он внук блаженного Григория, о котором я уже упоминал. Царь ответил: "Это великий и ведущий род. Да будет воля Божья и блаженного Мартина; пусть выбор будет утвержден". И по его повелению святой Евфроний был рукоположен в епископы, восемнадцатый после блаженного Мартина.

[16. Храмнус, сын короля Хлотаря, выступает против епископа Каутина в Клермонте. Он отправляется в Пуатье и вступает в соглашение со своим дядей Чилдебертом против Клотара. Он берет на себя власть над частью королевства Клотара, и Клотар посылает против него двух других сыновей, Хариберта и Гунтрама. Когда они готовы сразиться, Храмнус распространяет сообщение о смерти Хлотаря, и Хариберт с Гунтрамом поспешно бегут; Храмнус отправляется в Дижон, где советуется с Библией о своем будущем. Король Хлотарь тем временем сражается с саксами. 17. Храмнус присоединяется к Чилдеберту в Париже. Чилдеберт опустошает территорию Клотара вплоть до Реймса. 18. Герцог Аустрапий в страхе перед Храмнусом укрывается в церкви Святого Мартина. Храмнус приказывает уморить его голодом в церкви. Но он чудесным образом получает питье и спасается. Позже он становится священником. 19. Умирает Медард, епископ Суассона].

20. Король Чилдеберт заболел и после долгого пребывания в постели умер в Париже. Он был похоронен в построенной им церкви блаженного Винсента. Король Хлотарь забрал свое королевство и сокровища и отправил в изгнание Вультроготу и двух ее дочерей. Храмнус предстал перед отцом, но впоследствии оказался неверным. И когда он увидел, что ему не избежать наказания, он бежал в Бретань и там с женой и дочерьми жил в укрытии у Чонобера, графа бретонцев. А Вилихар, его тесть, бежал в церковь Святого Мартина. Тогда из-за Вилихара и его жены святая церковь была сожжена за грехи народа и издевательства, которые в ней происходили. Об этом мы рассказываем не без тяжелого вздоха. Кроме того, за год до этого был сожжен город Тур, и все построенные в нем церкви опустели. Тогда по приказу короля Хлотаря церковь блаженного Мартина была покрыта жемчугом и восстановлена в прежней красоте. Затем появились два полчища саранчи, которые прошли через Овернь и

Лимузен и, как говорят, пришли на равнину Романьяк, где между ними произошла битва и были большие разрушения. Король Клотар разгневался на Храмна и пошел со своим войском в Бретань против него. Храмнус не побоялся выступить против своего отца. И когда обе армии собрались и расположились лагерем на одной равнине, а Храмнус с бретонцами выступил против отца, наступила ночь, и они воздержались от сражения. Ночью Чонобер, граф бретонцев, сказал Храмнусу: "Я считаю, что тебе не подобает сражаться против своего отца; позволь мне сегодня ночью броситься на него и уничтожить его со всем его войском". Но Храмнус не позволил этого сделать, удерживаемый, как я думаю, силой Божьей. Когда наступило утро, они привели свои армии в движение и поспешили на битву. И царь Хлотарь шел, как новый Давид, чтобы сразиться с Авессаломом, сыном его, громко взывая и говоря: "Призри, Господи, с неба и рассуди дело мое, так как я терплю нечестие от сына моего; призри, Господи, и рассуди справедливо, и произведи тот суд, который Ты некогда произнес между Авессаломом и отцом его". Когда они сражались на равных, граф бретонцев бежал и был убит. Тогда Храмнус пустился в бегство, приготовив на берегу корабли; но, желая забрать жену и дочерей, он был настигнут воинами отца, схвачен и крепко связан. Эту новость донесли до короля Хлотаря, и тот приказал сжечь Храмнуса в огне вместе с женой и дочерьми. Их закрыли в хижине одного бедняка, а Храмнуса растянули на скамье и задушили полотенцем; потом хижину сожгли, и он погиб вместе с женой и дочерьми.

21. На пятьдесят первом году своего царствования король Хлотарь отправился к дверям блаженного Мартина со многими дарами и, придя к гробнице только что упомянутого епископа в Туре, повторил все дела, которые, возможно, совершил по неосторожности, и громко молясь, чтобы блаженный исповедник Божий получил прощение за его проступки и своим заступничеством изгладил то, что он совершил вопреки разуму, он вернулся обратно, и на пятьдесят первом году своего правления, во время охоты в лесу Кюиз, его охватила лихорадка, после чего он вернулся на виллу в Компьене. Там его мучила лихорадка, и он сказал: "Увы! Как вы думаете, каков царь небесный, если он убивает таким образом столь великих королей?" Мучимый этой болью, он испустил последний вздох, и четверо его сыновей с великими почестями отнесли его в Суассон и похоронили в церкви Сен-Медар. Он скончался на следующий день в оборотном году после убийства Храмнуса.

[22. Четверо сыновей Хлотаря производят "законный раздел" его королевства. Шариберту в качестве столицы отводится Париж, Гунтраму - Орлеан, Чилперiku - Суассон, Сигиберту - Реймс. 23. Гунны нападают на Сигиберта, и Чилперик, воспользовавшись случаем, захватывает некоторые из его городов. Сигиберт возвращает их себе].

24. Когда король Гунтрам, подобно своим братьям, занял свою часть царства, он сместил патриция Агриколу и передал должность патриция Цельсу, человеку высокого роста, с крепкими плечами, сильными руками и хвастливыми словами, готовому к отпору и искушенному в законах. И тут на него напала такая жадность к обладанию, что он часто брал имущество церквей и делал его своим. Однажды, услышав, как в церкви читают отрывок из пророка Исаяи, где говорится: "Горе тем, кто соединяет дом с домом и объединяет поле с полем даже до границ места", он, как говорят, воскликнул: "Не к месту это сказано; горе мне и сыновьям моим". Но он оставил сына, который умер без детей, а большую часть своего имущества завещал церквям, которые разграбил его отец.

25. Добрый царь Гунтхрам сначала взял в наложницы Венеру, рабыню, принадлежавшую одному из его людей, от которой у него родился сын Гундобад. Позже он женился на Маркатруде, дочери Магнара, и отправил своего сына Гундобада в Орлеан. Но после рождения сына Маркатруда приревновала и решила убить Гундобада. Говорят, она послала яд и отравила его питье. А после его смерти, по Божьему суду, она потеряла сына, навлекла

на себя ненависть короля, была уволена им и вскоре умерла. После нее он взял Аустерчайлд, которую также звали Бобилла. От нее у него было два сына, из которых старшего звали Хлотарь, а младшего Хлодомер.

26. Кроме того, король Хариберт женился на Ингоберге, от которой у него была дочь, впоследствии вышедшая за муж в Кенте и увезенная туда. В то время у Ингоберги были в услужении две дочери некоего бедняка, из которых первую звали Марковефа, носившая одеяние монахини, а вторую - Меровледа. Король был очень влюблен в них. Они были, как я уже говорил, дочерьми работника по производству шерсти. Ингоберга завидовала тому, что их любит король, и тайком давала отцу работу, думая, что когда король увидит это, то невзлюбит своих дочерей. Пока он работал, она позвала короля. Он ожидал увидеть что-то странное, но увидел лишь человека в отдалении, который ткал королевскую шерсть. Разгневавшись, он оставил Ингобергу и женился на Меровледе. Была у него и другая, дочь пастуха, по имени Теодогильда, от которой, как говорят, у него родился сын, которого, когда он вышел из утробы матери, сразу же унесли в могилу. Во времена этого царя Леонтий собрал епископов своей провинции в городе Сенте и низложил Эмери с епископского престола, заявив, что эта честь была оказана ему не по канонам. Ведь у него был указ короля Хлотаря о том, что он должен быть рукоположен без согласия митрополита, который при этом не присутствовал. Когда он был изгнан из своего сана, они выбрали Гераклиуса, тогдашнего священника церкви Бордо, и послали королю Хариберту весть об этих делах, написанную их собственным почерком только что названным священником. Тот прибыл в Тур и рассказал о случившемся блаженному Евфронию, умоляя его согласиться подписаться под этим выбором. Но человек Божий категорически отказался это сделать. Придя к воротам Парижа и приблизившись к королю, священник сказал: "Радуйся, славный король! Апостольский собор шлет вашему преосвященству самые обильные приветствия". Но король ответил: "Вы ведь не были в Риме, чтобы передать нам приветствие папы?" "Это твой отец Леонтий, - продолжал священник, - вместе с епископами своей провинции передает тебе привет и сообщает, что Цимулус - так в детстве называли Эмери - был изгнан из епископата, поскольку пренебрег священным авторитетом канонов и активно стремился занять пост епископа в городе Сенте. И вот они послали вам своего избранника, дабы его место было заполнено, дабы, когда люди, нарушающие каноны, будут осуждены в соответствии с правилами, власть вашего королевства была продлена в далекие века". Когда он сказал это, царь скрежетнул зубами и приказал утащить его с глаз долой, посадить на повозку, усыпанную терниями, и отправить в изгнание, сказав: "Неужели ты думаешь, что из сыновей короля Хлотаря не осталось никого, кто мог бы поддержать деяния своего отца, раз эти люди без нашего согласия изгнали епископа, которого он выбрал?" И он тотчас же послал людей религиозных и восстановил епископа на его месте, послав также некоторых из своих чиновников казны, которые потребовали от епископа Леонтия 1000 золотых и оштрафовали других епископов до предела их платежных полномочий. Так было отомщено оскорбление, нанесенное князю. После этого он женился на Марковефе, сестре Меровледа. За это они оба были отлучены от церкви святым епископом Германом. Но поскольку король не хотел оставлять ее, ее поразил суд Божий, и она умерла. Вскоре после этого умер и сам царь. А после его смерти Феодогильда, одна из его цариц, послала гонцов к царю Гунтраму, предлагая себя в жены. На что царь прислал такой ответ: "Пусть она не медлит прийти ко мне со своими сокровищами. Ибо я возьму ее и сделаю ее великой среди людей, так что она, несомненно, будет иметь больший почет со мной, чем с моим братом, который только что умер". И она обрадовалась, собрала все и отправилась к нему. А царь, увидев это, сказал: "Лучше этим сокровищам быть в моей власти, чем в руках этой женщины, которая

недостойно легла на ложе моего брата". Тогда он забрал многое, оставив малое, и отправил ее в монастырь в Арле. Но ей было очень тяжело соблюдать посты и часы, и она тайными посланцами сделала предложение одному готу, пообещав, что если он увезет ее в Испанию и женится на ней, то она покинет монастырь со своими сокровищами и добровольно последует за ним. Это обещание он выполнил без колебаний, но когда она собрала свои вещи, упаковала их и была готова уйти из монастыря, усердие настоятельницы помешало ее замыслу, и нечестивый проект был раскрыт, и был отдан приказ жестоко избить ее и посадить под стражу. И она оставалась в заточении до конца своей земной жизни, обуреваемая нешуточными страстями.

27. Когда король Сигиберт увидел, что его братья берут себе недостойных жен и, к своему позору, женятся на рабынях, он отправил посольство в Испанию и со многими дарами попросил Брунгильду, дочь короля Афанагильда. Это была дева, прекрасная лицом, приятная на вид, добродетельная и воспитанная, с хорошим умом и приятным общением. Отец ее не отказался, но послал ее к названному мною царю с большими сокровищами. И царь собрал своих главных людей, устроил пир и взял ее в жены среди великой радости и веселья. И хотя она была последовательницей арианского закона, но была обращена проповеди епископов и наставления самого царя, и исповедовала благословенную Троицу в единстве, и уверовала, и крестилась. И до сих пор она остается католичкой во имя Христа.

28. Увидев это, Чилперик, хотя у него было уже слишком много жен, попросил ее сестру Гальсуэнду, обещая через своих послов, что оставит остальных, если только получит достойную себя жену и дочь короля. Ее отец принял эти обещания и отправил дочь с большим богатством, как делал это и раньше. Теперь Гальсуэнда была старше Брунгильды. И, придя к королю Чилперiku, она была принята с большим почетом и соединена с ним узами брака, а также очень любима им. Ведь она привезла с собой большие сокровища. Но из-за его любви к Фредегунде, которая была у него раньше, разразился большой скандал, разделивший их. Гальсуэнда уже была обращена в католический закон и крещена. И, жалуюсь королю на то, что постоянно терпит оскорбления и не имеет с ним чести, она попросила оставить сокровища, которые привезла с собой, и разрешить ей свободно отправиться в родные края. Но он прибегал к хитроумным уловкам и успокаивал ее ласковыми словами. В конце концов он приказал задушить ее рабыню и нашел ее мертвой на кровати. После ее смерти Бог явил великое чудо. Ибо зажженный светильник, висевший на веревке перед ее гробницей, оборвал веревку, никем не тронутый, и упал на мостовую, и твердая мостовая уступила под ним, и он опустился как бы в мягкое вещество и был погребен до середины, но ничуть не пострадал. Это казалось великим чудом всем, кто видел это. Но когда король несколько дней оплакивал ее смерть, он снова женился на Фредегунде. После этого поступка его братья решили, что упомянутая королева была убита по его приказу, и попытались изгнать его из королевства. У Чилперика к тому времени было три сына от бывшей жены Аудоверы: Теодоберт, о котором мы уже упоминали, Меровек и Кловис. Но вернемся к нашей задаче.

29. Гунны снова пытались пробиться к галлам. Сигиберт выступил против них со своим войском, ведя за собой множество храбрецов. И когда они собрались сражаться, гунны, сведущие в магических искусствах, вызвали перед ними ложные явления разного рода и нанесли им решительное поражение. Войско Сигиберта бежало, а сам он был захвачен гуннами и остался бы в плену, если бы не одолел своим умением делать подарки тех, кого не смог победить в бою. Он был человеком приятной наружности и с хорошей речью. Он сделал подарки и заключил с их царем соглашение о том, что все дни своей жизни они не должны сражаться друг с другом. И этот случай справедливо считается скорее его заслугой, чем чем-

то иным. Король гуннов также преподнес много подарков королю Сигиберту. Его звали Гаганом. Этим именем называются все короли того народа.

[30. Король Сигиберт пытается отнять Арль у своего брата Гунтрама, но терпит неудачу].

31. В городе Тауредунум, расположенном на реке Роне, у галлов произошло великое событие. После того как более шестидесяти дней продолжался некий грохот, гора, наконец, оторвалась и отделилась от другой горы, расположенной рядом, вместе с людьми, церквями, имуществом и домами, и упала в реку, а берега реки были завалены, и вода потекла обратно. Ибо это место было закрыто с обеих сторон горами, и поток протекал по узкому пути. Она перелилась через край и уничтожила все, что было на берегу. Затем собравшаяся вода пробила себе путь вниз по течению и застала людей врасплох, как и выше, и привела к гибели людей, опрокинула дома, уничтожила тягловую скотину и внезапным и бурным потоком захлестнула все, что находилось на берегах, вплоть до города Женеви. Многие рассказывают, что масса воды была настолько велика, что перелилась через стены в упомянутый город. И в этом нет никаких сомнений, потому что, как мы уже говорили, Рона течет в этом районе между горами, которые тесно ее окружают, и, будучи так тесно закрытой, ей некуда свернуть. Она унесла с собой обломки упавшей горы и таким образом заставила ее исчезнуть совсем. После этого тридцать монахов пришли на то место, где город развалился, и стали копать в земле, оставшейся после падения горы, пытаясь найти бронзу и железо. И, занимаясь этим, они услышали грохот горы, подобный прежнему. И пока они удерживались там по своей жадности, часть горы, которая еще не упала, обрушилась на них, накрыла и уничтожила их, и никто из них не был найден. Подобным образом и перед чумой в Клермонте великие чудеса наводили ужас на ту область. Ведь вокруг солнца часто появлялись три или четыре больших сияющих места, и деревенские жители называли их солнцами, говоря "Вот, три или четыре солнца на небе". Однажды первого октября солнце так потемнело, что ни четверти его не оставалось ярким, а выглядело оно отвратительным и обесцвеченным, примерно как мешок. Кроме того, над этой страной в течение целого года появлялась звезда, которую некоторые называют кометой, с лучом, похожим на меч, и небо, казалось, горело, и было видно много других знамений. В церкви в Клермонте во время утренних часов на одном из праздников появилась птица, которую мы называем жаворонком, и, хлопая крыльями над светильниками, так быстро погасила их все, что можно было подумать, будто их взяла рука одного человека и погрузила в воду. Птица пролетела под завесой в святилище и попыталась погасить там свет, но ей помешали привратники и убили. В церкви блаженного Андрея другая птица сделала то же самое с зажженными лампадами. А вскоре пришла чума, и по всей округе произошла такая резня людей, что легионы павших невозможно было сосчитать. Ибо когда гробы и могильные камни не работали, в одной траншее хоронили по десять и более человек. В одно только воскресенье в церкви блаженного Петра насчитали триста трупов. Смерть была внезапной. В паху или подмышкой появлялась рана в форме змеи, и человек был настолько поражен ядом, что умирал на второй или третий день. Кроме того, сила яда приводила жертву в бесчувственное состояние. В это время умер жрец Катон. Ведь когда многие бежали от чумы, он не покидал места, но оставался, мужественно хороня людей и совершая мессу. Он был священником большой доброты и горячим другом бедных. И если у него и была некоторая гордыня, то эта добродетель, как мне кажется, уравновешивала ее. Но епископ Каутинус, перебежав с места на место в страхе перед этой чумой, вернулся в город, заразился и умер за день до Страстного воскресенья. В тот же час умер и Тетрадий, его двоюродный брат. В то время Лион, Бурж, Кагор и Дижон сильно обезлюдели от этой чумы.

[32. Замечательная добродетель священника Юлиана. 33. Добрый аббат и полученное им предупреждение быть более строгим со своими монахами].

34. Я расскажу о том, что произошло в то время в одном монастыре, но не хочу называть имя монаха, который еще жив, из опасения, что, когда этот рассказ попадет него, он может стать тщеславным и потерять заслуги. Один молодой человек пришел в монастырь и предстал перед настоятелем с предложением провести свою жизнь в служении Богу. Настоятель много возражал, объясняя, что служба там тяжелая и он никогда не сможет выполнить то, что от него требуется. Но он пообещал, что призовет имя Господа и все выполнит. И вот он был принят настоятелем. Через несколько дней, в течение которых он доказал всем, что он смиренен и свят, случилось так, что монахи высыпали из амбара около трех *хори* зерна и оставили его сушиться на солнце, а этого монаха назначили сторожем. И вот, когда остальные подкрепились, а он остался сторожить зерно, небо вдруг стало пасмурным, и сильный дождь с ревущим ветром стремительно понесся в сторону кучи зерна. Увидев это, монах не знал, как поступить и что делать. Однако он подумал, что даже если он позовет остальных, учитывая огромное количество зерна, они не успеют убрать его в житницу до дождя, и поэтому, отказавшись от всего остального, предался молитве, умоляя Господа не допустить, чтобы хоть капля дождя упала на пшеницу. И когда он бросился на землю и молился, туча расступилась, и хотя вокруг шел сильный ливень, если можно так сказать, он не смочил ни одного зерна пшеницы. Когда другие монахи и аббат узнали о надвигающейся буре, они быстро пришли, чтобы забрать зерно, и увидели это чудо, а разыскав человека, отвечавшего за зерно, нашли его рядом, распростертым на песке и молящимся. Настоятель, увидев это, распростерся рядом с ним, а когда дождь прошел и молитва была закончена, призвал его встать и приказал схватить его и наказать розгами, говоря: "Сын мой, ты должен возражать в страхе и служении Богу со смирением, а не пыжиться от чудес и проделок". Он велел ему семь дней не выходить из кельи и поститься, как будто он провинился, чтобы тщеславие не стало для него препятствием. В настоящее время, как мы узнаем от людей верующих, тот же монах настолько воздержан, что не ест хлеба в течение сорока дней Великого поста и пьет только чашку ячменной воды каждый третий день. И пусть Господь вашими молитвами соизволит сохранить его таким, каким он угоден себе, до конца его жизни

[35. Священник Евфрасий и архидиакон Авит - кандидаты на епископство Оверни. Первого Григорий описывает такими словами: "Он действительно был человеком с изысканными манерами, но его поступки не были добродетельными, он часто спаивал варваров и редко помогал нуждающимся". 36. Никитий сменяет Сацердоса на посту епископа Лиона. Его в свою очередь сменяет нечестивый Приск. 37. Смерть святого Фриара. 38. Леува и Леувильд, короли Испании. Последний убил "всех, кто привык убивать королей". 39. Палладий и Парфений, соответственно граф и епископ Геводана, ссорятся. Палладий обвиняет епископа в противоестественном преступлении; его смещают, и графом становится Роман].

39. ...Случилось так, что однажды Палладий и Роман встретились в Клермоне, и во время их спора о графской должности Палладию сказали, что его собирается предать смерти король Сигиберт. Однако эта история оказалась ложной и, как выяснилось, была пущена в оборот главным образом Романом. Тогда Палладий был напуган и доведен до такого отчаяния, что угрожал убить себя собственной рукой. И хотя за ним внимательно следили его мать и его родственник Фирмин, чтобы предотвратить поступок, который он задумал в горечи своего сердца, он ненадолго скрылся от глаз матери и, войдя в свои покои, где он мог быть один, обнажил свой меч, и, поставив ноги на эфес меча, приставил острие его к своей груди и надавил на меч сверху, и он вошел в одну из его грудей и вышел у лопатки, и, поднявшись во

второй раз, вонзился таким же образом в другую грудь и упал мертвым. Я с изумлением смотрю на этот поступок, поскольку он не мог быть совершен без помощи дьявола. Ведь первая рана убила бы его, если бы дьявол не поддержал его, чтобы он смог осуществить свою злую цель. Его мать вбежала в дом полумертвая от тревоги, упала в обмороке на тело сына, которого она потеряла, и все домашние издавали плач. Тем не менее его отнесли в монастырь Курнон и похоронили там, но не положили рядом с телами христиан и не отслужили торжественную мессу. И это, очевидно, случилось с ним не иначе как за оскорбление, нанесенное епископу.

[BL][40. Юстин, человек многих пороков, сменяет императора Юстиниана. Он причисляет к себе Тиберия, "который был справедлив, милосерден, различал правоту и одерживал победы и - что превосходит все другие достоинства - был самым ортодоксальным христианином"].

[BM]41. Альбин, король лангобардов, женившийся на Хлоцинде, дочери короля Хлотаря, оставил свою страну и отправился в Италию со всем лангобардским народом. Они собрали войско и отправились в путь с женами и детьми, намереваясь остаться там. Они вошли в страну и семь лет в основном странствовали по ней, разоряя церкви, убивая епископов и подчиняя себе земли. Когда его жена Хлоцинда умерла, Альбин женился на другой жене, отца которой он убил незадолго до этого. По этой причине женщина всегда ненавидела мужа и ждала случая отомстить за зло, причиненное ее отцу, и так случилось, что она влюбилась в одного из домашних рабов и отравила мужа. Когда он умер, она ушла с рабом, но их догнали и предали смерти вместе. Тогда лангобарды выбрали себе другого короля.

42. Евний, которого также звали Муммул, был сделан патрицием королем Гунтрамом. Я думаю, что следует привести некоторые подробности о начале его военной службы. Он был сыном Пеония и уроженцем города Осер. Пеоний управлял этим городом как граф. И когда он послал подарки королю от своего сына, чтобы тот вновь назначил его на должность, сын отдал подарки отца, попросил его должность и занял его место, когда тот должен был помочь ему. С этого начала он постепенно поднимался и достигал все большей известности. При вторжении лангобардов в Галлию патриций Аматус, который недавно сменил Цельса, выступил против них и вступил в бой, но был побежден и убит. Говорят, что резня бургундцев лангобардами была столь велика, что убитых невозможно было сосчитать. И лангобарды, нагруженные добычей, снова ушли в Италию. После их ухода Эвний, которого также называли Муммулом, был призван королем и возведен в высокий сан патриция. Когда лангобарды совершили второй набег на галлов и дошли до *Мустие Кальмес* у города Эмбруна, Муммул двинул свою армию и вместе с бургундцами подошел к этому месту. Он окружил лангобардов со своим войском и, сделав абаттис, напал на них в бездорожных лесах и, убив многих, взял несколько пленников, которых отправил к королю. Король приказал держать их под охраной в разных местах по всей стране, но несколько человек тем или иным способом сбежали и принесли весть на родину. В этой битве участвовали Салоний и Стрелец, братья и епископы, которые вооружились не небесным крестом, а мирскими шлемом и плащом, и, что еще хуже, по слухам, убили многих собственными руками. Это была первая победа Муммула. Тогда саксы, вошедшие в Италию вместе с лангобардами, совершили второй поход на галлов и разбили лагерь на территории Риеза, то есть у деревни Эстублон, рассеявшись оттуда по деревням, принадлежащим соседним городам, захватив добычу, уведя пленных и опустошив все вокруг. Узнав об этом, Муммул пустил в ход свое войско и напал на них, убив многие тысячи, и не переставал рубить их до самого вечера, когда наступила ночь. Ибо он застал их врасплох, когда они ничего не ожидали от случившегося. Утром саксы собрали свое войско и приготовились к битве, но посланцы

переходили от одного войска к другому, и они заключили мир. Они преподнесли подарки Муммолу, сдали всю добычу в округе вместе с пленниками и ушли, дав клятву, что вернуться к галлам в повиновении королям и в качестве союзников франков. И вот саксы вернулись в Италию и, взяв своих жен и малышей и все свое имущество, отправились в обратный путь в Галлию с намерением предстать перед королем Сигибертом и вновь обосноваться в покинутой ими области. Они образовали два клина [*sunios*], как они их называли; один из них шел через Ниццу, а другой - через Эмбрун, придерживаясь, по сути, дороги, которой они шли в предыдущем году, и эти два подразделения объединились на территории Авиньона. В то время было время сбора урожая, а в этой стране урожай собирали в основном на открытых полях, и жители не хранили его. Когда пришли саксы, они разделили урожай между собой, собрали и обмолотили зерно и использовали его, ничего не оставив тем, кто работал. Но когда урожай был собран и они пришли на берег реки Роны, чтобы переправиться через нее и явиться в королевство короля Сигиберта, Муммол встретил их и сказал: "Вы не должны переходить этот поток. Вот, вы опустошили землю моего господина короля, вы собрали урожай, разграбили стада, сожгли дома, вырубili оливковые рощи и виноградники. Вы не подниметесь, пока не удовлетворите тех, кого вы оставили в нужде; иначе вы не избежите моих рук, но я обнажу меч против вас и ваших жен и малых детей и отомщу за зло, причиненное моему господину царю Гунтраму". Тогда они очень испугались и отдали в качестве выкупа много тысяч золотых монет, и им разрешили переправиться, и так они пришли в Клермон. Тогда была весна. Они принесли туда куски бронзы, выгравированные как золото, и любой, кто увидел бы их, не сомневался бы, что это золото, проверенное и взвешенное, ибо оно было окрашено каким-то прибором или другим способом. И многие были обмануты ложным видом, отдали золото, получили бронзу и стали бедными. И пошли они к королю Сигиберту и поселились в оставленной ими земле".

[43. Альбинус, губернатор Прованса, в день Рождества в церкви арестовывает архидиакона Виргилия за то, что тот не наказал его людей; Альбинус оштрафован. 44. Три лангобардских вождя вторгаются в Галлию, но терпят поражение и изгоняются обратно в Италию Муммоллом. 45. Муммолус отвоевывает у Чилперика Тур и Пуатье для Сигиберта].

46. Поскольку я собираюсь рассказать о смерти Андархия, лучше всего сначала поведать о его рождении и месте проживания. Он был рабом сенатора Феликса, как говорят, и, будучи приставлен к своему молодому господину, начал вместе с ним изучать буквы и стал отличаться своей ученостью. Ведь он был полностью обучен трудам Вергилия, книгам Феодосийского закона и искусству вычислений. Возгордившись такими знаниями, он стал презирать своих господ и посвятил себя службе у герцога Лупуса, когда тот по приказу короля Сигиберта отправился в Марсель. Когда Лупус покинул Марсель, он велел Андархию отправиться с ним, добился для него расположения короля Сигиберта и поставил его к себе на службу. Сигиберт посылал его в разные места и давал ему возможность пройти военную службу. За это он, будучи в некотором почете, прибыл в Клермон и там вступил в дружбу с Урсусом, гражданином города. Тогда, будучи честолюбивым, он пожелал обручиться с дочерью Урсуса, спрятал почтовый плащ, как рассказывают, в сундук, в котором обычно хранились документы, и сказал жене Урсуса: "Я отдаю на твое попечение множество золотых монет, более шестнадцати тысяч, которые я положил в этот сундук, и они будут твоими, если ты обручишь свою дочь со мной". [BP]"К чему ты не побуждаешь сердца людей, проклятая жадность к золоту?" Женщина поверила ему без остатка и в отсутствие мужа согласилась обручить с ним девушку. Он вернулся к царю и принес приказ судье этого места, повелевающий ему жениться на этой девушке, сказав: "Я заплатил залог при обручении". Но Урсус отверг это, сказав: "Я не знаю, кто ты такой, и у меня нет ничего из твоего имущества". Когда ссора продолжилась и разгорелась, Андархий велел вызвать Урсуса к царю. И, придя в

деревню Брейн, он нашел другого человека по имени Урсус, которого заставил тайно привести к алтарю, поклясться и сказать: "Этим святым местом и мощами блаженных мучеников я не замедлю выплатить тебе шестнадцать тысяч *солидов*, поскольку не собираюсь отдавать за тебя замуж свою дочь". Свидетели стояли в святилище и тайно слушали сказанное, но не видели говорившего. Тогда Андархий успокоил Урсуса ласковыми словами и заставил его вернуться в родные места, так и не увидев царя. После этого он произнес клятву, а когда Урсус ушел, предъявил царю документ с клятвой и сказал: "Такое-то и такое-то письмо я имею от Урсуса, и потому прошу приказа твоей славы, чтобы он отдал мне в жены свою дочь. В противном случае позвольте мне иметь власть забирать его имущество, пока я не получу шестнадцать тысяч *солидов* и не буду удовлетворен в этом деле". Получив приказ, он вернулся в Клермон и показал судье приказ короля. Урсус удалился на территорию Велая. И когда его имущество было передано Андархию, он тоже отправился в Велай, и, войдя в один из домов Урсуса, велел приготовить для него ужин и нагреть воды для купания. Когда же рабы дома не послушались своего нового хозяина, он избил одних дубинками, других - клюшками, а третьих ударил по голове, пустив кровь. Все домашние были в смятении, но ужин был приготовлен; он искупался в горячей воде, напился вина и растянулся на своей кушетке. С ним было всего семь рабов. И когда они крепко спали, отягощенные сонливостью не меньше, чем вином, домочадцы собрались вместе, и Урсус закрыл двери дома, которые были сделаны из деревянных досок. Взяв ключи, он снес стога зерна, стоявшие рядом, и навалил кучи зерна, которое тогда было в снопе, вокруг и над домом, пока не стало видно, что дом полностью покрыт. Тогда он поджег его в разных местах, и когда горящие бревна здания стали падать на несчастных, они проснулись и стали кричать, но некому было их слушать, и весь дом сгорел, и огонь поглотил всех одинаково. Урсус в страхе бежал в церковь святого Юлиана и, сделав подарки королю, снова получил добро на свое имущество.

[47. Гражданская война между Чилпериком и Сигибертом. "В то время среди церквей было больше возмущения, чем во времена гонений Диоклетиана". 48. Злодеяния жителей Галлии по сравнению с прежними временами; разграбление монастыря Латты. 49. Гражданская война продолжается. Сигиберт заставляет Чилперика восстановить свои города. 50. Чилперик уединяется в Турнее].

51. В тот год молнии прочертили небо, как когда-то перед смертью Хлотаря. Теперь Сигиберт взял города по ту сторону Парижа и прошел до Руана, желая разрушить эти же города своей армией. Но ему помешали его собственные люди. Тогда он вернулся и вошел в Париж. И тут к нему пришла Брунгильда со своими детьми. Тогда франки, которые когда-то равнялись на старшего Чилдеберта, отправили к Сигиберту посольство, чтобы он, если тот придет к ним, отказался от Чилперика и сделал его своим королем. Услышав это, он послал людей осадить своего брата в упомянутом городе, а сам вознамерился поспешить туда. А святой епископ Германий сказал ему: "Если ты пойдешь и не задумаешь убить брата своего, то вернешься живым и победителем; если же ты задумал другое, то умрешь. Ибо так сказал Господь через Соломона: "Кто готовит яму брату своему, тот упадет в нее"". Но из-за своего нечестия он не обратил на это внимания. И когда он пришел в селение по имени Витри, все войско собралось вокруг него, и поставили его на щит, и сделали его царем над собой. Тогда к нему под каким-то предлогом *подошли* два раба, которых королева Фредегунда наложила на него чары, с крепкими ножами с отравленными лезвиями, которые обычно называют *скрамасакси*, и нанесли ему по одному удару с каждой стороны. Он громко закричал, упал и через некоторое время умер. В то же время Харигисел, его камергер, был убит, а Сигила, пришедший из страны готов, тяжело ранен. После этого он был схвачен королем Чилпериком и встретил жестокую смерть: все суставы были обожжены раскаленными

утюгами, а конечности оторваны одна от другой. Харигизел был непостоянен и скуп. Он поднялся с низкого места и стал велик у царя благодаря лести. Он был человеком, захватившим чужое имущество, и нарушителем завещаний, а конец его жизни был таков, что ему не удалось составить собственное завещание, когда ему грозила смерть, и он, который так часто разрушал завещания других.

Чилперик был в напряжении и не знал, спастись ему или погибнуть, когда к нему пришли гонцы с вестью о смерти брата. Тогда он покинул Турне с женой и детьми, одел Сигиберта и похоронил его в деревне Ламбрес. Позднее он был перевезен в Суассон, в построенную им церковь святого Медарда, и похоронен там рядом со своим отцом Клотаром. Он умер на четырнадцатом году своего правления, на сороковом году своей жизни. От смерти Теодоберта Старшего до смерти Сигиберта прошло двадцать девять лет, а между его смертью и смертью его племянника Теодоберта прошло восемнадцать дней. После смерти Сигиберта вместо него воцарился его сын Чилдеберт.

От начала до потопа 2242 года; от потопа до Авраама 942 года; от Авраама до выхода сынов Израилевых из Египта 462 года; от выхода сынов Израилевых из Египта до построения храма Соломона 480 лет; от построения храма до его запустения и переселения в Вавилон 390 лет; от переселения до страстей Господних 668 лет; от страстей Господних до смерти св. Мартина 412 лет; от смерти св. Мартина до смерти короля Хлодвиг 112 лет; от смерти короля Хлодвиг до смерти Теодоберта 37 лет; от смерти Теодоберта до смерти Сигиберта 29 лет. Итого 5774 года.

На этом заканчивается Четвертая книга.

ССЫЛКИ:

[54] Сидоний Аполлинарий.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЮТСЯ ГЛАВЫ ПЯТОЙ КНИГИ

- 1. Правление младшего Чилдеберта; его мать.
- 2. Меровек женится на Брунгильде.
- 3. Война с Чилпериком; злодеяния Раушинга.
- 4. Рокколен приезжает в Тур.
- 5. Епископы Лангра.
- 6. Леонастис, архидиакон Буржа.
- 7. Отшельник Сенох.
- 8. Святой Германус, епископ Парижский.
- 9. Затворник Калуппа.
- 10. Отшельник Патрокл.
- 11. Обращение евреев епископом Авитом.
- 12. Аббат Брахио.

- 13. Муммул опустошает Лимож.
- 14. Меровек после принятия пострига бежит в церковь Святого Мартина.
- 15. Война между саксами и суэвами.
- 16. Смерть Маклиава.
- 17. Неопределенность с Пасхой; церковь в Шиноне; как король Гунтрам убил сыновей Магнахара и потерял своих, а затем заключил союз с Чилдебертом.
- 18. Епископ Пртекстат и смерть Меровеха.
- 19. Благотворительность Тиберия.
- 20. Епископы Салуний и Стрелец.
- 21. Бретонский Виннок.
- 22. Смерть Самсона, сына Хильперика.
- 23. Появившиеся вундеркинды.
- 24. Гунтрам Босо забирает своих дочерей из церкви святого Илария, а Чилперик нападает на Пуатье.
- 25. Смерть Дако и Драколина.
- 26. Армия выступает в поход против бретонцев.
- 27. Салуний и Стрелец разжалованы.
- 28. Налоги Чилперика.
- 29. Разорение Бретани.
- 30. Правление Тиберия.
- 31. Нападения бретонцев.
- 32. Святотатство, совершенное в церкви Сен-Дени из-за женщины.
- 33. Вундеркинды.
-
- 34. Дизентерия и смерть сыновей Чилперика.
- 35. Королева Остришильд.
- 36. Епископ Эраклий и граф Нантин.
- 37. Мартин, епископ Галиции.
- 38. Гонения на христиан в Испании.
- 39. Смерть Хлодвиг.
- 40. Епископы Элафий и Евний.
- 41. Легаты из Галисии и пройдохи.
- 42. Маурилио, епископ Кагорский.
- 43. Спор с еретиком.
- 44. Сочинения Чилперика.
- 45. Смерть епископа Агриколы.
- 46. Смерть епископа Далмация.
- 47. Евномий становится графом.
- 48. Злодеяние Леудаста.
- 49. Козни, которые он строил против нас, и как он сам был низложен.
- 50. Предсказание блаженного Сальвия о Чилперике.

Пятая книга

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ПЯТАЯ КНИГА С РАДОСТНЫМИ ПРЕДВЕСТИЯМИ. АМЕН

Я устал перечислять подробности гражданских войн, от которых страдает народ и королевство франков; и самое страшное, что мы видим в них начало того времени скорби, о котором предсказал Господь: "Отец восстанет на сына, сын на отца, брат на брата, родня на родню". Их должны были удерживать примеры прежних царей, которые были убиты своими врагами, как только разделились. Как часто город городов, великая столица всей земли, был низложен гражданской войной и снова, когда она прекращалась, поднимался как из-под земли! Если бы и вы, о короли, участвовали в битвах, подобных тем, в которых сражались ваши отцы, чтобы язычники, напуганные вашим союзом, были сокрушены вашей силой! Вспомните, как Хлодвиг одерживал великие победы, как он убивал враждующих королей, сокрушал нечестивые народы, покорял их земли и оставлял вам полное и неоспоримое господство над ними! И когда он это сделал, у него не было ни серебра, ни золота, как у вас сейчас в ваших сокровищницах. Какова же ваша цель? К чему вы стремитесь? Чего у вас нет в изобилии? В ваших домах роскошь в изобилии, в ваших хранилищах вино, зерно и масло в изобилии, золото и серебро в ваших сокровищницах. Одного вам недостает: без мира вы не имеете благодати Божией. Почему один берет у другого? Почему один желает того, что есть у другого? Умоляю вас, остерегайтесь этого изречения апостола: "Но если вы угрызаете и пожираете друг друга, берегитесь, чтобы вам не быть поглощенными друг другом".

Внимательно изучите книги древних, и вы увидите, к чему приводят гражданские войны. Прочтите, что пишет Орозий о карфагенянах, который говорит, что через семьсот лет их город и страна были разрушены, и добавляет: "Что сохранило этот город так долго? Союз. Что разрушило его после такого срока? Союз". Остерегайтесь разъединения, остерегайтесь гражданских войн, которые уничтожают вас и ваш народ. Что еще можно ожидать, кроме того, что ваша армия падет, а вы останетесь без сил и будете раздавлены и разорены враждебными народами. И, царь, если гражданская война доставляет тебе удовольствие, управляй тем порывом, который, по словам апостола, настоятелен в человеке, пусть дух борется с плотью и пороки падут перед добродетелями; будь свободен и служи своему вождю, который есть Христос, ты, который когда-то был скованным рабом корня зла".

[1. Сын Сигиберта, Чилдеберт, которому еще не исполнилось пяти лет, становится королем. Хильперик захватывает Брунгильду и держит ее в изгнании в Руане].

2. Чилперик послал своего сына Меровеха в Пуатье с войском. [Но тот, послушавшись приказа отца, пришел в Тур и провел там святые дни Пасхи. Его войско нанесло большой урон этому району. Сам Меровек под видом того, что хочет [повидаться](#) с матерью, отправился в Руан, встретил там королеву Брунгильду и женился на ней. Узнав об этом, Чилперик очень ожесточился из-за того, что Меровек женился на вдове своего дяди вопреки божественному закону и канонам, и быстрее речи поспешил в вышеупомянутый город. Но когда они узнали, что он намерен их разлучить, то укрылись в церкви святого Мартина, что построена из досок на городской стене. Когда же король по прибытии пытался заманить их туда многими хитростями, а они отказывались ему верить, думая, что он поступает вероломно, он дал им клятву, сказав: "Если будет на то воля Божья, он сам не станет пытаться разлучить их". Они

приняли эту клятву, вышли из церкви, и Чилперик поцеловал их, оказал им достойный прием и попиrowал с ними. Но через несколько дней он вернулся в Суассон, взяв с собой Меровека.

[3. Годен совершает нападение на территорию Чилперика, но терпит поражение. Чилперик подозревает Меровека в причастности к нападению. Жена Годена после его смерти выходит замуж за неизвестного Раушинга].

3. ...Жена Година вышла замуж за Раушинга, человека, полного всякого тщеславия, раздутого от надменности, распутного от гордости, который обращался с подчиненными так, что нельзя было понять, что в нем есть хоть одно человеческое чувство, а на своих людей он обрушивал ярость, превосходящую пределы человеческой злобы и глупости, и совершал невыразимые злодеяния. Ибо всякий раз, когда раб, по обычаю, держал для него свечу за ужином, он заставлял его обнажать ноги и прижимал к ним свечу, пока она не гасла; когда же она зажигалась, он делал то же самое снова, пока ноги раба, державшего свечу, не обгорали до конца. А если он издавал крик или пытался переместиться с этого места на другое, ему тут же угрожал обнаженный меч, и когда он плакал, Раушинг едва сдерживался от восторга. Некоторые рассказывают, что в то время двое его рабов любили друг друга, а именно мужчина и служанка - такое часто случается. И когда эта любовь длилась два года или больше, они соединились и укрылись в церкви. Когда Раушинг узнал об этом, он отправился к епископу этого места и потребовал, чтобы ему немедленно вернули рабов, и сказал, что они не будут наказаны. Тогда епископ сказал ему: "Ты знаешь, какое уважение следует оказывать церкви Божьей; ты не можешь взять их, если не дашь залог их постоянного союза, а также не объявишь, что они будут свободны от всякого телесного наказания". Когда он долго молчал в сомнении, то наконец повернулся к епископу, положил руки на алтарь и поклялся, сказав: "Я никогда не разлучу их, но скорее сделаю так, чтобы они навсегда остались в этом союзе, потому что, хотя меня и раздражает, что это было сделано без моего согласия, я все же приветствую эту особенность, что он не женился на чужой девице и не взял ее в рабыни". Епископ простодушно поверил обещанию хитреца и вернул рабов, взяв с них слово, что они не будут наказаны. Раушинг взял их и, поблагодарив епископа, отправился домой. Он сразу же распорядился срубить дерево, отрезать ствол от ветвей, расщепить его клиньями и выдолбить дупло. Он приказал выкопать землю на глубину трех или четырех футов и положить половину ствола в траншею. Затем он положил туда служанку, как если бы она была мертва, и велел бросить сверху мужчину. И он накрыл его, и засыпал траншею, и похоронил их заживо, сказав: "Я не нарушил своей клятвы, что они никогда не должны быть разлучены". Когда об этом доложили епископу, он быстро прибежал и, яростно обличая мужчину, добился того, что их раскрыли. Однако когда их вытащили, в живых остался только мужчина; он обнаружил, что девушка задушена. В таких действиях Раушинг показал себя очень злым, не имея других способностей, кроме громкого смеха, хитрости и всяческих извращений. Поэтому он справедливо встретил достойную смерть, поскольку так вел себя, когда наслаждался этой жизнью; но об этом я расскажу позже.....

4. В эти дни Рокколен, посланный Чилпериком, с большой гордостью прибыл в Тур и, разбив лагерь за Луарой, послал к нам гонцов, чтобы мы вытащили из святой церкви Гунтрама, которого в то время разыскивали за смерть Теодоберта; если мы этого не сделаем, он отдаст приказ сжечь город и все его окрестности. Услышав это, мы послали к нему гонцов, говоря, что то, о чем он просит, не делалось с давних времен; кроме того, святая церковь не может быть нарушена сейчас; если это произойдет, то это будет нехорошо ни для него, ни для короля, отдавшего это повеление; пусть лучше он благоговеет перед святостью епископа, чья власть только накануне придала силу парализованным конечностям. Но он не побоялся

этих слов и, поселившись в доме, принадлежавшем церкви за рекой Луарой, разрушил сам дом, построенный на гвоздях. Люди из Манса, пришедшие по этому случаю вместе с ним, унесли гвозди, наполнив свои мешки, и уничтожили зерно, пустив все на ветер. Но пока Рокколен занимался этим, его поразила Бог, и, став шафранового цвета[BZ] от королевской болезни, он послал суровые приказы, сказав: "Если ты сегодня же не изгонишь герцога Гунтрама из церкви, я уничтожу всю зелень вокруг города, чтобы страна была готова к пахоте"[55] Между тем наступил священный день Богоявления, и он стал подвергаться все большим и большим мучениям. Тогда, посоветовавшись со своими людьми, он перешел реку и подошел к городу. И когда [духовенство] спешило из собора в святую церковь, распевая псалмы, он ехал верхом за крестом, предваряемый своими штандартами. Но когда он вошел в святую церковь, его ярость и угрозы утихли, и, вернувшись в собор, он не смог принять никакой пищи в тот день. Затем, сильно запыхавшись, он отправился в Пуатье. Это были дни святого поста, во время которого он часто ел молодых кроликов. И, назначив на первое марта действия, с помощью которых он намеревался разорить и оштрафовать жителей Пуатье, он покончил с жизнью в предыдущий день; так прекратились его гордыня и дерзость.

5. В это время Феликс, епископ Нанта, написал мне письмо, полное оскорблений, в котором писал также, что мой брат был убит за то, что он убил епископа, будучи сам жадным до епископства. Но Феликс написал это потому, что хотел получить имение, принадлежащее церкви. И когда я не дал ему его, он пришел в ярость и обрушил на меня, как я уже говорил, тысячу оскорблений. В конце концов я ответил ему: "Помните слова пророка: "Горе тем, которые соединяют дом с домом, которые закладывают поле с полем! Ведь не одни же они будут жить на земле? Как бы я хотел, чтобы вы были епископом Марсея! Ведь корабли никогда бы не привезли туда ни нефти, ни других товаров, а только бумагу, чтобы у вас было больше возможностей писать и порочить честных людей. Именно нехватка бумаги ставит предел вашему словоблудию". Он был человеком безграничной жадности и хвастовства. Теперь я обойду эти вопросы, чтобы не уподобляться ему, и просто расскажу, как мой брат ушел с того света и как быстро Господь отомстил его убийце. Блаженный Тетрик,[56] епископ Лангрской церкви, который уже состарился, изгнал диакона Лампадио с должности прокуратора, и мой брат, желая помочь беднякам, которых Лампадио нечестиво разорил, присоединился к его унижению и тем самым навлек на себя его ненависть. В это время с блаженным Тетриком случился апоплексический удар. Когда припарки врачей не помогли ему, духовенство забеспокоилось и, видя, что лишилось своего пастыря, попросило Мондерика. Король удовлетворил их просьбу, и ему был дан постриг и рукоположение в епископы с условием, что пока блаженный Тетрик жив, он будет управлять городом Тоннерре как архиерей и жить там, а когда его предшественник умрет, он должен стать его преемником. Но пока он жил в городе, он навлекал на себя гнев короля. Его обвинили в том, что он снабжал припасами и делал подарки королю Сигиберту, когда тот выступал в поход против своего брата Гунтрама. И вот его вывели из города и отправили в изгнание на берег Роны в некую башню, которая была очень мала и лишилась крыши. Здесь он прожил почти два года, к своей великой боли, а затем благодаря заступничеству блаженного епископа Ницетия вернулся в Лион и прожил с ним два месяца. Но так как он не смог убедить короля вернуть его в то место, откуда он был изгнан, он бежал ночью и перешел в королевство Сигиберта и был сделан епископом деревни Ариситум с пятнадцатью приходами, более или менее подчиненными ему. Сначала их удерживали готы, а теперь их судил Далматий, епископ Родеза. Когда он уехал, жители Ланграса снова попросили в епископы Сильвестра, нашего родственника и блаженного Тетрика. Теперь они просили его по наущению моего брата. В это время блаженный Тетрик скончался, и Сильвестр принял постриг, был рукоположен в священники и получил всю власть над имуществом церкви. И он стал готовиться к тому, чтобы отправиться и получить благословение епископов в Лионе. В это

время с ним случился приступ эпилепсии, он долгое время был жертвой этой болезни и, лишившись чувств еще более жестоко, чем прежде, непрерывно издавал стоны в течение двух дней, а на третий день испустил последний дух. После этого Лампадий, лишившийся своего положения и средств, как было сказано выше, объединился с сыном Сильвестра в ненависти к Петру диакону, замышляя и утверждая, что его отец был убит злыми искусстваами Петра. Сын, будучи молодым и легкомысленным, восстал против него и публично обвинил его в убийстве. Услышав это, Петр передал свое дело святому епископу Ницетию, дяде моей матери, и отправился в Лион, где в присутствии епископа Сиагрия и многих других епископов, а также светских князей он под присягой оправдался в том, что никогда не принимал участия в смерти Сильвестра. Но через два года, будучи вновь побуждаем к этому Лампадием, сын Сильвестра преследовал Петра-диакона на дороге и убил его ударом копья. Когда дело было сделано, Петра взяли с того места, отнесли в город Дижон и похоронили рядом со святым Григорием, нашим прадедом. Сын же Сильвестра бежал и перешел к королю Чилпериху, оставив свое имущество в казне короля Гунтрама. И когда он скитался по дальним краям из-за совершенного им преступления, и не было для него безопасного места, в котором он мог бы поселиться, в конце концов, я полагаю, невинная кровь призвала против него божественную силу, и когда он ехал в одном месте, он выхватил свой меч и убил человека, который не причинил ему никакого вреда. Родственники этого человека, опечаленные смертью своего родственника, подняли народ и, схватив мечи, разрубили его на куски и разбросали по частям. Такая участь постигла негодяя по справедливому Божьему суду, чтобы тот, кто убил невинного родственника, сам не жил дольше в вине. Это случилось с ним на третий год.

После смерти Сильвестра жители Лангра снова потребовали епископа и получили Паппола, который когда-то был архидиаконом в Аутене. По слухам, он совершил множество злодеяний, которые мы опускаем, чтобы не показаться пренебрежительными по отношению к нашим братьям. Однако я не премину упомянуть, каков был его конец. На восьмом году своего епископства, когда он объезжал приходы и владения церкви, однажды ночью, когда он спал, ему явился блаженный Тетрик с грозным лицом и сказал: "Что ты здесь делаешь, Паппол? Зачем ты оскверняешь мой дом? Почему ты вторгаешься в мою церковь? Почему ты так рассеиваешь паству, которая была вверена мне? Уступи свое место, оставь церковь, уйди подальше от этой территории". И, сказав это, он резко ударил жезлом, который держал в руке, по груди Паппола. От этого Паппола проснулся, и пока он думал, что бы это значило, в том месте пронзила острая боль, и он мучился от острейшей боли. Он возненавидел еду и питье и ждал приближения смерти. Почему же? Он умер на третий день с приливом крови изо рта. Затем его вынесли и похоронили в Лангре. Вместо него епископом стал аббат Муммолус, называемый также Бонусом. Многие воздают ему великую хвалу: он целомудрен, трезв, умерен, готов на всякое добро, друг справедливости и ревностный любитель благотворительности. Когда он принял епископство, то увидел, что Лампадий мошенническим путем завладел большим количеством церковного имущества и, разоряя бедняков, собрал земли, виноградники и рабов, и приказал лишить его всего и изгнать из своего присутствия. Теперь он живет в величайшей нужде и добывает себе пропитание собственными руками. Пусть этого будет достаточно в этих вопросах.

6. В тот же год, что и вышеупомянутый, то есть в год, когда умер Сигиберт и начал царствовать его сын [Чилдеберт](#), у гробницы блаженного Мартина совершилось множество чудес, о которых я рассказывал в книгах, которые пытался составить об этих чудесах. И хотя речь моя не отточена, я все же не позволил оставить без внимания то, что видел своими глазами или узнал от заслуживающих доверия людей. Здесь я расскажу лишь о том, что происходит с теми, кто после чуда с неба ищет земных исцелений, потому что его сила

проявляется в наказании глупцов в той же мере, что и в благодатном действии исцелений. Леонастис, архидиакон Буржа, потерял зрение из-за катаракты, которая выросла на его глазах. И когда ему не удалось восстановить его, обойдя многих врачей, он пришел в церковь святого Мартина и, оставаясь здесь в течение двух или трех месяцев и непрерывно постясь, молился о восстановлении зрения. И когда наступил праздник, глаза его прояснились, и он начал видеть. Вернувшись домой, он позвал некоего еврея, который приложил к его плечам очки, с помощью которых он должен был усилить зрение. Но по мере того как кровь прилиwała к глазам, слепота снова возрождалась. Когда это случилось, он снова вернулся в святой храм. И, оставаясь там еще долгое время, он так и не смог вернуть себе зрение. Я думаю, что ему было отказано в этом из-за его греха, согласно словам Господа: "Ибо кто имеет, тому дано будет, и он будет иметь с избытком; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет". "Вот ты стал цел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже". Ибо он оставался бы здоров, если бы в дополнение к божественному чуду не привел еврея. Ибо таково предостережение и обличение апостола, говорящего: "Не связывайтесь с неверующими. Ибо какое общение у праведности с беззаконием? Или какое общение имеет свет с тьмою? И какое согласие имеет Христос с Белиаром? Или какая доля у верующего с неверующим? И какое согласие имеет храм Божий с идолами? Ибо вы храм Бога живого. Итак, выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь". Поэтому пусть этот случай научит каждого христианина, что, когда у него есть заслуга получить небесное лекарство, он не должен искать земной помощи.

[7. Смерть священника Сеноха, одного "из колена Фейфалиева". 8. Умирает Германус, епископ Парижа. Когда его ведут хоронить, "его тело тяжело опускается на улицу, когда узники поднимают крик, а когда их отпускают, оно легко поднимается снова". 9. Умирает отшельник Калуппа. 10. Умирает отшельник Патрокл. Он был очень воздержан и "всегда носил волосяную рубашку на теле". "Его глаза никогда не тускнели"].

11. И поскольку наш Бог всегда благоволит воздать славу своим епископам, я расскажу о том, что случилось с евреями в Клермонте в этом году. Хотя блаженный епископ Авит часто призывал их отбросить завесу Моисеева закона и толковать Писания в их духовном смысле и с чистым сердцем созерцать в священных писаниях Христа, сына Бога живого, обещанного по авторитету пророков и царей, в их сердцах оставалась, не буду теперь называть ее завесой, которая затемняла свет для лица Моисея, но стеной. Епископ молился и о том, чтобы они обратились к Господу и чтобы завеса буквы была сорвана с них, и один из них попросил крестить его на святую Пасху, и, родившись вновь в Боге через таинство крещения, в белой одежде присоединился к процессии с белыми одеждами вместе с другими. Когда народ проходил через городские ворота, один из иудеев, побуждаемый к этому дьяволом, вылил на голову обращенного иудея зловонное масло. И когда весь народ, ужаснувшись этому, хотел побить его камнями, епископ не позволил. Но в тот благословенный день, когда Господь возносится на небо во славе после искупления человека, когда епископ шел в процессии из собора в церковь, распевая псалмы, множество следовавших за ним людей бросилось на иудейскую синагогу и, разрушив ее от фундамента, сравняло с землей. На другой день епископ послал к ним гонцов, сказав: "Я не принуждаю вас силой исповедовать Сына Божьего, но все же я проповедую Его и предлагаю вашим сердцам соль мудрости. Я - пастырь, поставленный над овцами Господними, а что касается вас, то истинный Пастырь, пострадавший за нас, сказал, что у него есть и другие овцы, которых нет в его овчарне, но которых нужно привести, чтобы было одно стадо и один пастырь. Итак, если вы готовы верить, как я, то будьте одним стадом со мной, как с вашим стражем; если же нет, то отойдите от этого места". Долго пребывали они в смятении и сомнении, а на третий день по молитвам епископа, как я полагаю, собрались вместе и послали к нему весть, говоря: "Мы

веруем в Иисуса, сына Бога живого, обещанного нам словами пророков, и потому просим очистить нас крещением и не оставаться более в этой вине". Епископ обрадовался этой новости и, не смыкая глаз, в ночь на святую Пятидесятницу вышел в крещальню за стены, и там вся толпа расprostерлась перед ним и просила о крещении. И он плакал от радости, и, омыв всех водой, помазал миро и собрал в лоно матери-церкви. Зажглись свечи, ярко горели лампы, весь город побелел от белой толпы, и радость была так велика, как некогда в Иерусалиме, когда Святой Дух сошел на апостолов. Крещенных было более пятисот человек. Но те, кто отказался от крещения, покинули город и вернулись в Марсель".

[12. Умирает аббат Брахио, тюрингонец, бывший охотник. 13. Великая битва между герцогом Чилпериком, Дезидерием, и патрицием Гунтрамом, Муммолусом. Дезидерий терпит поражение].

14. После этого Меровех, которого отец держал под стражей, принял постриг и, сменив одежду на ту, которую принято носить священнослужителям, был посвящен в священники и отправлен в монастырь в Мансе под названием Аннинсола [Сен-Кале] для обучения священническим обязанностям. Услышав это, Гунтрам Босо, живший тогда в церкви святого Мартина, как мы уже говорили, послал иподиакона Ригульфа тайно посоветовать ему укрыться в церкви святого Мартина. И когда Меровех отправился в путь, Гален, его раб, вышел ему навстречу с другой стороны. И так как конвой его был не очень силен, Гален спас его по дороге, и, покрыв голову и надев светскую одежду, он укрылся в храме блаженного Мартина. Мы совершали мессу в святой церкви, когда он вошел, обнаружив дверь открытой. После мессы он попросил нас дать ему освященный хлеб. В то время с нами был Рагнемодус, епископ Парижского собора, сменивший святого Германа; когда мы отказались, Меровех начал поднимать шум и говорить, что мы неправомерно отстранили его от причастия без согласия наших братьев. Когда он сказал это, мы рассмотрели дело в свете канонического права, и с согласия присутствовавшего брата он принял от нас освященный хлеб. Я боялся, что, отстранив одного от причастия, я стану убийцей многих. Ведь он угрожал убить некоторых из наших людей, если не примет от нас причастие". Из-за этого страна Тура претерпела много бедствий. В эти дни Ницетий, муж моей племянницы, отправился с нашим дьяконом к королю Чилперiku по своим делам и рассказал королю о бегстве Меровеха. Увидев их, королева Фредегунда сказала: "Они шпионы и пришли узнать, что делает король, чтобы знать, что доложить Меровеху". И она тут же приказала испортить их и отправить в изгнание, из которого они были освобождены в седьмом месяце. Чилперик же послал к нам гонцов, сказав: "Изгоните этого отступника из церкви. Если вы этого не сделаете, я сожгу всю эту страну в огне". И когда мы ответили, что невозможно, чтобы то, что не случилось во времена еретиков, случилось теперь в христианские времена, он привел в движение свое войско и направил его в эту страну.

На втором году правления короля Чилдеберта, когда Меровех увидел, что его отец задумал это, он предложил взять с собой герцога Гунтрама и отправиться к Брунгильде, сказав: "Да не будет мне позволено, чтобы церковь господина Мартина подверглась возмущению из-за меня или чтобы его страна была отдана в плен из-за меня". И, войдя в церковь и неся вахту, он возложил все, что у него было с собой, на гробницу блаженного Мартина, моля святого помочь ему и оказать ему благосклонность, чтобы он смог взять королевство. В это время граф Леудаст, устроив ему множество ловушек из любви к Фредегунде, наконец хитростью заманил в ловушку своих рабов, ушедших в деревню, и убил их мечом, а самого Меровеха пожелал убить, если найдет его в подходящем месте. Но Меровех последовал совету Гунтрама и, желая отомстить, приказал схватить главного врача Марилейфа, когда тот возвращался от царя, и, жестоко избив его, отобрал у него золото, серебро и другие

ценности, которые были при нем, и оставил его нагим, и убил бы его, если бы он не вырвался из рук избивавших его людей и не укрылся в церкви. Потом мы одели его и, получив его жизнь, отправили обратно в Пуатье. Теперь Меровек обвинил отца и мачеху во многих преступлениях. Но хотя они были отчасти правдой, Богу было неужгодно, чтобы о них стало известно через сына. В этом я убедился позже. Однажды я был приглашен к нему на обед, и когда мы сидели вдвоем, он настоятельно попросил почитать что-нибудь для наставления его души. Тогда я открыл книгу Соломона и взял первый попавшийся стих, в котором было следующее: "Глаз того, кто смотрит на отца своего косо, вороны в долинах выхватят его". Хотя он не понимал этого, я верил, что этот стих был дан Господом. Тогда Гунтрам послал раба к некоей женщине, известной ему еще со времен короля Хариберта и обладавшей знакомым духом, чтобы она рассказала о том, что должно произойти. Кроме того, он утверждал, что она предсказала ему не только год, но и день и час, когда умрет король Хариберт. И она прислала рабам такой ответ: "Король Чилперик умрет в этом году, а король Меровек исключит своих братьев и возьмет все королевство. А ты будешь владеть герцогским титулом над всем его королевством в течение пяти лет. А на шестой год ты с согласия народа получишь честь епископского сана в городе, который лежит на реке Луаре, на правом ее берегу,^[CI] и уйдешь из этого мира старым и полным дней". И когда рабы вернулись и доложили об этом своему господину, он сразу же преисполнился тщеславия, словно уже сидел на кафедре в церкви Тура, и сообщил эти слова мне. Но я посмеялся над его глупостью и сказал: "Этого следует искать у Бога; тому, что обещает дьявол, не стоит верить". Он ушел в смятении, а я от души посмеялся над человеком, который считает такие вещи правдоподобными.^[CJ] Однажды ночью, когда в церкви святого епископа несли вахту, а я лег и уснул на своей кровати, я увидел ангела, летящего по воздуху. И когда он проходил мимо святой церкви, то воскликнул громким голосом: "Увы! Увы. Бог поразил Чилперика и всех сыновей его, и не останется никого из тех, кто вышел из чресл его, чтобы вечно править царством его"^[CK] В это время у него было четверо сыновей от разных жен, не говоря уже о дочерях. И когда впоследствии это исполнилось, я ясно увидел, что то, что обещали прорицатели, было ложью. Когда эти люди находились в церкви святого Мартина, королева Фредегунда, которая уже тайно благоволила Гунтраму Босо за смерть Теодоберта, послала к нему со словами: "Если ты сможешь выгнать Меровека из церкви так, чтобы он был убит, то получишь от меня великий дар". А тот, думая, что убийцы уже близко, сказал Меровеку: "Почему мы такие бездушные и робкие, что сидим здесь и вяло прячемся вокруг церкви? Пусть приведут наших лошадей, и мы возьмем ястребов и будем охотиться с собаками, наслаждаясь охотой и открытыми видами". Он действовал хитро, чтобы увести Меровека подальше от святой церкви. Гунтрам был очень хорошим человеком, но он был слишком готов к лжесвидетельству и никогда не давал клятвы никому из своих друзей, но тут же ее нарушал. Они вышли, как мы уже сказали, из церкви и дошли до дома Иокундиака недалеко от города; Меровеку же никто не причинил вреда. А поскольку Гунтрама в то время разыскивали за убийство Теодоберта, как мы уже говорили, король Хильперик послал к гробнице святого Мартина письмо, все исписанное, в котором содержалась просьба, чтобы блаженный Мартин написал ему ответ, позволительно ли тащить Гунтрама из его церкви или нет. И дьякон Бодегизил, принесший письмо, отправил в гробницу святого чистый лист бумаги вместе с тем, что принес. Прождав три дня и не получив ответа, он вернулся к Чилперiku. И послал других потребовать от Гунтрама клятвы не покидать церковь без его ведома. Гунтрам охотно принял клятву и дал алтарную пелену в залог того, что никогда не выйдет из храма без веления царя. Меровеч не поверил колдунам, положил на гробницу святого три книги: Псалтирь, Царств и Евангелие, и, бодрствуя всю ночь, молил блаженного исповедника открыть ему, что будет дальше и может ли он быть царем или нет, чтобы узнать это по свидетельству Господа. После этого он три дня постился, бодрствовал и молился, и, придя во второй раз к блаженному гробу, открыл книгу Царств. И

первым стихом на странице, которую он открыл, был следующий: "За то, что ты оставил Господа, Бога твоего, и пошел за другими богами, и не делал добра в очах Его, потому предал тебя Господь, Бог твой, в руки врагов твоих".

А этот стих мы нашли в Псалтири: "Но Ты навлек на них зло за их коварство; Ты низверг их, когда они были вознесены. Как они были приведены в запустение? Они внезапно потерпели поражение и погибли из-за своих беззаконий". А в Евангелиях можно найти следующее: "Вы знаете, что через два дня наступает Пасха, и Сын Человеческий предается на распятие".

При этих ответах он смутился и долго плакал у гроба блаженного епископа, а затем, взяв с собой герцога Гунтрама, отправился в путь с пятьюстами человек или более. Он покинул святую церковь и во время похода по территории Осера был схвачен Эрпо, герцогом короля Гунтрама. И пока его держали, он по какой-то случайности сбежал и вошел в церковь святого Германа. Услышав это, король Гунтрам разгневался, оштрафовал Эрпо на семьсот золотых и отстранил его от должности, сказав: "Ты держал в плену того, кто, по словам моего брата, является его врагом. Если бы ты хотел это сделать, то сначала привел бы его ко мне; в противном случае тебе не следовало бы трогать того, кого ты притворился пленником".

Войско короля Чилперика дошло до Тура и разграбило эту область, сожгло ее и опустошило, не пощадив и имущества святого Мартина, но все, что попадало ему в руки, он брал, не считаясь с Богом и не испытывая никакого страха. Меровек пробыл в упомянутой мною церкви почти два месяца, а затем бежал и отправился к королеве Брунгильде, но австразийцы его не приняли[CM]. И его отец направил свою армию против жителей Шампани, полагая, что он там скрывается. Он не причинил вреда, но не смог найти Меровека.

15. Поскольку Хлотарь и Сигиберт поселили на своей земле суэвов и другие племена, когда Альбин отправился в Италию, то вернувшиеся во времена Сигиберта, а именно те, кто был с Альбином, восстали против них, желая вытеснить их из той страны и уничтожить. Но они предложили саксам третью часть земли, сказав: "Мы можем жить вместе, не мешая друг другу". Но саксы рассердились на них, потому что сами раньше владели этой землей, и ни за что не хотели умиротворяться. Тогда суэвы сделали им второе предложение - половину, а затем две трети, оставив одну треть себе. Когда же саксы отказались от этого, они предложили им вместе с землей все свои стада и пастбища, если только те воздержатся от нападения на них. Но они не согласились даже на это и потребовали сражения. А перед битвой, думая, что суэвы уже убиты, они обсуждали между собой, как им разделить своих жен и что каждый получит после поражения. Но милосердие Божье, которое вершит правосудие, повернуло их мысли в другую сторону. Ибо когда они сражались, саксов было 26 000, из которых пало 20 000, а суев - 6000, из которых пало 480, а остальные одержали победу. Оставшиеся саксы дали клятву, что не будут стричь ни бороды, ни волос, пока не отомстят своим противникам. Но когда они снова вступили в бой, то были разбиты с большими потерями, и так война была окончена.

[16. Маклиав и Бодик, графы бретонцев, сменяются Теодорихом и Вароком. 17. Король Гунтрам теряет двух своих сыновей. Пасха празднуется в одних городах 21 марта, в других - 18 апреля. Гунтрам усыновляет своего племянника Чилдеберта, и они приказывают Чилперiku вернуть то, что он у них отнял].

[CO]18. После этого Чилперик услышал, что Пртекстат, епископ Руана, раздает подарки народу во вред себе, и приказал ему явиться к нему. Когда его допросили, оказалось, что у него есть имущество, доверенное ему королевой Брунгильдой. Его отобрали и приказали держать в изгнании до тех пор, пока его не выслушают епископы. Собор собрался, и он

предстал перед ним. Епископы, отправившиеся в Париж, находились в церкви святого апостола Петра. И сказал ему король: "Почему ты решил, епископ, соединить браком моего врага Меровеха, который должен быть моим сыном, и его тетку, то есть жену его дяди. Разве ты не знаешь, что каноны предписывают в таких случаях? И не только доказано, что ты зашел слишком далеко в этом вопросе, но ты фактически дарил подарки и побуждал его убить меня. Ты сделал сына врагом отца, ты соблазнил людей деньгами, чтобы никто из них не сохранил верность мне, и ты хотел отдать мое царство в руки другого". Когда он это сказал, толпа франков подняла гневный крик и хотела ворваться в двери церкви, чтобы вытащить епископа и побить его камнями; но король помешал им. А когда епископ Пртекстат стал отрицать, что совершил то, в чем его обвинил король, появились лжесвидетели, которые показали несколько ценных вещей, сказав: "Вот это и это ты отдал при условии, что мы поклянемся в вере Меровеху". На это он ответил: "Ты говоришь правду, говоря, что часто получал от меня подарки, но это было не для того, чтобы изгнать царя из царства. Ведь когда ты снабжал меня отличными конями и другими вещами, что мне оставалось делать, как не отплатить тебе тем же?" Царь вернулся в свое жилище, а мы, собравшись вместе, сидели в консистории церкви блаженного Петра. И пока мы беседовали, внезапно пришел Итий, архидиакон парижской церкви, и, приветствуя нас, сказал: "Слушайте меня, епископы Божии, собравшиеся вместе; в это время вы должны либо возвеличить свое имя и сиять благодатью доброй молвы, либо никто не будет относиться к вам в будущем как к епископам Божиим, если вы не будете мудро утверждать себя или позволите брату своему погибнуть". Когда он сказал это, никто из епископов не дал ему ответа. Ибо они боялись гнева королевы, по чьей воле это было сделано. Когда они продолжали задумчиво держать палец на губах, я сказал: "Святейшие епископы, обратите внимание, прошу вас, на мои слова, и особенно вы, которые, кажется, в дружеских отношениях с королем; дайте ему святой и священнический совет не разгневаться на раба Божьего и не погибнуть от его гнева, потеряв королевство и славу". Когда я это сказал, все замолчали. И в этом молчании я добавил: "Помните, господа мои епископы, слово пророка, когда он говорит: "Если сторож видит беззаконие человека и не объявляет о нем, то он будет виновен за погибшую душу". Поэтому не молчите, а говорите и выставляйте грехи царя перед его глазами, чтобы не случилось с ним какого-нибудь зла и вы не были виновны за его душу. Разве вы не знаете, что произошло в последнее время? Как Хлодомер схватил Сигизмунда и бросил его в темницу, а Авит, священник Божий, сказал ему: "Не налагай на него руки, и когда ты пойдешь в Бургундию, то одержишь победу". Но он пренебрег словами священника, пошел и убил его вместе с женой и сыновьями. Затем он отправился в Бургундию и там был разбит войском и убит. А что же император Максим? Когда он заставил блаженного Мартина причастить некоего епископа, который был убийцей, и Мартин уступил нечестивому королю, чтобы легче освободить осужденного от смерти, суд вечного Царя преследовал его, и Максим был изгнан с императорского трона и осужден на самую страшную смерть." Когда я это сказал, никто ничего не ответил, но все уставились в изумлении. И все же двое льстецов из их числа - больно говорить это о епископах - донесли царю, сказав, что для его целей нет большего врага, чем я. Тотчас же один из придворных слуг был поспешно послан, чтобы привести меня к нему. Когда я пришел, король стоял возле беседки из ветвей, справа от него стоял епископ Бертрам, а слева Рагнемод, и перед ними стояла скамья, покрытая хлебом и разными блюдами. Увидев меня, король сказал: "Епископ, ты обязан свободно воздавать всем по справедливости; и вот я не добиваюсь от тебя справедливости; но, как я вижу, ты соглашаешься на беззаконие, и на тебе исполнилась пословица, что ворон ворону глаз не вырвет". На это я ответил "Если кто-нибудь из нас, о царь, захочет сойти с пути справедливости, он может быть исправлен тобой; но если ты сойдешь с него, кто обличит тебя? Мы говорим с тобой, но ты слушаешь только по своему желанию, а если ты отказываешься слушать, кто осудит тебя, кроме того, кто утверждает, что

он - справедливость?" На это он ответил, разгневанный на меня своими льстецами: "Со всеми я нашел справедливость, и только с тобой я не могу ее найти. Но я знаю, что мне сделать, чтобы ты был опозорен перед народом и чтобы всем стало ясно, что ты несправедлив. Я соберу народ Тура и скажу им: "Плачьте против Григория, ибо он несправедлив и никому не воздает по справедливости". И когда они воскликнут это, я отвечу: "Я, король, не могу найти у него справедливости, а вы, которые меньше меня, найдете ее". На это я сказал: "Ты не знаешь, что я несправедлив. Но знает моя совесть, которой открыты тайны сердца. И если народ кричит фальшивыми воплями, когда вы нападаете на меня, это ничто, потому что все знают, что это исходит от вас. И потому не я, а вы будете опозорены в криках. Но зачем говорить дальше? У вас есть закон и каноны; вам следует прилежно их изучить, и тогда вы узнаете, что суд Божий нависнет над вами, если вы не будете соблюдать их предписания". Но он попытался успокоить меня, думая, что я не понимаю, что он действует лукаво, и, указав на бульон, который был поставлен перед ним, сказал: "Это для тебя я приготовил этот бульон; в нем нет ничего, кроме птицы и нескольких горошин". Но я, видя его лесть, сказал ему: "Наша пища должна быть направлена на исполнение воли Божьей, а не на наслаждение этими роскошествами, чтобы ни в коем случае не пренебрегать тем, что Он повелевает. Так вот, вы, обвиняющие других в несправедливости, обещайте сначала, что не будете пренебрегать законом и канонами, и тогда мы поверим, что вы следуете справедливости". Затем он простер правую руку и поклялся всемогущим Богом, что ни в коем случае не будет пренебрегать учением закона и канонов. Затем я взял хлеб и выпил вино и ушел. Но в ту ночь, когда пели ночные гимны, я услышал, как в дверь моего жилища сильно ударили, и, послав раба, узнал, что там стоят посланцы от королевы Фредегунды. Их ввели, и я получил приветствие от королевы. Затем рабы умоляли меня не выступать против нее. И в то же время они пообещали двести фунтов серебра, если я нападу на Пртекстата и погублю его. Они сказали: "У нас уже есть обещание всех епископов; только не иди против нас". Но я отвечал: "Если вы дадите мне тысячу фунтов серебра и золота, что еще я могу сделать, кроме того, что поручит мне Господь? Обещаю только одно: я буду следовать тому решению, к которому придут остальные в соответствии с канонами". Они не поняли, что я имел в виду, но поблагодарили меня и ушли. Утром некоторые епископы пришли ко мне с аналогичным посланием, на которое я дал аналогичный ответ.

Утром мы собрались в церкви Святого Петра, король присутствовал и сказал: "Авторитет канонов гласит, что епископ, уличенный в воровстве, должен быть изгнан из епископского сана". Когда я спросил, кто был тем епископом, против которого было выдвинуто обвинение в краже, король ответил: "Вы видели ценные вещи, которые он украл у нас". За три дня до этого король показал нам два ящика, наполненных дорогими вещами и украшениями разного рода, которые оценивались более чем в три тысячи *солидов*; кроме того, в мешке было много чеканного золота, около двух тысяч штук. Король сказал, что все это украл у него епископ. И епископ ответил: "Полагаю, вы помните, что, когда королева Брунгильда покинула Руан, я пришел к вам и сказал, что у меня хранится ее имущество, а именно пять посылок, и что ее рабы часто приходили ко мне, чтобы забрать их, но я не хотел отдавать их без вашего совета. И ты сказал мне, о царь: "Избавься от этих вещей и позволь женщине вернуть свое имущество, чтобы не разгорелась вражда из-за этого дела между мной и Чилдебертом, моим племянником". Я вернулся в город и отдал один ящик рабам, так как они не могли нести больше. Они вернулись во второй раз и попросили остальные. Я снова обратился за советом к твоему величеству. И ты дал мне указания, сказав: "Избавься от этих вещей, епископ, избавься от них, боясь, что дело может вызвать скандал". Я снова передал им два дела, и еще два остались у меня. Но почему ты теперь клеветешь на меня и обвиняешь, ведь это дело следует отнести не к краже, а к хранению". Тогда царь сказал: "Если ты хранил это имущество у себя для сохранности, то почему ты открыл один из них и разрезал на куски

пояс, сплетенный из золотых нитей, и отдал людям, чтобы они изгнали меня из королевства". Епископ Пртекстат отвечал: "Я уже говорил тебе, что получил их дары, и так как у меня ничего не было под рукой, чтобы отдать, то я взял это и отдал в обмен на их дары. Я считал принадлежащим мне то, что принадлежало моему сыну Меровеху, которого я получил из купели возрождения". Царь Чилперик увидел, что ложными обвинениями его не одолеть, и, будучи сильно поражен и повергнут в смятение своей совестью, удалился от нас, призвал некоторых из своих льстецов и сказал: "Признаюсь, что я побежден ответами епископа и знаю, что то, что он говорит, правда. Что же мне теперь делать, чтобы воля королевы исполнилась над ним?" И он сказал: "Иди, подойди к нему и говори, как бы давая свой совет: "Ты знаешь, что король Чилперик благочестив и милосерден и быстро проникается состраданием; смирись перед ним и скажи, что ты виновен в обвинениях, которые он выдвинул. Тогда мы все бросимся к его ногам и будем просить его помиловать тебя". Епископ Пртекстат был обманут и пообещал, что сделает это. Утром мы собрались на обычном месте, и король пришел и сказал епископу: "Если ты дал этим людям подарки в обмен на подарки, то почему ты потребовал от них клятвы, что они будут хранить веру в Меровеха?" Епископ ответил: "Признаюсь, я действительно просил их дружбы для него; и я просил бы не одних людей, но, если можно так сказать, призвал бы ангела с небес, чтобы он был ему помощником, ибо он был моим духовным сыном от купели крещения, как я часто говорил". И когда спор разгорелся, епископ Пртекстат бросился на землю и сказал: "Я согрешил против неба и перед тобой, милостивейший царь: Я нечестивый убийца; я хотел убить тебя и возвести на престол твоего сына". Сказав это, царь бросился к ногам епископов и сказал: "Слушайте, святейшие епископы, обвиняемый признается в своем ужасном преступлении". И когда мы со слезами подняли короля с земли, он приказал Пртекстату покинуть церковь. Сам же он отправился в свое жилище и послал книгу канонов, к которой был добавлен новый кватернион, содержащий каноны, называемые апостольскими и имеющие следующее содержание: Пусть епископ, уличенный в убийстве, прелюбодеянии или лжесвидетельстве, будет изгнан из своего сана. Это было зачитано, и пока Пртекстат стоял в оцепенении, епископ Бертрам произнес: "Слушай, брат и соратник епископа; у тебя нет благосклонности короля, и поэтому ты не можешь пользоваться нашей милостью, пока не заслужишь снисхождения короля". После этого король потребовал, чтобы с него сорвали мантию и прочитали над его головой сто восьмой псалом, содержащий проклятия в адрес Искарота, и, по меньшей мере, вынесли приговор о его вечном отлучении от церкви. На эти предложения я воспротивился, согласно обещанию короля ничего не делать вне канонов. Тогда Пртекстата увели с глаз наших и заключили под стражу. А при попытке бежать ночью он был жестоко избит и отправлен в изгнание на остров в море, который находится недалеко от города Кутанс.

После этого поступило сообщение, что Меровех во второй раз пытается укрыться в церкви Святого Мартина. Но Чилперик отдал приказ следить за церковью и закрыть все входы. Оставив одну дверь, через которую несколько священнослужителей должны были входить на службы, стража держала все остальные закрытыми. Это причиняло большие неудобства людям. Когда мы находились в Париже, на небе появились знамения, а именно: двадцать лучей в северной части, которые поднимались на востоке и устремлялись к западу; один из них был более протяженным и превышал остальные, и когда он поднялся на большую высоту, то вскоре исчез, так же как исчезли и остальные, которые следовали за ним. Я полагаю, что они возвестили о смерти Меровеха. Когда Меровех скрывался в Шампани близ Реймса и не доверял открыто австразийцам, его заманили в ловушку жители Теруанны, которые сказали, что оставят его отца Чилперика и будут служить ему, если он придет к ним. Тогда он взял своих самых храбрых людей и быстро отправился к ним. Тогда они раскрыли задуманную ими хитрость и заперли его в одном селении, окружив вооруженными людьми, и послали гонцов

к его отцу. И он выслушал их и вознамерился поспешить туда. Но когда Меровех задержался на постоянном дворе, он начал опасаться, что ему придется заплатить много штрафов, чтобы удовлетворить месть своих врагов, и призвал к себе Галена, своего раба, и сказал: "До сих пор у нас были одни мысли и цели. Я прошу тебя не допустить, чтобы я попал в руки моих врагов, но возьми свой меч и бросься на меня". И Гален, не колеблясь, заколол его своим кинжалом. Царь пришел и нашел его мертвым. В то время некоторые говорили, что слова Меровеха, о которых мы только что рассказали, были выдумкой царицы и что Меровех был тайно убит по ее приказу. Галена схватили, отрубили ему руки, ноги, уши и кончик носа, подвергли многим другим пыткам и встретили жестокую смерть. Гриндио привязали к колесу и подняли на воздух, а Чучило, некогда графа во дворце короля Сигиберта, казнили, отрубив голову. Кроме того, они жестоко убили различными видами смерти многих других людей, пришедших с Меровеком. Тогда говорили, что во главе предательства стояли епископ Эгидий и Гунтрам Босо, потому что Гунтрам пользовался тайной дружбой Фредегунды за убийство Теодоберта, а Эгидий долгое время был ее другом.

[19. Тиберий Сезар, его милостыня бедным и сокровища, чудесным образом обнаруженные им].

20. Против епископов Салуния и Стрельца поднялся шум. Они прошли обучение у святого Никия, [57] епископа Лионского, и достигли сана диакона; в его время Салуний был поставлен епископом Эмбруна, а Стрелец - Гапа. Достигнув епископского сана, они стали сами себе хозяевами и в безумии стали захватывать имущество, ранить, убивать, прелюбодействовать и совершать другие преступления, а однажды, когда Виктор, епископ Сен-Поль-Труа-Шато, праздновал свой день рождения, они послали отряд людей, чтобы напасть на него с мечами и стрелами. Они разорвали его одежды, ранили слуг, унесли посуду и все, что использовалось во время ужина, и оставили епископа наедине с собой. Узнав об этом, король Гунтрам приказал собрать синод в Лионе. Епископы собрались вместе с патриархом, блаженным Никеем, и, рассмотрев дело, пришли к выводу, что они полностью признаны виновными в инкриминируемых им преступлениях, и постановили, что люди, виновные в подобных деяниях, должны быть отстранены от должности епископа. Но поскольку Салуний и Стрелец знали, что король по-прежнему благосклонен к ним, они отправились к нему, жалуюсь на то, что их несправедливо отстранили, и прося разрешения отправиться к папе Римскому. Царь выслушал их мольбы, дал им письма и отпустил. Они пошли к папе Иоанну и рассказали, что их удалили без всякой причины. И он послал королю письма, в которых предписывал вернуть их на свои места. Король сделал это без промедления, предварительно долго упрекая их. Но, что еще хуже, никаких улучшений не последовало. Однако они попросили прощения у епископа Виктора и выдали людей, которых они послали во время беспорядков. Но он, помня учение Господа о том, что не следует отплачивать врагам злом за зло, не причинил им никакого вреда, а позволил выйти на свободу. За это он был впоследствии отстранен от общения, так как после публичного обвинения тайно помиловал своих врагов без совета с братьями, которым он предъявил обвинение. Но по милости короля он снова был восстановлен в общении. Но эти люди ежедневно совершали еще большие преступления и, как мы уже говорили, вооружались, как миряне, и многих убили своими руками в сражениях, которые Муммол вел с лангобардами. И среди своих сограждан они увлекались враждой, избивали многих дубинками и доводили свою ярость до пролития крови. Из-за этого возмущение народа снова дошло до короля. Царь приказал созвать их. Когда они прибыли, он не позволил им войти к нему, решив, что сначала нужно выслушать их и что если они окажутся хорошими людьми, то заслужат аудиенцию у царя. Но Стрелец пришел в ярость, принял дело близко к сердцу и, будучи легкомысленным и тщеславным и готовым к необдуманным речам, стал делать много

громких заявлений о царе и говорить, что его сыновья не могут наследовать царство, потому что их мать была взята на царское ложе из числа рабынь Магнахара; не зная, что теперь семьи жен не принимаются во внимание, и они называются сыновьями царя, которые родились от царя. Услышав это, король сильно разволновался и отобрал у них лошадей, рабов и все, что у них было, и приказал отвести их в дальние монастыри, чтобы они там совершали покаяние, оставив каждому не более одного причетника, и грозно предупредил судей тех мест, чтобы они охраняли их с вооруженными людьми и не давали никому возможности посетить их. В это время жили сыновья царя, и старший из них начал болеть. Друзья царя пришли к нему и сказали: "Если бы царь соблаговолил выслушать слова своих слуг, они бы говорили ему в уши". И он сказал: "Говорите, что хотите". И они сказали: "Остерегайтесь, чтобы не осудили этих епископов на изгнание, хотя они невиновны, и тогда грех царя несколько увеличится, и из-за этого погибнет сын нашего господина". И сказал царь: "Идите со всей быстротой и отпустите их и умоляйте их молиться за наших малышей". Они ушли, и епископы были отпущены, и, выйдя из монастырей, встретились и поцеловали друг друга, потому что давно не виделись, и вернулись в свои города и были так покаянны, что, по-видимому, никогда не переставали петь псалмы, поститься, давать милостыню, читать днем книгу песней Давида, а ночь проводить в пении гимнов и размышлении над прочитанным. Но это абсолютное благочестие длилось недолго, и они падали во второй раз и обычно проводили ночи в пиршествах и пьянстве, так что, когда священнослужители пели заутреню в церкви, они звали чаши и пили вино. О Боге не упоминалось, службы не проводились. Когда наступало утро, они вставали с обеда, накрывались мягкими покрывалами и, погрузившись в пьяный сон, лежали до третьего часа дня. И были женщины, с которыми они оскверняли себя. Потом они вставали, купались и ложились есть; вечером вставали и потом с жадностью предавались ужину до рассвета, как мы уже говорили выше. Так они поступали каждый день, пока не обрушился на них гнев Божий, о чем мы расскажем позже".

[21. Бретонец Виннок становится священником. Чудо святой воды из гробницы святого Мартина. 22. Смерть маленького сына Чилперика. 23. Список вундеркиндов. 24. Чилперик отбирает Пуатье у Чилдеберта. 25. Герцог Драколен захватывает дезертира Дакко и отвозит его к Чилперiku. Тот совершает самоубийство. Затем Драколен встречает Гунтрама Босо, сражается с ним верхом и погибает. Жестокий конец тестя Гунтрама. 26. Чилперик посылает против бретонцев армию, включая "жителей Тура". Позже он [приказывает](#) платить штрафы беднякам и младшему духовенству церкви за то, что они не служили в армии", хотя "не было обычая, чтобы они несли какую-либо государственную службу". 27. Епископы Салуний и Стрелец разжалованы].

28. Царь Чилперик приказал ввести новые и тяжелые повинности во всем своем королевстве. По этой причине многие покинули эти города, бросили свое имущество и бежали в другие царства, считая, что лучше быть в изгнании в другом месте, чем подвергаться такой опасности. Ибо было постановлено, что каждый землевладелец должен платить меру вина за акр [aripennis].[\[CS\]](#) Кроме того, на остальные земли и на рабов было наложено множество других налогов, которые невозможно было заплатить. Когда жители Лиможа увидели, что их тяготит такое бремя, они собрались первого марта и пожелали убить референдаря Маркуса, которому было приказано собирать эти подати, и они бы так и сделали, если бы епископ Ферреолус не освободил его от грозящей опасности. Собравшаяся толпа схватила налоговые книги и сожгла их. На это царь сильно встревожился и послал чиновников от своего двора, которые оштрафовали людей на огромные суммы, запугали их пытками и

предали смерти. Рассказывают также, что в это время аббатов и священников растягивали на крестах и подвергали различным пыткам, а царские посланцы ложно обвиняли их в том, что они были соучастниками сожжения книг при восстании народа. И отныне они ввели еще более тяжкие налоги.

[29. Продолжается борьба между бретонцами и франками. 30. Тиберий сменяет Юстина на посту императора. 31. Бретонцы грабят страну вокруг Нанта и Ренна].

32. В Париже некая женщина подверглась поношению: многие обвиняли ее в том, что она оставила своего мужа и вступила в связь с другим. Тогда родственники ее мужа отправились к ее отцу, сказав: "Заставь свою дочь вести себя как следует, или она умрет, чтобы ее распутство не опозорило наш род". "Я знаю, - сказал отец, - что моя дочь хорошо себя ведет, и неправду говорят о ней злые люди. И все же, чтобы упрек не распространялся дальше, я клятвой сделаю ее невиновной". И они ответили: "Если она без вины, то объявите это под присягой на здешней гробнице блаженного Дениса-мученика". "Я так и сделаю", - сказал отец. Тогда, заключив соглашение, они встретились в церкви святого мученика, и отец, подняв руки над алтарем, поклялся, что его дочь не виновна. С другой стороны, другие со стороны мужа заявили, что он совершил лжесвидетельство. Они вступили в спор, выхватили мечи, бросились друг на друга и убили друг друга перед самым алтарем. Это были люди преклонных лет и вожди с царем Чилпериком. Многие получили раны от мечей, святая церковь была забрызгана человеческой кровью, двери были пронзены дротиками и мечами, и безбожные ракеты бушевали до самой гробницы. Когда борьба с трудом была прекращена, на церковь наложили интердикт до тех пор, пока все это дело не попадет в поле зрения короля. Они поспешили к князю, но не были приняты благосклонно. Их отослали обратно к местному епископу и приказали, что если они не будут уличены в этом преступлении, то по праву могут быть допущены к причастию. Тогда они искупили свое злое поведение и были приняты в общение церкви Рагнемодом, епископом Парижским. Через несколько дней после этого женщина, вызванная на суд, повесилась.

[33. Длинный список чудес].

34. За этими блудницами последовала очень страшная чума. Пока цари ссорились и снова готовились к гражданской войне, дизентерия охватила почти всех галлов. У страдальцев был сильный жар с рвотой и сильными болями в почках; голова и шея были тяжелыми. Отхаркивания были шафранового или, по крайней мере, зеленого цвета. Многие утверждали, что это тайный яд. Простые люди называли это внутренними прыщами, и это не так уж невероятно, поскольку при наложении стаканов на плечи или ноги образовывались и лопались матерчатые места, из которых вытекала испорченная кровь, и многие излечивались. Кроме того, пили травы, которые используются для лечения ядов, и они помогли многим. Эта болезнь началась в августе и охватила малышей и уложила их в постели. Мы потеряли дорогих милых детей, которых мы нянчили на коленях или носили на руках и кормили с заботой, кормили их своей собственной рукой. Но, утирая слезы, мы говорим вместе с блаженным Иовом: "Господь дал, Господь и взял; воля Господня исполнилась. Да будет благословенно имя Его во веки веков".

В эти дни царь Чилперик был очень болен. Когда он поправился, его младший сын, еще не возрожденный от воды и Святого Духа, заболел, и, видя, что он в опасности, они крестили его. Ему стало немного лучше, когда на его старшего брата по имени Клодоберт напала та же болезнь. Их мать Фредегунда, видя, что им грозит смерть, слишком поздно раскаялась и сказала королю: "Божественная благодать долго терпела наши дурные поступки; она часто обличала нас лихорадками и другими бедствиями, но покаяния не последовало, и теперь мы

теряем наших сыновей. Их губят слезы бедняков, вопли вдов и вздохи сирот. Теперь у нас не осталось надежды собрать богатство. Мы получаем богатство и не знаем, для кого. Наши сокровища останутся без хозяина, полные насилия и проклятий. Наши хранилища полны вина, наши амбары - зерна, а наши сокровищницы - золота, серебра, драгоценных камней, ожерелий и всего богатства правителей. Но мы теряем то, что было нам дороже всего. Давай же, прошу тебя, сожжем все нечестивые налоговые списки, и пусть то, что хватало твоему отцу королю Хлотарю, хватит и твоей казне". Так говорила королева, бия себя в грудь кулаками, и приказала вынести книги, которые привез из ее городов Марк, и, бросив их в огонь, сказала королю: "Почему ты медлишь; сделай то, что я делаю, чтобы, если мы потеряли наших дорогих детей, то хотя бы избежали вечного наказания". Тогда король раскаялся и сжег все налоговые книги, а когда они сгорели, послал людей, чтобы те прекратили взимать налоги в будущем. После этого младший ребенок сильно исхудал от боли и умер. С великой скорбью его перенесли из Брейна в Париж и похоронили в церкви Сен-Дени. Хлодоберта положили на подстилку и отнесли в церковь святого Медарда в Суассоне, а сами бросились к святой гробнице и произнесли за него обеты, но, будучи уже бездыханным и слабым, он умер в полночь. Его похоронили в святой церкви мучеников Криспина и Криспиниана. В народе было много плача, ибо мужчины и женщины с грустью следили за похоронами, надев траурные одежды, которые принято надевать, когда умирает муж или жена. После этого король Хильперик был щедр к соборам и церквям, а также к бедным.

35. В эти дни Аустречилд, жена принца Гунтрама, скончалась от этой болезни, но прежде чем она выдохнула свою никчемную жизнь, видя, что не может спастись, она глубоко вздохнула и пожелала иметь партнеров в своей смерти, намереваясь, чтобы на ее похоронах был траур по другим. Говорят, что она обратилась к царю с просьбой в иродианской манере, сказав: "Я бы еще надеялась на жизнь, если бы не попала в руки нечестивых врачей; ведь отвары, которые они мне давали, насильно лишили меня жизни и привели к тому, что я быстро лишилась света дня. Поэтому я прошу тебя, пусть моя смерть не останется незамеченной, и клятвенно заверяю тебя, что они будут убиты мечом, как только я отоюду от света; так что, как я не могу больше жить, так и они не смогут хвалиться после моей смерти, и горе наших друзей и их горе будет одним и тем же". Так говорила она и отдала свою несчастную душу. И король после обычного публичного траура выполнил ее нечестивый приказ, вынужденный клятвой своей жестокой жене. Он приказал зарубить мечом двух врачей, лечивших ее, и мудрость многих считает, что это было сделано не без греха.

[36. Нантинус, граф Ангулемский, умирает от чумы. Он был злейшим врагом епископов. 37. Смерть Мартина, епископа Галисийского. 38. Арианская королева Испании Гайсуэнта разгневана на свою невестку-католичку. "Она хватает девушку за волосы на голове, бросает ее на землю, долго бьет ногами, покрывает ее кровью и приказывает раздеть ее и бросить в пруд с рыбой". Однако девушка обращает мужа в свою веру, но его отправляют в изгнание. 39. Фредегунда приводит к смерти Хлодвига, сына Чилперика. 40. Умирают Элафий, епископ Шалона, и Эоний, изгнанный епископ Ванна. 41. Чилперик захватывает легатов, посланных королем Галисии к королю Гунтраму. Перечень чудес, включая разрушительный ветер, о котором Григорий говорит: "Его пространство было около семи акров в ширину, но нельзя было оценить его длину"].

42. Маурилио, епископ города Кагор, был тяжело болен подагрой, но в дополнение к боли, которую причиняла болезнь, он подвергал себя дополнительным пыткам. Ведь он часто прикладывал раскаленное железо к ступням и ногам, чтобы усилить боль. Хотя многие были кандидатами на его должность, сам он предпочел Урсицина, который когда-то был

референтом королевы Вультроготы, и он просил, чтобы Урсицин был рукоположен перед его смертью, а затем скончался мире. Он был очень щедрым подателем милостыни, весьма сведущ в церковных писаниях, настолько, что часто повторял по памяти преемственность поколений, приведенную в книгах Ветхого Завета, которую многим трудно запомнить. Он также был справедлив в судах и защищал бедных своей церкви от рук нечестивых, согласно суду Иова: "Я избавил бедного от руки сильного и помог нуждающемуся, у которого не было помощника. Уста вдовы благословляли меня, ибо я был глазом для слепых, ногой для хромых и отцом для слабых".

[43. Спор о Троице между Григорием и испанским легатом].

44. В то же время король Чилперик написал небольшой трактат о том, что святая Троица не должна называться так в отношении отдельных личностей, а должна иметь просто значение Бога, говоря, что неприлично, чтобы Бог назывался личностью, подобной человеку из плоти; утверждая также, что Отец есть то же самое, что и Сын, и что Святой Дух также есть то же самое, что Отец и Сын. "Таково, - сказал он, - было мнение пророков и патриархов, и таково учение, данное самим Законом". Когда мне это прочитали, он сказал: "Я хочу, чтобы вы и другие учителя церкви придерживались этого мнения". Но я ответил ему: "Добрый царь, оставь эту веру; твой долг - следовать учению, которое оставили нам другие учителя церкви после апостолов, учению Илария и Евсевия[CV], которое ты исповедовал при крещении". Тогда царь разгневался и сказал: "Совершенно очевидно, что в этом деле Иларий и Евсевий - мои злейшие враги". И я ответил ему: "Лучше тебе быть осторожным и не наживать врагов ни Богу, ни Его святым. Теперь позволь мне сказать тебе, что Отец, Сын и Святой Дух как личности различны. Не Отец принял плоть, не Дух Святой, но Сын, так что Сын Божий стал сыном Девы и для искупления человека. Не Отец страдал, не Святой Дух, но Сын, так что Тот, Кто принял плоть в мире, Сам был принесен в жертву за мир. И то, что вы говорите о личностях, следует понимать не в материальном, а в духовном смысле. Итак, в этих трех лицах - одна слава, одна вечность, одна сила". Но он разволновался и сказал: "Я объясню эти вопросы более мудрым людям, чем ты, и они согласятся со мной". Я ответил: "Не будет мудрецом тот, кто согласится следовать твоим предложениям, но будет глупцом". На это он оскалил зубы и больше ничего не сказал. Через несколько дней его посетил епископ Сальвий из Альби, который прочитал ему этот трактат, умоляя принять его мнение. Но, услышав их, Сальвий пришел в такое негодование, что если бы мог взять в руки бумагу, на которой было написано, то разорвал бы ее на куски. И тогда король отказался от проекта. Король написал и другие книги в стихах, взяв за образец Седулия. Но эти бедные стихи не имеют никакого отношения к метру. Он также добавил к нашему алфавиту буквы, а именно *ω*, как у греков, *æ*, *the*, *uu*, которые пишутся следующими знаками: *ω θ, æ ψ, the Z, uu Δ*. И он написал во все города своего королевства, чтобы мальчиков учили этим буквам и чтобы книги, написанные в прежние времена, стирались пемзой и переписывались заново.

[45. Умирает Агрикола, епископ Шалон-сюр-Саон. "Он построил в этом городе много зданий, возвел дома и построил церковь, которую поддерживал колоннами и украсил разноцветным мрамором и мозаикой"]].

46. В это время скончался и Далматий, епископ Родезский, человек, отличавшийся всякой святостью, воздерживающийся от пищи и плотских желаний, большой милостынедатель и добрый ко всем, постоянный в молитве и бдении. Он построил церковь, но часто разрушал ее, чтобы построить лучше, и оставлял недостроенной. После его смерти, как обычно, появилось много кандидатов на его место. И священник Трансобад, который в свое время был его архидиаконом, прилагал к этому большие усилия, упирая на то, что он отдал своего сына на попечение Гого, который был тогда воспитателем короля.[Епископ составил

завещание, в котором указал королю, кто должен получить эту должность после его смерти, и страшными клятвами просил его не назначать в эту церковь ни чужака, ни жадного человека, ни того, кто опутан браком, но поставить на его место свободного от всех этих недостатков человека, который бы проводил свои дни в прославлении Господа и ни в чем другом. И вот священник Трансобад приготовил пир для духовенства города. И пока они сидели, один из священников начал бесстыдно поносить вышеупомянутого епископа, причем дошел до того, что назвал его безумцем и глупцом. Пока он говорил, дворецкий подошел и предложил ему чашу. Он взял ее, но когда поднес ко рту, начал дрожать, чаша выпала у него из рук, он прислонил голову к сидящему рядом человеку и испустил дух. С пира его отнесли в могилу и засыпали землей. После этого завещание епископа было прочитано в присутствии короля Чилдеберта и его главных людей, и Феодосий, который в то время был архидиаконом в этом городе, был рукоположен в епископы.

47. Хильперик услышал о том, какой вред причиняет Леудаст церквям Тура и всему народу, и послал туда Ансоальда. Тот пришел на праздник святого Мартина и, предоставив нам и народу право выбора, возвел Евномия в графы. Тогда Леудаст понял, что потерял свое место, и отправился к Чилперiku, сказав: "Благочестивейший король, до сих пор я охранял город Тур; но теперь, когда меня сместили, посмотри, как он будет охраняться. Ибо позволь мне сказать тебе, что епископ Григорий намерен отдать его сыну Сигиберта". Услышав это, король сказал: "Ни в коем случае, но ты выдвигаешь это обвинение только по той причине, что тебя удалили". Но он ответил: "Есть еще кое-что, что епископ говорит о тебе, ибо он говорит, что королева прелюбодействовала с епископом Бертрамом". Тогда король разгневался, ударил и пнул его и приказал надеть на него цепи и бросить в темницу.

48. Так как эта книга скоро будет закончена, я хочу рассказать о его деяниях; и сначала лучше всего описать по порядку его семью, его родные места и его характер. В Пуату есть остров Грачина, где он родился у раба (по имени Леухадий), принадлежавшего виноградарю из фиска. Оттуда его отправили на службу и определили на королевскую кухню. Но так как в молодости у него были воспалены глаза и горький дым вредил им, его отстранили от пестика и перевели в корзину, но он только притворялся счастливым среди бродившего теста, а вскоре сбежал и оставил службу. И когда его дважды или трижды возвращали обратно и не могли удержать от побега, его наказывали, отрезая одно ухо. Тогда, поскольку он не мог никакими силами скрыть позорное клеймо, он бежал к королеве Марковефе, которую король Хариберт очень любил и женился на ее сестре. Она приняла его с радостью и назначила хранителем своих лучших лошадей. Затем он преисполнился тщеславия и гордыни и начал интриговать, чтобы получить должность графа конюшен. Получив ее, он презрел и пренебрег всем; он раздулся от тщеславия, размяк от распутства, воспылал жадностью и поспешил туда и сюда на службе у своей покровительницы. После ее смерти, разбогатев на грабежах, он сделал подарки королю Хариберту и стал занимать место при нем. Затем грехи народа увеличились, и его отправили графом в Тур, где он еще больше возвысился, возгордившись своим высоким положением, и здесь он показал себя жадным грабителем, громкоголосым развратником и нечестным прелюбодеем. И здесь, сея раздоры и выдвигая ложные обвинения, он приобрел немалые сокровища. После смерти Хариберта, когда город достался на долю Сигиберта, он перешел к Чилперiku, и все, что он накопил нечестивым путем, досталось приверженцам названного мною короля. Тогда король Чилперик овладел Туром через своего сына Теодоберта, я же к тому времени прибыл в Тур, и Теодоберт настоятельно рекомендовал мне его на должность графа, которую он занимал прежде. Он проявил себя очень смиренным и покорным по отношению к нам, часто клялся гробницей святого епископа, что никогда не пойдет против разума и будет верен мне как в своих делах, так и во всех нуждах церкви. Ибо он боялся, что, как это случилось впоследствии, король

Сигиберт снова подчинит город своей власти. Когда Сигиберт умер, его сменил Чилперик, а Леудаст снова стал графом. Но когда Меровех пришел в Тур, он разграбил все имущество Леудаста. Теперь в течение двух лет, пока Сигиберт удерживал Тур, Леудаст скрывался среди бретонцев. А когда он принял графский сан, то, как мы уже говорили, был настолько глуп, что вошел в дом епископа в нагруднике и плаще, подпоясанный колчаном, с копьем в руке и в шлеме на голове, не будучи ни с кем в безопасности, потому что был врагом всем. И если он сидел на суде с главными людьми из духовенства и мирян и видел кого-нибудь, ищущего справедливости, то сразу же приходил в ярость и осыпал граждан оскорблениями; он приказывал тащить священников в оковы, а солдат избивать дубинками, и проявлял такую жестокость, которую трудно описать. А когда Меровех, разграбивший его имущество, уехал, Леудаст стал ложно обвинять меня, утверждая, что Меровех последовал моему совету, забрав его имущество. Но, причинив мне вред, он снова повторил свою клятву и дал ткань с гробницы блаженного Мартина в качестве гарантии, что никогда не будет мне противостоять.

49. Но поскольку перечислять по порядку его лжесвидетельства и другие преступления утомительно, перейдем к рассказу о том, как он хотел гнусными и нечестивыми клеветами сместить меня с моего места, и как божественное возмездие обрушилось на него, так что исполнилось изречение: "Всякий вытеснитель будет вытеснен", и еще: "Кто роет яму, тот в нее упадет". После многих обид, которые он причинил мне и моим близким, после многих расхищений церковного имущества, он присоединил к себе священника Риккульфа, такого же порочного и нечестивого, как и он сам, и дошел до того, что заявил, будто я выдвинул обвинение против королевы Фредегунды, утверждая, что если моего архидиакона Платона или моего друга Галиена подвергнуть пыткам, то они непременно уличат меня в таких словах. Тогда король разгневался, как я уже говорил выше, и после избиения и пинков приказал надеть на него цепи и бросить в темницу. При этом он сказал, что у него есть Риккульф, клирик, на основании которого он это сказал. Но этот Риккульф был иподиаконом, таким же непостоянным, как и Леудаст, который за год до этого вступил в этот замысел с Леудастом и искал поводов для обиды, чтобы, так сказать, перейти к Леудасту, потому что я разгневался, и он нашел их и пошел к нему, и четыре месяца они готовили все свои уловки и расставляли ловушки, а потом он вернулся ко мне с Леудастом и просил меня помириться и принять его обратно. Я так и сделал, признаюсь, и публично принял тайного врага в свой дом. А когда Леудаст ушел, Риккульф бросился мне в ноги и сказал: "Если ты не придешь ко мне на помощь, я погибну". Вот, по настоянию Леудаста я сказал то, чего не должен был говорить. Теперь отправь меня в другое королевство; если ты этого не сделаешь, я буду схвачен людьми короля и понесу наказание в виде смерти". И я сказал ему: "Если ты сказал что-нибудь не то, что следовало, то твои слова будут на твоей собственной голове, потому что я не пошлю тебя в другое королевство, чтобы не попасть под подозрение короля". После этого Леудаст стал его обвинителем, сказав, что уже упомянутые слова он получил от Риккульфа, иподиакона. И его связали и поставили под стражу, а Леудаста отпустили. А Риккульф сказал, что Галиен и архидиакон Платон присутствовали в тот самый день, когда епископ говорил это. Священник же Риккульф, получивший к тому времени от Леудаста обещание епископского сана, был так воодушевлен, что более чем сравнялся с Симоном в своей гордыне. И тот, кто трижды или более клялся мне на могиле святого Мартина, на шестой день пасхальной недели обрушился на меня с такой яростью и бранью, что едва не наложил на меня руки, уверенный, разумеется, в подготовленной им ловушке. На следующий день, то есть за день до пасхального воскресенья, Леудаст приехал в город Тур и, притворившись, что у него есть другое дело, схватил Платона архидиакона и Галиена, связал их и приказал вести к королеве, нагрузив цепями и лишив одежду. Я услышал об этом, сидя в доме епископа, и в

печали и тревоге пошел в ораторий и взял книгу песней Давида, чтобы, открыв ее, найти стих в утешение. И вот что я нашел: "Он вел их в надежде, и они не боялись, и море покрывало врагов их". Тем временем они вышли на реку над мостом, который поддерживали две лодки, и лодка, в которой находился Леудаст, затонула, и если бы он не спасся вплавь, то, возможно, погиб бы вместе со своими товарищами. А другая лодка, которая была на буксире у этой и везла пленников, с Божьей помощью удержалась над водой. Итак, пленников отвели к царю и сразу же обвинили в том, что наказанием им будет смерть. Но король, поразмыслив, освободил их от цепей и оставил невредимыми в свободном заключении. А в городе Туре герцог Берульф и граф Евномий придумали историю о том, что король Гунтрам хочет взять город Тур, и "поэтому, - сказали они, - город нужно охранять, чтобы не было никакой неосторожности". Они хитростью поставили у ворот стражников, которые делали вид, что охраняют город, а на самом деле следили за мной. Они также послали людей, чтобы посоветовать мне взять ценности из церкви и тайно бежать в Клермон. Но я не последовал этому совету. Тогда король созвал епископов своего королевства и приказал тщательно разобраться в этом деле. И когда дьяк Риккульф, как он часто делал, вел тайные беседы и говорил много лжи против меня и моих друзей, Модест, плотник, сказал ему: "Злосчастный человек, который так непокорно говорит против своего епископа. Лучше бы тебе молчать и просить прощения у епископа, добиваясь его благосклонности". На это Риккульф начал громким голосом и сказал: "Вот человек, который приказывает мне молчать, чтобы я не обнародовал правду. Вот враг королевы, который не позволяет рассмотреть обвинение против нее". Об этом сразу же доложили царице. Модеста схватили, пытали, били плетью, заковали в цепи и держали под стражей. И хотя он находился между двумя стражниками и был прикован цепями к столбу, стражники уснули, и в полночь он взмолился Господу, чтобы Его сила посетила несчастного человека и чтобы невинный узник был освобожден благодаря посещению епископов Мартина и Медарда. Тогда цепи были разорваны, столб разбит, дверь открылась, и он пришел в церковь святого Медарда, где я нес ночную вахту.

Епископы собрались в Брейне, и им было приказано собраться в одном из домов. Затем пришел король и, поприветствовав всех и получив их благословение, занял свое место. Тогда Бертрам, епископ Бордо, против которого и королевы было выдвинуто это обвинение, объяснил дело и допросил меня, сказав, что обвинение было выдвинуто против него и королевы мной. Я отрицал, что говорил эти слова, говоря, что другие могли их слышать, но я их не выдумывал. Тогда за дверями раздался сильный крик народа, который сказал: "Почему эти обвинения выдвинуты против епископа Божьего? Почему царь преследует его? Епископ не мог сказать такого даже о рабе. Увы, увy! Господи Боже, помоги рабу твоему". Но царь сказал: "Обвинение против моей жены - оскорбление для меня. Поэтому, если ты хочешь, чтобы против епископа были заслушаны свидетели, вот они. Если же ты решишь, что этого делать не следует, и дело останется за честью епископа, говори. Я с радостью выслушаю твое повеление". Все удивлялись и мудрости царя, и его терпению. Затем все сказали: "Нельзя верить низшему против епископа", и дело дошло до того, что мессы были совершены на трех алтарях, и я очистил себя от этих слов клятвой. И хотя это противоречило канонам, все же это было сделано ради короля. Кроме того, я не могу обойти вниманием тот факт, что царица Ригунта сочувствовала моему горю и постилась вместе со всеми своими домочадцами, пока раб не доложил, что я сделал все, как было условлено. Тогда епископы вернулись к царю и сказали: "Все, что требовалось от епископа, сделано. Что теперь остается тебе, о царь, кроме как быть отлученным от церкви вместе с Бертрамом, обвинителем своего брата?" "О нет", - ответил он, - "я лишь рассказал то, что слышал". Когда его спросили, кто это сказал, он ответил, что услышал это от Леудаста. Но тот уже бежал от слабости как своей решимости, так и своего дела. Тогда все епископы решили, что распространителя злословия, клеветника королевы, обвинителя епископа следует держать

подальше от всех церквей, поскольку он удалился от их суда. И они отправили письмо со своими подписями тем епископам, которые не присутствовали. И вот каждый вернулся в свое место. Леудаст услышал это и укрылся в церкви Святого Петра в Париже. Но когда он услышал указ короля о том, что его никто не должен принимать в его королевстве, и особенно потому, что его сын, которого он оставил дома, умер, он тайно приехал в Тур и перевез свои ценности в Бурж. А когда за ним погнались люди короля, он спасся бегством. Но его жена была схвачена и отправлена в ссылку в деревню Турней. А писаря Рикюльфа приговорили к смерти. Но мне удалось сохранить ему жизнь, хотя я и не смог избавить его от пыток. Ни одна материальная вещь, ни один металл не могли выдержать таких ударов, как этот несчастный. С третьего часа он висел на дереве со связанными за спиной руками; на девятый его спустили, растянули на колесе, били дубинками, прутьями и сложенными вдвое веревками, и не один и не два, а столько порщиков, сколько могло дотянуться до его несчастных конечностей. Когда ему угрожала опасность, он раскрыл правду и сообщил о тайном заговоре. Он сказал, что обвинение против королевы было выдвинуто по той причине, что она может быть изгнана из королевства, а Хлодвиг может убить своих братьев, захватить королевство и сделать Леудаста герцогом, а священник Рикюльф, который был другом Хлодвига со времен блаженного епископа Евфрония, может получить епископство Тура, а этот клерк Рикюльф - архидьяконство. Вернувшись в Тур по милости Божьей, мы обнаружили, что церковь ввергнута в смятение священником Рикюльфом. Этот человек вырос из бедняков при епископе Евфронии и стал архидиаконом. Позже он был возведен в священство и вернулся на свое место. Он всегда был возвышенным, надутым и самонадеянным. Когда я еще был при короле, этот человек беззастенчиво вошел в дом епископа, как будто уже был епископом, и сделал опись церковного серебра, а остальное имущество передал под свой контроль. Более важным священнослужителям он дарил подарки и раздавал виноградники и луга; менее значимых он бил дубинками и наносил множество ударов даже собственной рукой, говоря при этом: "Признайте своего господина, который одержал победу над своими врагами и своей решимостью очистил Тур от людей Клермона!" Этот негодяй не знал, что за исключением пяти епископов все остальные епископы Тура связаны с моим родом. Он часто говорил своим друзьям, что мудрого человека можно обмануть только лжесвидетельством. Так вот, после моего возвращения, когда он продолжал презирать меня и не приходил приветствовать, как другие горожане, а скорее угрожал убить меня, по совету провинциалов я приказал удалить его в монастырь. И пока за ним там внимательно следили, пришли посланцы от епископа Феликса, который был сторонником обвинения против меня; аббата обманули лжесвидетельствами, а Рикюльф сбежал и отправился к епископу Феликсу. Тот принял его с уважением, хотя должен был бы проклясть его. А Леудаст поспешил в Бурж и забрал с собой все сокровища, которые получил, разоряя бедняков. Вскоре после этого жители Буржа вместе с судьей этого места напали на него и отняли все его золото и серебро и то, что он принес с собой, не оставив ничего, кроме того, что было при нем, и они отняли бы саму жизнь, если бы он не убежал. Тогда он опомнился и с некоторыми людьми из Тура напал на своих грабителей, и, убив одного, вернул часть своего имущества и вернулся в Тур. Услышав об этом, герцог Берульф послал своих людей, хорошо вооруженных, чтобы схватить его. Тот, поняв, что его скоро схватят, бросил свое имущество и бежал в церковь Святого Илария в Пуатье. Герцог Берульф отправил захваченное имущество королю. Тогда Леудаст покинул церковь, напал на дома нескольких человек и, не скрываясь, забрал награбленное. Кроме того, его часто заставляли за прелюбодеянием на самой священной паперти. Королева возмутилась, что место, освященное Богом, так осквернено, и приказала изгнать его из святой церкви. И, будучи изгнанным, он во второй раз отправился к своим друзьям в Бурж с просьбой укрыть его.

50. Хотя я должен был раньше рассказать о своем разговоре с блаженным епископом Сальвием, это вылетело у меня из головы, и я полагаю, что не будет дурным, если это будет написано позже. Когда после упомянутого синода я попрощался с королем и мне не терпелось вернуться домой, я решил не уходить, прежде чем не поцелую этого человека и не уйду от него. И я нашел его у входа в дом Брейна. И я сказал ему, что собираюсь вернуться домой. Потом мы немного отошли, и, говоря о том и о сем, он сказал мне: "Видишь ли ты на этой крыше то, что вижу я?" Я ответил: "Да, я вижу покрытие, которое царь недавно приказал положить на эту крышу". Но он спросил: "А разве ты не видишь ничего другого?" И я сказал: "Больше ничего". Ибо я заподозрил, что он шутит. И я добавил: "Скажи мне, что еще ты видишь". Но он глубоко вздохнул и сказал: "Я вижу, как меч божественного гнева обнажается и угрожает этому дому". Слова епископа не были ошибочными, ибо через двадцать дней умерли два сына короля, о смерти которых я уже рассказывал.

На этом заканчивается Пятая книга.

ССЫЛКИ:

[55] *Ср. ad aratrum reducere*, основательно разорять.

[56] Двоюродный дядя Григория по материнской линии.

[57] Двоюродный дядя Григория.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЮТСЯ ГЛАВЫ ШЕСТОЙ КНИГИ

- 1. Чилдеберт переходит к Чилперiku; Муммулус бежит.
- 2. Возвращение легатов Чилперика с Востока.
- 3. Легаты Чилдеберта к Чилперiku.
- 4. Как Лупус был изгнан из королевства Чилдеберта.
- 5. Спор с иудеем.
- 6. Святой отшельник Хоспиций, его воздержание и чудеса.
- 7. Кончина Ферреола, епископа Юзесского.
- 8. Затворник Эбархий Ангулемский.
- 9. Домнолус, епископ Манса.
- 10. Церковь святого Мартина взломана.
- 11. Епископ Теодор и Динамий.
- 12. Армия идет против Буржа.
- 13. Убийство Лупуса и Амвросия, жителей Тура.
- 14. Предвестия, которые появились.
- 15. Смерть епископа Феликса.
- 16. Папполон возвращает себе жену.
- 17. Обращение иудеев в христианство царем Чилпериком.
- 18. Возвращение легатов короля Чилперика из Испании.
- 19. Люди короля Чилперика у реки Орге.

- 20. Смерть герцога Хродина.
- 21. Явившиеся знамения.
- 22. Епископ Картериус.
- 23. У царя Чилперика рождается сын.
- 24. Второй раз о заговорах против епископа Теодора и о Гундовальде.
- 25. Знамения.
- 26. Гунтрам и Муммолус.
- 27. Король Чилперик въезжает в Париж.
- 28. Маркус-референдарий.
- 29. Монахини из Пуатье.
- 30. Смерть императора Тиберия.
- 31. Многочисленные злодеяния, которые король Хильперик приказал совершить или совершил сам в городах своего брата.
- 32. Смерть Леудаста.
- 33. Саранча, чума и блуд.
- 34. Смерть сына Чилперика по имени Теодорих.
-
- 35. Смерть префекта Муммула и женщин, которые были преданы смерти.
- 36. Епископ Этериус.
- 37. Убийство Лупентия, аббата Яволов.
- 38. Смерть епископа Феодосия и его преемника.
- 39. Смерть епископа Ремедия и его преемника.
- 40. Мой спор с еретиком.
- 41. Король Чилперик удаляется в Камбрей со своими сокровищами.
- 42. Чилдеберт отправляется в Италию.
- 43. Короли Галлии.
- 44. Различные проделки.
- 45. Женитьба Ригунты, дочери Чилперика.
- 46. Смерть короля Чилперика.

НА ЭТОМ ГЛАВЫ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ, СЛАВА БОГУ

Шестая книга

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ШЕСТАЯ КНИГА, НАЧИНАЮЩАЯСЯ С ШЕСТОГО ГОДА КОРОЛЯ ЧИЛЬБЕРТА

[1. Чилдеберт вступает в союз с Чилпериком, а не с Гунтрамом; в Лионе собирается синод].

2. Тем временем легаты короля Чилперика, отправившиеся за три года до этого к императору Тиберию, вернулись, но не без тяжелых потерь и опасностей. Поскольку они не решились войти в гавань Марсея из-за ссор между королями, они направились в Агд[58],

расположенный в Готском королевстве. Но не успели они достичь берега, как корабль подхватил ветер, швырнул на сушу и разбил на куски. Легаты и их люди, видя, что им грозит опасность, ухватились за доски и с трудом добрались до берега, многие из них погибли, но большинство спаслись. Жители забрали вещи, которые волны вынесли на берег, но более ценные из них они вернули и отнесли королю Чилперику. Тем не менее жители Агды многое оставили себе. В то время я отправился на виллу Ногента к королю, и там он показал мне большой таз весом в пятьдесят фунтов, который он сделал из золота и драгоценных камней, и сказал: "Я сделал это, чтобы принести честь и славу франкскому народу. И я сделаю еще много других, если буду жив". Он показал мне также золотые монеты весом в фунт каждая, присланные императором, на одной стороне которых было изображение императора и надпись по кругу: *Tiberii Constantini Perpetui Augusti*, а на другой - колесница с четырьмя лошадьми и возница с надписью: *Gloria Romanorum*. Он показал мне также много других прекрасных вещей, привезенных легатами.

[3. Подтверждается союз между Чилпериком и Чилдебертом, и они соглашаются отобрать у Гунтрама его королевство].

4. Лупус, герцог Шампани, долгое время подвергался постоянным преследованиям и грабегам со стороны своих врагов, особенно со стороны Урсио и Бертефреда. В конце концов они договорились убить его и выступили против него в поход. Но королева Брунгильда услышала об этом, и, опечаленная несправедливыми нападками на своего верного сторонника, вооружилась, как мужчина, бросилась в гущу враждующих и воскликнула: "Не делайте, о воины, этого зла; не нападайте на невинных; не вступайте ради одного человека в битву, которая разрушит благосостояние округа". Урсио ответил ей: "Оставь нас, женщина; пусть тебе было достаточно того, что ты правила при своем муже; но теперь правит твой сын, и его царство будет поддерживаться не твоей, а нашей поддержкой. Оставь нас, или копыта наших коней втопчут тебя в землю". Когда они еще долго продолжали подобный разговор, царица решила, что им не следует сражаться. Однако, покинув эту местность, они ворвались в дома Лупуса, захватили все его имущество и унесли его домой, притворившись, что собираются положить его в царскую казну, а Лупусу они угрожали и говорили: "Ему не уйти живым из наших рук". Лупус увидел, что ему грозит опасность, и, укрыв жену в стенах Лаона, бежал к королю Гунтраму, а получив от него радушный прием, скрывался, дожидаясь совершеннолетия Чилдеберта.

5. Когда царь Чилперик еще находился на упомянутой вилле, он приказал перевезти свой багаж и распорядился отправиться в Париж. И когда я пришел к нему попрощаться, вошел некий еврей по имени Приск, который был с ним в дружеских отношениях и помогал ему покупать дорогие вещи. Царь нежно взял его за волосы и сказал мне: "Подойди, епископ Божий, и возложи на него руки". Но он сопротивлялся, и царь сказал ему: "О упрямый и вечно неверующий род, который не признает Сына Божьего, обещанного ему голосами пророков, и не признает тайн Церкви, предначертанных в его собственных жертвах!" На эти слова еврей ответил "Бог никогда не женился, не был благословлен потомством и не позволял никому разделить свою власть, но устами Моисея он сказал: "Смотрите, смотрите, что Я Господь, и кроме Меня нет Бога. Я убью и оживлю; раню и исцелю"[59] ... Хотя я говорил это и многое другое, несчастный не чувствовал угрызений совести и отказывался верить. Тогда, когда он замолчал и царь увидел, что его не мучает совесть из-за моих слов, он обратился ко мне и попросил благословить его, чтобы он мог уйти. Он сказал: "Я скажу тебе, епископ, то, что Иаков сказал ангелу, ибо он сказал ему: "Не отпущу тебя, пока ты не благословишь меня"". Сказав так, он приказал принести воды для наших рук. Омыв их, мы помолились, и, взяв хлеб, я возблагодарил Бога, взял его сам и предложил царю, и, выпив вина, попрощался

и ушел. А король сел на коня и вернулся в Париж с женой и дочерью и со всеми своими домочадцами.

6. В это время в городе Ницце жил отшельник Хоспиций, который был очень воздержан. Он носил на теле железные цепи, а поверх них - волосяную рубашку и не ел ничего, кроме простого хлеба с несколькими финиками. А во время Великого поста он питался корнями египетских трав, как это делают отшельники, которые ему привозили торговцы. Сначала он пил суп, в котором они были сварены, а на следующий день ел корни. Господь не гнушался творить через него великие чудеса. Однажды Святой Дух открыл ему приход лангобардов в Галлию, и он предсказал это следующим образом: "Придут лангобарды, - сказал он, - в Галлию и опустошат семь городов, потому что нечестие их возросло в очах Божиих, ибо никто не понимает, никто не ищет Бога, никто не делает добра, чтобы утишить гнев Божий. Ибо все люди неверны, преданы лжесвидетельству, пристрастны к воровству, готовы убивать, и от них не исходит никакого плода справедливости. Десятины не платят, бедных не кормят, нагих не одевают, чужестранцев не принимают с гостеприимством и не угощают пищей. Поэтому и пришла эта беда. И ныне говорю вам: "Соберите все ваше имущество в ограде стен, чтобы лангобарды не могли взять его, и укрепитесь в самых сильных местах"". При этих словах все замерли, попрощались и с великим восхищением вернулись домой. Он также сказал монахам: "Вы тоже уходите из этого места и возьмите с собой все, что у вас есть. Ибо вот, приближаются те, кого я назвал". Но когда они ответили: "Мы не оставим тебя, святейший отец", он сказал им: "Не бойтесь за меня, ибо они будут наносить мне оскорбления, но не причинят мне вреда до смерти". Монахи ушли, а те люди пришли и, опустошив все, что нашли, пришли к месту, где был святой затворник Божий. И он явился им в окне башни. Они обошли всю башню, но не нашли входа, через который могли бы прийти к нему. Двое взобрались наверх, сорвали крышу и, увидев его, связанного цепями и одетого в волосяную рубаху, сказали: "Вот злоумышленник, который убил человека и поэтому его держат в этих оковах". Они позвали переводчика и спросили его, какое преступление он совершил, чтобы его так наказывали. И он признался, что был убийцей и виновен во всех преступлениях. Тогда один из них выхватил меч, чтобы ударить его по голове, но его поднятая правая рука застыла в самом акте нанесения удара, и он не смог притянуть ее к себе. Он отпустил меч и позволил ему упасть на землю. Видя это, его товарищи подняли крик к небу, умоляя святого благостно объяснить им, что они должны делать. И он совершил спасительный знак и вернул руке здоровье. Человек был обращен на месте, принял постриг и теперь считается самым верным монахом. Два герцога, послушавшие его, вернулись в родные места целыми и невредимыми, но те, кто пренебрег его повелением, погибли в провинции. Многие из них были охвачены бесами и кричали: "Почему, святой и благословенный, ты так мучаешь и сжигаешь нас?" И он возложил на них свою руку и исцелил их. После этого был некий человек из Анжера, который в сильной лихорадке потерял и речь, и слух, а когда оправился от лихорадки, то остался глухонемым. Из этой провинции в Рим был послан диакон, чтобы получить мощи блаженных апостолов и других святых, покровительствующих этому городу. И когда он пришел к родственникам этого немощного, они умоляли его взять с собой в дорогу, полагая, что если он достигнет гробниц блаженных апостолов, то сразу же исцелится. Они отправились в путь и пришли к месту, где жил блаженный Хоспиций. Поприветствовав и поцеловав его, диакон рассказал о цели своего путешествия, сказал, что отправляется в Рим, и попросил святого порекомендовать его капитанам кораблей, которые были его друзьями. И когда он еще оставался там, блаженный почувствовал, что в нем есть сила от духа Господня. И сказал он диакону: "Прошу тебя, приведи ко мне немощного человека, который является спутником твоего путешествия". Диакон не стал медлить, а быстро отправился в его жилище и нашел немощного человека в лихорадке, и он знаками показывал, что у него гудит в ушах. Дьякон

схватил его и привел к угоднику Божию. Святой взял его за волосы, втянул голову в окно и, взяв освященное масло, левой рукой взял его за язык и влил масло ему в рот и на макушку головы, сказав: "Во имя Господа моего Иисуса Христа да откроются уши твои и да откроет уста твои та сила, которая некогда изгнала злого беса из глухонемого". Сказав это, он спросил его имя, и тот ответил ясным голосом: "Меня зовут так-то и так-то". Увидев это, дьякон сказал: "Бесконечно благодарю тебя, Иисус Христос, что ты соизволил сотворить такие чудеса с рабом твоим. Я искал Петра, я искал Павла, Лаврентия и других, прославивших Рим своей кровью; здесь я нашел их всех, я открыл каждого". Когда он говорил это с громкими рыданиями и великим восхищением, Божий человек, всецело желая избежать тщеславия, сказал: "Молчи, возлюбленный брат, не я это делаю, но Тот, Кто сотворил вселенную из ничего, Кто ради нас принял на Себя человека и дал зрение слепым, слух глухим, речь немым; Кто прокаженным даровал кожу, которую они имели прежде, мертвым жизнь, а всем немощным обильное исцеление". Затем диакон попрощался и ушел, радуясь, со своими товарищами. Когда они ушли, некий Доминик - так звали этого человека - слепой от рождения, пришел, чтобы доказать свою чудодейственную силу, и когда он прожил в монастыре два или три месяца, молясь и постясь, наконец, Божий человек призвал его к себе и сказал: "Хочешь ли ты вернуть себе зрение?" И он ответил: "Я хочу познать неведомое. Ибо я не знаю, что такое свет. Знаю только одно, что его восхваляют люди. Но я не удостоился видеть с начала своей жизни и до сего дня". Затем он освященным маслом совершил над своими глазами святой крест и сказал: "Во имя Иисуса Христа, Икупителя нашего, да откроются глаза твои". И тотчас же глаза его открылись, и он удивлялся и созерцал великие дела Божии, которые видел в этом мире. Затем к нему привели некую женщину, в которой, как она сама утверждала, было три беса. И он благословил ее священным прикосновением и совершил крест святым маслом на ее челе, и бесы были изгнаны, и она отошла очищенной. Кроме того, он исцелил своим благословением девушку, которую терзал нечистый дух. И когда приблизился день его смерти, он призвал настоятеля монастыря и сказал: "Принесите железные инструменты, чтобы вскрыть стену, и пошлите гонцов к епископу города, чтобы он пришел и похоронил меня. Ибо на третий день я отою от мира сего и отправлюсь в положенный покой, который обещал мне Господь". После этого настоятель послал гонцов к епископу Ниццы, чтобы передать это слово. После этого некий Кресценс подошел к его окну и, увидев его, связанного цепями и кишящего червями, сказал: "О мой господин, как ты можешь так мужественно переносить эти пытки?" И он ответил: "Утешает меня Тот, во имя Которого я терплю это. Ибо я говорю тебе, что теперь я освободился от этих уз и иду в свой покой". Когда наступил третий день, он отложил цепи, которыми был связан, и предался молитве, а после того как долго молился и плакал, лег на скамью, вытянул ноги, воздел руки к небу, возблагодарил Бога и умер. И тотчас же исчезли все черви, разъедавшие его святые конечности. И пришел епископ Австадий и самым тщательным образом положил блаженное тело в могилу. Все это я узнал из уст того самого глухонемого, который, как я уже рассказывал, был исцелен им. Он рассказал мне и о многих других своих чудесах, но от их описания меня удержало то, что, как мне сказали, его жизнь была написана многими людьми".

[7. Епископы Юзеса.]

8. Умер также Эбархий, затворник из Ангулема, человек великой святости, через которого Бог совершил много чудес, и, опустив большинство из них, я кратко расскажу о нескольких. Он был родом из Перигё, но после обращения в христианство вступил в клир, отправился в Ангулем и построил для себя келью. Там он собрал несколько монахов и непрерывно молился, а если ему предлагали золото или серебро, он отдавал их на нужды бедных или на выкуп пленников. Пока он жил, в келье не пекли хлеб, но его приносили благочестивые,

когда в нем возникала нужда. Он выкупил множество людей из приношений благочестивых. Он часто исцелял яд злокачественных прыщей крестным знамением и молитвой изгонял демонов из тел, которыми они владели, а своей очаровательной манерой часто скорее приказывал, чем просил судей пощадить виновных. Ведь он был так привлекателен в обращении, что ему не могли отказать, когда он просил об одолжении. Однажды заключенного, которого жители горячо обвиняли во многих преступлениях, как в кражах, так и в убийствах, хотели повесить за кражу, и когда об этом доложили Эбархию, он послал своего монаха умолять судью даровать виновному жизнь. Но так как толпа оскорбляла судью и громко кричала, что если его отпустят, то это не принесет пользы ни стране, ни судье, узника не могли отпустить. Тем временем его растянули на колесе, били прутьями и дубинками и приговорили к виселице. И когда монах с грустью принес эту весть настоятелю, тот сказал: "Иди, подожди в отдалении, ибо, будь уверен, Господь дарует нам по Своему дару то, от чего отказался человек. Когда увидишь, что он упал, возьми его и сразу же приведи в монастырь". Монах исполнил свое повеление, а Евархий предался молитве, плакал и возносил молитвы к Богу до тех пор, пока перекладина и цепи не были разорваны и повешенный не был положен на землю. Тогда монах взял его и принес в целости и сохранности к аббату. А тот, возблагодарив Бога, приказал позвать графа и сказал ему: "Ты всегда привык слушать меня ласково, возлюбленный сын, почему же сегодня ты ожесточился и отказался отпустить человека, о жизни которого я просил?" Он ответил: "Я охотно послушал бы тебя, святой жрец, но народ поднялся, и я не мог поступить иначе, опасаясь восстания". Отшельник ответил: "Ты не слушал меня, но Бог соизволил прислушаться ко мне и вернул к жизни того, кого ты предал смерти. Вот, - сказал он, - он стоит перед тобой живой". Сказав это, человек бросился в ноги графу, который был поражен тем, что видит живым того, кого оставил мертвым. Это я слышал из уст самого графа. Кроме того, он совершил множество других чудес, о которых я счел излишним рассказывать. После сорока четырех лет затворничества он заболел лихорадкой и умер. Его вынесли из кельи и похоронили. Как мы уже говорили, на его похороны собралось огромное количество тех, кого он выкупил.

9. Домнолос, епископ Манса, начал болеть. Во времена короля Хлотаря он руководил монахами в церкви святой Лаврентии в Париже. Но поскольку при жизни старшего Чилдеберта он всегда был верен королю Хлотарю и часто скрывал его гонцов, когда к нему посылали шпионов, король ждал удобного случая, чтобы сделать его епископом. Когда скончался епископ Авиньона, он намеревался назначить его туда. Но блаженный Домнол, услышав об этом, пришел в церковь святого Мартина, куда король Хлотарь тогда пришел на молитву, и, проведя целую ночь в бдении, послал королю намек через находившихся там ведущих людей не удалять его далеко от глаз короля как пленника и не позволять человеку с его прямым характером изнывать среди софистов-сенаторов и философствующих судей,^[DF] говоря, что это место для него скорее унижение, чем почет. Король согласился, и когда Иннокентий, епископ Манский, умер, он назначил его епископом этой церкви. Достигнув этой чести, он вел себя так, что вознесся на вершину святости и вернул хромоте силу ходить, а слепому - зрение. После двадцати двух лет епископства он понял, что сильно измотан злом и подагрой короля, и выбрал на его место аббата Теодульфа. Король согласился с его желанием, но вскоре передумал, и избрание было отдано Батехизилу, главному доместику короля. Он принял постриг, за сорок дней прошел через ступени духовенства, а когда епископ скончался, стал его преемником.

10. В эти дни воры проникли в церковь Святого Мартина. Они положили перила, которые были на могиле мертвеца, на окно апсиды и, взобравшись по ним, разбили стекло и вошли внутрь; взяв большое количество золота и серебра и шелковых тканей, они ушли, не боясь

ступить на святую гробницу, к которой мы едва осмеливаемся прикоснуться губами. Но сила святого возвестила об этом безрассудном поступке страшным судом. Ибо, совершив преступление, они отправились в город Бордо, и там произошла ссора, и один убил другого; таким образом, их поступок был обнаружен, кража раскрыта, и разбитое серебро и ткани были взяты из их жилища. Когда об этом доложили королю Чилперигу, он приказал связать их и привести к себе. Тогда я испугался, что люди погибнут из-за него, который при жизни в теле часто молился о жизни погибших, и послал царю письмо с мольбой не предавать этих людей смерти, поскольку мы, к которым относилось обвинение, не обвиняли их. И он принял мою просьбу с добротой и вернул их к жизни. А ценные вещи, которые были разбросаны, он собрал очень тщательно и приказал отправить их обратно в святое место".

[11. Динамий, губернатор Прованса, и Феодор, епископ Марселя, ссорятся. Чилдеберт поддерживает Теодора и Гунтрама Динамиуса. 12. Хильперик, воспользовавшись ссорой, захватывает Перигё, Аген и ряд других городов, принадлежавших Гунтраму].

13. Лупус, гражданин Тура, потеряв жену и детей, захотел вступить в клир, но ему помешал брат Амброс, который боялся, что он оставит свое имущество церкви Божьей, если будет к ней присоединен. Амвросий, убеждая его в обратном, предоставил ему другую жену и назначил день встречи для вручения обручальных даров. Затем они вместе отправились в город Шинон, где у них было жилище. Но жена Амвросия, будучи прелюбодейкой и любя другую любовью развратной, ненавидя своего мужа, составила заговор против него. И когда эти братья вместе пировали и пили вино ночью до опьянения, они легли на одну постель. Тогда прелюбодей пришел ночью, когда все крепко спали от вина, и, поджегши солому, чтобы видеть, что он делает, выхватил меч и ударил Амвросия по голове так, что меч вошел ему в глаза и разрубил подушку надвое под его головой. Люпус был разбужен этим ударом и, обнаружив, что погряз в крови, громким голосом воскликнул: "Увы, увy! Помогите; брат мой убит". Но прелюбодей, совершивший преступление и ушедший, услышав это, вернулся к постели и напал на Люпуса. Хотя он сопротивлялся, его много раз ранили, одолели, нанесли смертельный удар и оставили полумертвым. Но никто из домашних не знал об этом. Утром все были поражены таким преступлением. Однако Люпус оказался еще жив и, рассказав все как было, умер. Но блудница не стала долго горевать. Через несколько дней она присоединилась к своему прелюбодею и ушла.

14. В седьмой год короля Чилдеберта, который был двадцать первым от Чилперика и Гунтрама, в месяце январе были дожди и сильный гром и молнии; на деревьях появились цветы. Звезда, которую я назвал выше кометой, появилась таким образом, что вокруг нее была великая чернота, и она была помещена как бы в отверстие и сверкала во тьме, искрась и рассеивая лучи света. И от него исходил луч удивительной величины, похожий на дым от большого костра вдалеке. Он появился на западе в первом часу ночи. В Суассоне в день Святой Пасхи небо было объято огнем, и казалось, что это два огня, один больше, другой меньше. Через два часа они объединились, образовали большое пламя и исчезли. В окрестностях Парижа из облаков падала настоящая кровь и падала на одежду многих людей, и так оскверняла их кровью, что они содрогались от собственной одежды и отбрасывали ее от себя. Это чудесное явление произошло в трех местах на территории этого города. В Сенлисе дом некоего человека, когда он вставал утром, казалось, был окроплен изнутри кровью. В тот год среди людей была сильная чума. Болезнь принимала различные формы и была тяжелой, с прыщами и опухолями, от которых многие умирали. Однако многие, кто был осторожен, спаслись. Мы слышали, что в Нарбонне в тот год бубонная чума была очень смертельной, так что, когда человек был охвачен ею, ему не оставалось времени на жизнь.

15. Феликс, епископ Нанта, был поражен этой чумой и начал тяжело болеть. Тогда он призвал к себе соседних епископов и умолял их дать влияние своих подписей на выбор, который он сделал в пользу своего племянника Бургундио. Затем они отправили его ко мне. В то время Бургундио было около двадцати пяти лет. Он пришел и попросил, чтобы я согласился поехать в Нант, дать ему постриг и посвятить его в епископы вместо его дяди, который был еще жив. Я отказался это сделать, поскольку знал, что это не соответствует канонам. Тем не менее я дал ему совет, сказав: "У нас в канонах написано, сын мой, что никто не может возвыситься до епископского сана, если он сначала не пройдет через все ступени духовенства в обычном порядке. Тогда ты, возлюбленный, должен вернуться туда и попросить того, кто тебя выбрал, дать тебе постриг; и когда ты достигнешь сана священника, будь регулярным в посещении церкви; и когда Богу будет угодно, чтобы он ушел, тогда ты легко достигнешь сана епископа". Он вернулся и сделал вид, что прислушался к моему совету, так как епископ Феликс, казалось, оправлялся от болезни. Но после того, как лихорадка прошла, его ноги покрылись прыщами. Тогда он наложил слишком сильную припарку из кантаридов, и ноги его загноились, и он умер на тридцать третьем году своего епископства и на семидесятом году своей жизни. И Нонний, его двоюродный брат, сменил его по приказу короля.

[16. Племянница Феликса была замужем за Папполоном, но Феликс добился их развода. Теперь Папполон вернул свою жену из женского монастыря].

17. В том году царь Хильперик приказал крестить многих иудеев и вывел их из священной купели. Однако некоторые из них очистились только телом, но не сердцем, и, солгав Богу, вернулись к прежнему вероломству, чтобы было видно, что они соблюдают субботу, а также чтят день Господень. Но Приска никак не удавалось убедить в истине. Царь разгневался на него и приказал посадить в темницу, думая, что если он не хочет верить по своей воле, то он заставит его слушать и верить. Но Приск подносил подарки и просил дать ему время, пока его сын не женится в Марселе на еврейской девушке; он обманно обещал, что тогда сделает то, что требует царь. Тем временем между ним и Фатиром, одним из новообращенных иудеев, который теперь был крестником царя, возникла ссора. И когда в субботу Приск, одетый в орарь и державший в руке ничего железного, удалился в укромное место, чтобы исполнить закон Моисея, внезапно на него налетел Фатир и убил его мечом вместе с сопровождавшими его спутниками. Когда они были убиты, Фатир вместе со своими людьми бежал в церковь святого Юлиана, которая находилась на соседней улице. Там они услышали, что царь даровал господину жизнь, но приказал вытащить его из церкви как преступника и предать смерти. Тогда, когда хозяин уже ушел, один из них выхватил меч и убил своих товарищей, а затем вышел из церкви, вооружившись мечом, но народ бросился на него, и он был жестоко убит. Пхатир получил разрешение и вернулся в царство Гунтхрама, откуда пришел. Но вскоре он был убит родственниками Приска.

[18. Легаты, вернувшиеся из Испании, сообщают, что король Левигильд признает, что Христос равен Богу, но отрицает, что Святой Дух вообще является Богом. 19. Люди Гунтрама переходят реку Орге и наносят урон на территории Чилперика].

20. В тот год умер Хродин, человек великой доброты и благочестия, великий милостынник и помощник бедных, щедрый обогатитель церквей и сторонник духовенства. Ведь он часто начинал с самого начала и расчищал поместья, закладывал виноградники, строил дома, обустраивал поля. Затем он приглашал бедных епископов, устраивал для них пир и щедро раздавал им дома с полями и людей для их обработки, серебро, постельные принадлежности и утварь, офицеров и рабов, говоря при этом: "Пусть это имущество будет отдано церкви, чтобы, когда на него будут содержать бедняков, они могли получить за меня

помилование перед Богом". Я слышал много других хороших вещей об этом человеке, рассказывать о которых было бы слишком долго. Он умер на семидесятом году жизни.

[21. Список вундеркиндов].

22. Король Хильперик, захватив города, принадлежавшие его брату, назначил новых графов и приказал выплачивать ему всю дань с городов. И мы знаем, что так и было сделано. В эти дни Нунний, граф Лиможский, схватил двух человек, которые несли письма от имени Хартериуса, епископа Перигё, содержавшие множество оскорблений в адрес короля; среди прочего епископ будто бы жаловался, что спустился из рая в ад, поскольку, мол, перешел из-под власти Гунтрама во владения Чилперика. Названный граф отправил эти письма и этих людей к королю под строгой охраной. Король терпеливо послал за епископом, чтобы тот явился к нему и сказал, правдивы ли обвинения против него или нет. Епископ пришел, и король предстал перед ним с этими людьми и письмами. Он спросил епископа, не от него ли они были посланы. Тот ответил, что нет. Тогда людей спросили, от кого они их получили. Они ответили, что это был диакон Фронтоний. Епископа спросили о диаконе. Он ответил, что это его главный враг, и не может быть сомнений, что это его злодеяние, так как он часто устраивал против него злые козни. Диакон был немедленно приведен и допрошен царем. Он дал показания против епископа, сказав: "Это я написал это письмо по приказу епископа". Но епископ закричал и сказал, что этот человек часто придумывал хитрости, чтобы изгнать его из сана, и король был тронут жалостью и, передав его дело Богу, отпустил их обоих, ходатайствуя перед епископом за диакона и прося епископа молиться за него. И таким образом епископ был с честью отправлен обратно в город. Но через два месяца граф Нунний, затеявший этот скандал, умер от апоплексического удара, и, поскольку у него не было детей, его имущество было пожаловано королем нескольким лицам.

[23. В связи с рождением сына царь Чилперик отпускает пленных и снимает налоги. 24. Гундовальд, выдающий себя за сына Хлотаря, возвращается в Галлию из Константинополя и принимается епископом Марсельским Теодором, который после этого захватывается и удерживается в плену королем Гунтрамом. 25. Продиджи. 26. Гунтрама Босо обвиняют в том, что он привез Гундовальда в Галлию; он говорит, что в этом виновен Муммолус, и обещает привести его к королю Гунтраму].

26. ...Теперь герцог Гунтрам взял с собой людей из Клермона и Ле Веле и отправился в Авиньон. Но по хитрости Муммола для них на Роне были приготовлены гнилые лодки. Они сели в них, ничего не подозревая, а когда доплыли до середины реки, лодки наполнились и затонули. Тогда, оказавшись в опасности, некоторые спаслись вплавь, а некоторые оторвали доски от лодок и добрались до берега. Но многие, у кого не хватило ума, утонули в реке. Однако герцог Гунтрам добрался до Авиньона. Войдя в город, Муммолус решил, что поскольку осталась лишь небольшая часть, не охраняемая Роной, то все место должно быть защищено каналом, в который он провел воду из реки. Здесь он вырыл ямы большой глубины, и текущая вода скрыла сделанные им ловушки. Тогда при появлении Гунтрама Муммолус крикнул со стены: "Поскольку мы люди доброй воли, пусть он придет на один берег, а я - на другой, и пусть говорит, что хочет". Когда они подошли, Гунтрам сказал с другого берега - между ними был этот рукав реки - "Если хочешь, я перейду, потому что есть вещи, о которых надо говорить по секрету". Муммолус ответил: "Давай, не бойся". Тогда он вошел в воду с одним из своих друзей - на нем был тяжелый почтовый плащ - и сразу же, когда они достигли отверстия в реке, друг погрузился под воду и больше не появлялся. Но пока Гунтрам был под водой и его несло быстрым течением, один из прохожих протянул ему копье и вытащил на берег. Затем они с Муммолусом стали оскорблять друг друга, прежде чем покинуть это место. Пока Гунтрам осаждал этот город с войском короля Гунтрама, весть об

этом дошла до Чилдеберта. Он был разгневан тем, что Гунтрам делает это без приказа, и послал туда Гундульфа, о котором я уже упоминал. Тот прекратил осаду и увез Муммола в Клермон. Но через несколько дней он вернулся в Авиньон.

27. За день до празднования Пасхи Чилперик отправился в Париж, и, чтобы избежать проклятий, содержащихся в договоре между ним и его братьями, согласно которому никто из них не должен входить в Париж без согласия остальных, перед ним несли мощи многих святых, когда он входил в город, и он провел Пасху среди большого веселья, отдал своего сына для крещения, и Рагнемод, епископ города, принял его из святой купели. Чилперик велел им называть его Теодорихом.

[28. Марк Референдарий умирает, приняв сначала постриг. 29. Описывается благочестие монахинь Пуатье. В результате видения одна из них поступила следующим образом:]

Когда деве было это видение, она раскаялась в сердце и через несколько дней попросила настоятельницу приготовить келью, в которой ее можно было бы закрыть. Настоятельница быстро приготовила ее и сказала: "Вот келья. Чего ты еще желаешь?" Дева попросила разрешить ей закрыться в ней. Это было разрешено, и монахини собрались с громким пением псалмов, зажгли лампы и повели ее туда, а блаженная Радегунда держала ее за руку. И вот она попрощалась со всеми, поцеловала каждую и стала затворницей. А вход, через который она вошла, замуровали, и она там сейчас проводит время в молитве и чтении".

[30. Император Тиберий умирает, и Маврикий становится его преемником].

31. Король Чилперик принял легатов от своего племянника Чилдеберта, и среди них главным был Эгидий, епископ Реймский. Приведенные к королю, они предъявили свое письмо и сказали: "Наш господин, ваш племянник, просит вас с особой осторожностью соблюдать мир, который вы заключили с ним, поскольку он не может иметь мир с вашим братом, который после смерти отца отнял у него долю Марселя и удерживает беглецов, не желая их возвращать. Поэтому твой племянник Чилдеберт желает сохранить нерушимой ту дружбу, которую он сейчас имеет с тобой". Чилперик ответил: "Мой брат во многом доказал свою вину. Ведь если бы мой сын Чилдеберт встал на путь разума, он бы сразу понял, что его отец был убит при попустительстве моего брата"[DL] На это епископ Эгидий сказал: "Если ты объединишься со своим племянником, а он с тобой, и выйдешь на поле боя, то должное возмездие быстро настигнет его". Поклявшись в этом и обменявшись заложниками, они удалились. Тогда, полагаясь на эти обещания, Чилперик собрал армию своего королевства и отправился в Париж. Расположившись там лагерем, он принес жителям большие расходы. А герцог Берульф отправился с жителями Тура, Пуатье, Анжера и Нанта к границам Буржа. А Дезидерий и Бладаст со всем войском своей провинции зажали территорию Буржа с другой стороны, полностью опустошив страну, через которую они пришли.[DM] И Хильперик приказал войску, которое пришло к нему, пройти через территорию Парижа. И когда они прошли, он тоже прошел и направился к городу Мелуну, сжигая и опустошая все. И хотя войско его племянника не пришло к нему, с ним все же были его герцоги и легаты. Тогда он послал гонцов к только что упомянутым герцогам и сказал: "Вступайте на территорию Буржа, идите прямо в город и требуйте от меня клятвы верности". Но жители Буржа собрались в городе Шатомельян в количестве пятнадцати тысяч человек и сразились там с герцогом Дезидерием, и была там большая резня, так что пало более семи тысяч из каждого войска. И пошли герцоги в город с оставшимися людьми, грабя и опустошая все. И совершали там такие грабежи, о которых не слыхали в прежние времена, так что не оставили ни одного дома, ни одного виноградника, ни одного дерева, но все рубили, жгли и покоряли. Кроме

того, они унесли из храмов священную утварь и сожгли храмы в огне. Но царь Гунтрам пошел с войском против своего брата, возлагая всю свою надежду на суд Божий. Однажды вечером он послал свое войско и уничтожил большую часть армии своего брата. Утром туда отправились легаты, и они заключили мир, пообещав друг другу, что каждый заплатит за то, что совершил сверх закона, как решат епископы и вожди народа. И так они разошлись мирно. А когда король Чилперик не смог удержать свое войско от грабежа, он убил мечом графа Руана и вернулся в Париж, оставив всю добычу и отдав пленных. А осаждавшие Бурж, получив приказ вернуться домой, взяли с собой столько награбленного, что вся оставленная ими округа считалась опустошенной от людей и домашних животных. Армия Дезидерия и Бладаста прошла через Турскую землю, жгла, грабила и убивала, как это принято у врагов, и брала пленных, большинство из которых они портили и потом отпускали. Вслед за этим бедствием началась болезнь домашнего скота, так что едва хватало на то, чтобы завести его, и было странно, если кто-нибудь видел вола или телку. Пока все это продолжалось, король Чилдеберт оставался со своим войском в одном месте. Однажды ночью войско взбунтовалось, и меньшие люди подняли большой ропот против епископа Эгидия и королевских князей, и стали громко плакать и кричать во всеуслышание, говоря "Да будут изгнаны из присутствия царя те, кто продает свое царство, отдает свои города под власть другого и предает свой народ под власть другого князя". Пока они продолжали выкрикивать эти слова, наступило утро, и они, схватив свои доспехи, поспешили к царскому шатру, чтобы схватить епископа и вождей и сокрушить их силой, избивая и раня их. Узнав об этом, епископ бежал на коне и поспешил в свой город. А народ преследовал его, бросая камни и выкрикивая оскорбления. Его спасло то, что у них не было готовых лошадей. Епископ обогнал лошадей своих спутников и поспешил один, так испугавшись, что, когда один башмак упал, он не остановился, чтобы надеть его. И вот он прибыл в свой город и затворился в стенах Реймса.

32. За несколько месяцев до этого Леудаст прибыл в Тур с повелением короля забрать свою жену и поселиться там. Кроме того, он привез мне письмо за подписью епископов, предписывающее вновь допустить его к причастию. Но поскольку я не видел письма от королевы, по чьей вине он был отлучен от церкви, я отложил принятие его и сказал: "Когда я получу повеление королевы, тогда я не замедлю принять его". Тем временем я послал к ней, и она ответила, сказав: "Меня многие уговаривали, и я не могла не отпустить его. Но теперь я прошу вас не примиряться с ним и не давать ему святого хлеба из ваших рук, пока я не обдумаю более подробно, как мне поступить". Но когда я перечитал это письмо, я испугался, что его убьют, и, послав за его шурином, сообщил ему об этом и попросил, чтобы Леудаст был осторожен, пока королева не успокоится. Но он с подозрением отнесся к совету, который я дал откровенно перед Богом, и, поскольку он был моим врагом, отказался выполнить мое приказание, и исполнилась пословица, которую я однажды слышал от одного старика: "Всегда давай добрый совет другу и врагу, потому что друг принимает его, а враг презирает". И вот он презрел этот совет и пошел к королю, который был тогда в Мелуне со своим войском, и уговаривал народ умолять короля принять его. И когда все обратились с мольбой, царь выслушал его. Леудаст бросился к его ногам и просил о помиловании, и король ответил ему: "Будь начеку, пока я не увижу королеву и не договорюсь с ней о том, как тебе вернуться к ней". Но он был безрассуден и глуп, и был уверен в себе, потому что был выслушан перед королем, и когда король вернулся в Париж, он бросился к ногам королевы в святой церкви в день Господень и попросил о помиловании. Но она пришла в ярость, прокляла его, прогнала и, разрыдавшись, сказала: "У меня нет в живых сыновей, которые могли бы отомстить за клевету на меня, и я оставляю это на Тебя, Господи Иисусе, чтобы Ты отомстил". И она бросилась к ногам царя и добавила: "Горе мне, что я вижу врага моего и не одолеваю его". Тогда Леудаст был изгнан из святого места, и была отслужена месса. Царь и

царица вернулись из святой церкви, а Леудасть отправился на площадь, не зная, что с ним будет; он обходил дома торговцев, осматривал их дорогие товары, проверял вес серебряных изделий и рассматривал различные украшения, говоря при этом: "Я куплю это и это, потому что у меня еще много золота и серебра". Когда он говорил это, внезапно пришли слуги царицы и хотели связать его цепями. Но он выхватил свой меч и ударил одного из них. Тогда они в ярости схватили свои мечи и щиты и бросились на него. И один из них нанес удар, который содрал волосы и кожу с большой части его головы. А когда он бежал по городскому мосту, его нога проскользнула между двумя досками моста, и он сломал ногу, и его схватили. Ему связали руки за спиной и посадили в тюрьму. Король приказал лекарям присмотреть за ним, чтобы, когда он излечится от ран, его казнили с помощью длительных пыток. Его отвезли в одно из поместий фиска, но раны загноились, и он уже умирал, когда королева приказала положить его на землю на спину. Затем ему подложили под шею огромный железный прут и ударили по горлу другим. И так, прожив всегда вероломную жизнь, он умер справедливой смертью".

[33. Перечень чудес. 34. Смерть младенца Теодориха, сына Чилперика].

35. Тем временем королеве сообщили, что умерший мальчик был похищен злыми искусствами и чарами и что префект Муммолус, которого королева давно ненавидела, причастен к смерти ее сына Теодориха. И случилось так, что, когда Муммолус обедал у себя дома, один из придворных короля пожаловался, что мальчик, которого он любил, заболел дизентерией. И префект сказал ему: "У меня под рукой есть трава, отвар которой быстро вылечит страдающего дизентерией, как бы отчаянна ни была ситуация". Об этом доложили королеве, и она разгневалась еще больше. Тем временем она задержала нескольких парижских женщин, подвергла их пыткам и пыталась заставить ударами признаться в том, что они знают. И они признались, что занимались магией, и свидетельствовали, что из-за них многие умерли, добавив то, чему я не позволяю никому верить: "Мы отдали твоего сына, о царица, в обмен на жизнь Муммола, префекта". Тогда царица применила к женщинам жесточайшие пытки, одних утопила, других предала огню, третьих привязала к колесам, где им переломали кости. Затем она удалилась вместе с королем на виллу в Компьене и там рассказала ему о том, что услышала от префекта. Король послал своих людей и приказал вызвать его, а после осмотра нагрузить его цепями и подвергнуть пыткам. Его подвесили к балке со связанными за спиной руками и спросили, что он знает о злых искусствах, но он не признался ни в чем из того, о чем мы рассказали выше. Однако он рассказал, как часто получал от этих женщин мази и снадобья, чтобы заручиться благосклонностью короля и королевы. Теперь, освободившись от пыток, он позвал чтеца и сказал ему: "Передай моему господину королю, что я не чувствую никакого вреда от пыток, которым меня подвергали". Услышав это, царь сказал: "Не правда ли, он практикует злые искусства, если ему не причинили вреда эти пытки?" Тогда его растянули на колесе и били тройными ремнями, пока мучители не изнемогли. Затем они вбили щепки в ногти его пальцев рук и ног. И когда дошло до того, что над ним занесен меч, чтобы отрубить ему голову, царица добилась его жизни, но за этим последовал позор не меньший, чем смерть. У него отобрали все, посадили в грубую повозку и отправили на родину, в город Бордо. Но по дороге с ним случился апоплексический удар, и он с трудом добрался до места назначения. А вскоре после этого он умер.

Тогда королева забрала все, что принадлежало мальчику, - и одежду, и дорогие вещи, из шелка или шерсти, - все, что смогла найти, и сожгла. Говорят, их было четыре повозки. Золотые и серебряные вещи она приказала переплавить в печи, чтобы не осталось ничего, что напоминало бы о печальной памяти ее сына".

[36. Трудности Этериуса, епископа Лизье, с беспутным священником и то, как он в конце концов одержал победу. 37. Аббат Лупентий ложно обвинен, подвергнут пыткам и убит графом Иннокентием. 38. Граф Иннокентий становится епископом Родеза. 39. Сульпиций становится епископом Буржа. 40. Богословский спор между Григорием и испанским легатом. 41. Чилперик удаляется в Камбрей. 42. Чилдеберт получает от императора деньги, чтобы изгнать лангобардов из Италии, но не делает этого. 43. События в Испании. 44. Список вундеркиндов].

45. Между тем наступило первое сентября, и к королю Чилперiku прибыло большое посольство готов. Он уже вернулся в Париж. Он приказал забрать из своих владений множество семей рабов и посадить их на повозки; многих же, кто плакал и отказывался идти, он велел поставить под охрану, чтобы легче было отправить их с дочерью. Говорят, что многие в своем горе повесились, боясь, что их отнимут у родственников. Сына разлучили с отцом, мать с дочерью, и они уходили с громкими криками и проклятиями. В Париже стоял такой плач, что его сравнивали с плачем в Египте. Многие из пожилых мужчин, вынужденных уехать, составили завещания и оставили свое имущество церквям, а также попросили, чтобы, когда девушка войдет в Испанию, завещания были открыты сразу же, как будто они уже похоронены.

Тем временем в Париж прибыли легаты от короля Чилдеберта и предупредили короля Чилперика, чтобы он не брал ничего из принадлежавших ему городов, которые принадлежали отцу Чилдеберта, [и не дарил своей дочери сокровища в любом из них] и не смел трогать рабов, или лошадей, или волов, или что-либо в них. Говорят, что один из этих легатов был тайно убит, но неизвестно кем; подозрение пало на короля. Король Хильперик пообещал, что ничего не тронет из этих городов, пригласил франкских вельмож и остальных, присягнувших ему на верность, и отпраздновал свадьбу своей дочери. Ее отдали легатам готов, а он одарил ее большими сокровищами. Кроме того, ее мать подарила ей огромное количество золота и серебра и одежды, так что король, увидев это, подумал, что у него ничего не осталось. Королева заметила, что он разгневан, обратилась к франкам и сказала: "Не думайте, люди, что у меня здесь есть что-то из сокровищ предыдущих королей, ибо все, что вы видите, взято из моего собственного имущества, так как славнейший король дал мне много, и я собрала много своим трудом, и я получила большие доходы от домов, пожалованных мне, как от доходов, так и от дани. Кроме того, вы часто обогащали меня своими дарами, и из этих источников происходит все, что вы видите перед собой, ибо здесь нет ничего из государственных сокровищ". И таким образом ум царя был обманут.

Вещей было так много, что потребовалось пятьдесят повозок, чтобы перевезти золото, серебро и другие украшения. Франки принесли много даров: одни золото, другие серебро, многие коней или одежду; каждый дарил столько, сколько мог. Наконец девушка простилась со всеми после слез и поцелуев, и когда она выезжала за ворота, сломалась ось повозки, и все сказали: "Mala hora", что было воспринято некоторыми как предзнаменование. Тогда она отправилась из Парижа и приказала поставить палатки на восьмой вехе от города. И пятьдесят человек поднялись ночью, взяли сотню лучших коней с золотыми уздечками и двумя большими цепями и бежали к королю Чилдеберту. И на всем пути, когда кто-либо мог бежать, он бежал, забирая все, что попадалось под руку. По дороге были собраны обильные припасы за счет разных городов; при этом король приказал ничего не брать из своей казны, а все из пожертвований бедняков. А так как король подозревал, что его брат или племянник подготовит в пути какую-нибудь засаду против девушки, он распорядился, чтобы ее охраняло целое войско. С ней были великие воины: герцог Бобо, сын Муммолина, со своей женой в качестве сопровождающего невесты, Домигизель и Ансовальд, майордом Ваддо, который

когда-то был графом Сентеса, а также около четырех тысяч простых воинов. Остальные герцоги и камергеры, отправившиеся вместе с ней, вернулись в Пуатье. Остальные отправились дальше по мере сил. И во время этого путешествия были захвачены такие трофеи и добыча, которые трудно описать. Они грабили хижины бедняков, опустошали виноградники, обрывая лозы и унося с собой виноград и все остальное, забирали домашних животных и все, что попадалось им под руку, и ничего не оставляли на своем пути, и исполнились слова, сказанные через пророка Иоилия: "Что оставила саранча, то съела саранча; а что оставила саранча, то съела гусеница; а что оставила гусеница, то съела пальмовый червь". Именно это и произошло в данном случае. То, что осталось от мороза, уничтожила буря, то, что осталось от бури, уничтожила засуха, а то, что осталось от засухи, унес хозяин.

46. Пока они продолжали свой путь с этой добычей, Чилперик, Нерон и Ирод нашего времени, отправился на свою виллу в Челль, расположенную на расстоянии ста ста стадий от Парижа, и там охотился. Однажды, возвращаясь с охоты в сумерках, когда он сходил с коня и держал одну руку на плече раба, некий человек подошел и ударил его кинжалом подмышку, повторив удар, и пронзил живот. Из его рта и открытых ран сразу же хлынула кровь и обратила в бегство его нечестивую душу. Предшествующее этому повествование показывает, насколько беззаконным он был. Ведь он часто опустошал и сжигал огромные районы, не испытывая при этом боли, а скорее радость, как Нерон до него, когда он читал трагедии, пока горел дворец. Он часто несправедливо наказывал людей из-за их богатства. Очень немногие священнослужители в его время достигали должности епископа. Он был склонен к чревоугодию, и его живот был его богом. Он говорил, что никто не был мудрее его. Он написал две книги по образцу Седулия, но их слабые стихи не могут стоять на ногах, так как из-за недостатка понимания он ставил короткие слоги вместо длинных, а длинные - вместо коротких. Он писал также памфлеты, гимны и мессы, которые ни в коем случае нельзя принимать. Он ненавидел дела бедных. Он постоянно хулил епископов Господних, а когда был в отставке, то никого не унижал и не высмеивал больше, чем епископов церквей. Того он называл легкомысленным, того - тщеславным, другого - щедрым, третьего - скупым, третьего - тщеславным, третьего - напыщенным. Он ничего так не ненавидел, как церкви. Он часто говорил: "Вот наша казна обеднела, вот наше богатство ушло в церкви, никто не царствует, если не епископы; наша должность погибнет и перейдет к епископам городов". Продолжая в том же духе, он постоянно нарушал завещания, составленные в пользу церквей, и попирали ногами последние распоряжения своего собственного отца, думая, что уже некому требовать исполнения его воли. Что касается похоти и распутства, то нельзя найти ничего такого в мыслях, чего бы он не осуществил на деле. Он постоянно искал новые способы навредить людям и в последние годы, если находил кого-нибудь виновным, приказывал вырвать ему глаза. А к указаниям, которые он посылал своим судьям, чтобы обеспечить себе преимущества, он добавлял следующее: "Если кто-либо пренебрежет нашими приказами, пусть будет наказан вырванными глазами". Он никого не любил искренне и не был любим никем, и поэтому, когда он умер, все его люди покинули его. Но Маллульф, епископ Сенлиса, который три дня просидел в своей палатке и не мог его видеть, пришел, услышав, что он убит, омыл его и одел в лучшие одежды, провел ночь, распевая гимны, и отвез его в лодке и похоронил в церкви Святого Винсента, что в Париже, оставив королеву Фредегунду в соборе.

На этом во имя Христа заканчивается шестая книга "Истории". Благодарение Господу. Аминь.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[58] К западу от Марселя в Септимании.

[59] В этом месте продолжается спор между иудеем, с одной стороны, и Чилпериком и Григорием - с другой.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЮТСЯ ГЛАВЫ СЕДЬМОЙ КНИГИ

- 1. Смерть святого епископа Сальвия.
- 2. Борьба между людьми из Шартра и Орлеана.
- 3. Убийство Видаста, названного также Авусом.
- 4. Фредегунда укрывается в церкви; ее сокровища, которые достались Чилдеберту.
- 5. Король Гунтрам отправляется в Париж.
- 6. Тот же король захватывает королевство Хариберта.
- 7. Легаты Чилдеберта требуют Фредегунду.
- 8. Король просит народ не убивать его, как [они убили] его братьев.
- 9. Сокровища Ригунты отбирают, и она попадает в плен к Дезидерию.
- 10. Гундовальд становится королем; о Ригунте, дочери короля Чилперика.
- 11. Явившиеся знамения.
- 12. Сожжение страны около Тура и чудо святого Мартина.
- 13. Сожжение и разграбление Пуатье.
- 14. Легаты короля Чилдеберта отправляются к принцу Гунтраму.
- 15. Злодеяния Фредегунды.
- 16. Возвращение епископа Пртекстата.
- 17. Епископ Промотус.
- 18. Что было сказано царю, чтобы уберечь его от гибели.
- 19. Королеве приказано удалиться на виллу.
- 20. Как она послала человека убить Брунгильду.
- 21. Бегство Эберульфа и то, как за ним следили.
- 22. Его злодеяния.
- 23. Убийство еврея с сопровождающими его лицами.
- 24. Разграбление Пуатье.
- 25. Разграбление Марилейфа.
- 26. Гундовальд обходит свои города.
- 27. Обида, причиненная епископу Магнульфу.
- 28. Продвижение армии.
- 29. Убийство Эберульфа.
- 30. Легаты Гундовальда.
- 31. Мощи святого мученика Сергия.
- 32. Другие легаты Гундовальда.

- 33. Чилдеберт посещает своего дядю Гунтрама.
- 34. Гундовальд удаляется в Комминги.
- 35. Церковь святого Винсента-мученика в Агене разграблена.
-
- 36. Разговор между Гундовальдом и солдатами.
- 37. Нападение на город.
- 38. Убийство Гундовальда.
- 39. Убийство епископа Стрельца и Муммола.
- 40. Сокровища Муммола.
- 41. Великан.
- 42. Чудо святого Мартина.
- 43. Дезидерий и Ваддо.
- 44. Женщина с духом прорицания.
- 45. Голод в этом году.
- 46. Смерть Христофора.
- 47. Гражданская война среди жителей Тура.

НА ЭТОМ ГЛАВЫ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ

Седьмая книга

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ СЕДЬМАЯ КНИГА

1. Хотя мне хочется продолжить историю, которую предыдущие книги оставили недосказанной, все же расположение требует, чтобы я сначала рассказал кое-что о смерти блаженного Сальвия, который, как известно, скончался в этом году.^[60] Как он сам рассказывал, он долгое время пребывал в светском одеянии и вместе со светскими судьями посвящал себя мирским делам, но при этом никогда не запутывался в страстях, в которые обычно вовлекается ум молодых. И наконец, когда благоухание Божественного дыхания коснулось его внутренностей, он оставил мирскую войну и устремился в монастырь, и уже тогда, будучи преданным благочестию, понял, что лучше быть бедным со страхом Божиим, чем гнаться за выгодами погибающего мира. В этом монастыре он долгое время пребывал по правилу, установленному отцами. Когда же он достиг более зрелых сил как в понимании, так и в жизни, умер игумен, управлявший этим монастырем, и он взял на себя труд окормлять паству; и тогда как ему следовало бы чаще показываться среди братьев для их исправления, после того как он достиг этой чести, он стал более уединенным, и поэтому он искал себе более уединенную келью; теперь в первой, как он сам рассказывал, он более девяти раз менял кожу на своем теле, от бичевания себя со слишком большой решимостью. Затем, получив сан, он предался молитве и чтению, довольствуясь этим воздержанием, и все время размышлял, что для него лучше - быть скрытым среди монахов или принять имя аббата среди людей. Зачем говорить больше? Он попрощался с братьями, а они с ним, и был замурован. Будучи замурованным, он продолжал воздерживаться более, чем прежде; по любви к милосердию он старался, когда приходили какие-нибудь странники, возносить над ними молитвы и обильно подавать благодать благословенного хлеба, которая приносила крепкое здоровье многим немощным. Однажды он лежал, задыхаясь, на своем ложе, измученный

сильной лихорадкой, и вот келья его внезапно осветилась великим светом и затрепетала. Он воздел руки к небу и испустил дух, вознося благодарственные молитвы. Монахи и его мать со смешанными скорбными воплями вынесли тело умершего из кельи, омыли и одели его, положили на одр и провели ночь в плаче и пении псалмов. Утром, пока шли приготовления к похоронам, тело начало двигаться на подставке. И вот щеки его вновь обрели цвет, и, словно пробудившись от глубокого сна, он зашевелился, открыл глаза, поднял руки и сказал: "Боже милосердный, зачем Ты позволил мне вернуться в это мрачное место земной жизни, ведь милость Твоя на небесах была бы лучше для меня, чем мерзкая жизнь в этом мире". Его люди были поражены и спрашивали, что может означать такое чудо, но он ничего не ответил на их вопросы. Он поднялся с одра, не чувствуя никакого вреда от пережитых страданий, и три дня обходился без еды и питья. На третий день он позвал монахов и свою мать и сказал: "Послушайте, дорогие, и поймите, что все, на что вы смотрите в этом мире, - ничто, как в песне пророка Соломона: "Все суета сует". Счастлив тот, кто может жить в этом мире так, чтобы заслужить возможность увидеть славу Божью на небесах". Сказав это, он начал сомневаться, стоит ли говорить дальше или умолкнуть. Когда он замолчал, его стали одолевать просьбы братьев рассказать о том, что он видел, и он продолжил: "Четыре дня назад, когда моя келья дрожала и вы видели меня безжизненным, меня схватили два ангела и вознесли на высокие небеса, так что мне казалось, что у меня под ногами не только этот мерзкий мир, но и солнце, и луна, и облака, и звезды. Затем я был введен через дверь, более яркую, чем этот свет, в то жилище, в котором вся мостовая была как блестящее золото и серебро, яркость и простор, не поддающиеся описанию, и такое множество людей обоего пола находилось там, что не было видно ни длины, ни ширины толпы. Ангелы, которые вели меня, проложили мне путь через толпу, и мы пришли к месту, которое я уже видел издали; над ним висело облако, ярче всякого света, в котором не было видно ни солнца, ни луны, ни звезды, но, превосходя все это, оно сияло ярче, чем свет природы, и из облака исходил голос, подобный голосу многих вод. Затем меня, грешника, смиренно приветствовали люди в священнических и мирских одеждах, которые, как сказали мне мои проводники, были мучениками и исповедниками, которым мы здесь поклоняемся с величайшим благоговением. Я встал там, где мне было велено, и очень сладкий запах окутал меня, так что я освежился этой сладостью и до сих пор не хотел ни есть, ни пить. И услышал я голос, говорящий: "Пусть он вернется в мир, поскольку он необходим нашим церквям". Это был только голос, ибо не было видно, кто говорил. И я бросился на мостовую и с громким плачем сказал: "Увы, увy, Господи, зачем Ты показал мне это, если я должен был лишиться его. Вот сегодня Ты изгоняешь меня от лица Твоего, чтобы я вернулся в грешный мир и никогда больше не смог вернуться сюда. Умоляю Тебя, Господи, не лишай меня милости Твоей, но позволь мне остаться здесь и не пасть и не погибнуть". И голос, говоривший со мной, сказал: "Иди с миром, ибо я твой хранитель, пока не верну тебя в это место". Тогда я был оставлен моими спутниками и ушел, плача, через те ворота, через которые я вошел и вернулся сюда". Когда он сказал это, и все присутствующие были поражены, угодник Божий начал плакать и сказал: "Горе мне, что я осмелился открыть такую тайну. Ибо приятный запах, который я принес из святого места и которым я поддерживался последние три дня, не принимая пищи и питья, исчез. Мой язык тоже покрыт ужасными язвами и распух так, что, кажется, заполнил весь рот. И я знаю, что Господу Богу моему не угодно было выдать эти тайны. Но Ты знаешь, Господи, что я сделал это в простоте сердца, а не в хвастовстве. Молю Тебя, будь добр и не оставляй меня, по обещанию Твоему". После этого он больше ничего не говорил и принял пищу и питье. Теперь, когда я пишу это, я боюсь, что кто-то из читателей может не поверить этому, как говорит историк Саллюст: "Когда ты говоришь о добродетели и славе добрых людей, каждый спокойно верит тому, что считает для себя легким; сверх того он считает это ложным вымыслом". Ибо я призываю всемогущего Бога в свидетели, что узнал из его

собственных уст все, что рассказал". Спустя долгое время блаженный был взят из своей кельи, избран епископом и рукоположен против своей воли. И когда он был, думаю, на десятом году своего епископства, чума в Альби усилилась, и большая часть людей уже умерла, а горожан осталось мало, но блаженный, как добрый пастырь, не соглашался покинуть это место, но постоянно призывал тех, кто остался, посвятить себя молитве, непрерывно бодрствовать и всегда быть занятыми добрыми делами и полезными мыслями, говоря: "Делайте это для того, чтобы, если Богу угодно будет уйти из этого мира, вы могли войти не в суд, а в покой". И когда по Божьему откровению, как я полагаю, он узнал время своего призвания, он сделал себе гробницу, омыл свое тело и облекся в него; и таким образом, всегда устремленный к небу, он испустил свой блаженный дух. Он был человеком великой святости и совсем не жадным; он никогда не желал обладать золотом. Если он брал его по принуждению, то сразу же раздавал бедным. В свое время, когда патриций Муммол увел из города множество пленников, он последовал за ним и выкупил их всех. И Господь так благоволил к нему, что люди, захватившие пленников, уступили ему в цене и одарили его подарками. Так он вернул пленникам, уведённым из его страны, их прежнюю свободу. Я слышал много хорошего об этом человеке, но, поскольку мне хочется вернуться к начатой истории, я по большей части пропускаю их.

2. Когда Чилперик умер и обрел смерть, которую давно искал, люди Орлеана вместе с людьми Блуа напали на жителей Шатодуна и разбили их, лишив бдительности; они сожгли их дома, посеки и все, что не смогли унести с собой, и разграбили стада и паствы, унеся все, что не было скованным. Когда они ушли, люди Шатодуна с остальными людьми Шартра преследовали их и обращались с ними так же, как и с ними самими, не оставляя ничего ни в их домах, ни вне их домов, ни из их домов. И пока они все еще оскорбляли друг друга и бушевали, а люди Орлеана были готовы сразиться с людьми Шартра, вмешались графы, и на слушаниях перед ними был заключен мир, с условием, что в день, когда должен был состояться суд, сторона, вспыхнувшая против другой, должна будет заплатить по справедливости. Таким образом, война была прекращена.

[3. Видаст убит в ссоре с саксом Чилдериком, который расплачивается за это с сыновьями Видаста. 4. Фредегунда укрывается в церкви. Чилдеберт получает часть ее сокровищ. 5. Фредегунда предлагает Гунтраму взять королевство Чилперика и стать опекуном ее сына. Он отправляется в Париж. Чилдеберт также приближается к городу].

6. Когда жители Парижа отказались принять Чилдеберта, он послал легатов к королю Гунтраму, сказав: "Я знаю, праведнейший отец, что вашей доброте неизвестно, как до сих пор враг обманывал нас обоих, так что никто из нас не мог найти справедливости в том, что ему причиталось. Поэтому я смиренно прошу тебя сейчас соблюдать договор, который был заключен между нами после смерти моего отца"[DV] Тогда царь Гунтрам сказал легатам: "О несчастные, всегда неверные, в вас нет правды, и вы не держите своих обещаний; вот, вы не выполнили всех своих обещаний мне и заключили новый договор с царем Чилпериком, чтобы изгнать меня из моего царства и разделить мои города между вами. Вот ваш договор; вот ваши подписи, которыми вы сговорились. С каким лицом вы теперь просите меня принять моего племянника Чилдеберта, которого вы хотели сделать моим врагом по своему извращению?" На что легаты сказали: "Если ты настолько одержим гневом, что не хочешь выполнить свои обещания племяннику, то хотя бы перестань отбирать то, что причитается ему из королевства Хариберта". Но он ответил "Вот договор, заключенный с моими братьями, что тот, кто войдет в Париж без согласия своего брата, должен лишиться своей доли, а мученик Полиокта и исповедники Иларий и Мартин должны были быть его судьями и карателями. После этого вступил мой брат Сигиберт, который умер по приговору Божьему и

лишился своей доли. Так же поступил и Чилперик. Теперь они потеряли свои части из-за этих проступков. Поэтому, поскольку они умерли по приговору Божьему в соответствии с проклятиями в договоре, я подчиняю все королевство Хариберта с его сокровищами своему правлению по праву закона и никому ничего не дам из него, кроме как по своей воле. Итак, прочь от вас, вечные лжецы и предатели, и передайте это слово моему королю".

7. Они уехали, но от Чилдеберта к упомянутому мною королю снова пришли легаты, требуя королеву Фредегунду, и, говоря "Выдайте эту убийцу, которая задушила мою тетку^[61] и убила моего отца и дядю, а также мечом зарубила моих двоюродных братьев". Но он отвечал: "В суде, который мы проводим, мы решаем все и рассматриваем, что должно быть сделано". Ибо он поддерживал Фредегунду и часто приглашал ее на обед, обещая, что будет ее самым сильным защитником. И вот однажды, когда они ужинали вместе, королева поднялась и попрощалась, но ее задержал король, сказав: "Съешь еще что-нибудь". Но она ответила: "Прости меня, молю, государь, ибо по обычаю женщин я должна встать, потому что зачала". Услышав это, он изумился, зная, что идет четвертый месяц с тех пор, как она родила сына, но разрешил ей встать. И вот собрались ведущие мужи царства Чилперика, как Ансоальд и остальные, вокруг его сына, которому, как мы уже говорили, было четыре месяца и которого называли Хлотарем, и потребовали клятвы в городах, которые раньше смотрели на Чилперика, быть верными царю Гунтраму и его племяннику Хлотарю. И король Гунтрам процессом правосудия восстановил все, что последователи короля Чилперика несправедливо отняли из разных источников, и сам много раздал церквям, и привел в исполнение завещания умерших, которые содержали завещания церквям и были нарушены Чилпериком, и был щедр ко многим и много раздал бедным.

8. Но так как он не доверял людям, среди которых оказался, то охранял себя вооруженными людьми и никогда не ходил в церковь или в другие места, которые ему нравилось посещать, без сильной охраны. И вот однажды в день Господень, когда дьякон призвал народ к тишине для слушания мессы, король встал и обратился к народу: "Убеждаю вас, присутствующие здесь мужчины и женщины, подумать о том, что стоит сохранить со мной нерушимую веру, не убивать меня, как вы недавно убили моих братьев, и позволить мне хотя бы в течение трех лет помогать моим племянникам, которые стали моими приемными сыновьями. Ибо, если я умру, пока они малы, может случиться так, что и вы погибнете - да не допустит этого вечное Божество, ибо не найдется никого из нашей семьи, кто был бы достаточно силен, чтобы защитить вас". Когда он это сказал, все люди вознесли молитвы Господу за короля.

9. Пока все это происходило, Ригунта, дочь короля Чилперика, прибыла в Тулузу с вышеописанными сокровищами. И, видя, что она уже приблизилась к готской границе, она стала придумывать предлоги для задержки, а ее люди также говорили ей, что она должна остаться там на некоторое время, так как они устали от путешествия, их одежда была грубой, обувь - рваной, а упряжь и повозки, которые были привезены на повозках, еще не были собраны. Им следовало сначала сделать все эти приготовления со всей тщательностью, а затем отправиться в путь и быть принятыми во всем изяществе своей суженой, а не быть осмеянными готами, если они появятся среди них в грубом виде. Пока они медлили по этим причинам, о смерти Чилперика стало известно герцогу Дезидерию. И он, собрав своих храбрейших людей, вошел в Тулузу и, обнаружив сокровища, забрал их из-под контроля королевы и поместил в некий дом, запечатанный и охраняемый храбрыми людьми, а королеве позволил жить скудно, пока она не вернется в город.

[10. Гундовальд провозглашен королем. 11. Список чудес, указывающих на смерть Гундовальда. 12. Турс вынужден перейти в подданство Гунтрама. 13. Пуатье также переходит под контроль Гунтрама].

[DY]14. Когда состоялся суд, епископ Эгидий, Гунтрам Босо, Сигивальд и многие другие были посланы королем Чилдебертом к королю Гунтраму, они вошли к нему, и епископ сказал: "Праведнейший царь, мы благодарим всемогущего Бога за то, что он после многих трудов вернул тебя в твою собственную землю и царство". И царь сказал ему: "Да, именно Царю царей и Господу господствующих, который по Своей милости счел нужным совершить это, следует воздать должную благодарность. Ибо это, конечно, не тебе, по чьему вероломному совету и лжесвидетельству моя земля была сожжена более года назад; ты никогда не сохранял доброй веры ни с кем; твои кривые дела видны повсюду; ты показываешь себя не епископом, а врагом моего королевства". При этих словах епископ, хотя и разгневанный, замолчал. Но один из легатов произнес: "Ваш племянник Чилдеберт умоляет вас приказать вернуть ему города, которыми владел его отец". На это он ответил: "Я уже говорил вам, что по нашим договорам они принадлежат мне, и поэтому я отказываюсь их возвращать". Другой легат сказал: "Твой племянник просит тебя приказать отдать ему колдунью Фредегунду, благодаря которой были убиты многие короли, чтобы он мог отомстить за смерть своего отца, дяди и двоюродных братьев". "Она не должна быть отдана в его власть, - сказал Гунтрам, - потому что у нее есть сын, который является королем. К тому же я не верю, что то, что ты говоришь против нее, правда". Тогда Гунтрам Босо подошел к царю, словно собираясь обратиться к нему с какой-то просьбой. Но так как было достоверно известно, что он возвел Гундовальда в короли, Гунтрам выступил перед ним и сказал: "Ты, враг моей страны и королевства, который несколько лет назад отправился на Восток с явной целью привести Балломера" - так он называл Гундовальда - "в мое королевство, ты, который всегда вероломен и никогда не выполняет того, что обещаешь". Гунтрам Босо ответил: "Ты повелитель и царь, сидишь на царском троне, и никто не осмеливается дать ответ на твои слова. Теперь я говорю, что я невиновен в этом обвинении. И если есть кто-то из моего рода, кто тайно выдвигает против меня это обвинение, пусть он придет сейчас открыто и выскажет его. Тогда, праведнейший царь, я предоставлю это решать Божьему суду, когда он увидит, что мы сражаемся на равном поле". На этом все замолчали, и король добавил: "Все должны стремиться изгнать из наших краев авантюриста, чей отец был мельником, а по правде говоря, его отец занимался гребнями и ткал шерсть". И хотя возможно, чтобы один человек владел двумя ремеслами, все же один из них ответил в насмешку над королем: "Следовательно, как ты говоришь, у этого человека было сразу два отца: один - работник по шерсти, другой - мельник. К несчастью для тебя, царь, что ты говоришь такие необычные вещи. Ведь это неслыханно, чтобы у одного человека было два отца одновременно, разве что в духовном смысле". Тогда они рассмеялись без удержу, а другой легат сказал: "Мы прощаемся с тобой, о царь. Хотя ты отказался восстановить города своего племянника, мы знаем, что топор, который был вбит в головы твоих братьев, все еще в безопасности. Скоро он поразит и твою". Так они ушли в ссоре. Тогда царь, разгневанный их оскорблениями, приказал своим людям бросать им на головы, пока они идут, гнилой конский навоз, стружки, сено и солому, покрытые грязью, и зловонные отбросы города. И они были сильно испачканы и ушли, подвергаясь безмерным оскорблениям и поношениям.

15. Когда королева Фредегунда жила в парижской церкви, Леонард, бывший офицер этого дома, приехавший тогда из Тулузы, пришел к ней и стал рассказывать о поношениях и оскорблениях, нанесенных ее дочери, говоря при этом: "По вашему повелению я отправился с королевой Ригунтой и видел, как она была унижена и как у нее отобрали все сокровища и все остальное. И я спаслась бегством и пришла доложить своей госпоже о случившемся". Услышав это, она разгневалась и приказала расправиться с ним в самой церкви, отобрала у него одежду и пояс, подаренный ему царем Чилпериком, и приказала выгнать его из своего присутствия. Поваров и пекарей, а также всех, о ком она узнавала, что они возвращаются из этого путешествия, она оставляла избитыми, разграбленными и искалеченными. Она

пыталась разорить нечестивыми обвинениями царя Нектара, брата епископа Баудегизила, и говорила, что он много взял из казны умершего царя. Кроме того, она говорила, что он взял из кладовых куски мяса и много вина, и просила связать его и бросить в темницу. Но терпение царя и помощь его брата помешали этому. Она делала много глупостей и не боялась Бога, в церкви Которого укрывалась. В то время с ней был судья Аудо, который помогал во многих злодеяниях во времена царя. Вместе с префектом Муммолусом он обложил государственным налогом многих франков, которые во времена короля Чилдеберта Старшего были свободными уроженцами. После смерти короля он был ими разорен и раздет, так что у него не осталось ничего, кроме того, что он мог унести. Они сожгли его дом и лишили бы его жизни, если бы он не бежал в церковь вместе с королевой".

[16. Пртекстат возвращается в епископство Руанское].

17. Промотус был поставлен епископом в Шатодуне по приказу короля Сигиберта, а после смерти этого короля был смещен на том основании, что город был приходом Шартра, и против него было вынесено решение, согласно которому он должен был исполнять только обязанности священника. Теперь он пришел к королю и просил вновь принять его рукоположение в епископы в упомянутом городе. Но Паппал, епископ Шартра, воспротивился ему и сказал: "Это мой приход", особо указывая на решение епископов, и Промот не смог добиться от короля ничего другого, кроме разрешения снова взять свою собственность, которая была у него на территории города и на которой он жил со своей матерью, которая была еще жива.

[18. Король Гунтрам опасается покушения. 19. Фредегунде приказано удалиться на свою виллу в Ройле. 20. Она посылает клерка убить Брунгильду. Когда он возвращается без успеха, она отрубает ему ноги и руки].

21. После этого, когда король Гунтрам вернулся в Шалон и попытался расследовать смерть своего брата, а королева возложила вину на камергера Эберульфа - она приглашала его жить с ней после смерти короля, но не смогла уговорить его сделать это, - вспыхнула вражда, и королева сказала, что король был убит им, и что он взял много из сокровищ и уехал в Тур; и поэтому, если король захочет отомстить за смерть своего брата, он должен знать, что Эберульф - главный в этом деле. Тогда король поклялся всем своим вельможам, что уничтожит не только самого Эберульфа, но и всех его родственников до девятой степени, дабы их смертью положить конец нечестивому обычаю убивать королей. Узнав об этом, Эберульф бежал в церковь святого Мартина, имущество которой он часто захватывал. Тогда под предлогом наблюдения за ним люди из Орлеана и Блуа поочередно пришли караулить его и по истечении пятнадцати дней вернулись с большой добычей, забрав лошадей, стада и отары, а также все, что смогли унести. Но те, кто уводил лошадей благословенного Мартина, поссорились и пронзили друг друга копьями. Двое, уводившие мулов, зашли в ближайший дом и попросили пить. И когда тот сказал, что у него нет, они подняли копья, чтобы напасть на него, но он выхватил меч, пронзил их обоих насквозь, и они упали замертво; лошади святого Мартина были возвращены. В то время орлеанцы творили такие злодеяния, что их невозможно описать.

22. Пока все это происходило, имущество Эберульфа раздавалось разным лицам; его золото и серебро, а также другие ценности, которые он имел при себе, были выставлены на продажу. То, что он держал в доверительном управлении, было конфисковано. Стада лошадей, свиней и вьючных животных были отобраны. Его дом в стенах, который он взял из владения церкви и который был полон зерна, вина, кусков мяса и многого другого, был полностью очищен, и не осталось ничего, кроме голых стен. Из-за этого он относился ко мне

с большим подозрением, хотя я исправно выполнял его поручения, и все время обещал, что если он когда-нибудь вновь обретет благосклонность короля, то отомстит мне за то, что ему пришлось пережить. Но Бог, которому открыты тайны сердца, знает, что я помогал ему бескорыстно, насколько это было в моих силах. И хотя в прежние времена он расставил для меня множество ловушек, чтобы заполучить имущество святого Мартина, все же была причина, по которой я должен был забыть о них, а именно то, что я взял его сына из святой купели. Но я считаю, что самым большим недостатком для этого неудачливого человека было то, что он не проявлял никакого уважения к святому епископу. Ибо он часто занимался насилием в том самом портике, который находится у ног святого, и постоянно предавался пьянству и суете; а когда священник отказался дать ему вина, так как он был уже явно пьян, он повалил его на скамью и бил кулаками и другими ударами, так что казалось, он почти умирает; и, возможно, он умер бы, если бы ему не помогли бокалы лекарей. Из-за страха перед королем он поселился в зрительном зале святой церкви. И когда священник, хранивший ключи от дверей, закрыл остальные двери и ушел, девушки вошли вместе с остальными его слугами в дверь зала и стали рассматривать картины на стенах и перебирать пальцами украшения святой гробницы, что в глазах верующих было нечестивым преступлением. И когда священник узнал об этом, он вбил в дверь гвозди и установил внутри решетку. И после ужина, когда он был пьян, он заметил это, и когда мы пели в церкви из-за службы в сумерках, он вошел в ярости и начал нападать на меня с оскорблениями и проклятиями, понося меня, в частности, за то, что я хотел держать его подальше от покрова гробницы святого епископа. Но я был поражен, что такое безумие овладело этим человеком, и попытался успокоить его успокаивающими словами. Но так как я не мог победить его ярость ласковыми словами, то решил молчать. И когда я понял, что я ничего не скажу, он повернулся к священнику и обрушил на него весь свой гнев. Он обрушился и на него, и на меня с гнусными словами и различными оскорблениями. Но когда мы увидели, что он, так сказать, одержим бесом, мы вышли из святой церкви и прекратили позорную сцену и службу одновременно, будучи особенно возмущены тем, что он стал так оскорблять перед самой гробницей, не уважая святого епископа.

В эти дни мне было видение, о котором я рассказал ему в святой церкви, сказав: "Мне казалось, что я совершаю мессу в этой святой церкви, и когда алтарь с приношениями был уже покрыт шелковой тканью, я вдруг увидел входящего царя Гунтрама, который громким голосом сказал: "Вытащите врага моего рода, оторвите убийцу от священного алтаря Божьего". И когда я услышал его, то обратился к тебе и сказал: "Негодяй, возьми в руки алтарную ткань, которой покрыты святые дары, чтобы не быть изгнанным отсюда". И хотя ты ухватился за нее, но держал некрепко и не мужественно. Я же, простерши руки свои, уперся грудью в грудь царя и сказал: "Не изгоняй этого человека из святой церкви, чтобы не подвергнуть опасности жизнь твою, чтобы святой епископ не погубил тебя силою своею. Не убивай себя собственным оружием, потому что если ты это сделаешь, то потеряешь жизнь нынешнюю и вечную". Но когда король выступил против меня, ты отпустил ткань и пошел позади меня. И я был очень сильно раздосадован на тебя. И когда ты вернулся к алтарю, ты взял ткань, но снова отпустил. И пока ты держал ее без духа, а я мужественно сопротивлялся королю, я проснулся в ужасе, не зная, что означает этот сон". Когда я рассказал ему об этом, он сказал: "Это истинный сон, который ты видел, потому что он полностью соответствует моему замыслу". И я сказал ему: "И какова же твоя цель?" Он ответил: "Я решил, что если король прикажет увести меня с этого места, то я одной рукой буду держаться за алтарную скатерть, а другой достану меч и убью сначала тебя, а потом всех дьяков, до которых смогу дотянуться. И после этого не будет для меня несчастьем умереть, если я сначала отомщу клирикам этого святого". Я услышал это и был поражен, и удивился, почему это дьявол говорит его устами. Ведь он никогда не боялся Бога. Пока он был на свободе, его лошади и

стада пускались среди посевов и виноградников бедняков. А если их прогоняли люди, чей труд они уничтожали, их тут же избивали его люди. В этой беде, в которой он оказался, он часто рассказывал, сколько имущества блаженного епископа он несправедливо отнял. В самом деле, за год до этого он подговорил некоего глупого горожанина и заставил его вызвать церковных приставов. Затем, не заботясь о справедливости, он забрал имущество, которым ранее владела церковь, под предлогом того, что купил его, отдав человеку золотое украшение на пояс. Кроме того, до конца жизни он поступал порочно во многих других делах, о которых мы расскажем позже.

23. В этом году Арментарий, иудей, с одним сопровождающим из своей секты и двумя христианами, пришел в Тур, чтобы потребовать уплаты по облигациям, которые Инжурий, бывший наместник, и Евномий, бывший граф, [ED] дали ему в счет дани. Призвав этих людей, он получил обещание выплатить сумму с процентами, и, кроме того, они сказали ему: "Если ты придешь к нам в дом, мы заплатим то, что должны, и одарим тебя подарками, как подобает". Он пошел, был принят Инджуриосом и посажен за ужин, а когда пир закончился и наступила ночь, они встали и перешли из одного места в другое. Затем, как рассказывают, иудеи и два христианина были убиты людьми Инджуриоса и брошены в колодец, который находился рядом с его домом. Их родственники, услышав о случившемся, пришли в Турс, и, получив сведения от некоторых людей, они нашли колодец и достали тела, а Инджуриос решительно отрицал свою причастность к этому делу. После этого дело дошло до суда, но поскольку он, как я уже говорил, решительно все отрицал, а у них не было возможности доказать его вину, было решено, что он должен принести присягу, что он невиновен. Но это их не удовлетворило, и они поставили суд перед королем Чилдебертом. Однако ни денег, ни уз мертвого еврея не нашли. Многие тогда говорили, что к этому преступлению причастен трибун Медард, ведь он тоже занимал деньги у еврея. Однако Инджуриос отправился на суд к королю Чилдеберту и прождал три дня до захода солнца. Но так как они не пришли и его никто не допрашивал по этому делу, он вернулся домой.

[24. Территория Пуатье опустошена, а его жители вынуждены во второй раз объявить о своей верности Гунтраму].

25. На Марилейфа, который считался главным врачом в доме короля Чилперика, они напали с особой охотой. И хотя он уже был хорошо разграблен герцогом Гарариком, эти люди во второй раз обобрали его до нитки, так что у него не осталось ничего. Они отобрали у него лошадей, золото, серебро и другие ценности и отдали его под власть церкви. Ведь его отец служил на мельницах церкви, а его братья, двоюродные братья и другие родственники были прикреплены к кухням и мельницам своих хозяев".

[26. Гундовальд разъезжает по южным городам, требуя присяги на верность. 27. Он входит в Тулузу и изгоняет епископа Магнульфа. 28. Армия Гунтрама идет на юг из Пуатье. [29. Эберульф убит Клавдием. 30. Легат Гундовальда попадает в плен к Гунтраму. 31. Гундовальд получает кусок кости пальца мученика Сергия, услышав, что один восточный король победил своего врага с помощью одной из костей пальца Сергия. 32. Два легата Гундовальда схвачены и подвергнуты пыткам. 33. Между Гунтрамом и Чилдебертом восстанавливается дружба. 34. Гундовальд укрывается в Коммингах. 35. Марш армии Гунтрама к Коммингу. 36. Люди Гунтрама за стеной оскорбляют Гундовальда, и он отвечает рассказом о своей жизни].

37. Наступил пятнадцатый день осады, когда Лейдегизель начал готовить новые орудия для разрушения города: повозки с таранами, покрытые сплетенными ветками, и доски, под которыми войско должно было двигаться вперед, чтобы разрушить стены. Но когда они приблизились, их так завалило камнями, что все, кто подошел к стене, погибли. Они бросали

на них горшки с горящей смолой и жиром и обрушивали на них кувшины, полные камней. А когда ночь закончила состязание, войско вернулось в лагерь. На стороне Гундовальда был Хариульф, очень богатый и могущественный человек, чьими кладовыми был полон город, и именно на его средства они в основном содержались. И увидел Бладаст, что делается, и испугался, что Лейдегизель одержит победу и предаст их смерти, и поджег дом епископа, а когда люди, запертые в городе, побежали тушить пожар, он ускользнул и ушел. Утром войско снова поднялось на битву, и они сделали связки прутьев, чтобы засыпать глубокую траншею, которая лежала на востоке; но здесь движитель не мог причинить вреда. А епископ Стрелец часто обходил стены в оружии и со стены своей рукой бросал камни во врага.

38. Наконец, когда нападавшие на город увидели, что ничего не могут добиться, они отправили Муммолу тайные послания со словами "Признай своего повелителя и откажись наконец от своего безумия. Что за безумие владеет тобой, чтобы стать последователем неизвестного человека? Ведь ваша жена и дочери захвачены в плен, а сыновья уже убиты. К какому концу вы идете? Чего вы ждете, кроме гибели?" Он принял их послание и ответил: "Уже сейчас, как я вижу, наше царство достигло своего конца, и власть его падает. Остается одно: если я узнаю, что у меня есть гарантия жизни, я смогу избавить вас от большой беды". Когда посланцы ушли, епископ Сагиттарий с Муммоллом, Хариульфом и Ваддо поспешили в церковь и там поклялись друг другу, что если им будет обеспечена жизнь, то они откажутся от дружбы к Гундовальду и предадут его врагу. Посланцы вернулись и пообещали им гарантию жизни. И Муммолус сказал: "Да будет так; я предам его в ваши руки, узнаю своего господина короля и поспешу к нему". Тогда они пообещали, что если он так поступит, то они примут его в свою дружбу, а если они не смогут добиться его помилования у царя, то поместят его в церковь, чтобы он избежал смертной казни. Они пообещали это с клятвой и ушли. А Муммолус отправился к Гундовальду с епископом Стрельцом и Ваддо и сказал: "Ты присутствовал при этом и знаешь, какие клятвы верности мы давали тебе. Но теперь прими полезный совет, спустись из этого города и представься своему брату, как ты часто желал сделать. Ибо мы говорили с этими людьми, и они сказали нам, что царь не хочет лишиться твоей поддержки, потому что из твоего рода осталось слишком мало людей". Но он понял их вероломство и, разрыдавшись, сказал: "По вашему приглашению я приехал к этим галлам, и из моих сокровищ, состоящих из огромного количества серебра и золота и различных ценных вещей, часть хранилась в Авиньоне, а часть досталась Гунтраму Босо. И рядом с Божьей помощью я возлагал всю свою надежду на вас, и вам доверил свои советы, и с вашей помощью всегда желал царствовать. Теперь пусть тебя рассудит Бог, если ты солгал мне. Ибо он рассудит мое дело". На это Муммол ответил: "Мы не обманываем тебя; и вот, храбрые люди стоят у ворот, ожидая твоего прихода. Теперь положи мой золоченый пояс, который ты носишь, чтобы не казалось, что ты выходишь на похвальбу, и надень свой меч, а мой отдай мне". Он отвечал: "В твоих словах есть двойной смысл, ведь ты забираешь свои вещи, которые я использовал в знак привязанности". Но Муммолус поклялся, что не причинит ему никакого вреда. Тогда они вышли за ворота, и его приняли Олло, граф Буржский, и Босо. А Муммолус вернулся в город со своими последователями и очень надежно запер ворота. И когда Гундовальд увидел, что его предали в руки врагов, он поднял руки и глаза к небу и сказал: "Вечный судья, истинный мститель за невинных, Бог, от которого исходит всякая справедливость, которому не угодна ложь, в котором нет ни лукавства, ни злой хитрости, Тебе я отдаю свое дело, молясь, чтобы Ты был скорым мстителем тем, кто предал невинного человека в руки его врагов". Сказав это, он перекрестился и отправился с людьми, о которых я уже говорил. И когда они отошли на некоторое расстояние от ворот, так как вся долина вокруг города обрывиста, его толкнул Олло и он упал, а Олло воскликнул: "Вот твой Балломер, который говорит, что он брат и сын короля". Он бросил свое копье и хотел пронзить его, но оно было остановлено звеньями почтового плаща Гундовальда и не

причинило ему вреда. Когда же он поднялся и попытался взобраться на гору, Босо бросил камень и ударил его по голове. И он упал и умер. И пришла вся толпа, и вонзили в него свои копья, и связали ему ноги веревкой, и протащили его через весь лагерь войск, и вырвали у него волосы и бороду, и оставили его непогребенным на том месте, где он был убит. На следующую ночь вожди тайно унесли все сокровища, которые смогли найти в городе, вместе с церковной утварью. Утром они открыли ворота и впустили войско, а всех простых людей внутри отдали на острие меча, зарубив и епископов Господних с их прислужниками у самых алтарей церквей. И, убив всех, так что не осталось ни одного, они сожгли весь город, и церкви, и другие здания, и не оставили ничего, кроме голой земли.

39. А Леудегизель, вернувшись в лагерь с Муммоллом, Стрельцом, Хариульфом и Ваддо, тайно послал гонцов к королю спросить, что он желает с ними сделать. И тот отдал приказ предать их смерти. Но Ваддо и Хариульф к тому времени уже оставили своих сыновей в качестве заложников и ушли. Когда пришло известие об их смерти и Муммолус услышал об этом, он надел свои доспехи и пошел к хижине Леудегиселя. И увидел его Леудегизель и сказал ему: "Почему ты идешь так, словно готов бежать?" И он отвечал: "Слово, которое было дано, не сдержать, я вижу; ибо я знаю, что близок к смерти". Но Леудегизель ответил: "Я выйду и все улажу". Он вышел, и тотчас по его приказу дом был окружен, чтобы убить Муммолла. Но он долго сопротивлялся нападавшим и наконец подошел к двери, а когда вышел, двое с копьями ударили его с каждой стороны, и он упал и умер. Увидев это, епископ был охвачен страхом, и один из прохожих сказал ему: "Посмотри своими глазами, епископ, что делается. Покрой голову, чтобы тебя не узнали, уйди в лес и спрячься на некоторое время, а когда их гнев пройдет, ты сможешь убежать". Он последовал совету, но пока он пытался скрыться с покрытой головой, некий человек выхватил меч и отрубил ему голову, капюшон и все остальное. Затем каждый из них вернулся домой, грабя и убивая по пути. В эти дни Фредегунда послала Чуппана в Тулузу, чтобы он, как можно лучше, доставил туда ее дочь. Многие говорили, что он был послан на случай, если найдет Гундовальда живым, чтобы задобрить его многими обещаниями и привести к ней. Но поскольку Чуппан не мог этого сделать, он взял Ригунду и привез ее оттуда, презирая и презирая.

[40. Захвачены сокровища Муммолла, составляющие двести пятьдесят два таланта серебра и еще большее количество золота. 41. К царю Гунтраму привозят великана "на два или три фута выше самых высоких людей". 42. Граф Буржа пытается оштрафовать "людей святого Мартина" за то, что они не приняли участия в экспедиции против Гундовальда. 43. Дезидерий, Ваддо и Хариульф бегут].

44. В это время жила женщина, которая обладала духом прорицания и, пророчествуя, принесла своим хозяевам большую выгоду; она снискала у них такую благосклонность, что ее отпустили на свободу и предоставили самой себе. И если кто-то страдал от кражи или какого-либо проступка, она сразу же говорила, куда ушел вор, кому он отдал имущество или что он с ним сделал. Каждый день она собирала золота и серебра и выходила в богатой одежде, так что в народе ее считали чем-то божественным. Но когда об этом доложили Агерику, епископу Вердена, он послал арестовать ее. Когда ее арестовали и привели к нему, он понял, согласно тому, что мы читаем в Деяниях апостолов, что в ней был нечистый дух прорицания. И когда он произнес над ней формулу экзорцизма и помазал ее лоб святым елеем, демон закричал и открыл епископу, что это такое. Но поскольку он не мог изгнать его из женщины, ей было позволено уйти. И увидела женщина, что не может жить в этом месте, и ушла к королеве Фредегунде и укрылась.

45. В этот год сильный голод угнетал почти всех галлов. Многие сушили и растирали в порошок виноградные косточки, мякину овса и корни папоротника, смешивали с ними

немного муки и пекли хлеб; многие резали солому и делали то же самое. Многие, у кого не было муки, ели разные травы, которые собирали, и от этого пухли и умирали. Многие также исхудали и умерли от голода. В то время торговцы сильно грабили народ, продавая за треть золотого куса едва ли кулек зерна или полмеры вина. Они обращали бедняков в рабство в обмен на немного еды".

[46. Торговец Кристофер убит своими саксонскими рабами, один из которых пойман и казнен. [\[EG\]](#)47. Ссора между двумя жителями Тура].

На этом заканчивается седьмая книга

ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ:

[\[60\]](#) Сальвий умер 10 сентября 584 года. Смерть Чилперика, завершающая VI книгу, произошла в 584 году.

[\[61\]](#) Гальсуэнта. См. с. [90](#).

ЗДЕСЬ НАЧИНАЮТСЯ ГЛАВЫ ВОСЬМОЙ КНИГИ

- 1. Визит короля в Орлеан.
- 2. Как ему представили епископов и как он приготовил пир.
- 3. Певцы и серебро Муммола.
- 4. Похвала королю Чилдеберту.
- 5. Видения Чилперика, которые мы с королем видели.
- 6. Те, кого я представил.
- 7. Как епископ Палладий совершал мессу.
- 8. Продиджи.
- 9. Клятва, данная сыну Чилперика.
- 10. Тела Меровеха и Хлодвиг.
- 11. Привратники и убийство Боантуса.
- 12. Епископ Теодор и чума, посетившая Ратария.
- 13. Посольство, отправленное Гунтрамом к Чилдеберту.
- 14. Опасность на реке.
- 15. Обращение дьякона Вульфилаича.
- 16. Что он рассказывал о чудесах святого Мартина.
- 17. Знамена, которые явились.
- 18. Чилдеберт посылает армию в Италию; герцоги и графы, которые назначены или смещены.
- 19. Убийство аббата Даулфуса.
- 20. Акты синода в Маконе.
- 21. Суд в Беслингене и нарушение усыпальницы.
- 22. Смерть епископов и Вандалина.
- 23. Наводнения.

- 24. Морские острова.
- 25. Остров, на котором появилась кровь.
- 26. Бывший герцог Берульф.
- 27. Дезидерий возвращается к королю.
- 28. Герменгильд и Ингунда и испанские легаты, тайно посланные к Фредегунде.
- 29. Фредегунда посылает людей, чтобы убить Чилдеберта.
- 30. Армия совершает экспедицию против Септимании.
- 31. Убийство епископа Пртекстата.
- 32. Убийство Домнолы, жены Нектария.
- 33. Сожжение Парижа.
- 34. Испытания отшельников.
-
- 35. Испанские легаты.
- 36. Убийство Магновальда.
- 37. У Чилдеберта рождается сын.
- 38. Испанцы врываются к галлам.
- 39. Смерть епископов.
- 40. Пелагий Турский.
- 41. Истребление Пртекстата.
- 42. Бепполен назначен герцогом.
- 43. Никиций назначен правителем Прованса; дела Антестия.
- 44. Человек, который хотел убить короля Гунтрама.
- 45. Смерть герцога Дезидерия.
- 46. Смерть короля Леувигильда.

НА ЭТОМ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ ГЛАВЫ ВОСЬМОЙ КНИГИ. СЛАВА БОГУ. АМИНЬ.

Восьмая книга

ВО ИМЯ ХРИСТА НАЧИНАЕТСЯ ВОСЬМАЯ КНИГА

[ЕН] 1. Царь Гунтрам на двадцать четвертом году своего царствования выступил из Шалона и направился в город Невер. Ибо он направлялся в Париж по приглашению, чтобы принять из святой купели возрождения сына Чилперика, которого они уже называли Хлотарем. И он покинул территорию Невера и пришел в город Орлеан и в то время много появлялся среди горожан, [EI] ибо, получая приглашения, он приходил в их дома и принимал предложенные ему трапезы. Он получил от них много подарков и одарил их очень щедро. И когда он пришел в город Орлеан, в тот день был праздник блаженного Мартина, а именно четвертый перед ногами пятого месяца [4 июля]. И огромная толпа народа вышла ему навстречу со штандартами и знаменами, воспевая хвалу. И здесь звучал сирийский язык, там - язык латинян, а там - даже иудеев, и все вместе они странно перекликались в разнообразных славословиях, говоря "Да здравствует царь; пусть его правление над народом длится

бесчисленное количество лет". А иудеи, которых можно было видеть участвующими в этих славословиях, говорили: "Пусть все народы почитают тебя, преклонят колена и будут тебе подчинены". И вот случилось так, что, когда царь сидел за ужином после мессы, он сказал: "Горе еврейскому племени, нечестивому, вероломному и всегда живущему хитростью! Вот чего они добивались, - сказал он, - когда сегодня выкрикивали свои льстивые похвалы, что все народы должны почитать меня как господина. [Они хотят, чтобы я приказал построить за государственный счет их синагогу, давно разрушенную христианами; но, по повелению Господа, я никогда этого не сделаю". О царь, славный своей удивительной мудростью. Он так понял хитрость еретиков, что им совершенно не удалось добиться от него того, что они собирались предложить позже. За ужином король сказал присутствовавшим епископам: "Прошу вас завтра в моем доме дать мне свое благословение и принести спасение своим приходом, чтобы я мог спастись, когда в своем смирении приму ваши слова благословения". Когда он сказал это, все поблагодарили его, и, когда ужин был закончен, мы поднялись.

2. Утром, когда король посещал святые места, чтобы вознести молитву, он пришел в мое жилище. Это была церковь святого Авита, аббата, о котором я упоминаю в своей книге чудес. Я с радостью встал, признаюсь, чтобы выйти ему навстречу, и, дав ему свое благословение, умолял его принять у меня святой хлеб святого Мартина. Он не отказался, но вежливо вошел, выпил чашку, пригласил меня на обед и ушел в хорошем настроении.

В то время Бертрам, епископ Бордо, и Палладий Сентийский были в большой немилости у короля из-за их поддержки Гундовальда, о которой мы рассказывали выше. Кроме того, епископ Палладий был особенно обижен на короля за то, что неоднократно обманывал его. Недавно их допрашивали перед остальными епископами и вельможами, почему они поддерживали Гундовальда и почему по глупости рукоположили Фаустиана в епископы Акса по его приказу. Но епископ Палладий снял вину за рукоположение со своего митрополита Бертрама и взвалил ее на собственные плечи, сказав: "Мой митрополит сильно страдал от болячек, а меня грабили, обращались со мной с оскорблениями и тащили туда против моей воли. Я не мог поступить иначе, как подчиниться тому, кто сказал, что получил полную власть над галлами". Когда это рассказали королю, он был сильно раздражен, так что его с трудом уговорили пригласить на обед этих епископов, которых он раньше отказывался видеть. Поэтому, когда Бертрам вошел, король спросил: "Кто он?". Ибо давно он его не видел. И они сказали: "Это Бертрам, епископ Бордо". И сказал ему король: "Мы благодарим тебя за то, что ты хранишь веру, как и твоя семья. Ибо я хочу, чтобы ты знал, возлюбленный отец, что ты мой родственник по материнской линии, и ты не должен был навлекать чуму из-за границы на свой народ". Когда Бертраму было сказано все это и многое другое, король повернулся к Палладию и сказал: "Ты тоже не заслуживаешь особой благодарности, епископ Палладий. Ведь ты трижды лгал мне, что трудно сказать о епископе, посылая мне сведения, полные предательства. Ты оправдывался передо мной в письме и в то же время в других письмах приглашал моего брата. Бог рассудит мое дело, поскольку я всегда старался относиться к вам как к отцам Церкви, а вы всегда были вероломны". И сказал он епископам Никасию и Антидию: "Святейшие отцы, скажите мне, что вы сделали для блага вашей страны или для безопасности моего королевства". Они ничего не ответили, и царь умыл руки и, получив благословение от епископов, сел за стол с радостным лицом и веселым поведением, как будто ничего не говорил о нанесенных ему обидах.

3. Между тем, когда обед уже наполовину закончился, король попросил меня попросить моего дьякона, который накануне пел заупокойную молитву на мессе, спеть. Когда он спел, он попросил меня попросить всех епископов, которые, по моей просьбе, пришли подготовленными, назначить каждому по одному клирику из его службы для пения перед

королем. И вот я исполнил эту просьбу по повелению короля, и они спели, каждый в меру своих сил, псалом перед королем. И когда меняли курс, царь сказал: "Все серебро, которое вы видите, принадлежало этому лжесвидетелю Муммолусу, но теперь с помощью Божьей милости оно перешло в мою собственность. Я уже переплавил пятнадцать его блюд, подобных тому, что побольше, которое ты видишь вон там, и оставил себе только это и еще одно на сто семьдесят фунтов. Зачем [хранить] больше, чем достаточно для повседневного использования? Жаль, но у меня нет другого сына, кроме Чилдеберта, а у него достаточно сокровищ, которые оставил ему отец, кроме того, что я послал ему из имущества этого негодяя, найденного в Авиньоне. Остальное должно быть отдано на нужды бедняков и церкви.

4. "Есть только одно, о чем я прошу вас, господа епископы, а именно: молитесь Бога о милости к моему сыну Чилдеберту. Ибо он человек разумный и способный, так что столь осторожного и энергичного человека, как он, едва ли можно найти за многие годы. И если Бог соизволит отдать его этим галлам, возможно, появится надежда, что благодаря ему наш род, хоть и сильно ослабленный, сможет снова подняться. И у меня есть уверенность, что это произойдет по Его милости, потому что все признаки рождения мальчика были именно такими. Ибо это был святой день Пасхи, и мой брат Сигиберт стоял в церкви, а дьякон шел в процессии со святой книгой Евангелий, и к королю пришел гонец, и слова дьякона, читавшего из Евангелий, и гонца были одинаковы: "Тебе родился сын". И когда они оба заговорили вместе, весь народ воскликнул: "Слава всемогущему Богу". Более того, он был крещен в святой день Пятидесятницы и стал царем также в святой день рождения Господа. И поэтому, если ваши молитвы будут сопровождать его, то, с Божьей помощью, он сможет править". Так говорил царь, и все молили Господа в Его милости сохранить обоих царей в безопасности. Король добавил: "Правда, его мать Брунгильда угрожает моей жизни, но я не испытываю никаких опасений на этот счет. Ибо Господь, спасший меня от рук моих врагов, спасет меня и от ее козней".

5. Затем он много говорил против епископа Феодора, утверждая, что если тот придет на синод, то он снова отправит его в изгнание, и говоря при этом: "Я знаю, что именно ради этих людей[62] он убил моего брата Чилперика. По сути, я не должен называться человеком, если не смогу отомстить за его смерть в этом году". Но я ответил: "А что убило Чилперика, если только не его собственное нечестие и не твои молитвы? Ведь он замышлял против тебя множество козней вопреки справедливости, и они привели его к смерти. И, так сказать, именно это я видел во сне, когда увидел, как его с постриженной головой посвящают в епископы, видимо, а затем я увидел, как его сажают на простое кресло, завешенное только черным, и несут с сияющими лампами и факелами, идущими перед ним". Когда я рассказал об этом, король сказал: "И я видел еще одно видение, которое предвещало его смерть. Его привели в мое присутствие, обвешанного цепями, три епископа, из которых один был Тетрик, второй Агрикола, а третий Никиций Лионский. И двое из них сказали: "Освободите его, мы просим вас, дайте ему побор и отпустите его". Но епископ Тетрик сурово ответил: "Не будет этого, но он будет сожжен огнем за свои преступления". И когда они долго обсуждали это, как бы ссорясь, я увидел вдали котёл, поставленный на огонь и яростно кипящий. Тогда я зарыдал, а они схватили несчастного Чилперика, переломали ему конечности и бросили в котел. И он тут же так расплавился и растворился в водяном паре, что от него не осталось и следа". Король рассказал эту историю, мы удивились ей, и, закончив пир, поднялись.

6. На следующий день король отправился на охоту. Когда он вернулся, я привел к нему Гарашара, графа Бордо, и Бладаста, которые, как я уже говорил, укрылись в церкви Святого Мартина, поскольку были последователями Гундовальда. Я уже обращался к ним с просьбой

о заступничестве, но безуспешно, и вот теперь я сказал: "Выслушай меня, могущественный король. Вот я послан к тебе с посольством от моего господина. Какой ответ я дам пославшему меня, если ты отказываешься дать мне ответ?" И сказал он в изумлении: "И кто же твой господин, пославший тебя?" Я улыбнулся и ответил: "Благословенный Мартин". Тогда он приказал мне привести к нему людей. И когда они вошли в его присутствие, он упрекнул их во многих предательствах и лжесвидетельствах, снова и снова называя их хитрыми лисами, но он вернул им свою благосклонность, отдав то, что он у них отнял.

7. Когда наступил день Господень, король отправился в церковь, чтобы послушать мессу. И находившиеся там братья и соратники-епископы уступили епископу Палладия честь совершить ее. Когда он начал читать пророчество, царь поинтересовался, кто он такой. И когда ему сказали, что это епископ Палладий, он сразу же разгневался и сказал: "Неужели тот, кто всегда был неверен мне и лжесвидетельствовал, теперь будет проповедовать передо мной священное слово. Я немедленно покину эту церковь и не стану слушать проповедь моего врага". С этими словами он стал покидать церковь. Тогда епископы встревожились унижением брата и сказали царю: "Мы видели, как он присутствовал на пире, который ты давал, и видели, как ты получил благословение от его руки, почему же теперь царь презирует его? Если бы мы знали, что он ненавистен тебе, мы бы прибегли к другому для совершения мессы. Но теперь, если вы позволите, пусть он продолжает начатую церемонию; завтра, если вы выдвинете против него какое-либо обвинение, пусть оно будет рассмотрено в соответствии со святыми канонами". К этому времени епископ Палладий в великом унижении удалился в ризницу. Тогда король велел отозвать его, и тот завершил начатую церемонию. Когда же Палладия и Бертрама снова позвали к царскому столу, они разгневались друг на друга и упрекнули друг друга во многих прелюбодеяниях и блуде, а также в большом количестве лжесвидетельств. Многие смеялись над этим, но некоторые, кто был острее восприятия, сетовали на то, что дьявольские сорняки так процветают среди епископов Господних. И вот они покинули царское присутствие, дав узы и гарантии, что явятся в синод в десятый день до календ девятого месяца.

[8. Список блудных дел. 9. Королева Фредегунда, три епископа и триста вельмож клянутся Гунтраму, что молодой Клотар - сын Чилперика. 10. Гунтрам обнаруживает тела сыновей Чилперика, Меровека и Кловиса, и погребает их. 11. Жизнь Гунтрама в опасности. 12. Епископ Марселя Теодор вынужден предстать перед Гунтрамом. 13. Гунтрам отправляет посольство к Чилдеберту. 14. Григорий едва не лишается жизни при переправе через Рейн, но спасается благодаря мощам святого Мартина].

15. Мы отправились в путь и прибыли в город Ивуа, где нас встретил дьякон Вульфилаич и отвел в свой монастырь, где нам оказали очень любезный прием. Этот монастырь расположен на вершине горы примерно в восьми милях от упомянутого мною города. На этой горе Вульфилаич построил большую церковь и прославил ее мощами блаженного Мартина и других святых. Оставаясь там, я стал просить его рассказать мне что-нибудь о благословении его обращения и о том, как он вступил в клир, ведь по происхождению он был лангобардом. Но он не хотел говорить об этом, так как твердо решил избежать тщеславия. Я же убеждал его страшными клятвами, сначала пообещав, что никому не разглашу того, что он расскажет, и стал просить его не скрывать от меня ничего из того, о чем я буду спрашивать. Долго сопротивляясь, он, наконец, был побежден моими уговорами и протестами и рассказал следующую историю: "Когда я был маленьким мальчиком, - сказал он, - я слышал имя блаженного Мартина, хотя еще не знал, мученик он или исповедник, и какое добро он совершил в мире, и в какой области имел заслугу получить его блаженные конечности в гробнице; и я уже совершал бдения в его честь, и если мне в руки попадали

деньги, я давал милостыню. По мере взросления я стремился к знаниям и научился писать еще до того, как узнал порядок написания букв [до того, как научился читать]. Тогда я поступил к аббату Аридию, учился у него и посещал церковь святого Мартина. Возвращаясь с ним, он взял немного праха из святой гробницы для благословения. Это он положил в маленький футляр и повесил его мне на шею. Приехав в свой монастырь на территории Лиможа, он взял этот футляр, чтобы поместить его в свой ораторий, и пыли стало так много, что она не только заполнила весь футляр, но и вырвалась на стыках, где только могла найти выход. В свете этого чуда мой разум еще больше возгорелся желанием возложить всю свою надежду на Его силу. Затем я приехал в Трев и на горе, где вы сейчас находитесь, своими руками построил жилище, которое вы видите. Я нашел здесь изображение Дианы, которой неверующие люди поклонялись как богу. Я также построил колонну, на которой с великой болью стоял босыми ногами. А когда, как обычно, наступила зима, меня так сковал ледяной холод, что от его силы у меня часто отваливались ногти на ногах, а с бороды, как свечи, свисала замерзшая влага. Ведь в этой стране, как говорят, очень холодная зима". А когда я срочно спросил его, какая у него была еда или питье и как он уничтожил изображения на горе, он сказал: "Моей едой и питьем было немного хлеба и овощей и небольшое количество воды. И когда ко мне стали стекаться толпы народа из соседних деревень, я всегда проповедовал, что Диана - ничто, что ее изображения и поклонение, которое они считают нужным соблюдать, - ничто, и что песни, которые они поют на своих кутежах и разгулах, постыдны, но правильно приносить жертву хвалы всемогущему Богу, сотворившему небо и землю. Я часто молился о том, чтобы Господь соблаговолил сбросить это изображение и освободить народ от этого заблуждения. И милость Господня обратила разум деревенских людей, чтобы они прислушались к моим словам и последовали за Господом, оставив своих идолов. Тогда я собрал некоторых из них, чтобы с их помощью сбросить огромное изображение, которое я не мог сдвинуть своими силами, так как остальные маленькие изображения я уже разбил, и это было более легкой задачей. Когда многие собрались у этой статуи Дианы, к ней привязали веревки и стали тянуть, но их усилия ни к чему не привели. Тогда я поспешил в церковь, бросился на землю и с плачем молил о божественном милосердии, чтобы сила Божья разрушила то, что человеческая энергия не в силах опрокинуть. Помолившись, я вышел к рабочим, взялся за веревку, и как только я начал тянуть, образ сразу же упал на землю, где я разбил его железными молотками и превратил в пыль. Но в этот самый час, когда я собирался принять пищу, все мое тело от подошвы до макушки было покрыто злокачественными прыщами, так что нельзя было найти места, к которому мог бы прикоснуться хоть один палец. Я пошел один в церковь и разделся перед святым алтарем. Там у меня был кувшин, полный масла, которое я принес из церкви Святого Мартина. Этим маслом я смазал все свое тело собственными руками и вскоре лег спать. Проснувшись около полуночи, я встал, чтобы совершить службу, и обнаружил, что все мое тело исцелено, как будто на мне не было ни одной болячки. И я понял, что эти язвы были посланы не иначе, как ненавистью врага. И так как он завистливо стремится навредить тем, кто ищет Бога, то епископы, которые должны были бы еще больше побуждать меня разумно продолжать начатое дело, пришли и сказали: "Этот путь, по которому ты идешь, не правильный, и такой низкого происхождения человек, как ты, не может сравниться с Симоном Антиохийским, который жил на колонне. Кроме того, положение этого места не позволяет тебе переносить трудности. Спустись скорее и живи с братьями, которых ты собрал". По их словам я спустился, так как не повиноваться епископам называется преступлением. И я ходил и ел с ними. И вот однажды епископ позвал меня в деревню, расположенную в отдалении, и послал туда рабочих с ломами, молотками и топорами, и они разрушили колонну, на которой я привык стоять. Я вернулся на следующий день и обнаружил, что все исчезло. Я горько плакал, но не мог построить заново то, что они снесли,

боясь прослыть непокорным приказу епископа. И с тех пор я довольствуюсь тем, что живу с братьями, как и сейчас".

16. А когда я попросил его рассказать немного о чудесах, которые творил в том месте блаженный Мартин, он поведал следующее: "Сын некоего Франка, занимавшего высокое положение в своем народе, был глухонемым; его привели его родственники в эту церковь, и я велел ему спать на кушетке в святом храме с моим дьяконом и еще одним слугой. Днем он предавался молитве, а ночью спал в церкви, как я уже сказал. И когда Бог сжалился над ним, блаженный Мартин явился мне в видении и сказал: "Выгони агнца из церкви, ибо он теперь исцелен". Утром я думал, что означает этот сон, когда мальчик подошел ко мне, заговорил и начал благодарить Бога, а обратившись ко мне, сказал: "Благодарю всемогущего Бога, вернувшего мне речь и слух". После этого он исцелился и вернулся домой"....

[17. Особые явления на небе, от которых Григорий ожидал, что "какая-то чума будет послана на них с неба". 18. Вторжение Чилдеберта в Италию и назначение различных герцогов и графов. 19. Аббат Дагульфус уличен в прелюбодеянии. 20. Синод собирается в Маконе. 21. Чилдеберт рассматривает обвинение в тяжком грабеже против Гунтрама Босо. 22. Различные события 585 года. 23-25. Вундеркинды. 26. Эберульф, бывший герцог Тура и Пуатье, теряет свои владения. 27. Дезидерий восстанавливает благосклонность Гунтрама. 28. Отношения с испанским королем. 29. Заговор с целью убийства Чилдеберта и его провал. 30. Гунтрам посылает две армии для нападения на Септиманию. Они грабят его собственные территории и безуспешно возвращаются назад. 31. Ссора между Фредегундой и Пртекстатом, епископом Руана. 32. Спор о виноградниках между одним из чиновников Фредегунды и Домнолой].

33. В эти дни в городе Париже жила женщина, которая говорила жителям: "Бегите из города и знайте, что он должен быть сожжен в огне". И когда многие высмеивали ее за то, что она говорит это по свидетельству жребия, из-за какого-то праздного сна или по наущению полуденного демона, она отвечала: "Это не так, как вы говорите, ибо я истинно говорю, что видела в видении человека, весь освещенного, выходящего из церкви святого Винсента, держащего в руке факел и поджигающего один за другим дома купцов". На третью ночь после того, как женщина произнесла это пророчество, в сумерках некий горожанин взял светильник, вошел в свою кладовую, взял масло и другие необходимые вещи и вышел, оставив светильник рядом с бочкой с маслом. Это был дом рядом с воротами, которые находятся на юге. От этого света загорелся и сгорел дом, а от него стали загораться другие. Тогда огонь стал угрожать узникам, но им явился блаженный Германус и, сломав столбы и цепи, которыми они были связаны, открыл дверь темницы и позволил всем узникам выйти невредимыми. Они вышли и укрылись в церкви святого Винсента, в которой находится гробница блаженного епископа. Когда пламя носилось туда-сюда по всему городу из-за сильного ветра и огонь полностью овладел им, он стал приближаться к другим воротам, где находился ораторий блаженного Мартина, который был поставлен там потому, что он исцелил там одного больного проказой поцелуем. Человек, построивший ее из переплетенных ветвей, уповая на Бога и будучи уверенным в силе блаженного Мартина, укрылся в ее стенах со своим имуществом, сказав: "Я верю и имею веру, что тот, кто так часто овладевал огнем и в этом месте поцелуем очистил кожу прокаженного, не даст огню уйти отсюда". Когда огонь приблизился, по нему пронеслись огромные массы пламени, но когда они коснулись стены оратория, то сразу же погасли. Но люди продолжали звать мужчину и женщину: "Бегите, если хотите спастись. Ибо огненная масса мчится на вас; смотрите, пепел и угли падают вокруг вас, как проливной дождь. Покиньте ораторий, иначе вы сгорите в огне". Но они продолжали молиться, и их не тронули эти слова. А женщина, вооруженная

сильнейшей верой в силу блаженного епископа, так и не отошла от окна, через которое иногда проникало пламя. И так велика была сила блаженного епископа, что он не только спас эту ораторию вместе с домом своего последователя, но и не позволил пламени повредить другие дома, находившиеся поблизости. Там пожар, вспыхнувший с одной стороны моста, прекратился. А на другой стороне он сжег все настолько полно, что только река остановила его. Однако церкви с пристроенными к ним домами не сгорели. Говорили, что этот город в древности был как бы освящен, так что в нем не только огонь не мог господствовать, но и змеи и мыши не могли появляться. Но недавно при очистке канала под мостом и удалении заполнявшей его грязи нашли бронзовых змею и мышь. Их убрали, после чего появились мыши без числа и змеи, а также начались пожары.

34. Поскольку у князя тьмы есть тысяча способов причинить вред, я расскажу о том, что недавно случилось с отшельниками, давшими обет Богу. Веннок, бретонец, ставший священником, как мы уже рассказывали в другой книге, настолько предался воздержанию, что носил только одежду из шкур, ел дикие травы в сыром виде и лишь прикасался губами к вину, так что можно было подумать, что он целует его, а не пьет. Но поскольку благочестивые люди в своей щедрости часто дарили ему сосуды с этим напитком, то, как ни печально, он научился пить безмерно и так предался этому, что его часто видели пьяным. И вот, когда его пьянство усилилось, а время шло, им овладел демон и так жестоко изводил его, что он хватался за нож или любое оружие, камень или дубину, которые попадались ему под руку, и в безумной ярости бегал за людьми. Пришлось связать его цепями и заточить в келью. Пробышевав под этим наказанием два года, он умер.

Был также Антолий из Бордо. Как рассказывают, будучи двенадцатилетним мальчиком, слугой одного купца, он попросил разрешить ему стать отшельником. Хозяин долго противился, считая, что он станет слабовольным и что в его возрасте он не сможет достичь желаемого, но в конце концов был побежден мольбами слуги и разрешил ему исполнить свое желание. Там был старый склеп, сводчатый и очень изящно построенный, а в углу его находилась маленькая келья, сложенная из тесаных камней, в которой едва хватало места для одного человека. Юноша вошел в эту келью и оставался в ней восемь лет или более, довольствуясь очень скудной пищей и питьем и посвящая себя бдениям и молитвам. После этого его охватил сильный страх, и он стал кричать, что его пытаются изнутри. Так случилось, что с помощью, как я полагаю, дьявольских воинов, он вырвал камни, закрывавшие его, развалил стену до основания и кричал, сжимая руки, что святые Божьи причиняют ему страшные мучения. И когда он долгое время пребывал в этом безумии и часто упоминал имя святого Мартина и говорил, что тот причиняет ему больше мучений, чем другие святые, его привели в Тур. Но злой дух, полагаю, из-за добродетели и величия святого, не растерзал его. Он оставался в Туре в течение года и, поскольку больше не страдал, вернулся, но впоследствии его постигла беда, от которой он был свободен здесь".

[35. Посольство из Испании к королю Гунтраму.]

36. По приказу короля Чилдеберта Магновальд был убит в его присутствии, по причинам, о которых не сообщается, следующим образом: король находился в своем дворце в городе Мец и присутствовал на спортивном состязании, в котором животное было окружено сворой собак и волновалось, когда Магновальда позвали. Он пришел и, не зная, что произойдет, стал смотреть на животное и от души смеяться вместе с остальными. Но человек, получивший приказ, увидев, что он увлечен зрелищем, поднял топор и с размаху ударил его по голове. Он упал и умер, был выброшен из окна и похоронен своими людьми. Его имущество сразу же забрали, сколько нашли, и отнесли в государственную казну.

Некоторые люди говорили, что его убили за то, что он после смерти брата забил до смерти свою жену и женился на жене брата.

[37. Рождение сына у Чилдеберта. 38. Испанская экспедиция в Галлию. 39. Смерть нескольких епископов].

40. В городе Туре жил некий Пелагий, который упражнялся во всех злодеяниях и не боялся ни одного судьи, потому что в его подчинении находились смотрители лошадей, принадлежащих фиску. Из-за этого он не переставал ни на суше, ни на реках воровать, лишать имущества, грабить, убивать и совершать всевозможные преступления. Я часто посылал за ним и как угрозами, так и ласковыми словами пытался заставить его отказаться от своих злодеяний. Но, согласно пословице Соломона, я добился от него скорее ненависти, чем какой-либо награды за справедливость: Не осуждай глупца, чтобы он не возненавидел тебя.

Этот негодяй так ненавидел меня, что часто грабил, избивал и оставлял полумертвыми людей из святой церкви, и всегда искал предлога, чтобы причинить вред собору или церкви святого Мартина. Так случилось, что однажды, когда наши люди пришли и принесли морских ежей в сосудах, он избил их, растоптал и забрал сосуды. Когда я узнал об этом, то отлучил его от церкви, но не для того, чтобы отомстить за свою обиду, а чтобы легче было исправить его от этого безумия. Но он выбрал двенадцать человек и пришел, чтобы лжесвидетельством очистить себя от этого преступления. Хотя я не желал принимать никакой клятвы, но был принужден им и моими согражданами, и поэтому я отослал остальных, принял только его клятву и приказал вернуть его в общение. Это было в первый месяц. Когда наступил пятый месяц[63], когда обычно косят луга, он вышел на луг, примыкавший к его собственному, который принадлежал монахам. Но как только он вонзил в него серп, его охватила лихорадка, и он умер на третий день. Для него была сделана гробница в церкви Святого Мартина в деревне Кандес, но когда ее вскрыли, люди нашли ее разбитой на куски. После этого его похоронили в портике церкви. Сосуды, ради которых он лжесвидетельствовал, были принесены его кладовщиком после его смерти. Здесь очевидна сила благословенной Марии, в церкви которой этот негодяй дал ложную клятву.

[41. Фредегунда обвиняется в убийстве Пртекстата. 42. Бепполен покидает Фредегунду и становится герцогом по приказу Гунтрама. 43. Палладий, епископ Сенты, вынужден предстать перед Гунтрамом. 44. Фредегунда пытается убить Гунтрама. 45. Смерть герцога Дезидерия. 46. Рихаред становится преемником Левигильда Испанского].

На этом заканчивается Восьмая книга.

ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ:

[62] Гундовальд и его последователи.

[63] Июль.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЮТСЯ ГЛАВЫ ДЕВЯТОЙ КНИГИ

- 1. Рихаред и его легаты.

- 2. Смерть блаженной Радегунды.
- 3. Человек, пришедший к царю Гунтраму с ножом.
- 4. У Чилдеберта рождается еще один сын.
- 5. Вундеркинды.
- 6. Сбивающие с пути и прорицатели.
- 7. Отстранение от должности герцога Эннодия; гасконцы.
- 8. Появление при дворе Гунтрама Босо.
- 9. Смерть Раушинга.
- 10. Смерть Гунтрама Босо.
- 11. Встреча королей.
- 12. Смерть Урсио и Бертефреда.
- 13. Баддо, который был в плену во время посольства и спустя долгое время был освобожден; дизентерия.
- 14. Примирение между епископом Эгидием и герцогом Лупусом.
- 15. Обращение Рихарета.
- 16. Его посольство к нашим королям.
- 17. Тяжелый год.
- 18. Бретонцы и смерть епископа Наматия.
- 19. Убийство Сихара, гражданина Тура.
- 20. Я отправлен к королю Гунтраму с посольством для поддержания мира.
- 21. Благотворительность и доброта короля.
- 22. Чума в Марселе.
- 23. Смерть епископа Агерика и его преемника.
- 24. Епископат Фронимия.
- 25. Армия Чилдеберта отправляется в Италию.
- 26. Смерть королевы Ингоберги.
- 27. Смерть Амало.
- 28. Красивые вещи, которые прислала королева Брунгильда.
- 29. Лангобарды просят мира у короля Чилдеберта.
- 30. Асессоры в Пуатье и Туре.
- 31. Король Гунтрам отправляет армию в Септиманию.
- 32. Вражда между Чилдебертом и Гунтрамом.
- 33. Монахиня Ингитруда отправляется к Чилдеберту, чтобы выдвинуть обвинения против своей дочери.
- 34. Ссоры между Фредегундой и ее дочерью.
- 35. Убийство Ваддо.
-
- 36. Король Чилдеберт отправляет Теодоберта, своего сына, в Суассон.
- 37. Епископ Дроктигизил.
- 38. Как некоторые хотели поступить с королевой Брунгильдой.
- 39. Скандал, разразившийся в монастыре Пуатье из-за Хродельда и Базины.
- 40. Первое начало скандала.

- 41. Драка в церкви святого Илариуса.
- 42. Копия письма, которое святая Радегунда отправила епископам.
- 43. Священник Теутер приходит, чтобы положить конец скандалу.
- 44. Погода.

НА ЭТОМ ГЛАВЫ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ

Девятая книга

ВО ИМЯ ХРИСТА НАЧИНАЕТСЯ ДЕВЯТАЯ КНИГА В ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД КОРОЛЯ ЧИЛЬДЕБЕРТА

[1. Рихаред, новый король Испании, посылает легатов к Гунтраму и Чилдеберту; Гунтрам их не принимает. 2. Смерть Радегунды].

3. В это время наступил праздник святого Марцелла, который отмечается в седьмом месяце в городе Шалоне, и король Гунтрам присутствовал на нем. И когда церемония закончилась и он подошел к святому алтарю для причастия, некий человек подошел, как бы желая что-то сказать. И когда он поспешил к царю, нож выпал у него из руки; его тотчас схватили и нашли в его руке другой нож, незаточенный. Его тотчас вывели из святой церкви, заковали в оковы и подвергли пытке, и он признался, что послан убить царя, сказав: "Такова была цель пославшего меня". Поскольку король знал, что на него направлена ненависть многих людей, и боялся, что его зарежут, он отдал приказ своим людям хорошо охранять его, и не было возможности напасть на него с мечом, если только на него не нападут в церкви, где он, как известно, стоял беззаботно и без страха. Названные люди были схвачены и многие казнены, но этого человека он отпустил живым, хотя и жестоко избитым, потому что считал преступлением, когда человека выводят из церкви и обезглавливают" [4].

[4. У Чилдеберта рождается второй сын, Теодорих. 5. Вундеркинды. Среди прочих внезапно исчезла деревня с домиками и людьми].

6. В тот год в городе Туре жил человек по имени Дезидерий, который утверждал, что он великий и может творить много чудес. Он также хвастался, что между ним и апостолами Петром и Павлом постоянно ходят гонцы. А поскольку меня не было дома, к нему стекался народ, принося слепых и хромых, но он не пытался исцелить их святостью, а обманывал их заблуждением некромантии. Ибо он приказывал энергично растягивать паралитиков и других калек, как будто собирался исцелить с помощью боли тех, чьи конечности он не мог выпрямить с помощью благословения божественной добродетели. При этом его слуги брали одного человека за руки, а другого за ноги и тянули в разные стороны, так что можно было подумать, что у них ломаются сухожилия, а когда они не исцелялись, их отсылали полумертвыми. В результате многие умирали под этими пытками. А этот негодяй был настолько самонадеян, что назвал себя блаженным Мартином Младшим и поставил себя в один ряд с апостолами. И неудивительно, что он сравнивал себя с апостолами, когда этот автор нечестия, от которого исходят подобные вещи, собирается утверждать перед концом света, что он - Христос. О том, что он был сведущ в нечестивом искусстве некромантии, стало известно из следующего факта: как говорят те, кто наблюдал за ним, когда кто-нибудь говорил о нем зло вдали и тайно, он публично обличал их и говорил: "Вы говорили обо мне так-то и так-то, и не подобает говорить такое о таком святом человеке, как я". Откуда же он

мог узнать об этом, как не от демонов, которые были его посланниками? Он носил капюшон и рубашку из козьей шерсти, на людях был воздержан в еде и питье, но втайне, когда приходил в свое жилище, набивал рот так, что слуга не мог донести ему еду так быстро, как он ее просил. Но его хитрость была раскрыта и пресечена нашими людьми, и он был изгнан с территории города. Мы не знали тогда, куда он отправился, но он сказал, что является гражданином Бордо. А за семь лет до этого был другой великий самозванец, обманувший многих своими уловками. Он был одет в рубашку без рукавов, а поверх нее - в мантию из тонкой материи и носил крест, с которого свисали маленькие бутылочки, содержавшие, как он говорил, святое масло. Он сказал, что прибыл из Испании и везет мощи блаженных мучеников Винсента диакона и Феликса. Он прибыл в Тур к церкви святого Мартина вечером, когда мы сидели за ужином, и послал приказ, сказав: "Пусть придут посмотреть на святые мощи". Поскольку час был поздний, я ответил: "Пусть благословенные мощи покоятся на алтаре, а мы пойдем посмотреть на них утром". Но он встал с первыми лучами солнца и, не дожидаясь меня, пришел со своим крестом и явился в мою келью. Я был поражен и удивлен его твердостью и спросил, что это значит. Он ответил гордым и надменным голосом: "Ты должен был оказать мне лучший прием; я донесу это до ушей царя Чилперика, и он отомстит за такое пренебрежительное отношение ко мне". Он больше не обращал на меня внимания, а пошел в ораторий и произнес один стих, затем второй и третий, начал молитву и закончил ее, все в одиночку, затем снова взял свой крест и ушел. У него был грубый стиль речи, он свободно употреблял отвратительные и непристойные выражения, и от него не прозвучало ни одного разумного слова. Он отправился в Париж. В те дни проходили общественные молебны, которые обычно совершаются перед святым днем Вознесения Господня. И когда епископ Рагнемод шел в процессии со своим народом и совершал обход святых мест, пришел этот человек с крестом и, появившись среди народа в своей необычной одежде, собрал блудниц и женщин низшего сословия, образовал свою группу и сделал попытку пройти в процессии к святым местам со своей толпой. Епископ увидел это и послал своего архидиакона сказать: "Если у тебя есть мощи святых, которые ты хочешь показать, поставь их на некоторое время в церкви и празднуй с нами святые дни, а когда обряды закончатся, иди своей дорогой". Но он не обратил внимания на слова архидиакона, а начал оскорблять и поносить епископа. Епископ увидел, что это самозванец, и приказал запереть его в келье. И, осмотрев все, что у него было, он нашел большой мешок, полный корней разных трав, а также зубы кротов, кости мышей, когти и жир медведей. Он понял, что это колдовские средства, и приказал бросить их все в реку; он отобрал у него крест и приказал изгнать его из Парижа. Но он сделал себе второй крест и начал делать то же, что и раньше, но был схвачен архидьяконом, закован в цепи и заключен под стражу. В эти дни я приехал в Париж и поселился в церкви блаженного мученика Юлиана. На следующую ночь негодяй вырвался из тюрьмы и поспешил к упомянутой церкви святого Юлиана, надев цепи, которыми был скован, опустился на мостовую, где я привык стоять, и, одолеваемый сонливостью и вином, заснул. Не зная об этом, я поднялся в полночь, чтобы вознести благодарность Богу, и обнаружил его спящим. От него исходило такое зловоние, что оно превосходило вонь всех сточных канав и уборных. Я не мог войти в церковь из-за зловония. И один из священнослужителей пришел, держась за нос, и попытался разбудить его, но не смог, ибо тот был так опьянен. Тогда пришли четверо священнослужителей, подняли его и бросили в один из углов церкви, принесли воды, вымыли мостовую и рассыпали на ней душистые травы, и я вошел в церковь, чтобы вознести обычные молитвы. Но его не удавалось разбудить, даже когда мы пели псалмы, пока с наступлением дня факел солнца не поднялся выше. Тогда я сдал его епископу с просьбой о помиловании. Когда епископы собрались в Париже, я рассказал об этом за ужином и велел привести его для исправления. И когда он стоял в стороне, Амелий, епископ Тарбский, взглянул на него и узнал в нем своего раба, который сбежал. Он добился его

помилования и отвел в родные места. Есть много тех, кто практикует подобные самозванства и постоянно вводит простых людей в заблуждение. Именно о них, я думаю, Господь говорит в Евангелии, что в последние времена появятся лжехристы и лжепророки, которые будут творить знамения и чудеса и введут в заблуждение самых избранных. Пусть этого будет достаточно для данной темы; давайте лучше вернемся к нашей задаче.

[7. Эннодий, герцог Тура и Пуатье, отстранен от должности. Гасконцы вторгаются на территорию Франкии, а также готы. 8. Чилдеберт желает наказать Гунтрама Босо за оскорбления, нанесенные им Брунгильде во время несовершеннолетия Чилдеберта. 9. Раухингус, Урсио и Бертефред, враги Брунгильды, замышляют смерть Чилдеберта. Раухингус попадает в ловушку и жестоко убит. Урсио и Бертефред укрываются в крепости].

10. Пока все это происходило, король Гунтрам во второй раз послал к своему племяннику Чилдеберту, сказав: "Пусть не будет задержки; приди, чтобы я мог увидеть тебя. Ведь как для твоей собственной жизни, так и для общественного благополучия необходимо, чтобы мы виделись". Услышав это, он взял свою мать, сестру и жену и поспешил на встречу с дядей. Присутствовал также епископ Магнерик из города Трев, пришел и Гунтрам Босо, которого епископ Агерик Верденский взял под стражу. Но епископа, который поклялся за него в своей вере, не было, потому что по уговору он должен был предстать перед королем без защитника, чтобы, если король решит, что он должен умереть, епископ не мог его отпустить, а если король дарует ему жизнь, он выйдет на свободу. И вот короли встретились, и его признали виновным по разным основаниям и приказали предать смерти. Узнав об этом, он прилетел в жилище Магнерика и, затворив двери и отослав дьяков и слуг, сказал: "Благословеннейший епископ, я знаю, что ты пользуешься большой честью у королей. И вот я бегу к тебе, чтобы спастись. Вот, палачи стоят у дверей, и ты можешь знать, что если ты не спасешь меня, то я убью тебя, выйду на улицу и умру. Скажу тебе прямо, что либо одна смерть настигнет нас, либо равная жизнь защитит нас. О святой епископ, я знаю, что ты разделяешь с королем место отца для его сына^[64], и я уверен, что все, о чем бы ты ни попросил, ты получишь от него; он не сможет отказать твоей святости во всем, что ты потребуешь. Поэтому либо добейся моего помилования, либо мы умрем вместе". Он говорил это с обнаженным мечом. Епископ был встревожен услышанным и сказал: "Как же я могу это сделать, если ты держишь меня здесь. Позволь мне пойти просить милости у короля, и, возможно, он сжалится над тобой". Но тот ответил: "Ни в коем случае, но пошлите аббатов и людей, которым вы доверяете, чтобы они передали послание, которое я предлагаю". Однако королю об этом не доложили, а сказали, что его защищает епископ. И тогда король разгневался и сказал: "Если епископ откажется выйти, пусть умрет вместе с этим делателем нечестия". Епископ, когда ему сказали об этом, послал к царю гонцов. И когда они рассказали свою историю, царь Гунтхрам сказал: "Подожгите дом, и если епископ не сможет выйти, пусть их сожгут вместе". Услышав это, дьяки силой выломали дверь и вывели епископа. Тогда злодей, увидев, что его со всех сторон охватывает сильный огонь, подошел к двери с мечом. Но как только он покинул порог и ступил наружу, один из людей сразу же метнул копье и ударил его в лоб. От этого удара он растерялся, потерял голову и попытался бросить меч, но его ранили прохожие таким множеством копий, что, когда головки воткнулись в его тело, а древки поддерживали его, он не смог упасть на землю. Несколько человек, бывших с ним, были убиты и обнажены на поле боя в одно и то же время. И разрешение на их погребение было получено от князей лишь с трудом. Этот человек был неверным, погрязшим в скупости, жадным до чужого имущества до предела, клялся всем и не выполнял своих обещаний. Его жена и сыновья были отправлены в изгнание, а имущество конфисковано. В его хранилищах было найдено огромное количество золота и серебра, а также ценностей разного рода. Более того, то, что он скрывал под землей от сознания своей

неправоты, не осталось тайной. Он часто прибегал к помощи прорицателей и жребия, желая узнать от них будущее, но всегда был обманут.

[11. Гунтрам и Чилдеберт улаживают свои разногласия мирным путем. 12. Урсио и Бертефред выбиты из своей крепости и убиты. 13. Баддо отпущен на свободу. В Меце свирепствует дизентерия. Жена Вилиульфа выходит замуж в третий раз. 14. Епископ Реймский Эгидий заключает мир с Чилдебертом].

[EQ]15. В то время в Испании король Рихаред под влиянием божественной милости созвал епископов своей религии и сказал им: "Почему между вами и епископами, называющими себя католическими, постоянно происходят ссоры, и когда они совершают множество чудес по своей вере, почему вы не можете сделать ничего подобного? Поэтому я прошу вас, позвольте нам встретиться с ними и рассмотреть верования обеих сторон и выяснить, что истинно; а затем либо пусть они примут наш план и верят в то, что вы говорите, либо вы признаете их истину и верите в то, что они проповедуют". Так и было сделано, епископы обеих сторон собрались, и еретики изложили доктрины, которые я часто описывал, как они отстаивали. Точно так же епископы нашей религии выступили с ответами, с помощью которых, как я уже отмечал в предыдущих книгах, еретики часто терпели поражение. И прежде всего король сказал, что ни одного чудесного исцеления недужных не совершили епископы еретиков, и когда он вспомнил, как во времена его отца епископ, хваставшийся тем, что может вернуть зрение слепым своей верой, которая не была истинной, прикоснулся к слепому и [таким образом] обрек его на вечную слепоту и пришел в смятение - я рассказал эту историю более подробно в книге "Чудеса", - он вызвал к себе епископов Божьих отдельно. И, расспросив их, он узнал, что это один Бог, которому поклоняются с различием трех лиц, а именно Отца, Сына и Святого Духа, и Сын не ниже Отца и Святого Духа, и Святой Дух не ниже Отца и Сына, но они равны и одинаково всемогущи, и в этой Троице они исповедуют истинного Бога. Тогда Рихаред понял истину и, прекратив спор, поставил себя под католический закон, и, приняв знамение благословенного креста вместе с крещением, уверовал в Иисуса Христа, сына Божьего, равного Отцу и Святому Духу, царствующего во веки веков. Аминь. Затем он послал гонцов в провинцию Нарбонна, чтобы рассказать о своем поступке и привести людей к такой же вере. Епископом арианской секты там в то время был Афалок, который своими суетными доктринами и ложными толкованиями Писания причинил столько бед Божьим церквям, что его считали тем самым Арием, который, как повествует историк Евсевий, лишился своих внутренностей в тайнике. Но когда он не позволил людям своей секты поверить в эти вещи и лишь немногие лъстили ему, соглашаясь с ним, его охватила злоба, и он удалился в свою келью, положил голову на постель и испустил дух своей ничтожной души. И таким образом еретики в провинции исповедовали нераздельную Троицу и отступили от заблуждения".

[16. Король Рихаред отправляет посольство к Гунтраму и Чилдеберту. Гунтрам его не принимает. 17. Необычайно холодная весна. 18. Бретонцы разоряют территорию Нанта].

19. Вражда между жителями Тура, которая, как мы уже говорили, была прекращена, вспыхивает с новой силой. После убийства родственников Храмсинда Сихар очень подружился с ним, и они так полюбили друг друга, что часто ели вместе и спали в одной постели. Однажды Храмсинд приготовил ужин на ночь и пригласил Сичара. Тот пришел, и они сели вместе ужинать. Сихар напился вина и много хвастался перед Храмсиндом, и, как рассказывают, в конце концов сказал: "Дорогой брат, ты должен быть мне очень благодарен за то, что убил своих сородичей, ведь ты получил за них плату и у тебя в доме много золота и

серебра, и если бы эта плата не дала тебе начало, ты был бы сейчас голым и нуждающимся". Но Храмсинд выслушал слова Сихара с горьким сердцем и сказал про себя: "Если я не отомщу за смерть своих сородичей, я должен потерять имя мужчины и прослыть слабой женщиной". И тут же он погасил свет и вонзил свой кинжал в голову Сичара. Сичар издал слабый крик, тут же упал и умер. Пришедшие с ним сопровождающие бросились прочь. Храмсинд снял с безжизненного тела одежду, повесил ее на пикет ограды, сел на коня и поехал к королю. Войдя в церковь, он бросился к ногам царя и сказал: "Молю о жизни моей, о славный царь, потому что я убил людей, которые тайно убили моих родственников и разграбили все их имущество". Но когда дело было подробно рассмотрено, королева Брунгильда была недовольна тем, что Сичар, который находился под ее защитой, был убит таким образом, и разгневалась на Храмсинда. Увидев, что она против него, он отправился в Буж, деревню на территории Буржа, где жили его сородичи, потому что она находилась в королевстве Гунтрама. А Транквилла, жена Сихара, оставила своих сыновей и имущество мужа в Туре и Пуатье и отправилась к своим родственникам в Пон-сюр-Сен и там снова вышла замуж. Сихару было двадцать лет, когда он умер. При жизни он был непостоянным, пьяным и кровожадным человеком, который в пьяном виде оскорблял многих. Позже Храмсинд вернулся к королю, и было решено, что он должен доказать, что Сичар убил его сородичей. Он так и сделал. Но поскольку королева Брунгильда, как мы уже говорили, взяла Сичара под свою защиту, она приказала конфисковать имущество Храмсинда. Но позже оно было возвращено придворным Флавианом. Кроме того, он отправился в Аген и получил от Флавиана письмо, предписывающее никому не трогать его. Флавиан получил свое имущество от царицы.

20. В тот год, который был также тринадцатым годом короля Чилдеберта, я навестил его в городе Мец и получил приказ отправиться с посольством к королю Гунтраму. Я нашел его в Шалоне и сказал: "О знаменитый царь, твой славный племянник Чилдеберт шлет тебе многочисленные приветствия и бесконечно благодарит твою доброту, потому что ты постоянно напоминаешь ему о том, что нужно делать то, что угодно Богу, угодно тебе и полезно людям. Что касается дел, о которых вы говорили вместе, он обещает выполнить все и обязуется не нарушать ни одного из соглашений, заключенных между вами в письменной форме". На это царь сказал: "Я не приношу ему благодарности, потому что его обещания, данные мне, нарушаются. Моя часть Сенлиса не сдана; людей, которых я хотел отпустить для моего блага, поскольку они мои враги, они не отпустили. И в каком смысле вы хотите сказать, что мой милый племянник не желает нарушить ни одного из своих письменных соглашений?" На это я ответил "Он не желает поступать вопреки этим соглашениям, но обещает выполнить их все, так что если вы пожелаете послать людей для раздела Сенлиса, то не нужно медлить, ибо вы сразу же получите своих. А что касается людей, о которых ты упоминаешь, пусть их имена будут названы письменно, и все обещанное будет исполнено". Мы обсудили эти вопросы, и король приказал еще раз зачитать сам договор в присутствии сторонних наблюдателей.

Копия договора.

Когда прекраснейшие сеньоры, короли Гунтрам и Чилдеберт, и славнейшая сеньора королева Брунгильда с любовью встретились во имя Христа в Анделоте, чтобы с полным советом уладить все, что могло бы стать причиной ссоры между ними, то при посредничестве епископов и главных людей и с помощью Божьей было ласково улажено, решено и согласовано между ними, что, пока всемогущему Богу угодно, чтобы они жили в этом мире, они должны хранить друг для друга веру и привязанность чистыми и непорочными. Так же, поскольку владыка Гунтрам в соответствии с соглашением, которое он

заклучил с владыкой Сигибертом доброй памяти, утверждал, что вся доля, которую Сигиберт получил от королевства Хариберта, полностью принадлежит ему, и [поскольку] партия владыки Чилдеберта желала требовать от всех того, чем владел его отец, между ними определенно и намеренно согласовано, что треть города Парижа с его территорией и людьми, которая перешла к владыке Сигиберту от королевства Хариберта по письменному соглашению, с замками Шатодун и Вандом, а также все, что упомянутый король получил от округа Этамп и территории Шартра в этом направлении, с их землями и людьми, должны были навсегда остаться под властью и управлением владыки Гунтрама, с тем, чем он владел ранее от королевства Хариберта, пока был жив владыка Сигиберт. Таким же образом король Чилдеберт утверждает свое право отныне на Мо и на две трети Сенлиса, Тура, Пуатье, Авранша, Аира, Сен-Лизье, Байонны и Альби с их территориями. При этом соблюдается условие, что тот из этих королей, кого Господь пожелает оставить в живых, будет иметь вечное право на все королевство того, кто отоидет от света нынешнего мира без детей, и с Божьей помощью оставит его своим потомкам. Особо условлено, что все, что господин царь Гунтхрам дал или по Божьей милости даст своей дочери Клодхильд в товарах и людях, как города, так и земли, и доходы, должно оставаться в ее владении и управлении. И если она пожелает по своей воле распорядиться землями, принадлежащими фиску, или ценными вещами, или деньгами, или одарить ими кого-либо, пусть это будет сохранено с хорошим титулом навечно и не будет отнято ни у кого ни в какое время, и пусть она будет под защитой и покровительством лорда Чилдеберта, поскольку она должна обладать во всем почете и безопасности всем, что он найдет у нее во владении после смерти ее отца. Точно так же господин король Гунтрам обещает, что если в неопределенности человеческой жизни господину Чилдеберту случится покинуть свет еще при жизни, - пусть божественная благодать не допустит этого и Гунтрам не желает этого, - он примет под свою защиту и опеку как добрый отец сыновей Чилдеберта Теодоберта и Теодорика и всех других, кого Бог пожелает ему дать, чтобы они владели королевством своего отца в полной безопасности; и он примет под свое покровительство с духовной любовью мать владыки Чилдеберта, королеву Брунгильду, и ее дочь Хлодосинду, сестру короля Чилдеберта, пока она находится в стране франков, и его королеву Файлеубу, как добрую сестру и дочерей, и они будут владеть всем своим имуществом во всей чести и достоинстве с миром и безопасностью, а именно городами, землями, доходами и всеми правами, и всякого рода имуществом, как тем, чем они действительно владеют в настоящее время, так и тем, что они могут справедливо приобрести в будущем с помощью Христа, и если они пожелают распорядиться чем-либо из земель фиска, или вещей, или денег по своей воле, или подарить их кому-либо, пусть это будет сохранено с хорошим титулом навсегда, и пусть их воля в этом отношении не будет игнорироваться кем-либо в любое время. Что же касается городов, а именно Бордо, Лиможа, Кагора, Лескара и Съэтата, которые, как известно, Галсунта, сестра госпожи Брунгильды, приобрела в качестве приданого или *морганегибы*, то есть утреннего дара, когда пришла во Франкию, и которые, как известно, госпожа Брунгильда приобрела по решению славного господина короля Гунтрама и франков, когда Чилперик и король Сигиберт были еще живы, и договорились, что госпожа Брунгильда будет иметь в своей собственности с сегодняшнего дня город Кагор с его землями и всеми его жителями, а другие города, названные, господин Гунтрам будет держать, пока он жив, при условии, что после его смерти они перейдут по Божьей милости со всеми гарантиями под управление госпожи Брунгильды и ее наследников, но пока господин Гунтрам жив, они не должны ни в какое время и ни под каким предлогом быть востребованы госпожой Брунгильдой или ее сыном королем Чилдебертом или его сыновьями. Точно так же решено, что лорд Чилдеберт будет владеть Сенлисом целиком, а что касается трети, причитающейся лорду Гунтраму, то она будет компенсирована третьей, принадлежащей лорду Чилдеберту, которая находится в

Рессоне.[Также решено, что в соответствии с договорами, заключенными между владыкой Гунтрамом и владыкой Сигибертом блаженной памяти, *леуды*, которые первоначально присягнули владыке Гунтраму после смерти владыки Хлотаря, если впоследствии будет доказано, что они перешли на другую сторону, должны быть удалены из мест, где они живут, и таким же образом должны быть удалены те, кто после смерти короля Хлотаря признан виновным в том, что сначала присягнул на верность владыке Сигиберту, а затем перешел на другую сторону. Также все, что упомянутые короли передали церкви или своим приверженцам, или в будущем по Божьей милости пожелают передать в соответствии со справедливостью, должно быть надежно сохранено. И все, что причитается кому-либо из их людей в обоих королевствах по закону и справедливости, он не должен терпеть никакого ущерба, но ему будет позволено взять и удержать то, что ему причитается; и если что-либо будет отнято у кого-либо без вины с его стороны в период междоусобицы, будет проведено слушание и это будет восстановлено. А что касается того, чем каждый владел благодаря щедрости предыдущих королей вплоть до смерти славного короля Клотара, то пусть хранит это в безопасности. И все, что было отнято с тех пор у верных людей, пусть они немедленно получают обратно. И поскольку во имя Бога между упомянутыми королями установилась чистая и незапятнанная дружба, было решено, что ни в одном из королевств не будет отказано в проезде людям любого короля, желающим отправиться в путь по государственным или частным делам. Также было решено, что ни один из них не должен заманивать других *леудов* или принимать их, когда они приходят. И если кто-то считает, что из-за какого-то поступка ему придется бежать в другую часть, пусть он будет оправдан по характеру вины и отправлен обратно. Было решено также добавить к соглашению следующее: если кто-либо из сторон в какое-либо время нарушит настоящий устав под влиянием какого-либо хитроумного толкования, он лишится всех выгод как будущих, так и настоящих, и это обернется в пользу того, кто верно соблюдает все, что написано выше, и он будет во всех деталях освобожден от обязательства своей клятвы. Все эти вопросы были определенно согласованы, и стороны клянутся именем всемогущего Бога и нераздельной Троицы, и всего божественного, и ужасного дня суда, что они будут верно соблюдать все, что написано выше, без какого-либо мошенничества или обмана. Этот договор был заключен за четыре дня до календ декабря в двадцать шестой год правления господина короля Гунтрама и в двенадцатый год правления господина Чилдеберта.

Когда договор был зачитан, король сказал: "Да поразит меня суд Божий, если я нарушу хоть одно из содержащихся здесь положений". И он обратился к легату Феликсу, который пришел с нами, и сказал: "Скажи мне, Феликс, установил ли ты тесную дружбу между моей сестрой Брунгильдой и Фредегундой, врагом Бога и человека?" Когда он ответил "нет", я сказал: "Пусть король будет уверен, что дружба между ними поддерживается, как она была начата много лет назад. Ибо ты можешь быть уверен, что ненависть, которая когда-то установилась между ними, жива до сих пор, она не угасла. Я желаю, чтобы вы, славнейший король, меньше дружили с ней. Ведь, как мы часто узнаем, вы принимаете ее посольства с большим радушием, чем наши". Он отвечал: "Позволь мне сказать тебе, епископ Божий, что я принимаю ее посольства так, чтобы не потерять расположение моего племянника короля Чилдеберта. Ибо я не могу быть дружен с той, которая не раз посылала лишить меня жизни". На это Феликс сказал: "Полагаю, до твоего величия дошло, что Рихаред отправил посольство к твоему племяннику, чтобы просить в жены племянницу Хлодозинду, дочь твоего брата. Но он не захотел давать никаких обещаний без твоего совета"[EW] Король сказал: "Нехорошо, если моя племянница отправится туда, где была убита ее сестра. Я совсем не рад, что смерть моей племянницы Ингунды не отомщена". Феликс ответил "Они очень хотят исправиться либо с помощью клятвы, либо на любых других условиях, которые ты предложишь; но только дай свое согласие на то, чтобы Клотосинда была обручена с ним, как он того просит". Король

сказал: "Если мой племянник будет соблюдать соглашения, которые он заключил в договоре, я исполню его волю в этом деле". Мы пообещали, что он все выполнит, и 1600 Феликс добавил: "Он умоляет твою милость оказать ему помощь против лангобардов, чтобы они были изгнаны из Италии и та часть, на которую претендовал его отец при жизни, вернулась к нему, а другая часть с твоей и его помощью была возвращена под власть императора". Король ответил: "Я не могу послать свою армию в Италию и бесполезно подвергать солдат смерти. Ведь сейчас в Италии свирепствует жестокая чума". И я сказал: "Ты велел своему племяннику, чтобы все епископы его королевства собрались вместе, поскольку предстоит решить много вопросов. Но твой славный племянник считал, что каждый митрополит, согласно обычаю каноников, должен собраться со своими провинциалами, и тогда то, что пошло не так в каждом округе, будет исправлено по приказу епископов. По какой причине должно собраться такое большое количество людей? Вера Церкви не подвергается никакой опасности; не появляется никакой новой ереси. Какая необходимость в том, чтобы столько епископов собирались вместе?" И он сказал: "Нам предстоит разобраться во многом, что произошло: и в актах кровосмешения, и в вопросах, которые обсуждаются между нами. Но самое важное дело - это дело Божье, поскольку вы должны выяснить, почему епископ Пртекстат был убит мечом в своей церкви. Кроме того, необходимо провести экспертизу тех, кого обвиняют в распутстве, чтобы в случае признания их виновными они могли быть исправлены по приговору епископов, а если они окажутся невиновными, то чтобы ложность обвинения была публично признана". Затем он отдал распоряжение перенести синод на календы четвертого месяца.^[65] После этой беседы мы отправились в церковь; это был день годовщины воскресения Господня. После мессы он пригласил нас на обед, который был столь же обилен блюдами, сколь и весел. Ведь король постоянно говорил о Боге, строительстве церквей и помощи бедным, а потом благочестиво шутил и, чтобы порадовать нас, сказал следующее: "Я надеюсь, что мой племянник сдержит свои обещания, ибо все, что у меня есть, принадлежит ему. Но если его беспокоит то, что я принимаю легатов моего племянника Клотара, то я не так уж и зол, не правда ли, но что я могу стать посредником между ними и не дать беде зайти дальше? Я знаю, что лучше прервать их, чем зайти слишком далеко. Если я решу, что Клотар - мой племянник, я отдам ему два или три города в какой-то части, чтобы не казалось, что он лишен наследства, и то, что я оставлю Чилдеберту, не будет его беспокоить". После этого разговора он велел нам отправляться в путь, ласково обращаясь с нами и нагружая нас подарками, и велел нам всегда давать королю Чилдеберту добрые советы для жизни.

21. Сам король, как мы уже не раз говорили, был велик в милостыне и неутомим в бдениях и постах. В то время рассказывали, что Марсель сильно страдал от бубонной чумы и что болезнь быстро распространилась вплоть до деревни в стране Лиона под названием Октавус. Но король, как и подобает доброму епископу, предусмотрел средства, с помощью которых можно было бы исцелить раны грешных людей, и приказал всем собраться в церкви и предаться молитве. Он приказал не принимать в пищу ничего, кроме ячменного хлеба и чистой воды, и чтобы все без перерыва несло бдение. Так и было сделано, и в течение трех дней он раздавал милостыню с большей, чем обычно, щедростью и проявлял такой страх за весь народ, что теперь его считали не просто королем, но епископом Божиим, возлагая всю свою надежду на милосердие Божье и в чистоте своей веры обращая все свои помыслы к Тому, Кто, как он верил, мог привести эти помыслы в исполнение. В то время среди верующих часто рассказывали, что одна женщина, чей сын страдал от четырехдневной лихорадки и лежал в постели очень больной, подошла к спине короля в толпе народа, тайно оторвала бахрому от королевской одежды, положила ее в воду и дала выпить сыну, и сразу же лихорадка утихла, и он исцелился. Я не считаю это сомнительным, поскольку сам слышал,

как люди, одержимые бесами, в ярости призывали Его имя и признавали свои злодеяния, признавая Его силу.

22. Поскольку выше мы рассказали, что город Марсель был болен смертоносной чумой, представляется уместным рассказать подробнее о том, от чего страдал город. В эти дни епископ Феодор отправился к королю, чтобы поговорить с ним против патриция Никия. Но, не получив от короля Чилдеберта никаких известий по этому поводу, он собрался возвращаться домой. В это время в порт зашел корабль из Испании со своими обычными товарами и, к несчастью, привез семя этой болезни. Многие горожане покупали на нем различные товары, а один дом, в котором было восемь душ, быстро опустел, и все его обитатели умерли от этой чумы. Но огонь чумы не сразу распространился по всем домам, а после определенного времени, как огонь в стоячем зерне, охватил весь город пламенем болезни. Однако епископ отправился в город и закрылся в стенах церкви святого Виктора с теми немногими, кто тогда остался с ним, и там предался молитве и бдению, пока жители города погибали, молясь о милости Божьей, чтобы смерть наконец прекратилась и люди могли упокоиться с миром. Чума прошла через два месяца, а когда люди, успокоенные, вернулись в город, болезнь пришла снова, и вернувшиеся погибли. В дальнейшем город еще много раз подвергался нападению этой смерти.

[23. Агерик, епископ Вердена, умирает от досады, потому что Гунтрам Босо, за безопасность которого он поручился, был убит, и потому что Бертефред был убит в его оратории. 24. Фроний - новый епископ Ванса. 25. Чилдеберт начинает войну с лангобардами и терпит поражение, "подобного которому в прежние времена не припомнят". 26. Григорий помогает королеве Ингоберге составить завещание].

27. Герцог Амало отправил свою жену в другое поместье, чтобы она занималась его интересами, и влюбился в некую свободнорожденную девушку. И когда наступила ночь и Амало напился вина, он послал своих людей схватить девушку и привести ее в свою постель. Она сопротивлялась, и они силой привели ее в его дом, давая ей пощечины, и она была запятнана потоком крови, которая текла у нее из носа. И даже постель вышеупомянутого герцога была окровавлена этим потоком. И он тоже бил ее, нанося удары кулаками, надевая наручники и избивая ее иным способом, и взял ее на руки, но его тут же одолела сонливость, и он уснул. И она протянула руку над головой мужчины, и нашла его меч, и выхватила его, и, подобно Юдифи Олоферн, нанесла герцогу мощный удар по голове. Он вскрикнул, и его рабы быстро подошли. Но когда они хотели убить ее, он воскликнул: "Умоляю вас, не делайте этого, ибо это я совершил зло, пытаюсь нарушить ее целомудрие. Пусть она не погибнет за то, что пыталась сохранить свою честь". Сказав это, он умер. И пока все собравшиеся плакали над ним, девушка с Божьей помощью вырвалась из дома и ночью отправилась в город Шалон, расположенный в тридцати пяти милях от него; там она вошла в церковь святого Марцелла и бросилась к ногам короля, рассказав обо всем, что ей пришлось пережить. Тогда царь был милостив и не только даровал ей жизнь, но и повелел отдать приказ, чтобы она находилась под его защитой и не терпела вреда ни от кого из родственников умершего. Более того, мы знаем, что с Божьей помощью целомудрие девушки не было нарушено ее жестоким насильником" [28].

[28. Посланник Брунгильды к испанскому королю задержан Гунтрамом. 29. Чилдеберт посылает войско против лангобардов].

[FB]30. Король Чилдеберт по приглашению епископа Маровея отправил в Пуатье заседателей: Флориентиана, майордома королевы, и Ромульфа, графа дворца, чтобы они составили новые налоговые списки, дабы народ платил те налоги, которые платил во

времена его отца. Ведь многие из них умерли, и тяжесть дани легла на вдов, сирот и немощных. И они, проведя упорядоченный осмотр, освободили бедных и больных и обложили государственным налогом тех, кто должен был платить по справедливости. И так они пришли в Тур. Когда же они пожелали возложить уплату налогов на народ, говоря, что у них в руках книга, показывающая, как платили при прежних царях, я ответил, сказав: "Хорошо известно, что город Тур был обложен налогами во времена короля Хлотаря, и эти книги были доставлены в присутствие короля, но король был поражен страхом перед святым епископом Мартином, и они были сожжены. После смерти короля Хлотаря этот народ присягнул на верность королю Хариберту, и тот также поклялся, что не будет навязывать народу новых законов и обычаев, но впредь будет поддерживать его в том состоянии, в котором он жил в правление его отца, и обещал, что не будет вводить никаких новых постановлений, которые могли бы привести к его разорению. А граф Гайсо в это же время начал взимать дань, следуя капитулярию, который, как мы уже говорили, был написан в более древние времена. Но, остановленный епископом Евфронием, он с тем малым, что успел собрать, отправился к королю и указал на капитулярий, в котором содержалась дань. Но король застонал и, опасаясь власти святого Мартина, приказал сжечь его, а собранные золотые монеты отослал обратно в церковь святого Мартина, утверждая, что никто из жителей Тура не должен платить дань. После его смерти король Сигиберт правил этим городом и не возлагал на него тяжести дани. Более того, за четырнадцать лет своего правления со дня смерти отца и до настоящего времени Чилдеберт ничего не требовал, и этот город не стонал от бремени дани. Теперь вам решать, взимать дань или нет; но будьте осторожны, чтобы не причинить вреда, если вы задумаете пойти против его клятвы". Когда я сказал это, они ответили: "Вот, у нас в руках книга, в которой на этот народ был наложен налог". Но я сказал: "Эта книга не была принесена из царской сокровищницы, и она уже много лет не имеет никакой силы. Неудивительно, что, учитывая вражду между этими гражданами, она хранилась в чьем-то доме. Бог произведет суд над теми, кто достал эту книгу спустя столько времени, чтобы погубить наших граждан". В то время как это происходило, сын Аудина, который вынес книгу, в тот же день заболел лихорадкой и через три дня умер. Тогда мы послали гонцов к царю с просьбой прислать свои распоряжения по этому поводу. И они сразу же прислали письмо с приказом, чтобы из уважения к святому Мартину жители Тура не подвергались обложению. Получив письмо, люди, прибывшие с этой целью, вернулись домой".

[31. Экспедиция короля Гунтрама против Септимании терпит поражение. 32. Недоразумение между Чилдебертом и Гунтрамом. 33. Ссора между Ингитрудой, начальницей монастыря в стенах Святого Мартина, и ее дочерью].

34. Ригунда, дочь Чилперика, часто выдвигала против своей матери злобные обвинения и говорила, что она госпожа и что мать должна ей служить,^[FC] и часто нападала на нее с оскорблениями, а иногда била и давала пощечины, и мать говорила ей: "Что ты мне досаждаешь, дочка? Подойди, возьми вещи твоего отца, которые у меня есть, и делай с ними, что хочешь". И она пошла в кладовую и открыла сундук, доверху набитый ожерельями и дорогими драгоценностями. Долго доставала она их одно за другим и передавала дочери, но наконец сказала: "Я устала; ты протяни руку и возьми то, что найдешь". И она протянула руку и стала доставать вещи из сундука, когда мать схватила крышку и обрушила ее ей на голову. Она держала ее крепко, и нижняя доска давила на горло дочери так, что глаза готовы были выскочить, когда одна из служанок, находившихся внутри, громко позвала: "Бегите, умоляю вас, бегите, моя госпожа задыхается своей матери". И те, кто ожидал их прихода снаружи, бросились в маленькую комнату, спасли девушку от грозившей ей смерти и вывели

ее. После этого их вражда стала еще ожесточеннее, между ними постоянно происходили ссоры и драки, прежде всего из-за прелюбодеяний, в которых была виновна Ригунда.

35. Беретруда, умирая, назначила свою дочь наследницей, оставив некоторое имущество основанным ею женским монастырям, а также соборам и церквям святых исповедников. Но Ваддо, о котором мы упоминали в одной из предыдущих книг, пожаловался, что его лошадей забрал ее зять, и предложил отправиться в ее поместье, которое она оставила дочери и которое находилось на территории Пуатье, сказав: "Он приехал из другого королевства и забрал моих лошадей, а я заберу его поместье". Тем временем он послал приказ судебному приставу о своем приезде и о том, чтобы все было готово для его использования. Пристав, услышав об этом, собрал всех домашних и приготовился к бою, сказав: "Если меня не убьют, Ваддо не войдет в дом своего господина". Жена Ваддо услышала, что против ее мужа готовятся к войне, и сказала ему: "Не ходи туда, дорогой муж, ибо тебя убьют, если ты пойдешь, и я и мои дети будем несчастны". И она ухватила за него и хотела задержать его, и сын ее также сказал: "Если ты уйдешь, нас убьют вместе, и ты оставишь мою мать вдовой, а моих братьев сиротами". Но и эти слова не удержали его, и он воспылал бешенством на сына, и, назвав его трусливым и мягкотелым, бросил свой топор и чуть не разможил ему череп. Но сын отбросил его в сторону и избежал удара. Тогда они сели на коней и уехали, послав еще раз приставке, чтобы та подмела дом и расстелила на скамьях покрывала. Но тот не обратил внимания на приказ и стоял с толпой мужчин и женщин перед дверью своего господина, как мы уже говорили, ожидая прихода Ваддо. Тот пришел, сразу же вошел в дом и сказал: "Почему эти скамьи не застелены покрывалами, а дом не подметен?" И, подняв руку с кинжалом, он ударил человека по голове, и тот упал и умер. Увидев это, сын покойника метнул свое копье спереди в Ваддо и ударом пронзил ему середину живота, наконечник копья вышел из спины, и он упал на землю, а собравшаяся толпа приблизилась к нему и стала побивать его камнями. Тогда некоторые из тех, кто шел с ним, бросились к нему под ливень камней и накрыли его плащом, и народ успокоился, а сын его, издавая скорбные вопли, посадил его на коня и повез домой еще живым. Но вскоре он умер под плач жены и сыновей. Так несчастливо закончилась его жизнь, а сын отправился к царю и получил его имущество.

[36. Чилдеберт посылает своего сына Теодоберта представлять его в Суассоне. 37. Епископ Дроктигизиль сходит с ума от чрезмерного пьянства или потому, что над ним совершались злые искусства. 38. Заговор против Брунгильды и жены Чилдеберта. 39-43. Подробный рассказ об отделении сорока монахинь из монастыря в Пуатье с приложением документов, связанных с этим делом. 44. Погода].

На этом заканчивается Девятая книга.

ФУТБОЛ:

[64] Крестный отец.

[65] Июнь.

ВО ИМЯ ХРИСТА ЗДЕСЬ НАЧИНАЮТСЯ ГЛАВЫ ДЕСЯТОЙ КНИГИ

- 1. Папа Григорий Римский.
- 2. Возвращение легата Гриппо от императора Маврикия.

- 3. Армия короля Чилдеберта отправляется в Италию.
- 4. Император Маврикий отправляет убийц легатов к галлам.
- 5. Чуппа нападает на территорию Тура.
- 6. Пленники в Клермонте.
- 7. В том же городе король Чилдеберт снимает дань с духовенства.
- 8. Евлалий и Тетрадия, бывшая его женой.
- 9. Армия короля Гунтрама, отправившаяся в Бретань.
- 10. Убийство камергера Чундо.
- 11. Болезнь младшего Клотара.
- 12. Злодеяние Бертегунды.
- 13. Аргумент о воскресении.
- 14. Смерть дьякона Теодульфа.
- 15. Скандал в монастыре в Пуатье.
- 16. Суд над Хродильдом и Базиной.
- 17. Их отлучение от церкви.
- 18. Убийцы, посланные к королю Чилдеберту.
- 19. Удаление Эгидия, епископа Реймского.
- 20. Упомянутые выше монахини помилованы на этом синоде.
- 21. Убийство сыновей Ваддо.
- 22. Убийство саксонца Чилдерика.
- 23. Вундеркинды и неопределенность в отношении Пасхи.
- 24. Разрушение Антиохии.
- 25. Смерть человека, который сказал, что он Христос.
- 26. Смерть епископов Рагнимода и Сульпиция.
- 27. Люди, которых Фредегунда приказала предать смерти.
- 28. Крещение ее сына Клотара.
- 29. Обращение, чудеса и смерть блаженного Аридиуса, аббата Лиможского.
- 30. Год.
- 31. Список епископов Тура.

ЗДЕСЬ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ ГЛАВЫ ДЕСЯТОЙ КНИГИ

Десятая книга

ВО ИМЯ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ДЕСЯТАЯ КНИГА

1. В пятнадцатый год правления короля Чилдеберта наш диакон вернулся из Рима с мощами святых и рассказал, что в девятом месяце предыдущего года река Тибр так затопила город Рим, что древние храмы были разрушены, а церковные кладовые опрокинуты и в них пропало несколько тысяч мер пшеницы. По руслу этой реки в море спустилось множество змей, среди которых была огромная змея, похожая на большое бревно, но эти существа были

задушены бурными и солеными морскими волнами и выброшены на берег. Сразу же после этого наступила чума, которую они называют *inguinaria*.^[66] Она пришла в середине одиннадцатого месяца, и, согласно тому, что читается у пророка Иезекииля: "Начни со святилища моего", она прежде всего поразила папу Пелагия и вскоре убила его. После его смерти от этой болезни последовала большая смертность в народе. Но так как церковь Божия не могла быть без главы, весь народ избрал Григория диакона.[Он принадлежал к одному из первых сенаторских родов, с юности был предан Богу и на свои средства основал шесть монастырей в Сицилии и седьмой в римских стенах; отдав им столько земли, сколько хватало на пропитание, он продал остальное и всю мебель своего дома, а вырученные деньги раздал бедным; И тот, кто привык появляться в городе в шелковых одеждах и сверкающих драгоценностях, теперь был одет в дешевые одежды, посвятил себя служению алтарю Господню и был назначен седьмым левитом в помощь папе. И таким было его воздержание в еде, бессонница в молитве, решимость в посте, что желудок его ослаб, и он едва мог стоять прямо. Он был настолько сведущ в грамматике, диалектике и риторике, что считался непревзойденным в городе. Он всеми силами старался избежать этого высокого поста, опасаясь, что гордость, вызванная достижением этой чести, может вернуть его к мирской суете, которую он отверг. Поэтому он отправил письмо императору Маврикию, чьего сына он вынул из святой купели, прося и умоляя его многими молитвами никогда не давать своего согласия на то, чтобы народ возвел его на это почетное место. Но Германус, префект Рима, преследовал посланника, приказал арестовать его и уничтожить письмо, а сам отправил императору выбор, который сделал народ. И император за свою дружбу^[FK] с диаконом возблагодарил Бога, что тот нашел почетное место, и послал свое повеление назначить его.....

[Из-за чумы Григорий обращается к жителям Рима с просьбой встретить ее молитвой].

Когда он произнес эти слова, собрались группы духовенства, и он велел им три дня петь псалмы и молить Бога о милости. Каждые три часа хоры певчих приходили в церковь, возглашая по улицам города "Kyrie eleison". Наш дьякон, который был там, рассказал, что за один час, пока люди произносили крики мольбы к Господу, восемьдесят человек упали на землю и умерли. Но епископ не переставал призывать людей не прекращать молитву. Именно от Григория, когда он был еще диаконом, наш диакон получил мощи святых, как мы уже говорили^[FL].

И когда Григорий готовился уйти в укрытие, его схватили и силой привели в церковь блаженного апостола Петра и там посвятили в епископы и сделали папой города. Наш диакон не уходил до тех пор, пока Григорий не вернулся из порта, чтобы стать епископом, и он видел его рукоположение своими глазами.

2. Гриппо вернулся от императора Маврикия и сообщил, что в предыдущем году он и его спутники сели на корабль, высадились в одном из африканских портов и отправились в Карфаген Великий. Пока они оставались там, ожидая распоряжений префекта, находившегося в городе, о том, как им добраться до императора, один из людей Эвантия, вышедший с ним, выхватил из рук торговца ценную вещь и отнес ее к ним в ночлежку. Владелец вещи последовал за ним и потребовал вернуть свое имущество. Но тот отталкивал его, и ссора день ото дня становилась все сильнее, и однажды торговец встретил его на улице, схватил за одежду и держал, говоря: "Я не отпущу тебя, пока ты не вернешь в мое владение то, что взял силой". Но тот, попытавшись стряхнуть его, без колебаний выхватил меч и убил парня, а тот сразу же вернулся в ночлежку, но не стал рассказывать о случившемся своим товарищам. Как я уже сказал, легатами были Бодигизель, сын Муммолина из Соассона, Эвантий, сын Динамия из Арля, и этот Гриппо, франк, и они встали

после ужина и улеглись отдохнуть и поспать. Когда же о поступке их человека стало известно правителю города, он собрал воинов, и все люди надели доспехи, и он отправил их на ночлег. Но легаты были поражены, когда их разбудили и увидели, что происходит, не ожидая этого. Тогда вождь воскликнул: "Отложите оружие и выйдите к нам, чтобы мы могли мирно узнать, как произошло убийство". Услышав это, они встревожились, так как еще не знали, что произошло, и попросили клятву, чтобы можно было спокойно выйти без оружия. Мужчины поклялись, что смогут, но их поспешность не позволила им сдержать клятву. Но вскоре после того, как Бодигизил вышел, они убили его мечом, а заодно и Эвантия. И когда они лежали перед дверью ночлежки, Гриппо схватил свои доспехи и вышел к ним с теми, кто был с ним, сказав: "Мы не знаем, что случилось, и вот товарищи моего путешествия, посланные к императору, лежат убитые мечом. Бог отомстит за нашу ошибку и искупит их смерть вашей гибелью, раз вы так убиваете нас, когда мы не причиняем вам вреда, а пришли с миром. Не будет больше мира между нашими царями и вашим императором. Мы пришли за миром и для того, чтобы принести помощь вашему государству. Сегодня я призываю Бога в свидетели того, что именно из-за твоего преступления обещанный мир между князьями больше не будет соблюдаться". Когда Гриппо произнес эти и другие подобные слова, карфагенский отряд разошелся, и каждый вернулся в свой дом. Префект отправился к Гриппо, попытался успокоить его относительно этих событий и договорился, чтобы он отправился в присутствие императора. Он пошел и рассказал, по какому делу его послали, а также описал судьбу своих товарищей. На это император сильно раздосадовался и пообещал отомстить за их смерть в соответствии с тем приговором, который вынесет король Чилдеберт. После этого Гриппо получил от императора подарки и вернулся, не подвергаясь нападкам.

3. Об этих делах Гриппо рассказал королю Чилдеберту, который сразу же приказал своей армии отправиться в Италию и послал двадцать герцогов покорять лангобардов. Я не считал нужным приводить здесь их имена по порядку. Но герцог Аудовальд с Винтрио отправил в поход жителей Шампани и, подойдя к городу Мец, который находится на пути, грабил, убивал и жестоко обращался с жителями так, что можно было подумать, будто он ведет армию против собственной страны. Так же поступили и другие герцоги со своими фалангами, разоряя свою страну и оставшихся в ней людей, прежде чем одержать победу над врагом. Когда они достигли итальянской границы, Аудовальд с шестью герцогами вторгся на правую сторону и дошел до города Милана, а там разбил свой лагерь в отдалении на равнине. А герцог Оло опрометчиво отправился в Беллинцону, твердыню этого города, расположенную на равнине под названием *Канини*, и был ранен дротиком в сосок, упал и умер. Кроме того, когда они отправились грабить, чтобы добыть себе пропитание, их убили лангобарды, которые набросились на них отовсюду. На территории Милана было озеро под названием *Церезиум*^[67], из которого вытекал небольшой, но глубокий ручей. На берегу этого озера они слышали, что лангобарды расположились лагерем. Они подошли к нему, но не успели переправиться через упомянутый нами ручей, как один из лангобардов, стоявший на берегу, вооруженный почтовым плащом и шлемом, с копьем в руке, закричал на войско франков, говоря: "Сегодня выяснится, кому божество дарует победу". Можно понять, что лангобарды устроили это как знак. Тогда несколько человек, переправившись, сразились с этим лангобардом и убили его. И вот все войско лангобардов обратилось в бегство. Наши люди переправились через реку, но не нашли никого из них, а увидели только лагерь, где они развели костры и поставили палатки. И когда они не смогли никого из них захватить, то вернулись в свой лагерь, и там к ним пришли легаты императора, принеся весть о том, что войско уже близко, чтобы помочь им, и сказав: "Через три дня мы придем с ним, и это будет для вас знаком: когда вы увидите, что дома этой деревни, которая находится на горе, горят огнем и дым поднимается к небу, будьте уверены, что мы уже близко с войском, которое мы

обещали". Однако они ждали, как было условлено, шесть дней и не увидели, что никто из них не пришел.

А Хединус с тринадцатью герцогами вошел в Италию слева, взял пять крепостей и потребовал клятвы верности. Но его войско сильно поразила дизентерия, потому что воздух был нов для его людей и не нравился им, и многие умерли от нее. Но когда поднялся ветер, пошел дождь и воздух немного посвежел, вместо болезни пришло здоровье. Почему? Около трех месяцев они скитались по Италии, ничего не добившись и не имея возможности отомстить врагам, поскольку те были заперты в крепостях, или захватить короля и отомстить ему, поскольку он был заперт в стенах Павии, и тогда войско заболело, как мы уже говорили, из-за нездорового воздуха, ослабело от голода и приготовилось вернуться домой, потребовав клятвы верности и подчинив королю жителей той страны, которой прежде владел его отец и из которой они взяли пленных и другую добычу. И, возвращаясь, они так изголодались, что продали свои доспехи и одежду, чтобы купить еды до прихода в родные места.....

4. Маврикий связал карфагенян, убивших в прошлом году легатов короля Чилдеберта, и, нагрузив их цепями, отправил к Чилдеберту, в количестве двенадцати человек, на таких условиях: если он захочет предать их смерти, то должен получить разрешение; если же он позволит выкупить их, то должен получить за каждого по триста золотых и быть довольным; и таким образом он должен выбрать, что пожелает, чтобы разногласия были скорее забыты и между ними больше не возникало причин для вражды. Но король Чилдеберт отказался принять связанных людей и сказал: "Я не знаю, кто эти люди, которых вы привели, - убийцы или другие, возможно, чьи-то рабы, тогда как наши люди, убитые в вашей стране, были свободнорожденными". Гриппо, в частности, который в то время был легатом вместе с убитыми, присутствовал при этом и сказал: "Префект города с двумя или тремя тысячами человек, которых он собрал, напал на нас и убил моих товарищей; и я бы погиб вместе с ними, если бы не смог мужественно защищаться. Я могу отправиться на место и опознать этих людей. Именно их должен наказать ваш император, если, как вы говорите, он намерен сохранить мир с нашим господином". И тогда царь решил послать к императору за виновными и велел им удалиться.

5. В эти дни Чуппа, который когда-то был коннетаблем короля Чилперика, вторгся на территорию Тура и хотел забрать стада и другое имущество, как если бы он брал добычу. Но жители были предупреждены, собралась толпа и начала преследовать его. Он потерял добычу, а двое из его людей были убиты: он спасся ни с чем, а двое других были схвачены; их отправили в оковах к королю Чилдеберту. Тот приказал бросить их в темницу и допросить, с чьей помощью Чуппа спасся от захвата преследователями. Они ответили, что это произошло благодаря хитрости наместника Анимодуса, который имел власть судьи в этом округе. Тогда король послал письмо и приказал графу города отправить его в цепях к королю, а если он попытается сопротивляться, то должен был сокрушить его силой и даже убить, если он хочет добиться расположения короля. Но Анимод не стал сопротивляться, а дал поручителей и отправился, как ему было велено, и, найдя Флавиана-судью, вместе со своим товарищем подал прошение и не был признан виновным; их оправдали и приказали вернуться домой. Однако сначала он подарил судебному чиновнику подарки. Во второй раз Чуппа поднял часть своих людей и задумал похитить дочь Бадигизеля, бывшего епископа Манса, чтобы жениться на ней. Он совершил ночное нападение с отрядом своих приближенных на деревню Марейль, чтобы выполнить свою цель, но Магнатруда, мать девушки и глава семьи, предупредила его и его вероломство; она вышла против него со своими рабами и отразила его силой, убив многих его людей; и он не ушел без позора.

[6. Чудесное освобождение заключенных в тюрьме в Оверни].

[FO]7. В том же городе король Чилдеберт благочестивейшим образом отменил все подати церквей, а также монастырей, духовенства, приписанных к церкви, и тех, кто занимался обработкой церковной земли. Ибо сборщики дани терпели большие убытки, поскольку в течение долгого времени и последующих поколений поместья были разделены на мелкие части и дань удавалось собирать лишь с трудом, и Чилдеберт по вдохновению Божьему распорядился, чтобы беда была устранена и сумма, причитающаяся фиску с них, не взыскивалась со сборщиков, и чтобы недоимка не лишала ни одного обработчика церковной земли его бенефиция.

[FP]8. Там, где встречаются территории Оверни, Геводана и Руэрга, состоялся синод епископов, чтобы рассмотреть дело против Тетрадии, вдовы Дезидерия, от которой граф Евлалий требовал имущество, которое она забрала с собой, когда бежала от него. Я считаю, что должен рассказать об этом деле во всех подробностях и о том, как она оставила Евлалия и бежала к Дезидерию. Евлалий, как и подобает юноше, вел себя в некоторых делах неразумно, и так получилось, что он часто подвергался упрекам со стороны матери и стал ненавидеть ее, когда должен был любить. Она часто предавалась молитве в оратории своего дома и проводила ночные часы в молитвах и слезах, пока ее слуги спали, и наконец ее нашли задушенной в волосяной рубашке, в которой она молилась. И хотя никто не знал, кто это сделал, тем не менее в убийстве обвинили ее сына. Когда Каутин, епископ Клермонта, узнал об этом, он отлучил его от церкви. Но когда горожане собрались вместе с епископом на праздник блаженного мученика Юлиана, Евлалий бросился к ногам епископа, жалуясь, что его отлучили без слушания. Тогда епископ разрешил ему присутствовать на службе мессы вместе с остальными. Но когда наступило время причастия и Евлалий подошел к алтарю, епископ сказал: "В народе говорят, что ты убийца. Я не знаю, совершил ли ты это преступление или нет, поэтому оставляю это на суд Божий и блаженного мученика Юлиана. Ты же, если в силах, как говоришь, подойди, возьми часть Евхаристии и вложи в уста. Ибо Бог познает твою совесть". Евлалий принял Евхаристию, причастился и отошел. У него была жена, Тетрадия по имени, знатная по материнской линии, но низкого звания по отцу. И в своем доме он взял служанок в наложницы и стал пренебрегать своей женой, а когда возвращался от этих блудниц, то часто жестоко бил ее. Кроме того, из-за своих многочисленных злодеяний он наделал много долгов и часто использовал драгоценности и золото своей жены для их покрытия. Наконец, когда его жена оказалась в таком тяжелом положении, поскольку потеряла весь почет, который был у нее в доме, а сам он ушел к царю, Вирус, так звали племянника ее мужа, влюбился в нее и захотел жениться на ней, поскольку потерял свою жену. Однако Вирус испугался вражды своего дяди и отправил женщину к герцогу Дезидерию с намерением жениться на ней позже. Она взяла с собой все имущество мужа - и золото, и серебро, и одежду, и все, что могла взять, вместе со старшим сыном, а младшего сына оставила дома. Евлалий вернулся из путешествия и узнал о случившемся. И когда горе его улеглось и он немного отдохнул, то бросился на своего племянника Вируса и убил его в узкой долине Оверни. А Дезидерий, недавно потерявший жену, услышал, что Вирус убит, и женился на Тетрадии. Евлалий же силой увел девушку из монастыря в Лионе и женился на ней. Но его наложницы, движимые завистью, как говорят некоторые, сделали ее безумной с помощью злых искусств. Спустя долгое время Евлалий тайно напал на Эмерия, двоюродного брата этой девушки, и убил его. Таким же образом он убил Сократия, брата своей сводной сестры, которую отец имел от наложницы. Он совершил и множество других преступлений, о которых не хватит слов. Иоанн, его сын, уехавший с матерью, сбежал из дома Дезидерия и отправился в Овернь. А Иннокентий, будучи теперь кандидатом на епископство Родеза, послал к нему Евлалия с сообщением, что с помощью Иннокентия он

сможет вернуть принадлежащее ему по праву имущество на территории этого города. Иннокентий ответил: "Если я получу одного из твоих сыновей, чтобы сделать его клириком и оставить себе в помощь, я сделаю то, о чем ты просишь". Евлалий послал мальчика по имени Иоанн и получил назад свое имущество. А Иннокентий принял мальчика, обрил ему волосы на голове и отдал его на попечение архидиакона своей церкви. И он стал настолько воздержанным, что ел ячмень вместо пшеницы, пил воду вместо вина, использовал осла вместо лошади и носил самую скучную одежду. И вот епископы и ведущие мужи собрались, как мы уже говорили, у границ упомянутых городов, и Тетрадию представлял Агин, а Евлалий явился, чтобы выступить против нее. Когда Евлалий потребовал от нее вещи, которые она взяла из его дома, когда ходила к Дезидерию, Тетрадии было приказано вернуть взятое вчетверо, а дети, которые были у нее от Дезидерия, были объявлены незаконнорожденными; они также постановили, что если она заплатит Евлалию то, что ей было приказано заплатить ему, то она получит свободу отправиться в Овернь и без помех пользоваться имуществом, которое досталось ей от отца. Так и было сделано.

[9. Гунтрам отправляет экспедицию против бретонцев, которая оказывается неудачной].

[FR]10. В пятнадцатый год[FQ] короля Чилдеберта, который является двадцать девятым годом Гунтрама, когда король Гунтрам охотился в Вогезском лесу, он обнаружил следы убийства буйвола. И когда он сурово потребовал у хранителя леса, кто осмелился сделать это в королевском лесу, тот назвал Чундо королевским камергером. После этого он приказал арестовать Чундо и отвести его в Шалон, нагрузив цепями. Когда же они встретились в присутствии царя и Чундо сказал, что никогда не предполагал совершить то, в чем его обвиняют, царь приказал устроить суд с боем. Тогда камергер предложил своему племяннику вступить в бой вместо него, и оба вышли на поле; юноша метнул копье в хранителя леса и пронзил ему ногу, а тот тут же упал на спину. Тогда юноша выхватил меч, висевший у него на поясе, но, пытаясь перерезать горло упавшему противнику, сам получил удар кинжалом в живот. Оба упали замертво. Увидев это, Чундо бросился бежать к церкви святого Марцелла. Но король крикнул, чтобы схватили его, прежде чем он коснется священного порога, и он был пойман, привязан к колу и побит камнями. После этого царь очень раскаивался в том, что в гневе проявил себя так опрометчиво, что поспешно убил за пустяковую вину человека, который был ему верен и полезен".

[11. Король Клотар опасно болен. 12. Ингитруда, настоятельница монастыря при церкви Святого Мартина, умирает, распорядившись, чтобы ее непокорной дочери не разрешали даже молиться у ее гробницы. 13. Один из священников Григория "заражен зловредным ядом саддукейской ереси".[68] Он побежден в споре Григорием. 14. История о пьяном священнике Теодульфе, который падает со стены Анжера и погибает].

15. Скандал, который с помощью дьявола разразился в монастыре в Пуатье, разгорался с каждым днем, и Хродильд[69] сидела вся готовая к раздору, собрав к себе, как я уже говорил, убийц, колдунов, прелюбодеев, беглых рабов и людей, виновных во всех прочих преступлениях. И вот она отдала им приказ ворваться ночью в монастырь и утащить из него настоятельницу. Но та слышала приближающийся шум и попросила отнести ее к ларцу с мощами святого креста[70], ибо ее мучила подагра, думая, что с их помощью она будет в безопасности. Соответственно[71], когда мужчины вошли, зажгли свечи и с оружием наготове спешили по монастырю в поисках ее, они вошли в ораторий и нашли ее лежащей на земле перед ларцом со святым крестом. Тогда один из них, который был свирепее остальных, придя с целью совершить это преступление, а именно разрубить настоятельницу надвое мечом, получил удар ножом от другого, чему, как я полагаю, способствовало божественное провидение. Хлынула кровь, и он упал на землю, так и не исполнив клятву,

которую дал по глупости. Тем временем Юстина,[72] настоятельница, и другие сестры взяли с алтаря ткань, которая лежала перед крестом Господним, и накрыли ею настоятельница, одновременно погасив свет. Но тут подоспели люди с мечами и копьями, разорвали на монахинях одежду и чуть не раздробили им руки и схватили настоятельница вместо настоятельница, так как было темно, сорвали с нее одежды и растрепали волосы, вытащили ее и унесли, чтобы поставить под охрану в церкви святого Илария; но, когда забрезжил рассвет, они увидели, что это не настоятельница, и тут же велели женщине вернуться в монастырь. Те тоже вернулись, схватили настоятельница, утащили ее и заточили возле церкви святого Илария в том месте, где жила Базина[73], поставив у дверей стражу, чтобы никто не оказал помощи пленнице. В ближайшие сумерки они вошли в монастырь и, не найдя свечей для освещения, взяли из кладовой бочку, которую поставили и оставили сушиться, подожгли ее, и, пока она горела, был большой свет, и они разграбили все убранство монастыря, оставив только то, что не смогли унести. Это случилось за семь дней до Пасхи. И так как епископ был огорчен всем этим и не мог успокоить эту дьявольскую распрю, он послал к Хродильду, сказав: "Отпусти настоятельница, чтобы ее не держали в темнице в эти дни; иначе я не буду праздновать праздник Пасхи Господней и ни один катехумен не примет крещения в этом городе, если ты не прикажешь освободить настоятельница из заточения, в котором ее держат. А если ты откажешься отпустить ее, я созову горожан и спасу ее". Сказав это, Хродольд назначил убийц, сказав: "Если кто попытается увести ее насильно, сразу же уколите его мечом". В те дни приехал Флавиан; его недавно назначили *domesticus*, и с его помощью настоятельница вошла в церковь святого Илария и получила свободу. В это время у гробницы святой Радегунды[74] совершались убийства, а перед самым ларцом, где хранились мощи святого креста, в беспорядке зарубили несколько человек. И поскольку безумие это ежедневно усиливалось из-за гордыни Хродольда, а постоянные убийства и другие насильственные деяния, о которых я говорил выше, совершались ее фракцией, и она так раздулась от хвастовства, что с возвышенным презрением смотрела на свою кузину Базину, последняя начала раскаиваться и говорить: "Я поступил неправильно, поддержав надменную Хродольду. Вот я стала для нее объектом презрения и выставлена бунтовщицей против своей настоятельница". Она изменила свой курс, смирилась перед настоятельница и попросила мира с ней; и они были единодушны в своих мыслях и целях. Когда же снова начались бесчинства, люди, находившиеся при настоятельница, отражая нападение приверженцев Хродильда[75], ранили одного из людей Базины, и тот упал замертво. Но люди настоятельница укрылись за настоятельница в церкви Исповедника, и по этой причине Басина оставила настоятельница и ушла. Но люди бежали во второй раз, и настоятельница и Басина снова вступили дружеские отношения, как и прежде. Впоследствии между этими группировками возникло множество распрей;[76] и кто бы мог описать словами такие раны, такие убийства и такие злодеяния, когда едва ли проходил день без убийства, или час без ссоры, или мгновение без слез. Король Чилдеберт услышал об этом и отправил посольство к королю Гунтраму с предложением, чтобы епископы обоих королевств встретились и наказали эти деяния в соответствии с канонами. И король Чилдеберт приказал моей скромной персоне[77] заседать по этому делу вместе с Эберегизелем Кельнским и самим Маровеем, епископом Пуатье; а король Гунтрам послал Гундигизилия Бордосского со своими провинциалами, поскольку тот был митрополитом этого города. Но я стал возражать, сказав: "Я не поеду в это место, пока мятеж, возникший из-за Хродильда, не будет подавлен судьей силой"[78]. По этой причине Макко, который был тогда графом, было послано повеление, в котором ему приказывалось подавить мятеж силой, если они будут сопротивляться. Хродильд услышала об этом и приказала своим убийцам встать вооруженными перед дверью оратории, думая, что они будут сражаться против судьи, и если он захочет применить силу, то они будут

сопротивляться с такой же силой. Поэтому графу пришлось идти туда с вооруженными людьми и бить одних дубинами, других пронзать копьями, а когда они оказали яростное сопротивление, напасть на них и одолеть мечом. Увидев это, Хродильд взяла крест Господень, чудодейственную силу которого она прежде презирала, и вышла к ним навстречу, сказав: "Не делайте мне насилия, прошу вас, ибо я королева, дочь одного короля и двоюродная сестра другого; не делайте этого, чтобы не пришло время мне отомстить вам". Но толпа не обратила внимания на ее слова, а бросилась, как я уже говорил, на сопротивляющихся, связала их и потащила из монастыря, привязала к кольям и жестоко избивала, отрезала волосы одним, руки другим, а многим - уши и нос, и восстание было подавлено, и воцарился мир. Затем присутствовавшие епископы собрались на церковный трибунал, и появился Хродильд, который высказал много оскорблений в адрес настоятельницы и много обвинений, утверждая, что в монастыре есть мужчина, который носит женскую одежду и к которому относятся как к женщине, хотя было очень ясно показано, что он мужчина, и что он постоянно прислуживает самой настоятельнице, а она указывает на него пальцем и говорит: "Вот он сам". И когда этот человек предстал перед всеми в женской одежде, как я уже говорил, он сказал, что был импотентом и поэтому надел эту одежду; но он не знал настоятельницу, кроме как по имени, и утверждал, что никогда не видел ее и не разговаривал с ней, поскольку жил более чем в сорока милях от города Пуатье. Тогда, не доказав вины настоятельницы в этом преступлении, она добавила: "Какая святость в этой настоятельнице, которая делает мужчин евнухами и приказывает им жить с ней, как если бы она была императрицей?" Настоятельница, будучи допрошена, ответила, что ничего не знает об этом деле. Тем временем, когда Хродильд назвал имя человека, который был евнухом, явился Реоваль, главный врач, и сказал: "Этот человек в детстве был болен в бедре и так страдал, что жизнь его была безнадежна; мать его отправилась к святой Радегунде просить, чтобы ему уделили внимание. Но она позвала меня и велела оказать посильную помощь. Тогда я кастрировал его так, как однажды видел, как это делали врачи в Константинополе, и вернул мальчика в добром здравии его скорбящей матери; я уверен, что настоятельница ничего не знает об этом деле". Когда Хродилду не удалось доказать вину настоятельницы и по этому обвинению, она принялась яростно выдвигать другие. Но я решил, что будет лучше включить в мое повествование обвинения и опровержения каждого из них в том виде, в каком они содержатся в решении, вынесенном в отношении этих же лиц.

16. Копия решения. Славнейшим королям присутствующие епископы^[79] [шлют приветствия]. По благоволению Божию религия должным образом раскрывает свои дела перед благочестивыми и православными королями, которые даны народу и которым дарована страна, хорошо зная, что при посредничестве святого духа она становится соучастницей постановления правителей и поддерживается им. И поскольку в соответствии с повелением ваших величеств мы собрались в Пуатье в связи с ситуацией в монастыре Радегунды святой памяти, чтобы из первых рук разобраться в спорах между настоятельницей упомянутого монастыря и монахинями, покинувшими паству без веской причины; Мы созвали стороны и допросили Хродильда и Базину, почему они так дерзко ушли вопреки правилу, сломав двери монастыря, и почему объединенная община в это время разделилась на две части. В ответ они заявили, что не могут больше терпеть голод, наготу и, прежде всего, побои; они также добавили, что несколько мужчин купались в их бане вопреки приличиям, и что настоятельница играет в игры, и что мирские люди обедают с ней, и что в монастыре действительно произошло обручение; что она нечестиво сшила платье для своей племянницы из шелковой алтарной ткани, и что она легкомысленно взяла золотые листья, которые были на кайме алтарной ткани, и грешно повесила их на шею своей племяннице; и что она сделала для своей племянницы филейную часть с золотыми украшениями без всякой надобности, и что она устроила маскарад^[80] в монастыре. Мы спросили настоятельницу, что

она может ответить на это, и она сказала, что что касается жалобы на голод, то они никогда не терпели слишком больших лишений, учитывая бедность того времени. Что же касается одежды, то, по ее словам, если бы кто-нибудь осмотрел их ящики, [то обнаружил бы], что у них ее больше, чем нужно. Что же касается обвинения по поводу бани, то она рассказала, что баня была построена во время Великого поста и что из-за неприятного запаха известняка, дабы новизна здания не навредила купальщикам, госпожа Радегунда приказала слугителям монастыря пользоваться ею как обычным делом, пока не исчезнет весь вредный запах. Слуги пользовались им весь Великий пост и до Пятидесятницы. На это Хродольд отвечал: "И позже таким же образом многие мужчины мылись в разное время".

Настоятельница ответила, что не одобряет того, что они сообщили, но не знает, правда ли это; кроме того, она поставила им в вину, что они не сообщили настоятельнице, если видели это. Что касается игр, в которые она играла, то она ответила, что играла, когда была жива леди Радегунда, и это не считалось грехом, и сказала, что ни в правиле, ни в канонах не было письменного упоминания об их запрете. Однако по приказу епископов она пообещала, что склонит голову и совершит любую епитимию, какую потребуют. Что касается обедов, то, по ее словам, она не вводила никаких новых обычаев, а просто предлагала православным благословенный хлеб, как это делалось при леди Радегунде, и против нее не может быть доказано, что она когда-либо обедала с ними. Что касается обручения, то она сказала, что получила залог^[81] за свою племянницу, сироту, в присутствии епископа, духовенства и ведущих людей, и если это грех, то она попросит прощения в присутствии всех; однако даже по этому случаю она не устраивала пир в монастыре. В ответ на обвинение об алтарной ткани она привела одну монахиню из знатного рода, которая преподнесла ей в дар шелковую мантию, полученную от родственников, и она отрезала часть этой мантии, чтобы делать с ней все, что пожелает, а из оставшейся части, которой было достаточно, сшила подходящую ткань для украшения алтаря, а лоскутки, оставшиеся от алтарной ткани, использовала для отделки пурпуром туники своей племянницы; и она сказала, что дала это своей племяннице, когда та прислуживала в монастыре. Все это подтвердила Дидимия, подарившая мантию. Что же касается золотых листьев и филе, украшенных золотом, то она предложила в свидетели Макко, твоего слугу, который находится здесь, так как именно от его руки она получила двадцать кусков золота от жениха упомянутой девушки, своей племянницы, у которого она открыто купила эти вещи, и имущество монастыря здесь ни при чем.

Хродильда и Базину спросили, не вменяют ли они настоятельнице прелюбодеяние, что не допускается Богом, или не могут ли они сказать, что она совершила убийство, колдовство или тяжкое преступление, за которое должна быть наказана. Они ответили, что им нечего сказать на это; они только утверждали, что она поступила вопреки правилу в тех вопросах, о которых они упомянули. Наконец, они сказали, что монахини, которых мы считали невинными, были с ребенком из-за этих проступков, а именно: двери были открыты, и несчастные женщины могли делать все, что хотели, в течение многих месяцев без дисциплинарных мер со стороны настоятельницы.

Обсудив все эти обвинения по порядку и не найдя никаких проступков, за которые можно было бы унижить настоятельницу, мы по-отечески напутствовали ее за те простительные проступки, которые она совершила, и призвали ее не навлекать на себя в дальнейшем никаких упреков. Затем мы разобрались с противной стороной, совершившей более тяжкие преступления, то есть с теми, кто, находясь в монастыре, пренебрег предупреждением своего епископа не выходить вопреки ему и оставил его в монастыре под величайшим презрением, сломал решетки и двери и по глупости ушел, вовлекая в свой грех других монахинь. Более того, когда архиепископ Гундигизил со своими провинциалами, получив уведомление об этом деле, прибыл в Пуатье по приказу короля и вызвал их на слушание в

монастырь, они пренебрегли его вызовом, и когда епископы пришли к ним в церковь св. Илария Исповедника, где они остановились, зайдя к ним, как подобает беспокойным пастырям, то, пока они принимали наставления епископов, поднялось волнение, и они напали на епископов и их сопровождающих с дубинками, и даже пролили кровь диаконов в церкви. Когда же преподобный священник Тевтар по повелению князей пришел судить это дело и было назначено время вынесения приговора, они не стали дожидаться его, а напали на монастырь, как мятежники, поджигая бочки во дворе, ломая двери ломami и топорами, и поджигая, и избивали и ранили монахинь в самих ораториях в стенах, и разграбили монастырь, и сорвали с настоятельницы одежды, и рвали на ней волосы, и в насмешку таскали ее по улицам, и ввергли ее туда, где, хотя и не в оковах, она не была свободна. И когда наступил праздник Пасхи, который всегда чтится, епископ предложил выкуп за пленницу, чтобы она могла помочь в крещении, но его мольбы не смогли добиться этого ни за какие деньги, - Хродильд ответила, что она не знала о таком преступлении и не приказывала его совершить, добавив далее, что по ее знаку настоятельница не была убита своими людьми, из чего можно с уверенностью заключить, что они становились все более жестокими - они убили раба из своего монастыря, бежавшего к гробнице блаженной Радегунды, и вместо того, чтобы исправиться, углубились в преступление; Потом они вошли в монастырь и завладели им; а по приказу королей публично вывести мятежников они отказались повиноваться, а взялись за оружие вопреки приказу короля и нечестиво поднялись со стрелами и копьями против графа и народа. Затем в последнее время, когда они явились на публичное слушание, они тайно и неправоммерно взяли святой и самый священный крест, который впоследствии были вынуждены вернуть церкви.

Уличив их в стольких тяжких преступлениях и в злодеянии, которое не сдерживалось, а постоянно возрастало, мы сказали им, что они должны просить настоятельницу о прощении своего греха и вернуть то, что они неправоммерно взяли. Но они не желали этого делать, а говорили скорее о том, чтобы убить ее, в чем и признались публично. Тогда мы открыли и прочитали каноны, и нам показалось справедливым, что до тех пор, пока они не принесут достойного покаяния, их следует отлучить от церкви, а настоятельница должна постоянно оставаться на своем месте. Так мы и предлагаем поступить в соответствии с вашим повелением, насколько это касается интересов церкви, прочитав каноны и не делая различий между людьми. Что касается остального, имущества монастыря и дарованных королями, вашими родственниками, которые были украдены, и которые, как они говорят, у них есть, но они пренебрегают нашими приказами и не возвращают, то ваше благочестие, ваша власть и королевская власть должны заставить вернуть их на место, чтобы ваша награда и награда предыдущих королей продолжалась вечно. Не позволяйте им возвращаться или думать о возвращении на место, которое они так нечестиво и святотатственно разрушили, чтобы не случилось еще худшего. С помощью Господа пусть все будет полностью восстановлено и возвращено Богу при католических королях; пусть религия ничего не потеряет; пусть решение отцов и каноны сохраняются и будут полезны нам для богослужения и принесут вам выгоду. Пусть Христос Господь поддерживает и направляет вас, пусть Он дарует вам долгое царствование и блаженную жизнь.

17. После этого, когда решение стало известно и они были отлучены от церкви, а настоятельница восстановлена в монастыре, они отправились к королю Чилдеберту, добавляя преступление к преступлению, называя королю неких лиц, которые не только жили в прелюбодеянии с настоятельницей, но и ежедневно посылали гонцов к его врагу Фредегунде. Услышав об этом, король послал людей, чтобы привести их в цепях. Но когда их осмотрели и не нашли никаких проступков, их отпустили.

[18. Покушение на жизнь Чилдеберта. 19. Епископ Эгидий отстранен от должности. 20. Базина и Хродольд помилованы. 21. Сыновья Ваддо наказаны. 22. Смерть Чилдерика].

23. В этот год ночью над землей разливался такой свет, что можно было подумать, что сейчас середина дня; кроме того, ночью часто замечали огненные шары, проносящиеся по небу и освещающие мир. Сомнения по поводу Пасхи возникли по той причине, что Виктор в своем цикле написал, что Пасха наступает на пятнадцатый день луны. Но чтобы христиане не праздновали этот праздник в то же время луны, что и иудеи, он добавил: "Латиняне же [помещают ее] на двадцать второй день луны". По этой причине многие в Галлии праздновали пятнадцатое число луны, а мы - двадцать второе. Мы провели тщательное расследование, но источники в Испании, которые наполняются божественной силой, наполнились в нашу Пасху.

В восемнадцатый день перед календами[82] пятого месяца, то есть в четвертый день [недели], рано утром, когда наступал рассвет, произошло сильное землетрясение. Солнце затмилось в середине восьмого месяца, и свет его настолько уменьшился, что едва ли давал столько же света, сколько рога луны в пятый день. Осенью шли проливные дожди, гремели громкие громы, ручьи были очень полноводны. Бубонная чума жестоко уничтожила жителей Вивье и Авиньона.

[24. Армянский епископ посещает Тур и рассказывает о разрушении Антиохии].

25. Теперь в Галлии болезнь, о которой я упоминал, напала на провинцию Марсель, и великий голод угнетал Анже, Нант и Манс. Это начало скорбей, как говорит Господь в Евангелии: "Будут моры, голод и землетрясения в разных местах, и восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут знамения и чудеса на небе, чтобы сбить с пути избранных", что и происходит в настоящее время. Так, некий человек из Буржа, как он сам рассказывал впоследствии, отправился в глухой лес, чтобы нарубить бревен, необходимых ему для определенной работы, и рой мух[FS] окружил его, в результате чего он два года считался сумасшедшим; отсюда можно полагать, что они были нечистью, посланной дьяволом. Затем он прошел через соседние города и отправился в провинцию Арль, где облачился в шкуры и молился как один из благочестивых, а чтобы сделать из него дурака, враг наделил его способностью к гаданию. После этого он поднялся со своего места и покинул упомянутую провинцию, чтобы еще больше укрепиться в нечестии, и вступил на территорию Геводана, ведя себя как великий человек и не боясь говорить, что он Христос. Он взял с собой женщину, выдававшую себя за его сестру, которой он дал имя Мария. К нему стекалось множество людей, принося больных, к которым он прикасался и возвращал здоровье. Приходившие к нему приносили ему золото и серебро, а также одежды. Их он раздавал бедным, чтобы легче было их обмануть, а сам, бросившись на землю, молился с упомянутой мною женщиной и, поднявшись, приказывал прохожим поклониться ему поочередно. Он предсказывал будущее и говорил, что к одним придет болезнь, к другим - убыток, а к третьим - здоровье. Но все это он делал какими-то хитростями и уловками дьявола. Он ввел в заблуждение великое множество людей, и не только простых, но и епископов церкви. Более трех тысяч человек последовали за ним. В то же время он начал портить и грабить тех, кого встречал на пути; добычу же он отдавал тем, у кого ничего не было. Он угрожал смертью епископам и горожанам, потому что они не желали ему поклоняться. Он вошел в Ла-Велай, дошел до места под названием Пюи и остановился со всем своим войском у близлежащих церквей, выстроившись в боевой порядок, чтобы начать войну с Аурилием, который был тогда епископом, и отправил вперед гонцов, обнаженных мужчин, которые танцевали и играли, возвещая о его приходе. Епископ был поражен этим и послал сильных людей спросить, что означают его действия. Один из них, предводитель, наклонился, как бы

обнимая его колени и проверяя его проход, и [самозванец] велел схватить его и испортить. Но другой тотчас выхватил меч и разрубил его на куски, и тот Христос, которого следовало бы назвать антихристом, упал замертво, а все, кто был с ним, рассеялись. Марий был подвергнут пыткам и раскрыл все свои самозванства и обманы. Но люди, которых он хитростью дьявола заставил поверить в него, так и не вернулись в здравый рассудок, но всегда говорили, что этот человек в некотором смысле был Христом и что Мария имела долю в его божественной природе. Кроме того, по всей Галлии появилось множество тех, кто хитростью привлекал к себе бедных женщин, заставлял их бредить и объявлять своих вождей святыми, и они устраивали перед народом грандиозные представления. Я видел некоторых из них и обличал их, стараясь отвести их от заблуждения".

[FU][26. Сирийский торговец Евсевий становится епископом Парижа].

27. Среди франков Турнея возникла большая вражда из-за того, что сын одного часто гневно упрекал сына другого, женившегося на его сестре, за то, что тот оставил жену и посещает блудницу. И когда исправления со стороны виновного не последовало, гнев юноши стал так велик, что он бросился на своего шурина и убил его и его людей, и сам был убит своими противниками, и от обеих сторон остался только один, которому не хватало убийцы. После этого родственники с обеих сторон разгневались друг на друга, но королева Фредегунда часто убеждала их отказаться от вражды и стать друзьями, чтобы их упорство в ссоре не привело к еще большим беспорядкам. Но когда ей не удавалось примирить их ласковыми словами, она умирала их с обеих сторон топором. Ибо она пригласила многих на пир и усадила этих троих на одну скамью, а когда ужин затянулся до того, что ночь накрыла землю, стол, по обычаю франков, убрали, и они сели на скамьи на свои места. Было выпито много вина, и они так упились им, что рабы опьянели и лежали спящими по углам дома, каждый где упал. Тогда по приказу женщины за спинами этих троих встали трое мужчин с топорами, и пока они разговаривали, руки мужчин, так сказать, промелькнули в одном ударе, и они были сбиты с ног, а пир окончен. Их звали Чаривальд, Леодовальд и Валден. Когда об этом рассказали их сородичам, они стали пристально следить за Фредегундой и послали гонцов к королю Чилдеберту, чтобы схватить ее и предать смерти. Жители Шампани разгневались из-за этого дела, но пока Чилдеберт медлил, она спаслась благодаря помощи своих людей и поспешила в другое место.

[28. Крещение Клотара. 29. Чудеса аббата Аридиуса. 30. Чума. 31. Епископы Тура от начала до Григория].

Девятнадцатым был я, недостойный Григорий, который нашел церковь Тура, [FW] в которой блаженный Мартин и другие епископы Господни были посвящены в папский сан, разбитой и разрушенной пожаром. Я отстроил его больше и выше и посвятил в семнадцатом году после рукоположения; в нем, как я узнал от старых священников, древние поместили мощи блаженного Мориса и его спутников. Я нашел этот самый ящик в сокровищнице церкви святого Мартина, а в нем - мощи, сильно обветшавшие, которые были принесены из-за их чудотворной силы. И пока в их честь совершались бдения, я пожелал вновь посетить их при свете факела. И я внимательно осматривал их, когда сторож церкви сказал мне: "Вот камень с крышкой, но я не знаю, что в нем, и не смог узнать от своих предшественников, которые здесь распоряжались. Давай я принесу его, а ты внимательно посмотри, что в нем". Я взял его и, конечно же, открыл, и нашел серебряный ящик, в котором находились мощи свидетелей благословенного легиона, а также многих святых, как мучеников, так и исповедников. Нашли мы и другие камни, полые, как этот, содержащие мощи святых апостолов и остальных мучеников. Я удивился этой божественной щедрости и, поблагодарив, совершив бдение и мессу, поместил их в собор. Мощи святых мучеников

Космы и Дамиана я поместил в келье святого Мартина, расположенной рядом с собором. Обнаружив, что стены святого храма пострадали от пожара, я приказал искусным мастерам перекрасить их и украсить прежним великолепием. Рядом с церковью я приказал построить крещальню, где поместил мощи святых мучеников Иоанна и Сергия, а в том месте, где была крещальня, поместил мощи мученика Бенигнуса. И во многих местах на территории Тура я посвятил церкви и оратории и прославил их мощами святых, но я думаю, что утомительно говорить о них по порядку.

Я написал десять книг Историй, семь - Чудес, одну - Житий Отцов; комментарий в одной книге на Псалмы; одну книгу также о церковных службах.[И хотя я написал эти книги в несколько грубом стиле, тем не менее я призываю всех вас, Божьих епископов, которым суждено после меня управлять скромной Турской церковью, к пришествию Господа нашего Иисуса Христа и к судному дню, которого боятся виновные, если вы не будете осуждены вместе с дьяволом и не уйдете в смятении от суда, никогда не заставляйте уничтожать или переписывать эти книги, выбирая одни отрывки и опуская другие, но пусть они все продолжают в ваше время полностью и без изменений, как они были оставлены нами. И епископ Божий, кем бы ты ни был, если наш Мартианус обучил тебя семи дисциплинам, то есть если он научил тебя с помощью грамматики читать, с помощью диалектики понимать аргументы в спорах, с помощью риторики распознавать различные метры, геометрии - постигать измерения земли и линий, астрологии - созерцать пути небесных тел, арифметике - понимать части чисел, гармонии - приспосабливать модулированный голос к сладостным акцентам стиха; Если же во всем этом вы упражняетесь так, что мой стиль покажется вам грубым, то и в этом случае прошу вас не стирать написанного мною. Но если что-то в этих книгах вам понравится, я не запрещаю вам переписать это в стихах, если мой труд останется в целостности и сохранности.

Я заканчиваю этот труд на двадцать первом году после моего рукоположения.

Хотя в том, что я только что написал о епископах Тура, я указал их годы, все же этот подсчет не совпадает с [общим] числом лет, поскольку я не смог точно узнать продолжительность времени между различными рукоположениями. Итак, общее количество лет мира выглядит следующим образом:

От начала до потопа	2242 года
От потопа до перехода сынов Израиля через Красное море	1404 года
От перехода через это море до воскресения Господа	1538 лет
От воскресения Господа до смерти святого Мартина	412 лет
От смерти святого Мартина до вышеупомянутого года, а именно двадцать первого года после моего рукоположения, который также является пятым годом Григория, папы Римского, тридцать первым годом короля Гунтрама и девятнадцатым годом Чилдеберта второго	197 лет
Итого	5792 года

Именем Христа заканчивается десятая книга "Истории".

ССЫЛКИ:

[66] Поражение паховой области (*inguen*). Бубонная чума.

[67] Лугано.

[68] Отрицание воскрешения тела.

[69] Дочь короля Хариберта. Она отделилась от монастыря с большим количеством монахинь и в это время находилась в церкви святого Илария в Пуатье.

[70] Монастырь стал называться монастырем Святого Креста.

[71] Ср. Bonnet, p. 306.

[72] Племянница Григория.

[73] Одна из фракции Хродильда, дочь короля Чилперика.

[74] Дочь Бертара, тюрингского короля, и жена Хлотаря I.

[75] *Chrodieldis scola*.

[76] *Scolas*.

[77] *Mediocrilitatis nostræ personam*.

[78] Имеется в виду граф.

[79] Чтение *Adfuerunt* для *adferunt*.

[80] *Barbaturias*. Ср. Du Cange, *barbatoria*.

[81] *Arrhae*, ср. с. 97.

[82] 14 июня.

Избранное из Восьми книг чудес

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСЬМИ КНИГ ЧУДЕС[83]

Отношение к светскому обучению

(Предисловие, книга в честь мучеников)

Священник Иероним, лучший учитель Церкви после апостола Павла, рассказывает, что он был приведен к судейскому креслу вечного Судьи, подвергнут пыткам и жестоко наказан за то, что имел привычку читать умствования Цицерона и ложь Вергилия, и что он сказал в присутствии святых ангелов и самого Владыки всех, что никогда впредь не будет читать их, но в будущем будет заниматься только теми [сочинениями], которые будут признаны достойными Бога и пригодными для назидания Церкви. Более того, апостол Павел говорит: "Будем следовать тому, что способствует миру, и тому, чем мы можем назидать друг друга". И в другом месте: "Да не исходит из уст ваших никакое худое слово, но такое, которое полезно

для назидания, чтобы оно давало благодать слушающим". Поэтому и мы должны следовать, писать и говорить то, что назидает Церковь Божью и святым наставлением приводит слабые умы к познанию совершенной веры. И мы не должны рассказывать лживых историй или заниматься ненавистной Богу философской мудростью, чтобы не попасть под суд Божий и не быть приговоренными к вечной смерти"[84]...

Соблюдение дня Господня
(Там же, гл. 15)

На территории этого города [Тура] в Лингее одна женщина, жившая там, в день Господень смочила муку, сформировала буханку и, отодвинув угли в сторону, накрыла ее горячей золой, чтобы испечь. Когда она это сделала, ее правая рука чудесным образом загорелась и начала гореть. Она закричала, зарыдала и поспешила в деревенскую церковь, в которой хранятся мощи блаженного Иоанна. Там она помолилась и дала обет, что в этот святой для Божьего имени день не будет делать никакой работы, а только молиться. На следующую ночь она сделала свечу высотой с себя. Всю ночь она провела в молитве, все время держа свечу в руке, и вот пламя погасло, и она вернулась домой целой и невредимой.

Реликвии, передаваемые в семье Григория
(Там же, гл. 83)

Теперь я расскажу о том, что было получено благодаря реликвиям, которые мой отец носил с собой в прежние времена. Когда Теодоберт[85] отдал приказ взять в заложники сыновей мужчин в Оверни, мой отец, в то время недавно женившийся, пожелал быть защищенным мощами святых, и он любезно попросил некоего епископа дать ему несколько, думая, что такой защитой он будет защищен, когда будет отсутствовать в своем далеком путешествии. Тогда он вложил святой прах в золотой футляр в форме горошины и повесил его себе на шею; но человек не знал имен блаженных. Он привык рассказывать, что был спасен ими от многих опасностей, ибо свидетельствовал, что благодаря их чудодейственной силе часто избегал нападений разбойников, опасностей на реках, ярости гражданской войны и ударов меча. И я не премину рассказать о том, что видел своими глазами. После смерти отца моя мать всегда носила на себе эти драгоценные вещи. Наступила жатва, и на молотбах собирались большие стога зерна. И в те дни, когда шел обмолот, наступило похолодание, а поскольку в Лиманье[86] нет лесов, и она вся покрыта посевами, то молотильщики развели себе костры из соломы, так как больше не из чего было развести огонь. Тем временем все разошлись поесть. И вот, огонь постепенно разгорался и стал медленно распространяться солома за соломой. И вдруг сваи загорелись, и подул южный ветер; это было большое пламя, и начались крики мужчин, вопли женщин и плач детей"[87] Это происходило на нашей собственной земле. Моя мать, на шее которой висели эти мощи, узнала об этом, вскочила из-за стола и подняла святые мощи против массы пламени, и весь огонь погас в одно мгновение, так что едва ли можно было найти искру огня среди сгоревших куч соломы, и это не причинило никакого вреда зерну, которое оно только что поймало.

Много лет спустя я получил эти мощи от своей матери; когда мы ехали из Бургундии в Овернь, на нас обрушилась сильная буря, и небо озарилось множеством молний и грохотало сильными раскатами грома. Тогда я достал из своей груди благословенные мощи и поднял руку против тучи; она тотчас разделилась на две части и прошла справа и слева, не причинив впоследствии никакого вреда ни нам, ни кому-либо другому. Но, будучи юношей пылкого нрава, я стал возноситься тщеславной славой и молча думать, что это даровано не

столько заслугам святых, сколько мне лично, и открыто хвастался перед товарищами по путешествию, что своей непорочностью я заслужил то, что даровал Бог. Вдруг лошадь подомной взвизгнула и повалила меня на землю; я так сильно пошатнулся от падения, что едва смог подняться. Я понял, что это произошло от тщеславия, и этого было достаточно, чтобы впредь я был начеку и не поддавался побуждениям тщеславной славы. Ибо всякий раз, когда после этого мне выпадала честь лицезреть какое-либо из чудес святых, я громко провозглашал, что они происходят по дару Божьему через веру в святых".

Сравнительные "заслуги" Григория и его матери

(Там же, гл. 85)

...По этому поводу я вспоминаю, что мне рассказывали в юности. Это был день страдания великомученика Поликарпа, и его праздник отмечался в Риоме, деревне в Оверни. Закончилось чтение о мученичестве и другие чтения, которых требует священнический канон, и наступило время принести жертву. Диакон, получив башню[88], в которой находилась тайна Тела Господня, пошел с ней к дверям, а когда вошел в церковь, чтобы положить ее на алтарь, она выскользнула у него из рук и поплыла по воздуху и таким образом попала на алтарь, а диакон так и не смог возложить на нее руки; и я полагаю, что это произошло не по какой-либо иной причине, как только потому, что он был осквернен в своей совести. Ибо часто говорили, что он прелюбодействовал. Увидеть это было позволено только одному священнику и трем женщинам, среди которых была и моя мать; остальные не видели этого. Я, признаюсь, присутствовал тогда на этом празднике, но не имел чести видеть это чудо.

Муха может быть демоном

(Там же, гл. 103)

Паннихий, священник из Пуату, сидя за ужином с приглашенными им друзьями, попросил выпить. Когда его подали, вокруг кубка стала летать и пытаться испачкать его очень назойливая муха. Священник несколько раз отмахивался от нее рукой, но она немного отлетала, а потом пыталась вернуться, и он понял, что это хитрая уловка врага. Он переложил чашу в левую руку, а правой сделал крест; затем разделил жидкость в чаше на четыре части, поднял ее высоко и вылил на землю. Ибо было совершенно ясно, что это уловка врага"[89].

Чудеса в семье Григория

(Книга о чудесах святого Юлиана, гл. 23, 24)

В то время брат моего отца Галлус был епископом Оверни, и я не думаю, что мне следует не рассказать, как ему в юности помогло чудо святого. Я уже не раз описывал разорение, которое король Теодорих наслал на Овернь, когда ни у старого, ни у молодого не осталось ничего из имущества, кроме голой земли, которую варвары не смогли захватить.[90] В те времена мой дядя славной памяти, который впоследствии, как я уже рассказывал, управлял Овернской церковью в высоком сане епископа, был приходским; его имущество было так разграблено солдатами, что не осталось ничего, что можно было бы использовать; и он сам часто ходил пешком с одним сопровождающим в деревню Бриуд.[91] Однажды, когда он шел по дороге, он снял обувь из-за жары, и когда он шел босыми ногами, то наступил на острый шип. По случайности он был срезан, но все еще лежал на земле и был спрятан острием вверх в зеленой траве. Шип вошел в ногу и прошел насквозь, а затем сломался, и

вытащить его не удалось. Кровь текла ручьями, и так как он не мог идти, то попросил помощи у блаженного мученика и, когда боль немного утихла, отправился в путь, прихрамывая. Но на третью ночь рана стала зарастать, и появилась сильная боль. Тогда он обратился к источнику, от которого уже получал помощь, и бросился на землю перед прославленным гробом; когда часы закончились, он вернулся в постель и, ожидая чудесной помощи мученика, погрузился в сон. Проснувшись, он не почувствовал боли и, осмотрев свою ногу, не увидел впившегося в нее шипа; ему показалось, что он выдернут из ноги. Он тщательно искал его, нашел в своей постели и с удивлением увидел, как он вышел. Когда он был епископом, то показывал это место, где до сих пор видна большая впадина, и свидетельствовал, что это было чудо блаженного мученика.

Спустя долгое время, когда наступил праздник блаженного мученика, отец мой со всеми своими домашними поспешил на радостное торжество. Когда мы были в пути, старшего брата моего Петра охватила лихорадка, и он так заболел, что не мог ни двигаться, ни принимать пищу. Мы ехали в великой скорби, и было сомнительно, выздоровеет ли он или умрет. В таком бедственном положении мы, наконец, добрались до места; вошли в церковь и поклонились у гроба святого мученика. Больной мальчик опустился на мостовую, молясь об исцелении у славного мученика. Окончив молитву, он вернулся в свой ночлег, и лихорадка немного спала. Когда наступила ночь, мы поспешили на вахту, а он попросил, чтобы его понесли, и, лежа перед гробницей, всю ночь молил мученика о милости. По окончании вахты он попросил собрать прах с освященной гробницы, дать ему в питье и повесить на шею. Это было сделано, и жар лихорадки спал, так что в тот же день он безропотно принял пищу и ходил, куда ему вздумается.

Скромность Григория^[92]

(Предисловие, Четыре книги о чудесах святого Мартина)

Чудеса, которые Господь Бог наш соизволил сотворить через блаженного Мартина, своего епископа, когда тот жил в теле, Он и сейчас соизволил подтверждать ежедневно, дабы укрепить веру верующих. Тот, Кто творил через него чудеса, когда он был в мире, теперь чтит чудесами его гробницу, и Тот, Кто в то время послал его спасти погибающих язычников, [теперь] дарует через него благословения христианам. Поэтому пусть никто не сомневается в чудесах, творимых в прежние времена, когда видит щедрость нынешних чудес, когда видит, как хромы воскресают, слепые прозревают, бесы изгоняются и всякая другая болезнь исцеляется Его целительной силой. Что касается меня, то я буду утверждать веру в книгу, написанную о его жизни предыдущими авторами, рассказывая для потомков по Божьему повелению о его нынешних чудесах, насколько я могу их вспомнить. Я бы не решился на это, если бы не был предупрежден дважды или трижды в видении. Я призываю всемогущего Бога в свидетели, что однажды во сне в середине дня я видел, как в церкви Святого Мартина исцелялись многие калеки и страдающие различными болезнями, и я видел это в присутствии моей матери, которая сказала мне: "Почему ты так вяло пишешь о том, что видишь?" Я ответил: "Ты прекрасно знаешь, что я не искусен в письме, и что, будучи простым и неученым, я не осмелился бы описывать такие чудеса. Я хотел бы, чтобы Северус или Паулин были живы или, чтобы Фортунат, по крайней мере, был здесь, чтобы описать их. У меня нет навыков для такой задачи, и меня бы порицали, если бы я взялась за нее". Но она сказала: "Разве ты не знаешь, что в наше время из-за невежества людей тот, кто говорит так, как ты, понимается лучше? Поэтому не медли и не откладывай, ибо ты будешь виноват, если пройдешь мимо этого молча". Итак, я пожелал последовать ее совету и вдвойне мучился от горя и страха: от того, что чудеса, столь великие, как те, что совершались при наших

предшественниках, не должны быть записаны; от страха, что я, невежда, возьмусь за столь благородное дело. Однако, движимый надеждой на божественную милость, я собираюсь попытаться выполнить задачу, которую мне предлагают. Ибо, как я полагаю, Тот, Кто добыл воду в пустыне из сухой скалы и охладил жаждущих, способен изложить все это моими словами; и будет несомненно доказано, что Он снова открыл уста осла, если Он соизволит открыть мои уста и сделать эти чудеса известными через такого неученого человека, как я. Но почему я должен бояться своего невежества, когда Господь, наш Бог и Искупитель, избрал не ораторов, а рыбаков, не философов, а соотечественников, чтобы разрушить суету мирской мудрости. Поэтому, благодаря вашим молитвам, я уверен, что даже если моя грубая речь не сможет украсить страницу, великий епископ прославит ее своими славными чудесами.

Замечательное упражнение "Добродетель" святого Мартина
(Там же, книга I, гл. 20)

Поскольку я уже два или три раза рассказывал о том, как совершались чудеса и предотвращались опасности одним лишь призыванием славного имени, то теперь опишу, как блаженный епископ был призван и принес помощь тому, кто падал вниз головой навстречу смерти!^[93] Аммоний, служитель святой церкви, встал после ужина несколько под влиянием вина, и, когда враг подтолкнул его, он упал вниз головой с высокой скалы, окаймлявшей дорогу. Перепад высот составлял около двухсот футов. Пока он кружился, падая вниз головой, и летел вниз без крыльев, он продолжал звать о помощи к святому Мартину в каждый момент своего падения. Затем он почувствовал себя так, словно его кто-то сбросил с седла, и приземлился среди деревьев, росших в долине. И так, медленно спускаясь, конечность за конечностью, он достиг земли без смертельной опасности. Однако, чтобы затея заговорщика не казалась совсем уж напрасной, он получил небольшую травму одной ноги. Но он пошел в церковь славного мастера, помолился и был избавлен от боли.

Чудеса, сотворенные над Григорием
(Там же, книга I, гл. 32, 33)

Рассказав о чудесах, совершенных для других, я поведаю, что чудодейственная сила этого покровителя сделала для моего недостойного я. На сто шестидесятом году после того, как этот святой и достойный похвалы человек, блаженный епископ Мартин, был вознесен на небо, когда святой епископ Евфроний управлял церковью Тура на седьмом году своего правления и на втором году правления славного короля Сигиберта, я заболел злокачественными прыщами и лихорадкой, и, будучи не в состоянии ни есть, ни пить, дошел до такого состояния, что потерял всякую надежду на нынешнюю жизнь и не думал ни о чем, кроме деталей своего погребения. Ибо смерть постоянно бушевала во мне, стремясь разлучить мою душу с телом. Тогда, когда я был уже почти мертв, я призвал имя блаженного поборника Мартина, немного поправился и начал медленно и мучительно готовиться к путешествию, ибо я решил, что должен посетить его почтенную гробницу. И желание мое было столь велико, что я не хотел даже жить, если бы меня задержали в пути.^[94] Хотя я едва спасся от опасной лихорадки, я снова начал гореть жаром желания. И вот, еще не окрепнув, я поспешил отправиться с моими людьми. Через два или три этапа, войдя в лес, я снова заболел лихорадкой и был в таком тяжелом состоянии, что все говорили, что я умираю. Тогда мои друзья пришли ко мне, увидели, что я очень слаб, и сказали: "Давай вернемся домой, и если Богу будет угодно призвать тебя, ты умрешь в своем доме, а если выздоровеешь, то

легче совершишь обетное путешествие. Ибо лучше вернуться домой, чем умереть в пустыне". Услышав это, я горько заплакал, сокрушаясь своим несчастьем, и сказал: "Заклинаю тебя всемогущим Богом и судным днем, которого боятся все, кому придется держать там ответ, чтобы ты согласился на мою просьбу. Не отказывайтесь от начатого нами пути, и если мне посчастливится увидеть церковь святого Мартина, я возблагодарю Бога, а если нет, то отнесите туда мое мертвое тело и похороните его, потому что я твердо решил не возвращаться домой, если мне не посчастливится явиться к его гробу". Тогда мы все вместе заплакали и пошли дальше, и, охраняемые славным господином, прибыли в его церковь.... Третью ночь после прибытия в святую церковь мы намеревались нести вахту и так и сделали. Утром, когда зазвонил колокол к заутрене, мы вернулись в свое жилище и, улегшись в постель, проспали почти до второго часа. Проснувшись, я обнаружил, что вся слабость и боль прошли, и я восстановил свое прежнее здоровье, и я с радостью позвал своего обычного слугу, чтобы он подождал меня.... И я не забуду сказать, что после сорока дней этот день был первым, когда я с удовольствием выпил вина, поскольку из-за своей болезни я до тех пор его не любил".

(Там же, Книга II, гл. 1)

На второй месяц после моего рукоположения, когда я находился в деревне, я заболел дизентерией и высокой температурой и стал так болеть, что совсем отчаялся жить. Все, что я мог съесть, всегда рвало, прежде чем оно переваривалось, и я ненавидел пищу, и когда мой желудок не имел больше сил из-за отсутствия пищи, лихорадка была единственным, что давало мне силы; я никак не мог принять ничего существенного и укрепляющего. Кроме того, у меня были сильные боли, которые пронизывали весь мой желудок и спускались в кишечник, изнуряя меня своей болью не меньше, чем лихорадка. И когда я был в таком состоянии, что не оставалось никакой надежды на жизнь и все готовилось к моей смерти, а лекарство врача ничего не могло сделать для того, на кого претендовала смерть, я в отчаянии позвал главного врача Арментария и сказал ему: "Ты использовал все уловки своей профессии, ты испробовал силу всех своих лекарств, но светские средства бесполезны для погибающего. Мне остается только одно. Я покажу вам великое средство:^[95] пусть принесут прах из гробницы святого господина и приготовят из него снадобье для меня. И если это не исцелит меня, то все средства к спасению потеряны". Тогда послали диакона к гробнице только что упомянутого святого епископа, и он принес священный прах, развел его в воде и дал мне выпить. Когда я выпил, вскоре вся боль прошла, и я получил здоровье от гробницы. И польза была столь мгновенной, что, хотя это произошло в третьем часу, я стал совсем здоров и в тот же день в шестом часу пошел к обеду^[96].

(Там же, Книга III, Предисловие и гл. 1)

... Всякий раз, когда возникает головная боль, или пульсация в висках, или притупление слуха, или тусклость зрения, или боль в какой-либо другой части, я сразу же излечиваюсь, прикоснувшись к больному месту на могиле или к занавесу, висящему перед ней, и удивляюсь про себя, что при одном только прикосновении боль сразу же проходит.

Первым в этой книге я расскажу о чуде, которое я пережил недавно. Мы сидели за ужином после поста и ели, когда подали рыбу. Над ней было совершено знамение креста Господня, но когда мы ели, кость от этой самой рыбы очень болезненно застряла у меня в горле. Она

причиняла мне большие страдания, потому что острое было закреплено в моем горле и своей длиной перекрывало проход. Она мешала мне говорить и не пропускала слюну, которая часто вытекает из нёба. На третий день, когда я не мог избавиться от него ни кашлем, ни гавканьем, я прибег к своему обычному средству. Я пошел к гробнице и, распростершись на мостовой, обильно плакал и стонал, умоляя духовника о помощи. Затем я поднялся и коснулся покрывалом всего горла и всей головы. Я немедленно исцелился и, еще не покинув святого порога, избавился от всех тревог. Что стало со злополучной костью, я не знаю. Я не выкашлял ее и не почувствовал, как она опустилась в желудок. Знаю только одно: я так быстро понял, что исцелился, что подумал, будто кто-то поднес руку и вытащил кость, которая причиняла мне боль в горле.

Призрак нападает на женщину
(Там же, книга III, гл. 37)

В это время, когда одна женщина осталась одна за ткацким станком, а остальные ушли, появился самый страшный призрак, который схватил женщину и стал тащить ее прочь. Она кричала и плакала, так как видела, что помочь некому, но все же пыталась оказать мужественное сопротивление. Через два или три часа другие женщины вернулись и нашли ее лежащей на земле полумертвой и неспособной говорить. Она все еще делала знаки рукой, но они не понимали, и она продолжала безмолвствовать. Призрак, явившийся ей, атаковал столько людей в этом доме, что они покидали его и уходили в другие места. Через два-три месяца женщина пришла в церковь и обрела дар речи. И тогда она своими устами рассказала о том, что ей пришлось пережить.

Порядок действий в случае чуда
(Там же, книга III, гл. 45)

Факты, о которых я рассказываю, не должны показаться кому-либо недостойными веры, поскольку в них не упоминаются имена отдельных людей. Причина этого такова: когда святой Божий угодник возвращает им здоровье, они немедленно уходят, причем иногда так тайно, что, так сказать, их никто не замечает. И когда распространяется весть о чуде, совершенном блаженным епископом, я созываю тех, кто отвечает за церковь, и выясняю, что произошло; но не всегда узнаю от них имена. Обычно я называю по имени тех, кого мне удалось увидеть или осмотреть лично.

Малые чудеса, совершенные над Григорием
(Там же, книга IV, гл. 2)

В одно время мой язык стал неудобно распухать, так что когда я хотел говорить, то обычно заикался, что было несколько неприлично. Я подошел к гробнице святого и провел своим неловким языком по деревянной решетке. Опухоль сразу же спала, и я поправился. Опухоль была серьезной и заполняла полость, где находится нёбо. А через три дня моя губа начала болезненно биться. Я снова отправился в гробницу за помощью, и когда я прикоснулся губой к висящей занавеске, пульсация сразу прекратилась. Я полагаю, что это произошло от избытка крови; тем не менее, уповая на силу святого, я не пытался уменьшить [количество] крови, и это не причинило мне больше никаких неприятностей".

Дядя Григория, святой Галл
(Жития отцов, гл. 6)

Святой Галл с юности был слугой Божиим, любил Господа всем сердцем и любил то, что, как он знал, было любимо Богом. Его отца звали Георгием, а мать - Леокадией, потомком Вектия Эпагата, который, как гласит история Евсевия, был мучеником в Лионе. Они принадлежали к числу ведущих сенаторов, так что среди галлов нельзя было найти семьи более родовой и благородной. И хотя отец Галла пожелал попросить для него дочь какого-нибудь сенатора, тот, взяв одного сопровождающего, отправился в монастырь в Курноне, в шести милях от Клермона, и умолял аббата дать согласие на его постриг. Аббат заметил здравый смысл и прекрасную осанку юноши и поинтересовался его именем, семьей и местом жительства. Тот ответил, что его зовут Галл и он гражданин Оверни, сын сенатора Георгия. Узнав, что он принадлежит к одной из первых семей, аббат сказал: "Сын мой, то, что ты хочешь, хорошо, но сначала ты должен довести это до сведения своего отца, и если он даст свое согласие, я сделаю то, о чем ты просишь". Тогда аббат послал гонцов по этому поводу к своему отцу, спрашивая, что тот желает сделать с юношей. Отец был немного разочарован, но сказал: "Он мой старший сын, и поэтому я хотел бы, чтобы он женился, но если Господь соизволит принять его на службу, пусть будет на то Его воля, а не моя". И добавил: "Согласитесь с просьбой ребенка, которую он высказал по Божьему вдохновению".

2. Получив это послание, аббат сделал его клерком. Он был очень целомудрен и, словно уже состарившись, не имел никаких порочных желаний: он воздерживался от юношеского веселья; у него был удивительно сладкий и мелодичный голос; он постоянно посвящал себя чтению; он с удовольствием постился и был очень воздержан. Когда блаженный епископ Квинтиан пришел в этот монастырь и услышал его пение, он не позволил ему оставаться там дольше, но взял его в город и, подобно небесному отцу, питал его сладостью духа. По смерти отца, когда голос его с каждым днем становился все лучше и лучше и он был очень любим в народе, они сообщили об этом королю Теодориху, который тотчас же послал за ним и проявил к нему такую привязанность, что любил его больше собственного сына; такой же любовью любила его и королева, не только за прекрасный голос, но и за целомудрие. В то время король Теодорих взял из Оверни много дьяков, которым приказал служить Богу в церкви в Тревесе; но он никогда не позволял разлучать с собой блаженного Галла. Так случилось, что когда король отправился в Кельн, он пошел с ним. Там находился языческий храм, полный различных предметов поклонения, где окрестные варвары приносили жертвы и набивали себя едой и питьем до рвоты; там же они поклонялись изображениям как богу и вырезали из дерева конечности, каждый - ту, в которой он испытывал боль. Когда святой Галл услышал об этом, он поспешил к тому месту с одним только слугой, когда там не было никого из оцепеневших язычников, и поджег его. И увидели они дым от пожара, взметнувшийся к небу, и стали искать того, кто его поджег, и нашли его, и погнались за ним с мечом в руках. Он бежал и укрылся во дворе царя. Когда же царь узнал из угроз язычников, что было сделано, он успокоил их приятными словами и тем утихомирил их яростный гнев. Блаженный часто плакал, рассказывая эту историю, и говорил: "Несчастен я, что не устоял на ногах и не позволил погубить свою жизнь в этом деле".^[97] В то время он был диаконом....

3. Позднее, когда блаженный епископ Квинтиан по повелению Божию отошел от мира сего, святой Галл жил в Клермонте, и жители города собрались в доме священника Инпетрата, дяди Галла по материнской линии, оплакивая смерть епископа и спрашивая, кто должен быть назначен на его место. После долгих споров они вернулись каждый в свой дом. Когда они уходили, святой Галл подозвал одного из дьяков и сказал, влекомый святым духом: "О

чем бормочут эти люди? Почему они бегают туда-сюда? О чем они спорят? Они напрасно тратят время", - сказал он. "Я собираюсь стать епископом; Господь соизволил удостоить меня этой чести. А теперь, когда услышите, что я возвращаюсь от короля, возьмите коня моего предшественника с седлом и приведите его ко мне. Если же ты откажешься повиноваться мне, позаботься о том, чтобы потом не пожалеть об этом". Говоря это, он лежал на своей кровати. Дьячок разгневался на него, оскорбил и ударил его по боку, сломав при этом кровать, и в ярости ушел. Уходя, священник Инпетрат сказал блаженному Галлу: "Сын мой, послушай моего совета: не теряй ни минуты, но иди к королю и расскажи ему, что здесь произошло, и если Господь вдохновит его даровать тебе эту святую должность, я возблагодарю Бога; в противном случае ты можешь, по крайней мере, рекомендовать себя тому, кто будет назначен". Он пошел и доложил королю о случившемся.....

И дьяки Клермонта, выбрав юродивого, отправились к королю со многими дарами. Уже тогда начало прорасти то семя беззакония, что епископства продавались королями и покупались клириками. Тогда они услышали от короля, что епископом будет Святой Галл. Его рукоположили в священники, и король отдал приказ пригласить горожан на пир за счет казны и веселиться по поводу продвижения Галла, будущего епископа. Так и было сделано. Он имел обыкновение говорить, что за должность епископа дал не больше трети золотого, которую отдал повару, готовившему пир. Тогда король назначил двух епископов, чтобы они сопровождали его в Клермон. И клерк, по имени Вивентий, который ударил его в бок, когда он лежал в постели, поспешил встретить епископа по его приказу, но не без великого стыда, и представил себя и коня, которого заказал Галл. Когда они вместе пошли в баню, Галл мягко упрекнул его за боль в боку, которую он получил от презрительного насилия клерка, и вызвал у него большой стыд, однако не в духе гнева, а только радуясь благочестивой шутке. После этого он был принят в городе с большим пением и рукоположен в епископа в своей собственной церкви.

ССЫЛКИ:

[83] Следующие краткие отрывки служат иллюстрацией личности и точки зрения Григория.

[84] Далее Григорий показывает, что чудеса святых заменяют для него чудеса и подвиги античной мифологии.

[85] Феодоберт I, 534-548 гг.

[86] Одно из самых плодородных мест во Франции. Ср. Lavissee, *Histoire de France*, I, pp. 296-301.

[87] "Insequitur clamor virorum strepitusque mulierum, ululatus infantum" - реминисценция из Вергилия, *Aen.* I, 87, "Insequitur clamorque virum stridorque rudentum".

[88] Сосуд, использовавшийся для указанной здесь цели, "монстранция", имел форму башни. Ср. DuCange, art. *Turris*.

[89] Отождествление мух с демонами встречается также на стр. 237. Аналогичный случай нежелания позволить мухе сесть на кубок с вином см. в Frazer, *The Golden Bough*, 8, 291.

[90] Cf. p. 58. Это наказание Оверни произошло в 532 году, за 6 лет до рождения Григория.

[91] Место расположения церкви Святого Юлиана. Бриуд расположен примерно в 40 милях вверх по долине реки Алье от Клермона.

[92] Признания Григория о неспособности писать в отточенном стиле, хотя, возможно, и лицемерные, тем не менее соответствуют действительности.

[93] Интерес Григория к этому чуду связан с техникой. Как правило, материальное "прикосновение" к источнику "добродетели" считалось необходимостью, но "простое обращение" иногда было эффективным. Лекарство, о котором идет речь, является крайней формой последнего. См. Introd. xx, xxi.

[94] См. Bonnet, p. 272, *примечание 3*.

[95] *Tyriaca* от *theriaca*, (а) противоядие от укуса змей, (б) средство в целом.

[96] Нун.

[97] Галл в этом случае был бы мучеником со всеми достоинствами мученика. Он сожалеет о бегстве не как о поступке благоразумия, а как о духовной ошибке. Ср. Marignan, *Le culte des saints sous les Mérovingiens* (Paris, 1899), ch. 1.

ПРИМЕЧАНИЯ

[A] P. 1, l. 21 f. Смутная идея Григория о симметричном хронологическом развитии истории, ведущей к великому завершению, а именно к "приближающемуся концу мира", находит выражение в ряде отрывков; ср. pp. 5, 6, 7, 105, 208, 244. Своеобразно, что хронологические вкусы христианских историографов и богословов в значительной степени были обусловлены их интересом к будущему, которое было так же определенно обозначено Провидением Божиим, как и прошлое.

[B] P. 5, l. 1 f. Здесь, как и в "первом предисловии" (p. 1), Григорий излагает свою точку зрения так определенно, как это когда-либо делал любой историк. Читатель должен лишь помнить об этом, чтобы интерпретировать повествование. Импульс к написанию "Истории франков" исходил не из интереса к франкскому государству, а из интереса к православной церкви, поборниками которой он считал франков. Именно по этой причине он гораздо определеннее выражает свою приверженность вероучению, чем преданность франкским королям. Именно эта позиция объясняет его нетерпение к гражданским войнам (p. 105). Ср. *Введение*, с. xxi и с. 53, 54.

[C] P. 6, l. 36 f. Ссылки Григория на свои источники относительно ясны в первой книге и могут быть прослежены в последующих главах. Основным источником, естественно, является перевод Иеронимом хроники Евсевия, дополненный "Историей против язычников" Орозия. Он также использует перевод и продолжение "Экклезиастической истории" Евсевия, сделанные Руфином. Об этих источниках см. другие тома "Записей о цивилизации".

[D] P. 9, l. 1. Стадион был длиной 606 футов 9 дюймов. Для того чтобы пройти английскую милю, требовалось около $8\frac{2}{3}$ стад.

[E] P. 9, l. 2. **Agripennis** (*arapennis*, *arpent*), правильно - мера поверхности. Здесь он используется для обозначения длины, так же как американские фермеры используют термин "акр" в качестве меры и поверхности, и длины, означая в последнем случае сторону квадратного акра - около 70 ярдов. То, что здесь используется именно этот термин, можно доказать с помощью простой арифметической операции.

[F] Р. 10, l. 12 f. О других проявлениях крайнего легковерия см. с. 68, 171. Следует помнить, что в этих случаях речь идет о том, что Григорий применяет свою теорию жизни к конкретной ситуации таким образом, чтобы сильно подчеркнуть контраст между современным отношением и тем, что темные века. Его взгляд на материальный мир не делал акцент на естественных причинах и следствиях, а скорее на сверхъестественных причинах и естественных следствиях. В пользу Григория говорит то, что он слышит о большем количестве замечательных чудес, чем видит.

[G] Р. 11. Главы 11-26 и 18-29 были обобщены. Они не содержат ничего важного, и их включение в полный текст было бы исключительно в ущерб терпению читателя.

[H] Р. 12, l. 11. 251 Г. Н.Э.

[I] Р. 12, l. 16 f. Дионисий имел преимущество, которое не проявилось до конца его жизни, - его отправили в Париж. Его культ возрос вместе с городом, и он стал святым покровителем Франции, а его поклонение сосредоточилось в аббатстве Сен-Дени, основанном через полвека после смерти Григория. В девятом веке Сен-Дени смело отождествляли с Дионисием Ареопагитом и мистическими богословскими сочинениями, ошибочно приписываемыми последнему. Это отождествление повлияло на развитие французской теологической мысли на протяжении восьми веков. См. Molinier, Sources de l'Histoire de France, Nos. 65, 816.

[J] Р. 14, l. 1. Речь идет о храме, построенном в честь Меркурия Думиаса (Меркурия из Дона) на Пюи-де-Дом, доминирующей вершине среди гор в окрестностях родного места Григория. Он, несомненно, часто посещал его. О термине *Vasso Galatae* см. *cm. Vassocaletis* в *Alt-Celtischer Sprachschatz*, под редакцией А. Холера.

[K] Р. 15, l. 3. Ср. [примечание](#) к р. 6.

[L] Р. 16, l. 4. Святой Мартин умер в 397 году. Его слава в последующие века во многом связана с житием, написанным около 400 года его учеником Сульпицием Севером. Этот труд разошелся большим тиражом в Галлии и стал образцом для житий святых. Оно полно чудес, и "Чудеса святого Мартина" Григория являются лишь его продолжением. Лучшее издание трудов Севера - Hahn, Vienna, 1866.

[M] Р. 16, l. 38. О подобном случае "табу порога" см. с. 200. Обычай выносить труп через какое-то другое отверстие, отличное от обычной двери, широко распространен среди примитивных народов. Ср. Энциклопедия религии и этики под редакцией Дж. Гастингса, *см.*

[N] Р. 21, l. 28. Ср. *примечания* к с. 6, л. 36 и с. 16, л. 4. Сульпиций Север написал также эпитомию священной истории от сотворения мира до 400 г. н. э. Лучшее издание - La Chronique de Sulpice Sévère, by A. Lavertrujon, Paris, 1896.

[O] Р. 21, с. 1. Источник истории о Бриции неизвестен. Некий *Бриций*, описанный как человек с плохим характером, упоминается Сульпицием Севером (*Dialogi*, 3) и Венанцием Фортунатом.

[P] Р. 24, l. 4. Вандалы вторглись в Галлию в 406 г., в 409 г. перешли в Испанию, а в 427 или 428 г. - в Африку.

[Q] Р. 24, l. 7 f. Концепция войны в это время в основном сводилась к тому, что побеждает сторона с наиболее сильной сверхъестественной поддержкой. Поскольку

сверхъестественные силы каждой стороны можно было легко проверить в битве чемпионов, было естественно, что к этому иногда прибегали, по крайней мере в легендах. Ср. *Introd.*, p. [xxiv](#). См. также [p. 230](#).

[R] P. 26, l. 1. По мнению Григория, сожжение города Мец представляло интерес главным образом потому, что приводило к такому выводу. См. также л. 37 ниже.

[S] P. 27, с. 9. Историки Ренатус Профутур Фригерид и Сульпиций Александр известны только по приведенным здесь цитатам. Сложный метод цитирования авторитетов, встречающийся в этой главе, не встречается больше нигде в "Истории франков".

[T] P. 31, l. 23. **In consolaribus legimus.** Больше об этом источнике ничего не известно. Если следующие предложения также взяты из него, то ясно, что его автор говорит как человек, живший к северу от Луары до завоевания этой страны франками. Monod, *Sources de l'histoire mérovingienne*, p. 85.

[U] P. 33, с. 14-16. О церковной архитектуре Меровингов см. Enlart, *Archéologie française*, vol. 1, ch. 2. От церквей, упомянутых Григорием, не сохранилось и следа.

[V] P. 36, с. 22. Сидоний Аполлинарий (ум. 480), ведущий литератор своего времени в Галлии, последние десять лет своей жизни был епископом Клермонта. Труд Григория о мессах, написанный им, утрачен. Хотя Григорий родился более чем через пятьдесят лет после смерти Сидония, он так интимно отзывается о бывшем епископе места своего рождения. О Сидонии см. Dill, *Society in the Last Century of the Roman Empire*, с. iv. Письма Сидония были недавно переведены Р. М. Далтоном, Оксфорд, 1915.

[W] P. 36, с. 27 f. Острый анализ литературных и устных истоков рассказа Григория о Хлодвиге см. в Kurth, *Les sources de l'histoire de Clovis* (*Revue des quest. hist.*, 1888).

[X] P. 37, l. 33. **Campus Martius.** Мартовское поле, позднее переименованное в Майское поле, *campus Madius*, ежегодное собрание франков.

[Y] P. 41, l. 8. **Сигамбер**, один из сигамбров, германского племени, составляющего часть франкского народа.

[Z] P. 41, l. 16. Из числа крещеных, о котором сообщает Григорий, что, возможно, само по себе является преувеличением, видно, что армия Хлодвига была относительно небольшой.

[AA] P. 44, l. 8. Лекс Гундобада, сохранившийся до наших дней (*Mon. Germ. Hist., Legum, Sect. I, Legum Nationum Germ. tomi II, pars 1*), представляет собой кодификацию бургундских обычаев. Гундобад также издал кодекс для своих римских подданных. Его законодательство было направлено в основном на достижение лучшего взаимопонимания между римлянами и бургундцами. См. Lavissee, *Histoire de France*, II, p. 88 f. Библиографические ссылки см. в R. Schroeder, *Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte* (1902), p. 241.

[AB] P. 45, l. 4. См. Введение, pp. [xviii](#) и [xxii](#).

[AC] P. 46, l. 35 f. Битва при Вуйе произошла в 507 году. Жители Оверни под предводительством Аполлинария, сына Сидония Аполлинария (p. [36](#)), сражались на стороне вестготов.

[AD] P. 47, l. 29. **Et ab ea die tanquam consul aut Augustus est vocitatus.** Существует мнение, что это был почетный консул, на который был назначен Хлодвиг. Ср. Пфистер, в *Кембриджской средневековой истории*, т. II, с. 115.

[AE] P. 49, l. 29 f. Ср. p. 50, l. 17 f. Согласно описанию Хлодвиг, он был полностью освобожден от клановой морали, которая была так сильна среди франков его времени.

[AF] P. 53, l. 36. Случай с Гундобадам вряд ли имеет отношение к делу, поскольку он долго и благополучно царствовал и оставил свое королевство сыну Сигизмунду. См. также примечание на с. 44.

[AG] P. 54, l. 6 f. Карту, показывающую это деление, см. в атласе Лонгнона. Теодорих имел столицу в Реймсе и владел Овернью, Хлодомер владел Туром и Пуатье и сделал Орлеан своей столицей. У Чилдеберта столицей был Париж, а у Хлотаря - Суассон. Заметим, что все разделили поровну, Теодорих, сын наложницы (с. 38), с остальными.

[AH] P. 54, l. 22. Теодорих Великий, король остготов (475-526).

[AI] P. 55, l. 13 f. См. с. 38.

[AJ] P. 56, l. 21. Ср. с p. 54. Герменфред "забыл" наградить Теодориха. О зверствах тюрингов упоминается только здесь.

[AK] P. 57, l. 3. **Ecce verbum directum habemus.** Ср. p. 84, l. 8, *Verbum enim directum non habemus. Verbum directum* было оправданием не для общественного мнения, а для сверхъестественных сил. Ср. p. 45, 4 f. и *Introd.* pp. xxiv-xxv.

[AL] P. 59, l. 2. Витри в Шампани.

[AM] P. 60, с. 15. Эта история взята из семейной традиции Григория. Епископ Лангра был прадедом Григория, а Аттал - его родственником. Тревес находился на территории Теодориха (Longnon, p. 368), так что Аттал должен был быть заложником у Чилдеберта. Однако Лонгنون (стр. 209) приводит доводы в пользу мнения, что Лангр также принадлежал Теодориху. В таком случае Аттал должен был принадлежать какому-то другому городу и отправиться к Григорию просто за защитой. Противоположное мнение см. в Bonnell, *Die Anfänge des Karolingischen Hauses*, p. 204, Note 2.

[AN] P. 60, l. 11. Обратите внимание на использование термина "варвар" (*barbarus*) для обозначения франков. См. также p. 94, с. 35.

[AO] P. 62, l. 8. Арндт замечает, что в этом отрывке, несомненно, должен был быть назван Мёз, а не Мозель. Последнее, однако, читается во всех списках.

[AP] P. 64, l. 9. Франкские короли были "длинноволосыми" (*reges crinitos*) (p. 31). Королеве Клотильде предлагалось в качестве альтернативы смириться с унижением своих внуков до королевского звания или "увидеть их мертвыми".

[AQ] P. 66, l. 7. Отношения крестного отца и крестника считались очень важными. См. напр. с. 179, л. 10.

[AR] P. 66, l. 13. Арль, вероятно, был взят Теодобертом около 534 года и оставался в его руках лишь короткое время. Longnon, p. 434.

[AS] P. 67, l. 33. О "посте ниневитян" см. Иона 3, 5.

[AT] P. 70, с. 34. Профессор Дж. У. Томпсон (Торговля Франции в девятом веке, *Journal of Political Economy*, November, 1915, pp. 876-7) считает, что эта купеческая группа, вероятно,

восходит к римской торговой корпорации. Однако он ошибается, полагая, что купцы одолжили деньги королю по случаю, на который ссылается Григорий.

[AU] Р. 70, с. 36. Франки возражали против налогообложения не только потому, что изначально не облагались налогами, но и потому, что уплата налогов унижала их достоинство, ставя на один уровень с покоренными галло-римлянами. Это объясняет ожесточенность вражды к Парфению (ср. с. 177), который, судя по другим упоминаниям о нем, был человеком, по крайней мере, интеллектуально намного превосходящим окружение, которое он нашел в королевстве Теодоберта. См. пересмотр С. Хеллманом перевода Гизебрехта "Истории франков", т. 3, с. 169.

[AV] Р. 75, с. 2. В другом месте (стр. 220) мы узнаем, что Хлотарь признавал право не только духовенства, но и жителей Тура на освобождение от налогов. История, рассказанная в этой главе, указывает на то, что епископ Тура был естественным лидером епископов королевства Хлотаря. Cf. *Introd.*, p. x.

[AW] Р. 76, l. 30-31. Смысл в том, что местные правители остались, разница лишь в титулах.

[AX] Р. 77, с. 6. Принцип, согласно которому для выбора епископа необходимо согласие короля, в это время только утверждался. Епископы, видя в этом случае, как им казалось, благоприятную возможность, хотели пренебречь ею, но Катон не согласился, считая, что согласие короля требуется по канонам. Григорий, судя по всему, горячо сочувствовал усилиям епископов. Избрание Каутина описанным способом было еще более нерегулярным, чем предложенная хиротония Катона.

[AY] Р. 78, l. 31. Теодовальд правил в 548-555 гг.

[AZ] Р. 82, l. 8. Каутин был неграмотным. Ср. *Introd.*, p. xiii.

[BA] Р. 82, с. 13. Пребывание Храмнуса в Клермонте должно было произойти вскоре после смерти короля Теодовальда (555 г.). В это время Григорию было бы семнадцать или восемнадцать лет.

[BB] Р. 82, l. 11 f. Бриуд находился примерно в 40 милях от Клермона вверх по долине реки Алье. В нем находилась церковь святого Юлиана.

[BC] Р. 82, l. 30. Обратите внимание на использование термина *rex* применительно к Храмнусу, который был всего лишь наследником короля Клотара. Так *regina* применяется к дочери короля (p. 138, l. 35).

[BD] Р. 83, l. 16. Sallust, Catilina, с. 3. Обратите внимание на эту меткую цитату.

[BE] Р. 83, l. 23. У франкского короля был обычай при вступлении на престол объезжать свое королевство и принимать подданство своего народа. Ср. с. 174, 220.

[BF] Р. 84, l. 37. **Prima haec est et magna generatio.** Род матери Григория. *Introd.*, pp. xi-xii.

[BG] Р. 85, l. 27 f. О церкви св. Мартина см. с. 33-34, а о соборной церкви - с. 247.

[BH] Р. 86, l. 33. "Увы!" - слабый перевод восклицания, *Wa!*

[BI] Р. 87, l. 7. "В Бургундском королевстве мы находим титул *patricius* как титул чиновника, который управлял частью Прованса, присоединенной к Бургундии, а также, похоже, имел главное военное командование в этом королевстве", Pfister в *Cambridge Medieval History*, II, p. 137.

[BJ] P. 91, l. 10. **Гаганус** (хан), не собственное имя.

[BK] P. 93, l. 34. См. собственный опыт Григория, иллюстрирующий это, *Introd.*, pp. xi-xii, xx.

[BL] P. 95, с. 40. Эта глава, обобщенная, поскольку не представляет главного интереса для повествования, была рассмотрена в качестве проверки сведений Григория о Восточной империи. Информация признана ценной, хотя и не точной. A. Carrière в *Annuaire de l'école pratique des hautes études*, 1898.

[BM] P. 95, с. 41. Лангобарды вошли в Италию с северо-востока в 568 году. Их первое вторжение в Галлию из Италии и разгром патриция Аматауса произошли в 569 году. Наиболее полный отчет об этих событиях дает Павел Диакон, *Historia Langobardorum*, Lib. II, издание Bethmann und Waitz (*Mon. Germ. Hist.*), 1878.

[BN] P. 96, l. 31. Саксы сопровождали лангобардов во время их первоначального вторжения в Италию. Теперь они предлагали вернуться в свои прежние дома другим путем.

[BO] P. 98, l. 6. **Ex hoc quasi honoratus habitus**. "Считаясь вследствие этого в некотором смысле почетным". *Honoratus* здесь, по-видимому, используется в общем значении, а не в техническом, когда речь идет о человеке, занимающем или занимавшем высокий пост. Ср. Du Cange, *Art.*, *Honorati*.

[BP] P. 98, l. 14. Verg. *Aen.* III, 56, 57.

[BQ] P. 98, l. 17. **Judex loci**. *Викарий* или подчиненный графа.

[BR] P. 99, l. 29. Это предзнаменование указывало на смерть Сигиберта.

[BS] P. 100, l. 20 f. Идея передачи имущества по завещанию была чужда франкам и не была принята в их право, которое рассматривало семью, а не отдельного человека. С другой стороны, передача имущества по завещанию была обычной практикой среди галло-римского населения. Церковь часто становилась завещателем, что отчасти объяснялось желанием, чтобы ее интересы были задействованы в исполнении завещания. Поэтому в конфликтах, возникавших в связи с наследованием имущества, интересы церкви и государства естественным образом противопоставлялись.

[BT] P. 105, l. 35. Orosius, V, 8.

[BU] P. 106, l. 13. После смерти Хлотаря в 561 году Хариберт I стал магистром Тура. После его смерти в 567 году Тур был передан Сигиберту, которому, однако, пришлось прогнать Кловиса, сына Чилперика, прежде чем он вступил во владение. В 573 году Чилперик снова захватил город, но был вынужден уйти в отставку. Сигиберт удерживал город до своей смерти в 575 году, после чего Чилперик захватил его и удерживал до 584 года, когда он перешел в руки Гунтрама, а через три года, по Анделотскому договору, в руки Чилдеберта II.

[BV] P. 106, l. 15. Матерью Меровеха была Аудовера (с. 90).

[BW] P. 108, l. 9. Теодоберт, сын Чилперика и Аудоверы. Григорий ничего не говорит нам о том, как он умер. Ср. с. 90, 114-118.

[BX] P. 108, l. 21. Гвозди, вероятно, были большими шипами. Железа было мало, и жители Манса могли использовать его во многих целях, особенно для изготовления ножей. В связи с

этим можно вспомнить, как варвары вырывали зажимы, которые римские каменщики использовали для скрепления камней, как в случае с *Porta Nigra* в Тревесе.

[BY] P. 108, l. 31. Церковь святого Мартина находилась в "550 шагах" от города Тур (с. 36). Каждый из этих "шагов" составляет 4 фута 10,248 дюйма, а все расстояние - чуть больше полумили.

[BZ] P. 108, l. 25. **Regio morbo**, желтуха.

[CA] P. 109, l. 3 f. Феликс был епископом Нанта с 549 по 583 год. Он построил большую церковь и занимался благоустройством набережной Луары в Нанте. Его отношения с Григорием, по-видимому, были обычно плохими. Ср. pp. 76, 154-5. Стихи, адресованные Фортунатом Феликсу, см. в *Carmina*, III, 4-10; V, 7 (издание Льва в *Mon. Germ. Hist.*).

[CB] P. 109, l. 11. Тетрик умер в 572 году. В 573 г. Григорий стал епископом Тура.

[CC] P. 109, l. 21. **Кредитор**, деловой агент.

[CD] P. 109, l. 21. Интересно, что родной брат Григория был обвинен в практике "злых искусств" (*maleficiis*). Ср. *Introd.*, p. xix.

[CE] P. 110, l. 6. Вероятно, Алаис. Это епископство, вероятно, стало частью епископства Нима. Longnon, pp. 538-543.

[CF] P. 111, l. 38. **Libri IV de Virtutibus S. Martini**. См. *Introd.*, pp. xvi и pp. 254-260.

[CG] P. 112, l. 32 f. Эта история указывает на один вид ограничений, в которых в это время находилась профессия врача. Другой вид ограничений раскрывается в рассказах об исцелении, предпринятом в связи со "злыми искусствами" (с. 205-8, 236-8). В свете этих отрывков судьба лекаря Марилейфа (с. 115, 181-2) представляется вполне закономерной. См. также с. 131 и введение, с. xxii-xxiii.

[CH] P. 113, l. 3. Характерное мнение. См. *Введение*, с. xvii-xviii.

[CI] P. 116, l. 15. "На правом берегу" (*in dextera eius parte*). Тур находился полностью на левом берегу Луары.

[CJ] P. 116, l. 22. Ср. *Introd.*, p. xix.

[CK] P. 116, l. 28. Обратите внимание на условия пророчества и утверждение, что оно исполнилось. Однако Чилперика сменил его сын Хлотарь, который пережил Григория. Сомнения в легитимности Хлотаря могли быть вызваны этим пророчеством. См. S. Hellman, in *Hist. Zeit.* vol. 107, p. 27 f.

[CL] P. 117, l. 1 f. Еще один взгляд на франкскую охоту см. на стр. 235.

[CM] P. 118, l. 18. Это самое раннее появление слова *Austrasii*. Longnon, p. 193.

[CN] P. 119, l. 4. Более или менее распространенный обычай среди ранних германцев, описанный Тацитом, *Germania*, 31.

[CO] P. 119, с. 15. Вражда Чилперика с Пратекстатом, епископом Руана, возникла из-за благосклонности последнего к Меровеху, мятежному сыну Чилперика. Именно в Руане Меровех женился на Брунгильде. За юридической стороной процесса трудно уследить, основной интерес представляет пылкое сопротивление Григория Чилперiku. О том, как описал бы это Чилперик, можно рассказать в другой статье.

[CP] P. 120, l. 29 f. Из жития святого Мартина Сульпиция Северуса. См. примечание к с. 16, л. 4.

[CQ] P. 127, l. 4 f. Мальчики должны были умереть во исполнение пророчества на с. 116. См. также с. 141.

[CR] P. 128, l. 2. **Chilpericus ... bannos jussit exigi.** *Bannus* здесь означает штраф за неподчинение царскому *запрету* (приказу), требующему службы всех жителей. Brunner, *Deutsche Rechtsgeschichte*, vol. II, 1, p. 34.

[CS] P. 128, l. 11. Термин, переведенный как "акр" (*arapennis*), в действительности составляет лишь пять шестнадцатых акра. Эта часть указа Чилперика должна относиться только к земле под виноградники.

[CT] P. 129, l. 33 f. Речь может идти о детях племянницы Григория, жившей в Туре. Cf. p. 115.

[CU] P. 131, l. 16. Комментарий Григория вызвал дискуссию. Следует помнить, что для Григория соблюдение клятвы было обязательным условием, что его отношение к практикующим врачам было враждебным, а Гунтрам был фаворитом.

[CV] P. 132, l. 24. Иларию Пуатье и Евсевий Верцелльский (*Liber in Gloria Confessorum*, 2, 3), два поборника ортодоксии.

[CW] P. 133, l. 8. Седулий (первая половина V века), христианский поэт, составивший метрическое изложение библейской истории.

[CX] P. 133, l. 12. Этот отрывок может быть принят за доказательство того, что Григорий не знал греческого алфавита.

[CY] P. 133, l. 28. Мэр дворца регулярно был воспитателем (*nutricius*) несовершеннолетнего короля. Pfister в *Cambridge Medieval History*, vol. II, p. 136.

[CZ] P. 135, l. 8. См. примечание на с. 106.

[DA] P. 138, l. 11. Церковь Святого Медарда в Суассоне. Брейн находится на небольшом расстоянии.

[DB] P. 138, l. 35. Возможно, Ригунта, дочь Чилперика и Фредегунды, симпатизировала Григорию из вражды к матери. Ср. с. 221.

[DC] P. 140, l. 6. Об этой местной ревности между Клермонтом и Туром мы слышим также в р. 137; другая, более серьезная межгородская вражда описана в р. 172.

[DD] P. 148, l. 4. Отшельник Хоспиций замуровал себя в башне. В ней было окно, но добраться до него можно было, только сняв крышу. О других отшельниках см. с. 151, 158, 199.

[DE] P. 150, l. 11 f. Толкование этого отрывка состоит в том, что черви были демонами или были посланы демонами, чтобы изводить святого человека.

[DF] P. 152, l. 11. **Inter senatores sophisticos ac judices philosophicos.** Этот отрывок иллюстрирует разницу в культуре между Парижем и южной Галлией в это время.

[DG] P. 152, l. 22. Самое раннее упоминание об этой должности. Во времена Григория *главная должность domo* имела скорее бытовое, чем политическое значение. Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte (1892), vol. II, p. 104.

[DH] P. 154, l. 2. О другом наблюдении кометы см. с. 92.

[DI] P. 158, l. 8. Гундульф - двоюродный дядя Григория по материнской линии. Hist. Franc. VI, 11. Стоит отметить, что у него варварское имя. Григорий счел удобным отказаться от собственного имени в пользу более близкого к епископской должности, и у Гундульфа с его стороны, возможно, были аналогичные мотивы.

[DJ] P. 158, с. 27. Это соглашение упоминается также на с. 173. Оно было заключено Чилпериком, Гунтрумом и Сигибертом при разделе королевства Хариберта в 567 году. Longnon, pp. 348-353.

[DK] P. 159, l. 1. При разделе франкской территории после смерти Хлотаря территория Марсея была поделена между Гунтрамом и Сигибертом. После смерти Сигиберта вся территория досталась Гунтраму. Здесь Чилдеберт II претендует на долю своего отца.

[DL] P. 159, l. 7. Григорий приписывает убийство Сигиберта Фредегунде (р. 100).

[DM] P. 159, l. 17. Бурж принадлежал Гунтраму; Тур, Пуатье, Анжер, Нант - Чилперик.

[DN] P. 162, l. 15. Упоминаемый здесь Муммолус отличается от Муммолуса-патриция. См. *Индекс*.

[DO] P. 162, l. 26. Отношение Григория к этой истории в целом не скептическое, но он считал, что дьявольские силы всегда обманчивы. Ср. с. 116: "Тому, что обещает дьявол, не следует верить".

[DP] P. 163, l. 29. Взять Ригунту в невесты королю Испании.

[DQ] P. 164, l. 29. Это следует рассматривать как налог, а не как добровольное пожертвование. Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, vol. II, p. 70.

[DR] P. 166, l. 3. См. примечание на с. 133.

[DS] P. 169, l. 30. **Nimia excesus abstinentia**. Перевод этих слов затруднителен. *Excetus* может быть воспринято как *excisus* (*ex, caedere*). *Caedere* часто используется в трудах Григория в значении *порки*. Это соединение, однако, не встречается у Григория, и Bonnet, p. 422, прим. 1, предлагает для *excetus*, *exesus* (пожирал, потреблял), что, однако, не дает правдоподобного значения.

[DT] P. 170, l. 1. **Eoglogias** (*eulogiae*). Благословенный или освященный хлеб, не евхаристия. Bingham, Christian Antiquities, vol. V, 186 f.

[DU] P. 171, l. 32. Sallust, Catilina, с. 3.

[DV] P. 173, l. 12 f. См. pp. 119, 145.

[DW] P. 175, l. 13. Герцог Дезидерий был на службе у Чилперика; теперь он присоединился к претенденту Гундовальду.

[DX] P. 175, l. 30. Случай описан на с. 158-160.

[DY] Р. 175, с. 14. Эта глава служит хорошим примером того, как "священный характер" защищал легатов. Внешним символом этого "характера" был "освященный жезл". Hist. Franc. VII, 32.

[DZ] Р. 176, l. 11. Дю Канж определяет Балломер как *falsus dominus*, псевдо-принцепс. Считается, что это слово франкского происхождения с окончанием на *-mer*, как и *Clodomer*.

[EA] Р. 177, l. 9 f. Смысл этого, вероятно, в том, что Леонард был лишен знаков отличия, которые он сохранил. Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, vol. II, p. 81, Note.

[EB] Р. 178, l. 18. Гунтрам предстает здесь скорее как мститель за своего родственника в соответствии со старым обычаем, чем как царь с новым порядком правосудия под своей рукой. Ср. Brunner, vol. I, p. 325 (издание 1906 г.).

[EC] Р. 178, l. 35. Вероятно, речь идет о поместьях, пожалованных (*commendatum*) ему королем.

[ED] Р. 181, l. 9. Викарий (также *tribunus*, *iudex loci*) был должностным лицом, подчиненным графу. Инджуриозус был вынужден занять деньги, поскольку либо не смог полностью собрать налоги, либо потратил их иным образом.

[EE] Р. 182, с. 29. Интерес этой главы заключается в том, что в ней страх перед святым Мартином изображен как реальность для людей того времени. Франк по имени Клавдий получил от короля Гунтрама задание уничтожить Эберульфа, политического беженца, не нарушив при этом святыни святого Мартина. "По дороге [в Тур] Клавдий, по обычаю варваров, стал наблюдать за знамениями и говорить, что они неблагоприятны для него, и в то же время спрашивать многих людей, проявляется ли в настоящее время сила блаженного Мартина на тех, кто нарушает веру; он особенно хотел знать, следует ли месть святого Мартина немедленно, если кто-либо нападает на тех, кто возлагает на него свою веру". Прибыв в Тур, Клавдий завязал знакомство с Эберульфом и пообещал ему помощь, а когда тот "увидел, что Клавдий дал такие обещания под присягой в самой церкви, у входа в нее и во всех частях двора [*атриума*], злополучный человек поверил лжецу". На следующий день в церкви был устроен пир, и Клавдий настолько заручился доверием Эберульфа, что тот ослабил бдительность. "Он послал своих людей одного за другим за крепким вином, разумеется, итальянским и сирийским". Это происходило во дворе церкви. Теперь Клавдий оказался перед дилеммой. "Он намеревался убить Эберульфа во дворе, но испугался власти святого епископа. Однако шанс был слишком хорош, чтобы его упустить. Клавдий и его люди убили Эберульфа, но тут же появились последователи Эберульфа, и во дворе монастыря и вокруг него разгорелась ожесточенная битва. В ней участвовали "бедняки, как те, кто получал обычные подаяния, так и другие". "Одержимые и нищие спешили отсюда и оттуда с камнями и дубинами, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное церкви". Клавдий и его люди были убиты. Таким образом, "месть Божья немедленно настигла тех, кто осквернил святой двор человеческой кровью". Более того, злодеяния Эберульфа представляются немалыми, раз блаженный епископ (Мартин) позволил ему встретить такую судьбу". Григорий, который в то время отсутствовал "в деревне, расположенной в тридцати милях от города", расценил весь этот инцидент как оправдание святого Мартина.

[EF] Р. 184, l. 21. О вооружении и доспехах этого периода см. L. Beck, Geschichte des Eisens, vol. I, pp. 703-728 (1884).

[EG] Р. 186, с. 47. Эта вражда, продолжение которой приводится в кн. IX, с. 19, представляет определенный интерес для изучения уголовного права того периода, но рассказана

Григорием несколько запутанно, так что лучше всего кратко изложить основные моменты в примечании. Компания, праздновавшая Рождество, была приглашена священником "пойти к нему в дом, чтобы выпить". Очевидно, они уже слишком много выпили, так как один из них, Аустригизель, выхватил меч и убил раба священника, принесшего послание. С этого момента началась вражда. Другой из компании, Сичар, "который был в дружеских отношениях со священником", напал на Аустригизеля у дверей церкви, но тот был предупрежден, и его компания, убив слуг Сичара, забрала его золото, серебро и другое имущество, а сам Сичар в суматохе сбежал. Дело дошло до суда граждан (*in iudicio civium*), который вынес решение против Аустригизеля, который должен был заплатить штраф за убийство и за захват имущества без ордера. Но Сихар, в истинном духе феодинста, не стал дожидаться этого приговора. Узнав, где хранится имущество, он собрал вооруженный отряд, убил всех в доме, где находились сокровища, и даже увел стада и отары. "Услышав это, - говорит Григорий, - мы сильно разгневались и вместе с судьей послали к ним гонцов, чтобы они пришли к нам, заключили разумное соглашение и разошлись с миром, дабы ссора не породила еще больших бед". Григорий даже предложил выделить деньги церкви на оплату штрафа виновного, если у того не будет денег. Но Храмсинд, представитель семьи, которую Сичар убил в предыдущем инциденте, отказался принять решение, а услышав позже ложное сообщение о том, что Сичар был убит одним из его собственных рабов, вновь поднял вражду, "созвал своих родственников и друзей", разграбил дом Сичара и убил всех рабов в его имении. Урегулирование этой запутанной вражды чрезвычайно интересно, поскольку показывает, как суды того времени прилагали все усилия, чтобы преодолеть освященный временем обычай кровной мести. "Тогда обе стороны были вызваны к городскому судье и изложили свои доводы, и судьи постановили, что тот [Храмсинд], кто не захотел принять денежную плату и сжег дома, должен потерять половину награды, которая [в противном случае] была бы присуждена ему, - это было сделано вопреки закону, если только мир мог быть восстановлен, - но Сичар должен был заплатить другую половину штрафа. Тогда церковь дала денег на сумму приговора; Сичар заплатил свой штраф и получил квитанцию об уплате, причем каждая сторона поклялась друг другу, что ни в коем случае не должна идти с бранью против другой стороны. Так закончилась распря". Однако она не закончилась, о чем свидетельствует девятнадцатая глава девятой книги.

[EH] P. 189, с. 1-7. Об отношении Григория к Гунтраму см. в S. Hellmann, Studien zur mittelalterlichen Geschichtsschreibung, Hist. Zeit., vol. 107, p. 23 f.

[EI] P. 189, l. 6. Гунтраму часто угрожали убийством. См. с. 174, 176, 178, 205. В этот раз он, похоже, чувствовал себя более уверенно.

[EJ] P. 189, l. 20. Сирийцы были распространителями товаров восточного Средиземноморья в Галлии. Это название, по-видимому, применялось к целому ряду восточных народов. В связи с этим можно вспомнить, что сириец Евсевий был епископом Парижа, а другой, Феодор Тарсский, архиепископом Кентерберии.

[EK] P. 191, l. 1. Гунтрам владел Сентой с 567 по 576 год, когда она была отнята у него сыном Хильперика Хлодвигом.

[EL] P. 197, l. 20. **Daemonii meridiani instinctu.** Cp. Interea accedentibus hariolis et dicentibus eum meridiani daemonii incursionem pati (De Virtut. S. Martin. IV, 36). Внезапный припадок в разгар дня был бы диагностирован как одержимость демоном середины дня.

[EM] P. 198, l. 22 f. Объяснение этого вопроса см. в Frazer, *Golden Bough*, vol. 8, p. 280. Изображение вредного существа должно было избавить от него местность.

[EN] P. 206, l. 2. **Errore nigromantici ingenii**. Написание *nigromantici* раскрывает народную этимологию (*niger*), "черное искусство". Ср. Bonnet, p. 218.

[EO] P. 207, l. 7. "Самозванец" должен был в одиночку провести службу, содержащую ответы.

[EP] P. 209, l. 34. Смысл этого в том, что в своей боли и волнении Гунтхрам Босо думал, что у него в руке копье вместо меча.

[EQ] P. 210, c. 15. Это собрание арианских епископов Испании состоялось в 587 году.

[ER] P. 211, l. 12. Речь идет о латинской версии (и продолжении) истории Евсевия, написанной Руфином. Книга X, c. 14.

[ES] P. 212, l. 2. Согласно салическому закону, штраф, который влекло за собой убийство свободного человека, увеличивался более чем вдвое, если труп был скрыт.

[ET] P. 212, l. 21. Целью письма было подтвердить, что Храмсинд не является преступником и не может быть безнаказанно атакован родственниками Сихара.

[EU] P. 212, l. 36. В договоре есть два отдельных заявления о Сенлисе: первое (p. 213, l. 34), что "Чилдеберт утверждает свое право с сегодняшнего дня на две трети Сенлиса", второе (p. 215, l. 6), что "решено, что Чилдеберт будет владеть Сенлисом полностью, а что касается трети, причитающейся лорду Гунтраму, то она будет компенсирована третьей, принадлежащей лорду Чилдеберту, которая находится в Рэссоне".

[EV] P. 215, l. 9. Рессон-сюр-ле-Матц, недалеко от Сенлиса. Ср. Longnon, p. 416.

[EW] P. 216, l. 30. Именно как главе клана Меровингов требовалось согласие Гунтрама.

[EX] P. 216, l. 32. Ингунда вышла замуж за старшего брата Реккареда, который восстал против отца и был в конце концов казнен. Ингунда умерла вскоре после этого по дороге в Константинополь.

[EY] P. 217, l. 1. Чилдеберт уже совершил две экспедиции против лангобардов. Ср. с. 163, 197.

[EZ] P. 218, l. 10. Соглашение было заключено 8 ноября 588 г. в Анделоте.

[FA] P. 218, l. 16. По мнению Григория, хороший король приближается к епископу. Ср. *Introd.*, p. xvii.

[FB] P. 220, c. 30. Эта глава содержит историю налогообложения в Туре во времена Григория. Освобождение, которым пользовался Тур, должно быть, принесло ему несколько богатых жителей. С другой стороны, тот факт, что политические беженцы бежали в церковь Святого Мартина за защитой, иногда был недостатком. Cf. p. 117.

[FC] P. 221, l. 25. **Genetricemque suam servitio redeberit**. Перевод этого отрывка вызывает затруднения. Bonnet, p. 668, *примечание*, предлагает *redhiberet* вместо *redeberit*, в таком случае смысл будет заключаться в том, что Ригунда снова сделает Фредегунду рабыней, какой она была до замужества с Чилпериком.

[FG] Р. 222, l. 6. Жена герцога Лаунебода, построившего церковь Святого Сатурнина в Тулузе.

[FH] Р. 222, l. 8. О Ваддо см. с. 165, 182-185. Он был графом Сенте, и, вероятно, именно с территории Сенте он совершил эту экспедицию.

[FI] Р. 223, l. 11. История сорока монахинь рассказана с тягостными подробностями. Продолжение истории с разбором дела епископами (кн. X, гл. 15-17) переведено.

[FJ] Р. 227, l. 16. Папа Григорий Великий, 590-604 гг. В этой главе приведены единственные современные сведения о нем, не содержащиеся в его собственных сочинениях.

[FK] Р. 228, l. 10. Папа Григорий жил в Константинополе с 579 по 585 год.

[FL] Р. 228, l. 23 f. Был обычай для епископа сопротивляться избранию, по крайней мере, внешне.

[FM] Р. 228, l. 31. Карфаген был назван так, чтобы отличать его от Карфагена в Испании (Картахены).

[FN] Р. 232, l. 18. *Викарий* был офицером, подчиненным графу.

[FO] Р. 232, с. 7. По-видимому, речь идет исключительно о возврате налогов, причитающихся с церкви.

[FP] Р. 233, с. 8. Это история из родного города Григория. Он должен был лично знать по крайней мере некоторых из упомянутых лиц. Из этих фактов можно сделать вывод о времени происхождения: Епископ Каутин умер в 571 году; герцог Дезидерий умер около 587 года, а Григорий пишет между 590 и 592 годами.

[FQ] Р. 235, l. 11. 590 Г. Н.Э.

[FR] Р. 235, с. 10. В этом случае судебное разбирательство не дало никакого результата. Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, vol. II, p. 440 (издание 1892 г.).

[FS] Р. 244, l. 32. "Рой мух" был средством, с помощью которого этот человек стал "одержимым". В De Virtut. S. Martin, I, с. 53, облако пыли имеет тот же эффект. Ср. также De Virtut. S. Martin, III, с. 16, 20.

[FT] Р. 245, l. 19. **Episcopis ac civibus**. Значение последнего слова может быть "люди из *civitas* (города)", т. е. "горожане".

[FU] Р. 246, l. 3. См. *примечание* к р. 189, l. 20.

[FV] Р. 246, l. 23 f. Аналогичный случай суммарного наказания приводится на с. 199. Ср. также с. 38, 48-50, 176.

[FW] Р. 246, l. 36. Соборная церковь в городе. Ниже (с. 247, л. 21 f.) упоминается церковь святого Мартина.

[FX] Р. 247, l. 13. Речь идет о легенде, относящейся ко времени императора Максимиана (285-310) и посвященной святому Маврикию (см. с. 54). Легиону, состоявшему полностью из христиан с Востока, было приказано принять участие в гонениях на христиан. За отказ его члены были казнены до единого человека. Вопрос о подлинности легенды вызвал долгие споры. См. *ст.* "Фиванский легион" в Новой религиозной энциклопедии Шаффа-Герцога.

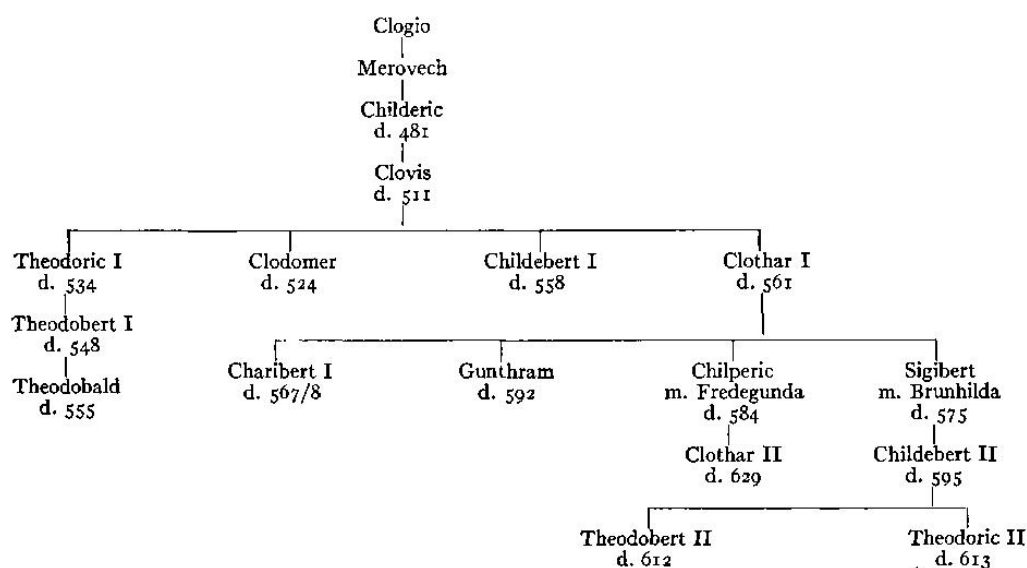
[FY] Р. 247, l. 32 f. Призывы такого рода часто встречаются в литературе той эпохи. Сравните следующее: "Заклинаю тебя, кто будет переписывать эту книгу, Господом нашим Иисусом Христом и Его славным явлением, когда Он придет судить живых и мертвых, чтобы ты сравнил то, что ты переписал, и был внимателен, чтобы все было правильно в соответствии с этой копией, с которой ты переписал; также чтобы ты подобным образом переписал это постановление и вставил его в стенограмму". Ирений, *De Ogdoade* (Ante-Nicene Fathers, vol. I, p. 568).

[FZ] Р. 248, l. 2. Мартиан Капелла написал около 450 г. труд о семи свободных искусствах, широко использовавшийся в средневековых школах. Ср. *Введение*, р. xiii.

Генеалогия меровингских королей

ГЕНЕАЛОГИЯ МЕРОВИНГСКИХ КОРОЛЕЙ

(Упоминается в "Истории франков")

Clogio

Меровек

Чилдерик, ум. 481 г.

Хлодвиг, ум. 511 г.

Теодорих I, ум. 534

Теодоберт I, ум. 548

Теобальд, ум. 555

Хлодмер, ум. 524

Чилдеберт I, ум. 558

Хлотарь I, ум. 561

Хариберт I, ум. 567/8

Гунтрам, ум. 592

Чилперик в браке с Фредегундой, ум. 584

Хлотарь II, ум. 629
 Сигиберт в браке с Брунгильдой, ум. 575
 Чилдеберт II, ум. 595
 Теодоберт II, ум. 612
 Теодорих II, ум. 613

СЕМЕЙСТВА СУТАР И ЧИЛЬДЕБЕРТ

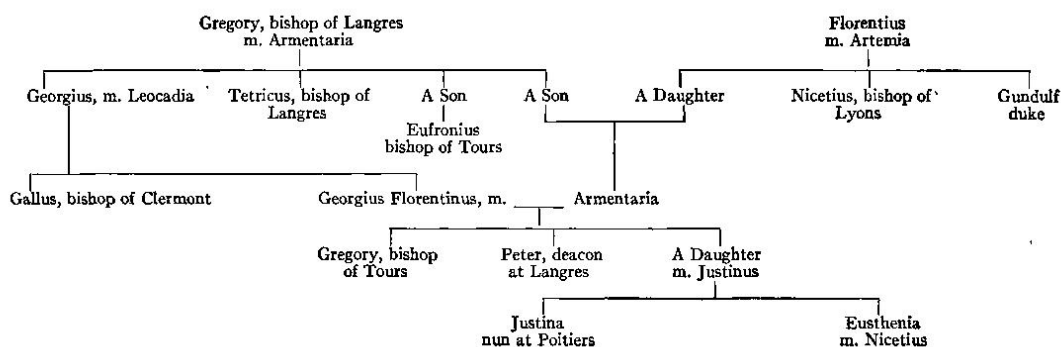
Clothar I, d. 561									
m. 1) Guntheuca, Clodomer's widow									
2) Chunsina									
3) Ingunda									
4) Aregunda, Ingunda's sister									
5) RadeGunda, daughter of Thuringian king Berthar; became a nun at Poitiers about 550									
6) A concubine									
7) Vuldetrada, Theodovald's widow (p. 79)									
² Chrammus d. 560	³ Gunthar d. before 561	³ Childeric d. 561	³ Charibert I d. 567/8	³ Gunthram d. 592	³ Sigibert m. Brunhilda d. 575	³ Clotsinda m. Lombard king	⁴ Chilperic m. 1) Audovera 2) Gaisuenta 3) Fredegunda d. 584	⁶ Gundovald (not recognized)	
¹ Theodobert d. 575	¹ Merovech d. 577	¹ Clovis d. 580	¹ Basina nun at Poitiers	³ Riguntha	³ Clodobert d. 580	³ Samson d. 577	³ Dagobert d. 580	³ Theodoric d. 584	³ Clothar II d. 629
(The numbers indicate the mothers, as given in the list.)									

(The numbers indicate the mothers, as given in the list.)

Клотарь I, ум. 561,
 m. 1) Гунтеука, вдова Хлодомера
 m. 2) Чунсуина
 Храммуc, ум. 560 г.
 m. 3) Ингунда
 Гунтар, ум. до 561 г.
 Чилдерик, ум. в 561 г.
 Хариберт I, ум. 567/8
 Гунтрам, ум. 592
 Сигиберт, м. Брунгильда, ум. 575 г.
 Клоцинда в браке с лангобардским королем
 m. 4) Арегунда, сестра Ингунды
 Чилперик, ум. 584 г., m. 1) Аудоверна
 Теодоберт, ум. 575 г.
 Меровек, ум. 577 г.
 Хлодвиг, ум. 580
 Бази́на, монахиня в Пуатье
 m. 2) Гайсукния
 m. 3) Фредегунда, ум. 584 г.
 Ригунта
 Хлодоберт, ум. 580
 Самсон, ум. 577
 Дагоберт, ум. 580
 Теодорих, ум. 584
 Хлотарь II, ум. 629
 m. 5) Радегунда, дочь тюрингского короля Бертара; стала монахиней в Пуатье около 550 г.

т. 6) Наложница
 Гундовальд (не известен)
 т. 7) Вульдетрада, вдова Теодовальда (р. 79)

СЕМЬЯ ГРИГОРИЯ

Григорий, епископ Ланграсский, м. Арментария

Георгий, м. Леокадия

Галлус, епископ Клермонта

Георгий Флорентин, м. Арментария (см. ниже)

Григорий, епископ Тура

Петр, диакон в Лангре

Дочь, м. Юстина

Юстина, монахиня в Пуатье

Евстафия, в замужестве Ницетия

Тетрик, епископ Лангра.

Сын

Евфроний, епископ Тура

Сын м. Дочь Флорентия и Артемии

Флорентий м. Артемия

Дочь, м. Сын Григория и Арментарии

Арментария. м. Георгий Флорентин (см. выше)

Ницетий, епископ Лиона

Гундульф, герцог

Библиография

БИБЛИОГРАФИЯ[98]

Издания

- Arndt, W., et Br. Krusch, Gregorii Turonensis Opera. 1885. В Monumenta Germaniae Historica. Вытесняет все предыдущие издания.
- Omont, H., et G. Collon, Grégoire de Tours, Histoire des Francs, Texte de manuscrits de Corbie et de Bruxelles. Новое издание Рене Пупардена.[\[99\]](#) Париж, 1913. В сборнике "Тексты, служащие для изучения и преподавания истории".

Переводы

- Bordier, H. Histoire ecclésiastique des Francs par saint Grégoire, évêque de Tours, Paris, 1859-61.
- Giesebrecht, W. Zehn Bücher fränkischer Geschichte vom Bischof Gregorius von Tours. Berlin, 1851. Новое издание в 3 томах под редакцией С. Хеллманна, 1913 (Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit). Доступен только последний том нового издания.
- Guadet, J., et Taranne, N. R. Histoire ecclésiastique des Francs par Georges Florent Grégoire, évêque de Tours. Paris, 1836.
- Guizot, M. Histoire des Francs par Grégoire de Tours. Париж, 1823.

Генерал

- Ampère, J. J. Histoire littéraire de la France avant Charlemagne. Париж, 1870.
- Bonnet, Max. Le Latin de Grégoire de Tours. Париж, 1890. Труд, незаменимый для читателя латинского текста.
- Carrière, A. Sur un chapitre de Grégoire de Tours relatif à l'histoire d'Orient (Annuaire de l'école pratique des hautes études), 1898.
- Declareuil, O. Les épreuves judiciaires dans le droit franc du Ve au VIIIe siècle. Paris, 1899.
- Fahlbeck, P. La Royauté et le droit royal Francs (486-614). Traduit par J. H. Kramer. Lund, 1883.
- Galy, C. La famille à l'époque mérovingienne. Paris, 1901.
- Hellmann, S. Studien zur mittelalterlichen Geschichtschreibung. I. Gregor von Tours. Hist. Zeitschrift. 1911.
- Huguemin, M. A. Histoire du royaume Mérovingien d'Austrasie. Paris, 1862.
- Junghaus, W. Histoire critique des règnes de Childebert et de Chlodovech; traduite par G. Monod. Paris, 1879.
- Krusch, B. Zur Chronologie der merovingischen Könige (Forschungen zur deutschen Geschichte), 1882.
- Kurth, G. Clovis. Tours, 1891 г.
- -- De la nationalité des comtes francs (Mélanges Paul Fabre). Париж, 1903 г.
- -- Histoire poétique des Mérovingiens. Париж, 1893 г.
- -- Les ducs et les comtes d'Auvergne au VIe siècle (Bull. de l'Acad. roy. de Belgique), 1899.
- -- Les ducs et les comtes de Touraine au VIe siècle (Bull. de l'Acad. roy. de Belgique), 1906.
- -- Les sources de l'histoire de Clovis (Revue des quest. hist.), 1888.

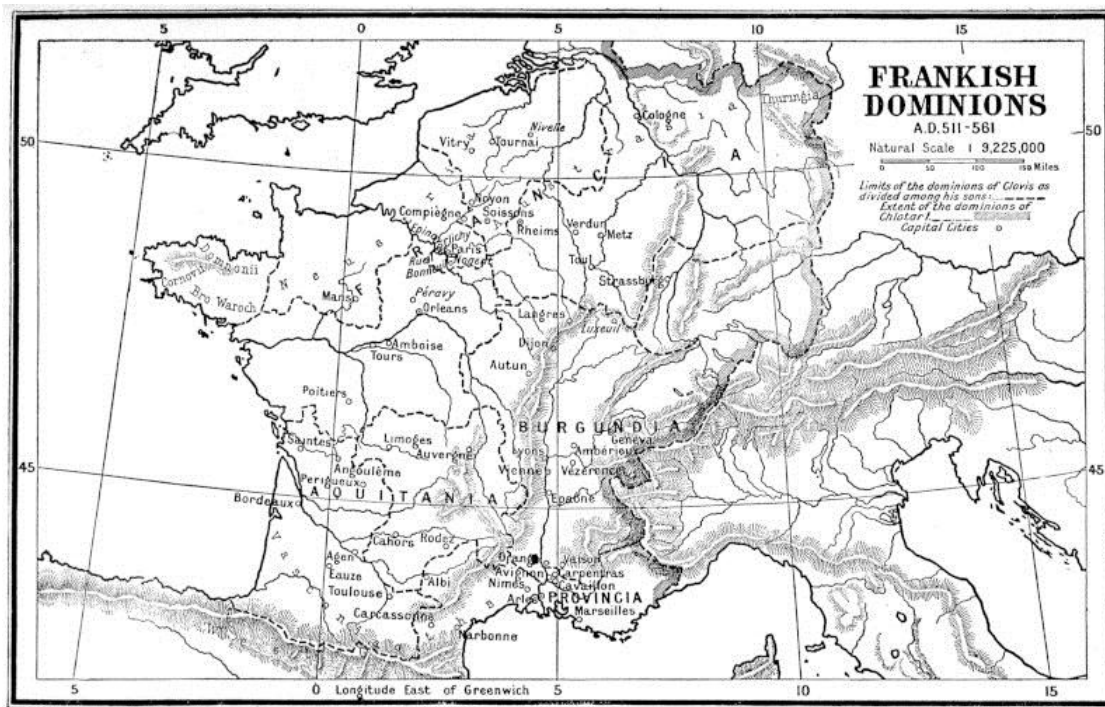
- -- Sainte Clotilde. Paris, 1897.
- -- Saint Grégoire de Tours et les études classiques au VIe siècle (Revue des quest. hist.), 1878.
- Lesne, E. La propriété ecclésiastique en France aux époques romaine et mérovingienne. Paris, 1910.
- Loebell, J. W. Gregor von Tours und seine Zeit. Leipsic, 1869.
- Longnon, A. Géographie de la Gaule au VIe siècle. Paris, 1878. Незаменимая вещь для читателя трудов Григория. Это в значительной степени географический комментарий к "Истории франков".
- Marignan, A. Études sur la civilisation française. Tome I. La société mérovingienne. Tome II. Le culte des saints sous les Mérovingiens.
- Monod, G. Les aventures de Sichaire (Revue Historique), 1886 г.
- -- Sources de l'histoire mérovingienne. Paris, 1872.
- Prou, M. Examen de quelques passages de Grégoire de Tours relatifs à l'application de la peine de mort (Études d'histoire du moyen âge dédiées à G. Monod). Paris, 1896 г.
- -- La Gaule mérovingienne. Париж, 1897.
- Tardif, J. Études sur les institutions politiques et administratives de la France. Époque mérovingienne. Paris, 1881.
- Thierry, Aug. Récits des temps mérovingiens. Paris, 1840.
- Ubat, R. Beitrage zu einer Darstellung der romanischen Elemente im Latin der Historia Francorum des Gregor v. Tours. Königsberg, 1890.
- Vaucelle, E. R. La collégiale de saint Martin de Tours (397-1328). Paris, 1908.
- Weimann, K. Die sittliche Begriffe in Gregor von Tours "Historia Francorum". Duisburg, 1900.

СНОСКИ:

[98] Не является исчерпывающим.

[99] Полный список изданий и переводов можно найти в настоящем издании, стр. xxiv-xxx. Наиболее известным из ранних изданий является издание Th. Рюинартом, Париж, 1699 год.

ФРАНКСКИЕ ВЛАДЕНИЯ
511-561 ГГ. Н.Э.

Cambridge University Press W. & A.K. Johnston L^{td}

Воспроизводится с разрешения Кембриджской средневековой истории, том II.

СЛОВА:

[100] Не является исчерпывающим.

Записи о цивилизации

ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Под редакцией Джеймса Т. Шотвелла

(Номера, отмеченные звездочкой, уже вышли в свет; остальные находятся в стадии подготовки).

ИСТОРИЯ ИСТОРИИ; ДОКУМЕНТЫ И КОММЕНТАРИИ. Джеймс Т. Шотвелл, доктор философии, профессор истории Колумбийского университета.

*ГЕЛЛИНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ. Г. В. Ботсфорд, доктор философии, профессор истории в Колумбийском университете, и Э. Г. Силер, доктор философии, профессор латинского языка и литературы в Нью-Йоркском университете. 8vo, ткань, стр. xiii + 719. Цена, \$3,75 *нетто*.

ЗАПИСИ ИУДЕЕВ; ВЕТХОЗАВЕТНАЯ ЛИТЕРАТУРА. Джулиус А. Бьюэр, доктор философии, профессор экзегезы Ветхого Завета в Теологической семинарии Союза.

- 1. Исторические и юридические книги.
- 2. Пророческие книги.
- 3. Поэтические и дидактические книги.

РАННИЕ ЗАПИСИ ХРИСТИАНСТВА. Гарольд Х. Трайон, магистр, доктор философии, преподаватель Нового Завета и церковной истории в Теологической семинарии Союза.

- 1. Евангелия.
- 2. Первобытная церковь и Паулинская миссия.
- 3. Развивающаяся организация.
- 4. Христианское пророчество.
- 5. Ранние апологии.

РЕЛИГИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА. Гарольд Х. Трайон, магистр философии, доктор философии.

- 1. Мистерии.
- 2. Культ императоров.

ПЕРСИДСКИЕ И ИНДУИСТСКИЕ ДОКУМЕНТЫ. Авторы: А. В. В. Джексон, доктор философии, профессор индоиранских языков в Колумбийском университете, и Э. В. Хопкинс, доктор философии, профессор санскрита в Йельском университете.

ЛЕТОПИСЦЫ И ХРОНОЛОГИЯ. Джеймс Т. Шотвелл.

- 1. Хроника Евсевия.

ХРИСТИАНСКИЙ ЭПОС.

- 1. Орозий: История, против язычников. Чарльз Дж. Огден, доктор философии.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИСТОРИКИ.

- *1. Григорий Турский: История франков. Ernest Brehaut, Ph.D. 8vo, ткань, pp. xxv + 284.
- 2. Оттон Фрейзингский.

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.

- 1. Источники ирландской истории в средние века. Джеймс Ф. Кенни.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ПРАВО.

- 1. Салический закон.
- 2. Пенитенциалы.
- 3. Англосаксонские законы.

- 4. Законы Карла Великого. Мод А. Хаттманн, доктор философии, преподаватель истории в Барнард-колледже.

*Книга Папы Римского (Liber Pontificalis). Луиза Р. Лумис, доктор философии. 8vo, ткань, стр. xxii + 169.

ТЕОРИЯ ПЕТРИНА И СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПАПСТВО. Джеймс Т. Шотвелл.

ПАПСТВО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ. Карлтон Х. Хейс, доктор философии, доцент истории Колумбийского университета.

САКРАМЕНТАЛЬНАЯ СИСТЕМА. Джеймс Т. Шотвелл.

- 1. Книга сентенций" Петра Ломбарда, часть IV.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МЫСЛЬ И КУЛЬТУРА. Антология Герберта, Абеяра, Роджера Бэкона и схоластов. Линн Торндайк, доктор философии, доцент истории в Западном резервном университете.

ГУМАНИЗМ И КРИТИЧЕСКАЯ УЧЕНОСТЬ.

- 1. Лаврентий Валла о пожертвовании Константина. Кристофер Б. Коулман, доктор философии, профессор истории в Батлер-колледже.

СОВРЕМЕННАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ НАУКА; ИСТОЧНИКИ И КОММЕНТАРИИ. Фредерик Барри, доктор философии, преподаватель химии в Колумбийском университете.

ПОДЪЕМ РАЦИОНАЛИЗМА В АНГЛИИ.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИИ. Джеймс Т. Шотвелл.

- 1. Источники для промышленной революции.
- 2. Руководство по источникам для социальной истории Англии, 1750-1850 гг.

РАСШИРЕНИЕ ЕВРОПЫ. Уильям Р. Шепард, доктор философии, профессор истории Колумбийского университета.

РЕПРЕССАЛИИ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА. Элери К. Стоуэлл, доктор философии, доцент кафедры международного права Колумбийского университета.

Примечание переводчика:

Слова, особенно собственные существительные, в тексте могут иметь несколько вариантов написания или непоследовательную постановку дефиса. Они были оставлены без изменений, равно как и устаревшие и альтернативные написания. Два неправильно написанных слова были исправлены, о чем говорится ниже.

Сноски были перенумерованы в последовательном порядке и перенесены в конец главы. Конечные сноски рассматриваются как сноски; добавлены алфавитные якоря и ссылки. Добавлены пропущенные в конце предложений конечные точки и аббревиатуры.

Подписи к генеалогическим диаграммам представлены в виде списков потомков.

Изменения:

- "Аполлонарис" на "Аполлинарис".
- "Обращение" на "монастырь" ... из монастыря в Пуатье,...